

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παρὰ λῖπο μένων

Татьяна Ефименко
Жадное
сердце

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПРОЗА

Татьяна Ефименко

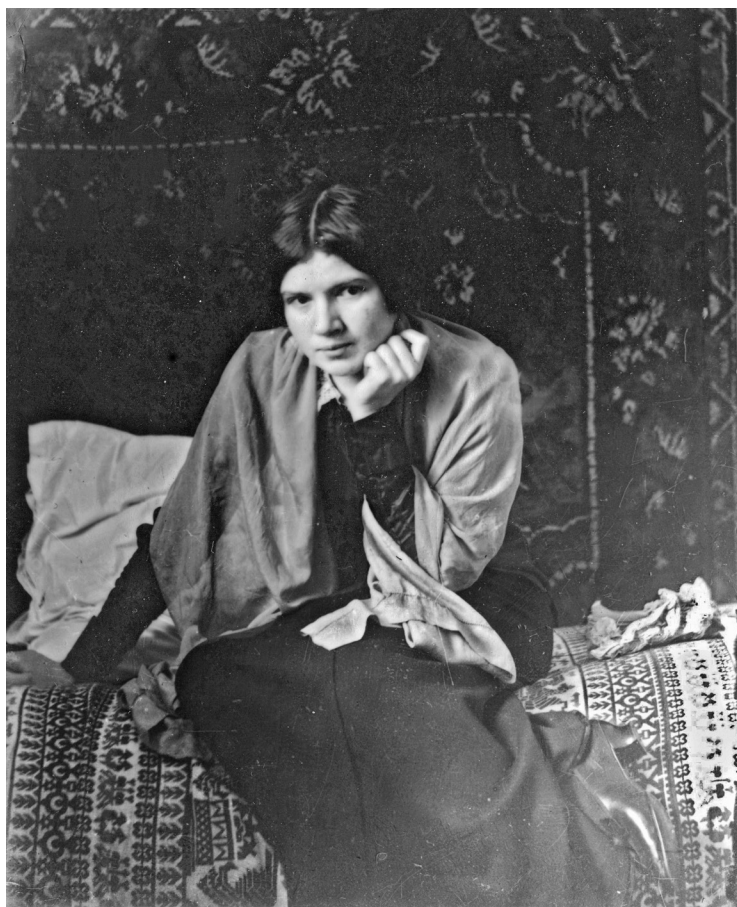

— СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК —

παλατιπομένων

*Татьяна
Ефименко*

*Татьяна
Ефименко*

*Жадное
сердце*

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПРОЗА

*Водолей
Москва
2023*

Редакционная коллегия серии:

И. Е. Будницкий (Россия),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
А. Л. Соболев (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Идея серии – Е. В. Витковский

Издательство искренне благодарит
Василия Николаевича Армишева
за помощь в издании книги

Общая редакция, составление, подготовка текста и примечания:
В. Вотрин, В. Резвый

Биографический очерк: *В. Вотрин*

ISBN 978–5–91763–592–7

- © В. Вотрин, В. Резвый, общая редакция, составление, примечания, 2023
- © В. Вотрин, биографический очерк, 2023
- © М. и Л. Орлушины, оформление, 2023
- © Издательство «Водолей», оформление, 2023

ЖАДНОЕ СЕРДЦЕ

(Петроград, 1916)

I

Нет ничего сладостнее, как внимать заповедям
Господним.

Иисуса сына Сирахова гл. 23, 36

* * *

Я хлеб и мед носила Пану в лес,
Плела венки домашним нашим ларам
И коз пасла, пока лазурь небес
Не крылась пеплом серым за пожаром.

Но те часы беспечные прошли,
И в круг забот ввела меня Венера:
Я тку холсты и мою на мели,
Знакомы мне в хозяйстве вес и мера.

Зажжен очаг... Мой друг берет свирель.
За трудным днем минуты ласк ленивы,
Но наш союз скрепляет колыбель,
Сплетенная из веток гибкой ивы.

31 мая 1911

* * *

Мы полюбили друг друга, встречаясь при храме.
Там обручились под тенью высокого кедра.
Там на ступенях сидели вдвоем вечерами,
Слушая музыку ночи, и сосен, и ветра.

Там, наконец, наши клятвы прослушали боги,
Светлые лики склоняя над нами с участием.

Домик за храмом, далекий от людной дороги,
Мы освятили цветами, любовью и счастьем.

Горе и смерть не пошли торопливо за нами,
Жертвы богам мы приносим в веселой одежде.
Время летит... но, смеясь над его сединами,
Розы цветут, и друг друга мы любим, как прежде.

9 декабря 1911
Финляндия

* * *

Веселый фавн, изваянный убого
Пастушеским ножом,
Меж двух олив у моего порога
Ты охраняешь дом.

Когда заря потонет в синем мраке
Гирляндой желтых роз, –
Несу тебе я хлеб, вино и маки,
И сыр домашних коз.

Храни мой дом, храни меня и друга:
Жилище от огня,
Его – от ран, страданий и недуга,
От ревности – меня.

31 мая 1911

* * *

Дом убрала я, гирлянды привесила к ларам.
В чистом источнике вымыла ноги нагие.
В новом жилище меня охраняйте, как в старом,
Боги огня и рождения, боги благие.

Радостным взглядом на мужа смотрю я с порога:
Ветки срезая, он прячет улыбку порою.
Только лишь осень подует из гулкового рога,
В домике нашем нас будет не двое, а трое.

Над колыбелью, сплетенной из веток, мы оба
Ставим цветы и чужих отстраняем сурово,
Чтобы ребенок здоров и красив был и чтобы
Боги за первым послать не забыли второго.

18 ноября 1913

* * *

Нынче с утра хлопочу я: милых гостей ожидаем.
Руки, как белые птицы, быстро мелькают весь день.
Вишни уже отцветают, горы обласканы маем,
Выйди с ребенком на солнце, вымой его и одень.

Сени травой ароматной надо посыпать не скупю,
Надо и веток душистых в светлые спальни внести,
Сбегай – ты быстрый, – за садом глянь-ка в долину с уступа,
Слышно ли путников милых, вьется ли пыль по пути?

Встань на пороге с водою в широкогорлом кувшине,
Да полотенце льняное с яркой каймой не сомни.
Здравствуйте, милые гости, благословенье богини
На приносящих нам радость в светлые майские дни.

<Июнь> 1914

* * *

Как мне кажется пусто в доме, полном людьми,
Как зловеще и тихо без детского плача.
Колыбельку немую поскорее возьми,
Пусть и в доме, как в сердце, всё станет иначе.

Самый маленький умер, сын, не живший почти,
С голубыми глазами и личиком белым.
Я игрушки поставлю, ты молитву прочти
Над зарытым глубоко над маленьким телом.

Это всё, что осталось от веселья и мук:
Черный холмик, где куклы лежат, выгорая,
И для нежных, для жадных, для неверящих рук
Колыбелька пустая в холодном сарае.

2 августа 1914

* * *

Покуда дом к порядку я налажу,
Проходит день. А смолкнет крик и стук,
Уж я беру неконченную пряжу,
И нить, жужжа, бежит из ловких рук.

К родным в село, на праздник, неохотно
Я выхожу, трудам своим верна.
Зато, как шелк, тонки мои полотна
И ломятся амбары от зерна.

Испечь хлеба, сбить масло, снять сметану...
Горят дела, но и часы горят,
И скоро уж для дочки я достану
Мой свадебный, припрятанный, наряд.

29 марта 1913

* * *

Бархатистые, пыльные, сизые кисти:
Переполнена соком их ранняя зрелость.
К своевременной жатве наш чан ты почисти
И проверь его емкость, и прочность, и целость.

Ларам ладан сожжем; с жертвой в город поедем,
Сыновей разошлем звать подмогу от мира
И веселым соседкам и сильным соседям
Изготовим лепешек, и меда, и сыра.

Если труд наш – благой, не погибнут усилия,
Перебродит вино, переженятся пары,
И богиня веселья, любви, изобилья
Посетит и подвалы, и дом, и амбары.

31 октября 1912

* * *

Уж ветер осенний трубит в одиноком ущелье,
Уж зябкие нимфы в росистые сходят долины,
Но в праздник семейный, в довольстве и мирном веселье,
Вином запиваем мы хлеб золотой и маслины.

Уж стынут пустые на склонах обветренных лозы.
Окончена жатва. Обобраны груши. Нескоро
Подымется выюга, но заперты в изгородь козы –
Грядущее скрыто от робкого смертного взора.

Я шкурами двери и тканями стены закрою,
Попрячу оливки в кувшинах, широких и красных;
Детей убаюкав, огонь мы притушим золою,
И праздник наш мирный окончится в ласках не страстных.

4 октября 1912

* * *

Вёсны бывали душисты, летá беспокойны и жарки.
Память об этом – как эхо в далеком своем повторенье.
Осени мудрой я вижу везде золотые подарки:
В доме моем изобилье, в сердце моем примиренье.

Старости ласковой голос, ее указания я слышу.
Меньший ли смысл в моей жизни нынче, чем дальней весною?
Сад полон фруктов, а лозы покрыли и стены и крышу,
Выросли дети и внуки – жизни, зажженные мною.

Ропотом дней не встревожу; пускай появляются разом
Смерть и зима; разукрасьте кедром костер мой и елкой.
Если весь круг нашей жизни исполнен по божьим указам,
Смерть будет тихой и сладкой, память же светлой и долгой.

<Январь> 1913

II

Единоборство навеки враждующих душ.

* * *

Вот мы друзья. Мы любви отдались. Почему ж
Наши сердца в крови?
Единоборство навеки враждующих душ
Сильней и глубже любви.

Кольцами мы обменялись. Ты ревность прогнал.
Ты мне себя подарил.
Всё же, когда раздаётся по полю ночному сигнал,
Мы слышим его – дикари.

Нежностью лжем мы. Желанье одно: побороть,
Омочить губы в крови.
Пальцы сжимаются в ласках – и ранена плоть.
Это сильней любви.

14 ноября 1913

УШЕДШЕМУ

Дом будет на холме, где славный солнцепек,
Куда достанет ветер с моря.
Там каплями янтарь на всех стволах натекает
И на некрашеном заборе.

Там будет бегать пес по заячьим следам
В лесу, расчищенном, сосновом.
Там я себя тебе бестрепетно отдам
С моей душой и домом новым.

Но ты не хочешь нас, я знаю, ты далек,
Мой пес тебя не встретит лаем.
Напрасно в сердце днем и ночью огонек,
Как у икон, непотухаем.

Ты дорог мне еще, враждебный и чужой,
Знакомец с взглядом незнакомым,
Отвергнувший меня с больной моей душой
И полным солнца новым домом.

Ты дорог мне всегда, но ты далек уже.
Пусть всё пережитое свято,
Но скорбь последних лет – как камень на меже,
Нас разграничившей когда-то.

9 мая 1915

* * *

Сперва словами мы друг друга испытали,
Потом подметили тончайшие детали
Движений вкрадчивых, лица, одежд и книг,
Но образ явственный из линий не возник.
Потом молчанием, как лучшим реактивом,
И взглядом длительным, глубоким и пытливым,

Себя проверили – и показалось нам,
Что разделявшее легло по сторонам,
Что одиночество уступит нежной силе.
Мы руки сблизили – и вновь разъединили.
Прошло пожатье их в нас огненной волной,
И то был не огонь, а холод ледяной.

19 июня 1913

* * *

Вы хотите коснуться сквозь неплотные двери
Только самого края,
Отдающее сердце не считает, не мерит
И себя разоряет.

Лучше будем врагами, лучше будем скупыми,
За прикрытою дверью,
Чтоб, услышав Ваш голос, Ваше милое имя,
Щит мой был – недоверье.

Пусть сокровищниц дремлет глубина золотая.
Не коснитесь и края...
Отдающее сердце отдает, не считая,
И себя разоряет.

31 января 1914

* * *

Приди ко мне, как друг, приветливый, простой,
И труд мой похвали, и у окна постой,
И сам цветов нарежь, и сам воды налей
В кувшин, где в старину хранился лишь елей.
Смотри – уж стол накрыт: как бел и серебрист
В тени, где сонный лавр и синий остролист.

На блюде мед и лед, чтоб жар смягчить дневной,
И узкая форель с оливковой спиной,
И земляника с гор, последняя в году,
И хлеб, где я миндаль запеченный найду.
Приди ко мне, забыв любовь, и гнев, и грусть.
Твои привычки, друг, я помню наизусть.
Вот свежая вода в фарфоровом тазу,
Вот полотно с каймой, расшитою вниз,
Вот подстаканник твой – он потемнел слегка, –
Вот лилии к столу и листья для венка.
Когда от лавров тень начнет на дом ползти,
Мы скажем у ворот спокойное «прости»,
И ты пойдешь к горе, а я пойду домой,
С цветком твоим в руке, холодной и немой.

7 ноября 1912

* * *

Любовью и гневом к тебе говорила я прежде,
Желая тебя.
Но нет уже места желаньям, любви и надежде,
Умру, не любя.

Как в сумрак долины минувшее траурной башней
Глядит на меня.
Немой, истощенной не быть на вершине вчерашней
Душе без огня.

И страх восхождения – как страх этот глупый разрушу –
Дороги закрыл.
Зачем же на подвиг теперь ты зовешь мою душу,
Лишенную крыл?!

<Между 5 и 10 июня> 1915

* * *

К нам пришла Психея. Две лампы
Засветила тонкая рука.
Были мы удивлены и рады
И испуганы слегка.

Как же вышло, что прошли недели
И ненужным дар ее погиб.
Позабыли или не хотели
Взять того, что взять могли б.

Всё равно ведь, шутка или злоба
Потушила свет ее огней.
Горько мне, что оба мы, что оба
Мы виновны перед ней.

7 января 1915

* * *

Как нежность ваших слов – острее и глубже зла –
Меня затрагивает больно.
Мы вечер проведем у общего стола,
И этого уже довольно.

К чему иллюзией минутною дразнить
Насторожившуюся душу.
Я не порву меня опутавшую нить
И свой покой я не нарушу.

Часы прилежные размеренного дня
Благодарзумию – награда.
Так жизнь течет моя и так влечет меня
Туда, где выбора не надо.

Так свой сама себе я выбрала удел
Давно, всегда желанный тайно.

И если взгляд мой Вас и Ваше проглядел,
То ведь и это не случайно.

8 октября 1913

* * *

Мы можем быть вдвоем, смотреть с балкона в поле
За белою стеной.

Мы можем отворить сундук с семьею моли
И с старой стариной.

Мы можем взять сервиз с гирляндой лиловой,
Опаловый на свет,
Или гулять в саду, или дремать в столовой,
Уставши от бесед.

И если это всё вам нравится немного,
Течение тихих дней, —
Ни слова о любви, ни взгляда, ни намека,
Ни помысла о ней.

Я только снов хочу. Любви объятья губы,
Назойливы слова.
И лишь прощаясь, вас я поцелую в губы,
И то едва-едва.

19 июля 1912

* * *

Вас я встречаю в темной передней,
Окутавшись платком.
Вам отдаю я взгляд мой последний
В упор или мельком.

С Вами готова я быть веселой
Во всякий день и час.

Может быть, даже нежней мой голос
Становится для Вас.

В этой симпатии, вовсе безгневной,
И холод есть большой.
Вы мне чужой, Вы чужой мне душевно,
Но ведь это-то и хорошо.

7 января 1914

* * *

Дай мне детей; а если не так, я умираю.

Бытие, гл. 30

Немилый день сквозь шторы натекает,
И вещи означаются, как пятна
Зеленой сырости на потолке подвала.
Там мимо стула кинуто белье,
Здесь платье смятое и туфли вверх подошвой.
Вчера опять простились мы надолго,
Опять расстались быстро, как чужие,
И Ваши пальцы вовсе не дрожали.
Раскидано всё платье и белье.

Ах, не было любовного свиданья,
Ах, не было и никогда не будет...
Расставить надо вещи все в порядке,
Чтобы смешной в своих глазах не быть.

Брожу, как кошка в опустевшей даче.
За что возьмусь — не знаю, как поставить.
Холодный будень душу расслабляет,
Ей не сдержать всплывающей тоски.
С усилием беру Святую книгу,
И пальцы изнемогшие ложатся
На Библию, как бледные лучи
Вокруг креста. И со страниц поблекших
Далекий шепот слышу я Рахили.

Тысячелетья сразу расступились.
Пески пустыни лижут темный войлок.
Из-под шатра, из спальни слышен шепот:
«Дай мне дитя, иначе я умру».
И голос скорбный, гневный отвечает:
«Безумная!..» И сердце плачет, плачет,
Безумное от двух своих скорбей.

27–28 августа 1915

III

* * *

Я не могу роптать на тебя, Боже,
Ты дал мне так много.
Ясна моя дорога.
Ты посадил весной барвинки
на моей тропинке,
а осенью рябины.
В школе меня не бранил учитель,
любовь моя была не мучительная,
ясна моя дорога,
Ты дал мне многое.
А между тем мне чего-то недостает.
Плачет сердце мое –
какое-то к нему прикоснулось острие.
Утренние золотые зори, вечерние кровавые,
облака в голубых оправках,
березы в зеленых шарфах,
жилистые дубы, легкие цветы –
этого достаточно для святых,
или больных, или усталых,
а для меня мало.

30 декабря 1913

* * *

Здесь вот мак весною был посеян,
Но цветов его уж мы не ждем.
Лебеду весь день кропит бассейн,
Переполненный дождем.

Георгины, грубые, как банты,
Я велела срезать поутру.
Со стола из скучной спальни Данте,
Словно Библию, беру.

И душа опять молиться хочет,
Но крылом лишь слабо шевелит.
За окном стоит, как вестник ночи,
Тучи черный монолит.

Ветки в небе вычерчены резко,
Как кресты на похоронах дня.
О, как горько плачешь ты, Франческа,
Нынче в сердце у меня.

16 июля 1913

ЛЮБВИ

Я видела тебя мельком в лугах в апреле,
Ты шла за мной вдали,
Но смеха твоего серебряные трели
Меня не увлекли.

Я видела тебя сидящей в летнем парке,
Где день уже потух.
Твой взгляд искал меня, и губы были ярки
И низкий шепот глух.

И в третий раз теперь мы встретились: ты в доме,
Твой сладкий запах тут

В измятой простыне, в духах, в раскрытом томе,
В мечтах, что тайно жгут.

Ты здесь... Осенний дождь шумит... Тебя я вижу...
В кругу от лампы лик
Бледней, чем смерть сама, измученней и тише,
И вот следы вериг.

Хочу, хочу тебя. Целую маску злую,
Скорей глаза зажмурь.
И синее пятно и шрамы ног целую –
Следы дорог и бурь, –

И пальцы гибких рук, привлёкших к изголовью,
К лицу, лицо мое,
И рот, смешавший вкус плодов душистых с кровью
В любовное питье.

13 июня – 3 сентября 1912

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК

Враждебной темной силе
Судьба подчинена.
Мы только откусили
Кусочек от окна.
Ведь мы в лесу устали,
Не ев четыре дня,
А леденцы блистали,
Наш аппетит дразня.
Всё знавшая заранее
Вдруг ведьма подошла:
И вот в клетушке Ваня,
А я кормлю козла,
А я варю и мою,
Ночей совсем не сплю,
И вот теперь зимою
Очаг ее топлю.

Легко ль мечтать о лете,
Когда вокруг ни зги?..
А бедный Ваня в клети
Всё плачет: «помоги»...
 Откармливать страдальца
 Приказ карга дает,
 А он ей вместо пальца
 Всё косточку сует.
Откормлен Ваня мало.
Уж розги мне грозят..
Нам бабушка читала
Пятнадцать лет назад,
 Как заблудились дети,
 Как ведьма их взяла,
 Был заперт мальчик в клети, –
 Сестра его спасла.
И я совсем не плачу,
Хотя не сплю ночей.
Лопату только прячу
Да печь топлю жарчей.
 Нас ждет судьба иная.
 Найду к клети ключи,
 Бежим, а ведьма злая
 Сама сгорит в печи.

* * *

Печаль, я не вернусь в твой дом, к твоим дверям.
 Не сяду за столом,
Где ветра тихий стон немолчен и упрям,
 Как память о былом.

Я не войду в твой сад, где множество следов
 Проходят, не сходясь,
Где грустный мирт растет для девушек и вдов
 И терний злая вязь,

Где голубой восток и запад вечно ал,
Где тусклый спит канал,
Где хорошо тому, кто знал, но не желал
Или совсем не знал.

Желаний тайных зов в душе моей упрям,
Как водопад под льдом.
Печаль, я не вернусь к немym твоим дверям
И не войду в твой дом.

<Январь> 1913

* * *

От камней дышит сыростью,
Их солнце не прогрело.
Цветы смешные выросли
У темного предела.

Плетусь я за прохожими,
И дня так пыльно пламя,
А над церквами божьими
Леса стоят углами.

И лестница привешена
От купола сквозная.
Душа моя утешена,
А чем – сама не знаю.

Наш двор, колодец вычищен,
Там цветик и прохлада.
На зов никто не выскочит,
И звать совсем не надо.

5 марта 1915

* * *

Убедительней счастья, безнадежней утраты
Милый голос бывшего.
О душа прошлых весен, отошла, умерла ты,
Отзвучала, как слово.

Но в бессмысленном эхо интонации те же...
И, обману не веря,
Бьется сердце в волненьи, то быстрее, то реже,
Как у запертой двери.

Разве ключ не со мною, мой серебряный фетиш,
Милый образ за дверью,
Разве ты не услышишь, разве ты не ответишь
Моему суеверью?..

<Между 27 апреля и 2 мая> 1913

* * *

Вечер пришел в голубых и лиловых покровах,
Месяц медовый замедлил у самой земли.
Поле, как бездна, и горы вдали, как кремни.
Мне беспокойно от мыслей ночных, нездоровых.

Всё, что казалось значительным, милым, своим,
Не охранит меня в час одинокой печали,
Не возвратит тех страстей, что горели вначале, —
Жизнью одной не прожить и душою двоим.

Вечером синим, грустя, подвожу я итоги.
Было так много стремлений, а скорбный итог:
Поле, как бездна, и месяц, как мертвый цветок,
Скучны все дали, и все утомили дороги.

*<Май> 1912
Писарева*

* * *

К могилам радостей на острове забвенья
Ладью свою причаль
И слушай голоса и чувствуй откровенья
Сквозь трепет и печаль.

Но если вновь зацвествь душа уже не в силах,
Взрастив печаль свою,
Ты бытия венки оставь на тех могилах
И утопи ладью.

19 сентября 1911

* * *

За поредевшей рощей, что вечер, ярче пламя
Осеннее зари.
Зажги камин, чтоб отблеск качался над полями,
И двери затвори.

Тепло. И пахнет сладко с окна лежалой грушей.
Позволь мне рядом сесть,
Сюда, на край дивана. Лежи, болтай и слушай,
Когда желанье есть.

Но лучше будем молча – чтоб не сказаться в тоне –
Смотреть на ту межу,
И если ты позволишь, ладонь к твоей ладони
Я крепко приложу.

Заря в квадратах окон минутно вспыхнет шире,
И в сумраке сплошном
Останемся мы скоро, мы двое, в этом мире
Осеннем и ночном.

Когда, сжимая пальцы, к тебе склонюсь я ниже
И с запахом плода

Смешавшееся сладко дыхание услышу,
Уйдешь ли ты тогда?..

10 июня 1912

* * *

К воротам путь короткий,
Обнёсен сад стеной.
Калеки за решеткой –
Печальный рай земной.

Пушай переиначит
Судьба полет часов,
Осенний ветер плачет,
Печальный слышу зов.

И Данте в путь знакомый
Опять ведет меня,
За серых скал изломы,
Сквозь страшный лес огня.

В поту, упав на землю,
На острую межу,
Далеким крикам внемлю,
Далекий вихрь слежу.

Гудящей цепи звенья
Распались надо мной,
И тень летит за тенью,
Белея, в мрак ночной.

Земля дрожит от воя,
Меж скал блуждает чад.
Кто те, что сзади, двое
Прекрасные молчат?

Глазам, лишенным блеска,
Ваш отдан тусклый взгляд,
И что для Вас, Франческа,
Круги замкнувший ад.

А я должна вернуться
В мой тихий рай земной,
Где розы сонно гнутся
За пыльной стеной.

10 июня 1915

* * *

Пойдешь к плетню за старый сад,
На шаткий перелаз.
В степи курганов длинный ряд,
Пока хватает глаз.

И грустно, грустно, как во сне,
Не зная почему,
И соловей поет весне
И сердцу моему.

И гаснет розовый закат;
И отблеск от него
Кидает золото на сад –
И сердце ждет – чего?..

12 января 1908

ЗОЛУШКА

Я как книжка в красном переплете,
Где такая крупная печать.
Никогда из шкафа не возьмете –
В тридцать лет не сказки же начать!

Но храню печально и упрямо
Золотистый пепел лепестков.
На страницах почернели шрамы
От загнутых вами уголков.

И за красно-синим кавалером
Стертый замок смотрит, как слепой.
Правда, время – ведь должно быть серым,
А мечта о принце – голубой.

В темной кухне Золушка босая,
На обедки жадно смотрит кот;
Но ведь с детства я наверно знаю:
Белый принц за Золушкой придет.

18 мая 1915

* * *

Случайности как бабочки весной,
Осенний дом они не посетят,
Где каждый шаг давно изучен мной,
Где и мечты подолгу не гостят.

Молчат ряды давно забытых книг,
Молчит печаль давно изжитых мук.
Здесь всё равно: что год, что час, что миг,
Здесь циферблат не недруг и не друг.

30 декабря 1911

* * *

Дни бирюзовые и дни в игре топазов,
Гроза лиловая, упавшая над днем,
Лепное облако крылом тяжелым смазав,
Две груши старые, которые мы гнем

Доской качельною, врезаясь в воздух вешний,
Сад, полный розовой и черною черешней,
Балконы белые вокруг дома с трех сторон,
А дом с балконами в озерах повторен,
Нас провожающий в траве ручей свирельный –
Всё это радостью дарит такую цельной,
Что сердце светлое не хочет знать иных.
Всё это: комната, и бой часов стенных,
И груши старые, и дуб с листвою жесткой,
И месяц, в озере лежащий белой блесткой, –
Мой рай сегодняшний, мой ласковый приют,
Где снов не ведают и страстных слез не льют.

17 мая 1913

* * *

Ты охранял себя постом
От злых тревог.
Пришла любовь, и звонок дом
От пыльных ног.

Она легла, тебя закрыв
Струями крыл.
Ты смял их трепетный порыв
И усмирил.

О нерасчетливый! убить
Любовь ты смог.
Но в доме, где мертвец, не жить
Без злых тревог.

<Июнь – август> 1915

* * *

Цветов, сказала я, в полях я наберу,
И вот домой тайком вернулась ввечеру.
И робким стал мой шаг, но взгляд мой стал смелей,
И в косах лепестки больших гвоздик с полей.

Гляжу, очаг затух. Гляжу, цветник зачах;
Бескрылие и дрожь в нагих моих плечах.
Здесь кто-то был чужой, взял ладан и хлеба.
Врагом взглянула мне в лицо моя судьба.

С тех пор терзаюсь я печалью и стыдом,
А нимфы по ночам обкрадывают дом.
И дом мой нынче пуст. И вид мой тих и дик,
А в косах лепестки бесстыдные гвоздик.

27 апреля 1913

* * *

День кончался ярко;плыли облака
Лепестками мака.
Море колыхало мягкие шелка,
Краски дня и мрака.

Кто-то незнакомый перегнал меня
На пути с приветом
И ушел, как счастье, вслед больного дня,
Тающего светом.

Сердце помнит голос, день уже поник,
Даль глядит сапфиром.
Тихо подымает месяц бледный лик,
Упоенный миром.

30 ноября 1911

Девушки пляшут на ферме в уборах зеленых и алых
В честь молодого вина, бродящего в темных подвалах.
Скрипки их гонят стремительным метром –
Кто их догонит?
Пестрые фартуки вскинуты ветром,
Щедрая осень в них золотом сыплет,
Новый бочонок несут – старый уж выпит.

Девушки пляшут на ферме в уборах зеленых и алых
В честь молодого вина, бродящего в темных подвалах.
Смотрят мужчины... от шуток нескромных
Нету отбоя,
Смех и желание в лицах их темных.
Здесь поцелуй, а там перебранка.
Завтра и пить и плясать вновь спозаранка.

Девушки пляшут на ферме в уборах зеленых и алых
В честь молодого вина, бродящего в темных подвалах.
Звуки несутся задорно и плавно
Отзвуком в горы.
Не услышали бы только их фавны,
Ведь прибегут, всё разграбят в подвалах
И увлекут за собой женщин усталых.

21 мая 1913

СОНЕТ

Еще в полях не водят нимфы пляски,
И в дом спешат с полей стада овец,
Но над рекой – зеленых верб венец,
Сошла вода, нет камышей и ряски.

Еще пути и в храм и в город вязки.
Но встречи есть, и громче стук сердец,

Конец зиме... Дождались наконец:
Я – у тебя, земля – у солнца ласки.

С утра в полях и крики и звонки.
Из первых трав и пролесков венки
Сплету и в храм, забыв овец, снесу я,

Ты будешь ждать на камне у моста...
Веселый Пан, храни мои стада,
Покамест с ним, счастливая, в лесу я.

7 мая 1912

* * *

Живи со мной на тихом берегу,
Где я одна добычу стерегу,
Где я ловлю жемчужниц, в час ночной,
Подкинутых капризною волной.

Живи со мной в пещере под горой,
Со мной вдвоем, как нежный брат с сестрой.
Из козьих шкур постель в углу мягка,
В руке твоей уснет моя рука.

Живи со мной под кедрами в тени,
Где я одна с зарей встречаю дни,
Где сладок труд и отдых. И куда
Роняет луч вечерняя звезда.

Свой челн в залив к моим пескам причаль,
Где шелест волн баюкает печаль,
Где роща слив под цветом, как в снегу, –
Люби меня на тихом берегу...

* * *

Свой дом у черных ив открыл мне старый мельник
В пути моем ночном.
На древнем очаге дымился можжевельник,
Обрызганный вином.

Приветствовав богов чужих и неизвестных,
Я сел к его столу,
И ел соленый сыр с вином из яблок местных,
И спал в его углу.

Несённый много дней в суме моей убогой,
Я ладан разожгу
В хвалу чужим богам, мне благостным дорогой,
Огню и очагу.

<Между 4 и 15 октября> 1912

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1907–1917)

* * *

Я одна сижу в унылом зале;
 В сумерки углы погружены.
 В окна смотрят сумрачные дали
 Бесконечно-грустной стороны.
 Скоро вечер – одинокий, длинный,
 Я к роялю сяду в уголке,
 И польется грустно вальс старинный –
 Мой ответ томительной тоске.
 В окна дождь назойливо стучится,
 И скрипит за окнами сосна...
 Пусть под песни эти мне приснится
 Яркий день, и счастье, и весна.
 Пусть приснится мне, что я с тобою,
 Что вернулось то, что умерло, –
 И в душе, измученной тоскою,
 Снова всё спокойно и светло.

* * *

На землю листья падают дождем,
 Сырым ковром дорожки все устлали.
 Мы тихо ходим по саду вдвоем
 И безнадежно-грустно смотрим в дали.
 За нами лето, счастье и свет;
 Пред нами осень грустная, немая.
 И счастья нет, и песен больше нет,
 И мрак вокруг без прósвета и края.

* * *

Как будто таинственной силе подвластный,
Стремящийся к миру иному,
Он ходит холодный, немой и бесстрастный,
Далекий и чуждый земному.
Он слушает речи, не слышные нами
За смехом, за плачем и шумом,
И в мире огромном он ходит, как в храме,
Отдавшись молитвам и думам.

13 июля

БЕН СЕНИ СЕВИ<ЙО>РУМ¹ **(Осману)**

I

Осман! Осман! Восточная звезда!
Твои глаза блестящи и черны,
В них – аромат чарующей весны,
Мой бред больной, мечты мои и сны...
Твои глаза! Прозрачная вода,
Бездонная, как небо южных стран,
Как страсть моя, как страсть моя, Осман!

II

За коралловые губы, изогнутые улыбкой,
За красивые движения и за стан твой стройно-гибкий
Я люблю тебя безумно, о звезда восточных стран!
Я люблю тебя безумно за твои глаза, Осман.

20 июля

¹ Я тебя люблю (*турецк.*).

АЙ-ПЕТРИ (Этюд III)

Тропинка вьется выше, круче;
Скользят камни под ногой.
Несется с гор струей пахучей
Смолистый запах теплых хвой.
Лесок сосновый тенью редкой
Нас не укроет от лучей,
И под густой и низкой веткой
Еще душней и горячеей.
Вдали, как марево пустыни,
Ай-Петри гордая краса,
И небеса над ним так сини,
Под ним так зелены леса.

22 июля

* * *

Стоит луна, как яркий щит,
И светлый столб в волнах дробится.
А ночь торжественно молчит,
И даль туманно серебрится.
Чего хочу? Зачем опять
Тоскою прежней сердце полно?..
Я не могу себя понять,
Как не могу понять те волны.

* * *

Гуляя по улицам шумным и людным
В толпе незнакомых, ненужных людей,
Вдруг вспыхнешь под взором таинственно-чудным
И близко, так близко знакомых очей.
Оглянешься, смотришь с безумным порывом:
Сияет широко витрина в окне,

И смена на смену бегут суетливо
Минутные лица, как будто во сне.
И снова проходишь в толпе многолюдной
И думаешь: кто он? и чем мне родной?
И мнится тот образ таинственно-чудный,
Навек, невозвратно утерянный мной.

13 сентября

КОРАБЛЬ

Он гордо выступил на бой.
Разбитый бездной голубой
Между камней и темных скал,
Он – побежденный – умирал.
Утихло море, и к нему
Ласкались волны о корму,
Как будто смерти роковой
Они и не были виной!

17 сентября

СТЕПНОЙ ОГОНЕК **(СТЕПНЫЕ ЭТЮДЫ. ЭТЮД II)**

В степи далекий огонек...
То, верно, путник одинокий
Его, как я, себе зажег,
Чтоб ждать всю ночь рассвет далекий.
Быть может, он, как я, один,
Забывший свет, забытый светом,
Среди умолкнувших равнин
Летит мечтой к минувшим летам.
Он в мрак вперяет жадный взор
И видит мой огонь далекий,
И мыслит: путник одинокий
В степи зажег себе костер.

Забрезжит утро над землей,
И мы уйдем в туман окружный,
Чужие жизнью и душой,
Родные ночью этой южной.

ГЛИЦИНИИ **(Крымские этюды. Этюд IV)**

Повисли завесой над каменной аркой,
Серебряно-южной, душистой и яркой,
Тяжелые гроздья упали на гулкий гранит,
И ветер их рвет и пылит.
В узорчатой рамке лиловых глициний
Простор перед нами раскинулся синий,
И камни прибрежные белой, жемчужной каймой
Укутал кипящий прибой...

28 сентября

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО **(Этюд V)**

Заколочены двери и окна
И закрыты досками внутри.
Паутин золотые волокна
На карнизах, стенах и двери.
Закрепленные власть чудесной,
Режа грудью простор голубой,
Повисают балконы над бездной,
Над чернильной от тени водой
Чертят ласточки воздух под нами,
Пропадают за темной скалой,
Дальше море, как синее пламя,
Побережье с жемчужной каймой.
Золотятся и стены и окна,
Разгорается, блекнет закат,

Паутин золотые волокна,
Будто искры, по стенам блестят.
Лиловатою дымкой одета,
На востоке темнеет гора.
Это вечер. Addio. До лета.
До свиданья... Прощай. Нам пора.

29 сентября

НЕНАВИСТЬ

Осеннею ночью хожу по полянам,
Беззвездное небо темно.
Окутана серым, тяжелым туманом,
Иду под окно.
Враги ли? Друзья ли? Не знаю... не знаю.
Подумать: не всё ли равно?..
Я здесь одинока, дрожу, умираю,
И небо темно...
За стеклами ж тихое светлое счастье

.....

30 сентября

* * *

Осеннюю песню
Я грустно пою,
И осени песню
Отдам я мою.
Она виновата,
Что я так грустна,
Что счастье далёко,
Далёко весна.

30 сентября

* * *

За прибрежной грядой
Гаснет алый закат,
Облака золотые скользят
Надо мной.
Мертвый парус висит,
Гладь, безмолвие, тишь.
На неведомой мели камыш
Шелестит.

СТЕПЬ **(Степной этюд III)**

На плетне сию я одиноко.
Небо в тучах ярких и ленивых.
Предо мною степь лежит широко,
Вся в атласных волнах и разливах.
Сзади сад бушует недовольно:
«Негодуют вековые дубы».
Как в степи широко и привольно!
Как здесь сердцу хорошо и любо!

14 октября

КРЫМСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ **(Этюд VI)**

Мы плывем вдоль берега лениво;
Редки взмахи вёсел над водой.
Там вдали, у самого залива
Отливает море синевой.
А под нами и вокруг опалом
Кажется молочная волна.
Мы плывем к изрытым, темным скалам,
Где жара дневная смягчена.

Мимо грота, где с бесменным шумом
Гулко бьются волны о гранит,
Проскользнем в камнях к стенам угрюмым,
Где в тени спокойно море спит.

17 октября

СОНЕТ

Ты хороша; глаза твои так сини,
Как в ясный день со скал морское дно,
Как озеро спокойное в долине,
Где небо в глубине отражено;
С спокойствием и гордостью богини
Тебе так много кротости дано,
Что не суров покой твоей гордыни.
И сердце против воли смущено,
 И жалко мне, что мы с тобой чужие,
Что ты мне враг, что много, много зла
Ты для меня с собою принесла
 И что глаза, как небо голубые,
Читают мне суровый приговор...
Скажи, за что казнит меня твой взор?

19 октября

ВЕСНА

(СТЕПНЫЕ ЭТЮДЫ. ЭТЮД IV)

Стоят сады в цвету на склонах,
Как будто вешние снега
Сбегают вниз с холмов зеленых
На затопленные луга.
Еще безлиственны и голы,
Склонились вербы у реки.
Сияет полдень. Вьются пчелы,
И опадают лепестки.

Едва-едва доступен взорам
Далекий хутор за рекой,
И там сады по косогорам
Цветут молочной белизной.

25 октября

* * *

Издалёка туча находила,
Медленно и тяжело надвигалась,
То темна, безмолвна, как могила,
То минутным светом озарялась.
Всполохнулись степи, зашумели,
Прошумели, в страхе преклонились,
И к стеклу окна прильнули ели
И безмолвно, чутко притаились.
Зной душил. Застыли тучи низко,
И в тоске природа ожидала:
Скоро ль гром раскатистый и близкий
Даст грозе желанное начало.

25 октября

* * *

Бежала я от суеты,
От серых грустных дней
Сюда, сюда, в страну мечты
Излюбленной моей.
Здесь хорошо. Отроги гор
Лиловых в стороне,
И в синей бездне тонет взор,
Скользя от волн к волне.
Вот я нашла себе пути
От суеты мирской.

Я здесь одна. Но как уйти
Мне от себя самой?!

26 октября

* * *

Я вижу небо с гаснущей зарей
И облаков туманную гряды,
И грудь моя полна тоской немой,
И я не верю больше и не жду.
Что в том, что ум холодный говорит:
«Рассвет придет... К рассвету будь готов».
Душа моя болит тоской, болит,
И чувствую я близкой ночи зов.

26 октября

* * *

(СТЕПНЫЕ ЭТЮДЫ. V)

Степи моей Украины...
Тучки, плывущие мимо...
Тополь у старой плотины...
Как это близко, любимо!
В дальней туманной столице
Помню я сердцем смущенным
Стройных холмов вереницы
В море зеленом.

26 октября

* * *

Судьба развела их далёко
Один от другого,
Прервала жестоко
Готовое вырваться слово.

И времени много промчалось.
При встрече случайной
То слово сказалось
Самим им неведомой тайной.

За фразою светской, ничтожной
Звучало другое.
Мечтой невозможной
Они воскрешали былое.

26 октября

ГРОЗА **(СТЕПНЫЕ ЭТЮДЫ. ЭТЮД VI)**

Еще над церковью села
Сияет искрой крест высокий,
Но степь как будто замерла
Перед грозой недалекой.
Поблекли краски и тона;
И, душный мрак неся с собою,
Как черно-сизая волна,
Повисла туча над землею.
Гроза, гроза! Сперва канвой
Закрылись дрогнувшие дали.
К нам ливень плотной шел стеной,
И капли первые упали.

29 октября

* * *

Под кровом зелени густым
Заснуло мирное кладбище —
Тем, кто любил и был любим,
Теперь последнее жилище.
Здесь чувства, страсти и мечты
Нашли покой взамену счастья...
О сердце бедное, и ты
Найдешь, как все, покой бесстрастья.

29 октября

* * *

Еще не устало мечтать и страдать,
О глупое сердце! о сердце ничтожное!
И хочется жить, и любить, и желать,
И верить, закрывши глаза, в невозможное.

29 октября

СКРИПКА

О чем ты плачешь? Чья тоска
Нашла исход в струнах певучих
И столько скорбных и могучих
Вложила слов в удар смычка?..
Давно он умер. И зарыт,
Как все, под черною землею,
Но дух его передо мною
Могучей песнею звучит.
Как свет безвременна она,
Как человеческое горе,
Как вечно плещущее море,
Как вечно юная весна.

30 октября

Дай мне руку; на темный балкон
Выйдем вместе смотреть на зарницы.
Надвигаются с разных сторон
К нам сплотившихся туч вереницы.
Скоро, скоро гроза подойдет,
Темный сад зарывает угрюмо,
[Будет грозно греметь небосвод,
.....]
Как прекрасно, как тихо вокруг!..
[И разлита повсюду истома!..]
О, мой милый, единственный друг,
Наше счастье до первого грома!

31 октября

ГЕТЕРА

Приди, явись, герой желанный.
Открыта дверь. Мой пир готов.
Завит венок благоуханный
И чаши полны до краев.
В своих стенах спокойно-белых
Тебе постыла жизни ложь.
Ты жаждешь слов и мыслей смелых,
И у меня ты их найдешь.
Сюда умнейший, храбрый, славный
Несут плоды досужных дум
В кружок свободных равноправный,
Где возвышает только ум.
Свобода чувства и желанья!
Здесь все на «да» и «нет» вольны,
И горячей мои лобзанья
Покорных ласк твоей жены.

1 ноября

К БЕРЕГУ

Забудь о печалях,
Минута прекрасна, мой нежный!
В лазоревых далях
Туман золотится прибрежный.
Увидим мы скоро
Стеною лиловой отроги.
За ними и горы
Прекрасно, изысканно строги.
Вкруг борта белея,
Качается пена устало.
И берег яснее,
И ближе туманные скалы.
За темной стеною
Открылась, ликуя, долина.
Одна за другою
Картину сменяет картина.
Под дымкой чуть зримой
Скрываются синие дали...
Забудь, мой любимый,
Минуту далекой печали.

4 ноября

* * *

Зеленая весна сама в моем саду
И, голосу другому подражая,
Мне шепчет без конца: «приду, приду, приду,
Любимая, желанная, родная».
Она в лицо мне дышит горячо,
И кажется: я узнаю дыхание...
И сладко мне. И клонится плечо,
И жгут меня бессвязные желанья.

2 ноября

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Les sanglots longs.

Верлен

Последние листья упали
Под гнетом дождя и ненастья.
Холодные, серые дали
Печальны, как мысли о счастье,
 Как мысли о счастье...
Скажи мне про светлое лето;
Напомни о том, что минуло,
Чтоб в сердце без песен и света
Последнее счастье мелькнуло.
Последнее светлое счастье!..
Аккорд, на минуту звенящий,
Печальный, как это ненастье,
Как ветер над голою чащей...
 Над голою чащей!..

2 ноября

* * *

Вхожу в ущелье, где сердито
Поет и плещет водопад,
Где между глыбами гранита
Наяды белые стоят.
Они с улыбкою безгласной
Тела прекрасные свои
Кладут в истоме сладострастной
Под серебристые струи.
 Я не люблю холодных статуй
Иль глаз пустых. Но есть одна,
Полузакрита в плющ мохнатый,
Дитя печали, грез и сна.
Глаза закрыты. Сжаты руки.
Под шум и лепет звонких струй

Ей снится в горький час разлуки
Свиданья нежный поцелуй.

10 ноября

* * *

Я знаю мало слов:
В них сердцу не излиться.
Напрасно из оков
Душа моя стремится.
Как музыка мечты,
Как аромат неясный,
Слова мои пусты,
Ничтожны и напрасны.
Бессильна я излить
То, чем душой живу я,
Но, Боже, и забыть,
Умолкнуть не могу я.

11 ноября

СУМЕРКИ. НАСТРОЕНИЕ

В щели драпировок полусвет
Ворвался задумчивый и синий.
С кресла на мерцающий паркет
Кружева спускаются, как иней.
Душный, сладострастный аромат
Хризантемы в вазе белоснежной.
На диване шарф забытый смят,
Сброшенный рукой твоей небрежной.
Спущены портьеры на двери.
Голос без ответа умирает.
В окна через щели на драпри
Зимний вечер синевой мерцает.

14 ноября

МЕРТВЫЙ ЗАЛИВ

Круглый залив с берегами пологими
В море выходит дорогой жемчужно-зеленой,
Гор наклоненных немymi отрогами,
Серыми глыбами скал окруженной, стесненной.
Кажется пастью проход затененный,
Черной пещерой, съедающей краски дневные.
Ярко врываются в сумрак зеленый,
В узкие трещины моря огни голубые.
Чахлая зелень растет из гранита,
Сетка плюща, иссыхая, висит над стенами,
Спалена зноем и пылью покрыта;
Серые листья мертвы, как гранит под ногами.
Кажется: нет мне дороги отсюда
К синим просторам, к волнам голубым и напевным.
Белые воды... и серые груды...
Шелест листвы, каменеющей в зное полдневном...

21 ноября

СКАЗКА

Королева уснула под песни и пляски,
И замолкнул с тревожным предчувствием двор.
Плакал сын и король; но ни слезы, ни ласки
Не могли оживить затуманенный взор.
Шли года, и минутой столетье мелькнуло,
Королева была хороша, как давно.
Время только углы паутиной стянуло,
Только сетью плюща затемнило окно.
Как-то солнечный луч в этот сумрак ворвался,
Оживил серебро, и парчу, и атлас
И до кос золотых королевы добрался,
До закрытых лазоревых глаз.
И прекрасное чудо свершилось неожиданно:
Улыбнулась она; оживилось лицо,

И, поднявши свой шлейф дорогой златотканый,
Побежала на утренний свет на крыльцо.
Как дитя королева от счастья смеялась,
И звенел переливами смех молодой.
Злая, сонная чара бессильно распалась –
Королева свободна, как ветер морской!
Где же гости?.. Где муж?.. По проходам суровым
И по залам проходит она без конца
И с предчувствием тайным, встревоженным зовом
Оживляет гранитные стены дворца.
Дышит ветер из окон весной ароматной,
Синим пламенем кажется утренний свод.
Королева с тоскою еще непонятной
По немым переходам и залам зовет.

22 ноября

* * *

Луна ко мне глядится
Безмолвной и печальной;
И иней серебрится
На стеклах темной спальней.
Равнины бесконечны.
Вверху светло и ясно.
О, если б было вечно
Так тихо и прекрасно!
В покое – примиренье...
Мерцает вечер синий.
Серебряные звенья
Плетет на стеклах иней.

28 ноября

ВЕСНА. В ПОЕЗДЕ (СТЕПНОЙ ЭТЮД. ЭТЮД VII)

Мерно грохочут колеса,
Галок пугая ленивых.
К лесу сбегают с откоса
Две-три березки пугливых.
Лес молодой и весенний
Дышит на нас ароматно,
В тихой усадьбе сиреней
Светло-лиловые пятна.
Влагой сполна напоенный
Спавшего быстро разлива,
Луг бесконечно зеленый
Весь расцвечен прихотливо.
Речка далеко синееет.
В лица нам ветер с откоса
Влагой болотною веет.
Мерно грохочут колеса.

28 ноября

В ТЮРЬМУ

Гроздья сирени росистой,
Пышной, увянуть готовой,
Белой, как иней пушистой,
Розовой, темно-лиловой
Я собираю по саду.
Полна корзинка до края.
К другу, в тюрьму, за ограду
С ней я весну посылаю.

29 ноября

РАННЯЯ ВЕСНА. В ГОРОДЕ

Звенят ручьи по тротуарам,
Скользят, бегут со всех сторон.
Каким-то солнечным угаром
Весенний воздух напоен.
Букеты пролесков синеют
В руках девчонок продавщиц.
А что за ветер влагой веет!..
А что за щебет первый птиц!..
Моложе лица и приветней,
И счастьем блещет взор живой,
И тучки дышат негой летней,
И воздух полон синевой.

30 ноября

РАННЯЯ ВЕСНА. В ДЕРЕВНЕ

Лужи полны синевой,
Небо – негой летней.
Под пушистою вербой
Тает снег последний.
Половодьем луг залит.
В темно-синей раме
На пригорке лес сквозит
Голыми ветвями.
Как весенний воздух чист!
В руку сон мне снился:
На березке первый лист
Нынче распустился.

1 декабря

* * *

Позолотой сквозит
Умирающий сад.
Паутинка блестит
На суках огоньком.
Только пышных рябин
Расцветает наряд
И блестит, как рубин,
На кольце золотом.

1 декабря

ФРИНА Иллюстрация

Несут цветочные корзины –
Гвоздики, розы, мак полей
Туда, к ногам прекрасной Фрины,
Чтоб путь усыпать перед ней.
Как пышно-ярок полдень южный!
Но даже он не затемнит
Нагого тела блеск жемчужный,
Волну волос и цвет ланит.

1 декабря

У ЗАВОДИ

Там, где растут незабудки,
Там, где болотную тишь
Низкий, но стройный и чуткий
Стоном тревожит камыш, –
Заводь от лилий белела.
Там мы встречались не раз.
Помнишь, как зорька глядела
Долго и нежно на нас.

Тихая рябь подымалась,
Отблеск янтарный дробя.
Как я безумно смущалась,
Как я любила тебя!
Трепет волнения немого,
Робкий и радостный взгляд.
Помнишь то слово... то слово,
Сладкий лесной аромат.
Помнишь, как ночь находила,
Падала сизой росой,
Влагой лицо холодила,
Клала туман голубой.
Медлил в волнении каждый,
Взглядом прощался светло.
Счастье бывает однажды,
Счастье мое уж ушло...

6 декабря

* * *

Сад в позолоте осенней,
Реже, сквозистой аллея.
Мрамор широких ступеней
В просветах листьев виднее.
Сизые росы утрами
Виснут на бронзе решетки.
В золоте листьев, как в раме,
Тучки прозрачны и кротки.
Здесь по весне мне встречалась
Девушка с взглядом ребенка.
Как она часто смеялась
Весело, тихо и звонко.
Как она розы любила!
Летом как розы завяли,
Как она долго грустила,
Глядя в безмолвные дали.

Образ печальный и кроткий
Больше меня не встречает,
Пусто за стройной решеткой,
Сад позолоту теряет.

6 декабря

САД

Жимолость вьется по щелям стены,
Трещины в камнях собой прикрывая.
Светлое царство весны,
Царство влюбленного мая.
Мой обновленный, ликующий сад!
Прямо к лужайке нисходят ступени
Там, где разлит аромат
Свежей росистой сирени.
Бережно, трепетно, с скромною грацией
Юная яблоня носит цветы.
Пахнет повсюду акацией;
Окна мои отперты.
В низкой гостиной, как звон торжествующий,
Пряных черемух царит аромат.
Сад мой ликующий,
Царство весеннее, сад!

10 декабря

* * *

(Степной этюд VIII)

Близок лес; за полем золотистым
Синевато-сизая стена,
И под ветром запахом смолистым
Издалека дышит к нам она.
Как лечу я к ней моей мечтою!
Как я жадно на нее гляжу!

Как сияет нива в летнем зное
И колосья клонит на межу!
Вот уже за вышкой темной елки
Я могу и ясень разглядеть,
И березки светлые метелки,
И теней запутанную сеть.
Морит зной; за мной колышет нива
Волны золотые и клонит
Их к меже дремотно и лениво...
Но в лицо зеленый лес глядит,
И телега дребезжит живее,
Поднимая пыль густым столбом,
И сильнее запах трав и клея,
И слышнее шум в лесу густом!

11 декабря

ЛЕСОВИК

Низко месяц стоит
Над поляной лесной.
От деревьев лежит
Тень стеною резной.
Под сосной лесовик
Сел на сломанном пне.
Он один. Он старик.
Он грустит о весне.
Лес был жив и гудел,
Видел яркие сны.
Как-то раз подглядел
Он людей у сосны.
Долго, долго потом
Он забыть их не мог,
За соседним стволом
Поджидал и стерег.
Смелой, верной рукой
Сук еловый сжимал

И заветной мечтой
О любимой мечтал.
Не дождался он их
На свидание в бор,
И очей голубых
Не видал он с тех пор.
Вот и осень пришла.
Головою поник
У сосны, у ствола
Одинокий старик.
Ниже месяц большой...
И длинней и черней
На поляне лесной
Силуэты теней.

11 декабря

* * *

(Крымский этюд VII)

Помню я: полна благоуханьем,
Ночь была дремотна и тепла.
Чья-то песня тихая прощаньем
Издалека, сверху к нам плыла.
Слов не слышно было, но душою
Поняла напев ее родной
О прощаньи с милою мечтою,
Об отъезде близком в край чужой.

12 декабря

В ИВАНОВУ НОЧЬ

На поляне, окруженной
Леса стройною стеной,
Слышен шорох потаенный,
Стон и хохот рассыпной.

Бродят сизые туманы
Там, где скрыт заветный клад,
И немые великаны
Это место сторожат.
Звонким хохотом пугая,
Выступает тут и там
Нечисть дикая лесная,
Шорох, крики, смех и гам.
Клад заветный стражей странной
Будет крепок до зари.
Выйди в полночь, мой желанный,
Победи или умри.

13 декабря

ТОПОЛЬ

В степи широкой тополь рос,
На зорях пил он влагу рос.
Высокий, стройный, полный сил,
Ни с кем он власти не делил,
И он был горд, и он молчал
И первый натиск бурь встречал,
И даже молния не могла
Сломить надменного чела.
И много, много лет прошло.
Была весна, и всё цело,
Но там, где тополь стан свой нес,
Зеленый луг травой зарос
И черный остов обвили
Побеги вешние земли.

ПОКОС

Идем зелеными лугами,
Цветы лиловые у ног.

Налево пчельник за плетнями,
В саду курень, как темный стог.
Еще в траве сияют росы,
Как чьи-то светлые глаза,
Но уж блестят, взлетая, косы
И слышны смех и голоса.
И с ровным шелестом ложится
Живой струей трава у ног,
А возле сено серебрится
Рядами ровных, длинных строк.

18 декабря

ВИШНЕВЫЙ САД

Мы шли аллеей на закат:
Он нам в лицо кроваво вспыхнул.
Вишневый сад, вишневый сад,
Огнем пронизанный, затихнул.
И грусть моя передалась
Тебе таинственно без речи,
И лепестки, как снег кружась,
Нам тихо падали на плечи.

18 декабря

* * *

Болит душа тоской смертельной,
Проходит жизнь моя пустой,
Чужой, ненужной и бесцельной,
Как эта плесень под стеной.
Будь впереди хоть искра счастья,
Хоть сон о счастье, хоть мечта,
Хоть боль любви, хоть гром ненастья,
— Но лишь не эта пустота.

18 декабря

Мне много мук тяжелый год принес,
Безмолвное тупое озлобленье,
Но вот весна пришла и с нею примиренье,
И новые мечты, и радость светлых слез,
И зорьки, и весенние цветы,
И примиренное сознание,
Что жизнь прекрасна там, где есть еще мечты,
Где чувства не мертвы для счастья и страдания.

18 декабря

ОБОРОТЕНЬ

Догорала зорька алая.
Засинел далекий бор.
Шла по лугу я усталая,
Опустив туманный взор.
И вошла тропа росистая
В ельник черный и густой.
Охрани меня пречистая,
Не дойду к ночи домой.
Старый лес и не колышется,
 Не вздохнет – такая тишь.
Вдруг за мною голос слышится:
 «Что, красавица, бежишь?»
Как пришел он – не заметила,
 Обомлела и молчу.
Рост высокий я заметила,
 Алый бархат и парчу.
«Страшны ночью все дороженьки
 Одинокому в лесу.
Чай, устали, ноют ноженьки?..
 Я до дому донесу.
Я полянку знаю темную,
 Всю затянутую мхом,

Там мы с ласкою укромною
С полдороги отдохнем».
Я пошла за ним, покорная
Сатанинской силе слов,
За луга – болота черные
На поляну мягких мхов.
Только, видно, мать – скорбящая
Богородица спасла:
Как за ним пошла я чащею,
Всё душою поняла.
Осенилась крестным знаменьем,
И под знаменьем креста
Побежала синим пламенем
Нечисть дальше в болота.

19 декабря

ФЕЙНАЯ СКАЗОЧКА

I

На жемчужном троне,
В золотой короне
Фея суд творила,
Комаров судила.
Мотылек воздушный,
Как слуга послушный,
Крыльев пеленою
Укрывал от зноя.
Суд недолго длился,
Злой народ смирился,
Больше не кусался:
Клятвой обязался.
Это было где-то
На окраине света.
Звать мы фей не смеем –
Нет суда злодеям.

II

«Запрягать», – сказала фея.
Мотылек готов к услугам.
Привязали лист лилеи
И поехали над лугом.
Нынче мышка полевая
День рожденья свой справляет
И, гостей отодвигая,
Фее трон приготовляет.
«Мышка, здравствуй. Поздравляю, –
Фея ласково сказала. –
Я плясать и петь желаю.
Всё ль готово здесь для бала?»

* * *

Ты поедешь в чисто поле
По дороге за курган.
Ширь, раздолье, ветер, воля!
Степь, как море-океан!
Вздогнет конь, заржет навстречу,
Хвост раскинет, полетит,
И далёко я примечу –
Огоньком червонным щит
И блеснет, и загорится,
И потухнет в зелени,
И опять безмолвно длиться
Будут злые, злые дни.
В терему, в моей неволе
Буду сохнуть, увядать
И на ширь, на чисто поле
Через слезы поглядать.

11 января

В ТЕМНОМ ТЕРЕМЕ

В тереме темном всю зиму сидишь,
Окна завесишь, на двор не глядишь.
Всё-то снега занесли, замели,
Всё-то закрыли вблизи и вдали.
Млеет от вышивок долгих рука.
Треснет лучина, дымится. Тоска!
Вот если б сани да пару коней.
Смех, поцелуй на морозе звончей.
Ветер морозный кольнет, налетит,
Инеем в черных усах заблестит.

После катанья да чарка вина,
Ласковы речи до самого сна,
Ласковы речи да черны глаза,
В бархате алом алмаз, бирюза.
Вот замечталась; ложиться пора,
Только уснуть не смогу до утра.
Вздых домового да песня сверчка.
Гаснет лучина, дымится. Тоска.

12 января

БОГАТЫРЬ

Надоел мне терем сонный,
И на зов весенних дней
Я поеду в луг зеленый,
В степь без тропок и путей.
Ветер встречу, бурю встречу,
Вольно кину поводя
И далече, там далече
Затеряюсь навсегда.
По курганам по косматым
Буду стлаться без шатра,
Будут видеть, как по латам
Блещут просветы утра.
Конь заржет; узду надену.
Золотые облака
В алом небе словно пена.
Дышит сыростью река.
Встречу солнце; тихо съеду.
Тень на склонах холодит.
Что там дальше? Смерть? Победа?
Я не знаю! степь молчит.

ЖЕЛАНЬЕ

На кургане, на черной могиле
Молодой молодец из села:
«Все забавы мне нынче постыли
И родная жена не мила.
Как весною раскроется поле
Синеватою цепью холмов
И душа затоскует о воле
В темноте, в тесноте теремов,
Оседлать бы коня, распроститься,
И шелковы поводья стянуть,
И туда, где туман золотится,
В одинокий направиться путь!»
Добрый молодец смотрит на север,
Не перечит желаньям своим.
Щиплет сивка у ног его клевер,
И курганы синеют, как дым.

14 января

НЕДОЛЯ

Не по воле, по неволе
Замуж девуку отдали.
Об ее злосчастной доле
Разговор с зимы вели.
Вся слезами умывалась,
Как молилась. Не сбылось:
С тем, о ком давно мечталось,
Разлучиться ей пришлось.
Распрощались у березы:
«Мой желанный, позабуди!»
Иссушили очи слезы,
От тоски изныла грудь.
И как справились с рожью,
В осень девуку отдали,

С нелюбимым в церкву Божью
Рано утром повели.

15 января

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СКАЗОЧКА

І. Заря

Бай-баюшки; месяц блестит,
Я сказку про зорьку налажу:
За лесом царевна сидит,
Прядет золотистую пряжу.
Уморится за день, во тьму
Потянется Божие солнце;
Царевна смеется к нему
В свое золотое оконце.
Рассыпется лен золотой
На небо, на лес, на деревни,
Зацепится солнце стрелой
И скатится в терем к царевне.

15 января

ІІ. Месяц

Только смеркнется восток,
Только зорька стает,
Свой хрустальный теремок
Месяц покидает.
Глянет робко уголком,
Свет раскинет строгий
И над дремлющим леском
Встанет, серебророгий.
Спи, любимый, баю-бай...
Скажет ангел Божий:
«Месяц, звезды собирай
У святых подножий».

Лишь затеплится восток,
Тьма ночная стает,
В свой хрустальный теремок
Месяц убегает.

III. СНЕГУРКА

1

Стоит теремочек лесной
У самой у темной опушки,
Над крышей его расписной
Качаются с гулом верхушки.
Царевна снегурочка там
В неволе всё лето томится,
Подходит к тяжелым дверям
И выйти не может, боится.
И ждет не дождется зимы,
И слушает странные скрипы,
И смотрит сквозь стекла тюрьмы
На пышные дубы и липы.

2

Лиса подходила к окну,
Блестя золотыми глазами:
«Уж мы проводили весну!
Уж в чаще запахло грибами!»
И белочка прыгала к ней,
Зеленые ветки ломая:
«Орехов – что в поле стеблей:
Настала пора золотая!»
Косматый волчонок принес
Счастливую вестку к окошку:
«Уж первый ударил мороз.
Опали листья на дорожку.
Пороша к утру замела
Печальное черное поле».

Царевна светла и смела,
Окончилась злая неволя,
Открыта пред нею тюрьма.
Смеясь, она в лес убегает,
Махает рукой, и зима
За нею следы замечает.

17 января

IV

Я с тобою посижу,
Сказку светлую скажу.
Баю-бай...
Засыпай!..

За дремучими лесами,
За лугами, за горами,
Под блестящею звездой
Терем с вышкой золотой.
Там на радуге цветистой
Образ светлый, образ чистый:
Спит царевна, как цветок,
Светлый сон ее глубок.
Выйдет солнце, в терем глянет,
Зачарованное станет;
Как минута день пройдет,
Ангел солнце уведет.
Выйдет месяц зорькой алой,
Красотою небывалой
Навсегда заморожен,
Ночь над ней просветит он.

Пал туман на поля,
Потемнела земля,
Светят с неба огни:
Мой любимый, усни,
Баю-бай...
Засыпай...

Но царевна не проснется,
Лишь вздохнет и улыбнется,

Лишь прошепчет: «не буди,
Месяц светлый, уходи».
Только месяц вниз скатится,
Уж заря зазолотится,
Солнце к терему спешит,
Целый день над ним стоит.
Так всегда зимой и летом,
Переменным нежным светом
Днем и ночью освещен,
Длится той царевны сон.
И старанья их напрасны,
Разбудить они не властны.
Шепчет девица во сне:
«Светлый сон, приходи ко мне...»

Бродит леший в лесу;
Чешет ведьма косу...
Светлы в небе огни.
Мой любимый, усни,
Баю-бай...
Засыпай...

19 января

V. ВЕСНЯНКА

Весняночка в дальний, зазывчатый бор
За красной малиной пошла поутру.
Под небом весенним, ласкающим взор,
Веснянка заснула в дремучем бору.
И долго спалось ей; уж лето сожгли
Палящие молнии гроз огневых,
И первые листья на землю легли,
И гомон веселый на ветках затих.
Да солнце ушло на сияющий юг;
Как холодно стало, туманы да грязь.
Семья мухоморов глазастых вокруг
Ее обступила, пугливо дивясь.
Из дальних болот, по тропам потайным
Царевна снегурка пугливо прошла

И елям косматым и соснам седым
Их иглы налетом стальным обвила.
Весняночка спала, и белые мхи
Над нею закрылись высоким холмом.
Качались и пели деревьев верхи,
И танцы метели кружили на нем.
Ах, сладко весняночка грезит во сне,
В неведении чужды ей горе и страх,
Под снегом ей снится о радостном дне,
Об яблоне белой в душистых цветах.

11 сентября

VI. ОЗЕРО

Желтый месяц, сторож печальный,
Как большой болотный цветок,
Встал над темной гладью зеркальной,
Красный отблеск внизу зажег.
Шелестя, с деревьев срываются
Запоздавшие птицы-листки
И внизу там, в бездне качаются,
Красный шар дробя в огоньки.
На песках холодных и илистых
В тяжелой дреме русалка лежит,
Руки тонкие в травах извилистых,
Хвост сырыми песками зарыт.
Ей не снится весна и не грезятся
Хороводы в речных тростниках.
И лучи печального месяца
Умирают в холодных песках.

<Между 11 и 27 сентября>

ГАДАЛКА

Там за лесом у опушки
Между двух широких лип
Ведьмы злой стоит избушка,
Как иссохший, старый гриб.
Ведьма вещая гадает
– Только лучше заплати:
Всё расскажет, всё узнает,
Перекажет все пути.
Много трав у ней в каморе,
Много есть в запасе слов,
Вещих слов на всяко горе,
Вещих трав на всяк засов.
Быть любиму, быть богату,
Только клятву подпиши.
Не за серебро и злато –
За покой своей души.

19 января

ВИЛЛА

На острове белая вилла,
Вокруг колоннада, как сон,
Как греза, ее обступила.
Синеет за ней небосклон.
Сквозят под водою ступени,
Двоится на водах узор
Миндалей, и роз, и сирени,
И гребней синеющих гор.
Быть может, она мне лишь снится –
Мечта истомившихся вежд,
Любви моей бедной гробница,
Разбитых и поздних надежд.
Но верю я страстно и больно,
Что скажет мне светлый Христос:

«Печальное сердце, довольно
И желчи, и скуки, и слез.
Довольно земного страдания,
Прервитесь, печальные дни.
В покое немом созерцанья,
Душа, отдохни... отдохни».

19 января

НА АЙ-ПЕТРИ. НОЧЬЮ (Крымский этюд VII)

Вокруг, как бездна, ночь темнеет,
И в бездне темной надо мной
Дрожит, и искрится, и млеет
Узор алмазно-золотой.
Налево глаз зелено-синий –
От Ялты светлое пятно,
Над далью, темною пустыней,
К звездам всходящее звено.
Уходит ночь на запад черный,
Разлит белесый полусвет,
Рисунок бледных звезд узорный,
От звезд полночных только след.
И прибрежные извивы
Внизу различит зоркий глаз,
Леса, и скалы, и заливы,
И маяка большой алмаз.
Всё это мало до смешного!
За Ялтой верный Аю-Даг
Из моря вышел с утром снова,
Как темный, серый саркофаг.

19 января

КАМЕЯ

Я ношу на груди талисман,
Я ношу на груди аметист.
Он, как небо полуденных стран,
И глубок, и прозрачен, и чист.
И божественный образ на нем
Отразился в бездонной глуби.
Мы всегда неразлучно вдвоем,
Он мне шепчет, я слышу: «люби».
Я не знаю, он бог или нет,
С ним сравнить не могу никого.
И венок виноградный надет
На высоком челе у него.

На закате весеннего дня
Иногда у руин на горе
Что-то тонет и манит меня
Вслед угасшей за морем заре.
Я не знаю: быть может, ко мне
Мой любимый, мой светлый сойдет,
Ведь не даром же он по весне
И томит, и манит, и зовет.

19 января

* * *

Положите меня на высокую,
На высокую гору в гробнице,
Чтобы ночь я видала стооую,
Чтоб летали вокруг меня птицы,
Чтобы солнце, идущее за море
В облаках, как в волнах перламутра,
Поцелуй положило на мраморе,
Как печать до воскресшего утра.

19 января

Добрый молодец, куда ты держишь путь?
В поле холодно и сыро у реки.
В светлый терем заезжай-ка отдохнуть,
У меня меды шипучие сладки.
У меня ли не тесовая кровать,
Одеяльце мягка черна соболя,
На руке моей не сладко ль будет спать.
Глянь, туманом позадернулись поля.
Долго ль ночью одинокому в пути
До беды в чужой, безвестной стороне.
Лучше, молодец, с коня долой сходи
Да иди скорей в светелочку ко мне.

22 января

ОСЕНЬ

Ты, кудрявый сад, мой осенний сад,
После яблоков не цвести цветам,
После осени не прийти назад
Светлым, радостным да весенним дням.
В зиму лютую, в зиму снежную
Буду шить и прясть в терему моем
Да в душе таить ласку нежную,
Мысль заветную об одном о нем.
Зацветут опять поля,
И прискачет он опять.
Брови черна соболя
Буду снова целовать.
Буду нежно целовать,
Русы кудри завивать.
К милу другу по росе
Все-то ночи прохожу,
Об его ли об красе
Ясны очи прогляжу,

Черны очи прогляжу,
Пылко сердце иссушу.
Ты куда ушел, мой покой унес?
Где твой путь лежит, к городам каким?
Ветер, встань, лети от моих берез,
От окон лети по степи за ним,
Передай ему о тоске моей...
Мой кудрявый сад, мой осенний сад,
Не вернуть тебе прежних, светлых дней,
Не вернуть и мне молодца назад.

22 января

* * *

Ты посмотри, какая мощь и сила,
И мы с тобой как маленькие дети;
Пред нами рожь межу вперед открыла...
А ты сказал, что счастья нет на свете?!.

22 января

ПОРТРЕТ

В степи затерян хуторок
В саду пушистом и зеленом.
Глядит широко на восток
Усадьба белая с балконом.
Весной весь сад, как молоком,
Залит вишневым, белым светом,
И в ржи, как в море золотом,
Усадьба с садом тонет летом.
Там есть аллея лип седых,
Корявых, старых и широких,
Аллея дум и чувств моих,
Моих прогулок одиноких.
Скрипит, качается балкон,
Темно в сенях пустых и голых.

Мне слышен стройный перезвон
Под крышей ласточек веселых.
Меж двух китайских, пестрых ваз
Стоит портрет в большой гостиной.
Движение рук, улыбка глаз –
Всё полно грации старинной.
Алеет роза на груди,
Затянут стан высокий гибко,
И много видит впереди
Ее жеманная улыбка.
За рамой пук засохших роз,
Букет бесформенный и колкий.
Быть может, «он» его принес
В счастливый день своей помолвки.
В высоких залах полусвет.
Покрыты стекла слоем пыли.
Да, много долгих, долгих лет
В усадьбе кинутый не жили!

23 января

* * *

Печальные звезды глядели
Сквозь черные ели
В окно.
И голос мне слышался странный,
Знакомый, желанный
Давно.
Слова обновления, надежды
Я слушала, вежды
Закрыв,
Я слушала, плача от муки,
Любимые руки
Обвив.
И грустные звезды глядели
Сквозь черные ели
В окно.

И голос смолкал непонятно
И смолк невозвратно
Давно...

23 января

* * *

Нынче в бор подруженьки по грибы пошли?
Горькую, несчастную всё с собой звали:
– Скучно, чай, подруженька, в темном терему?
Отпросись, отжалуйся мужу твоему. –
Старый заартачился: «парни молоды,
Девки пересмешницы... долго ль до беды?
Соболя пушистые, шелк и бархат есть.
Камни самоцветные, жемчуга не счесть.
Что скучаешь, глупая? Ты мне не дури
Да окно косящато поплотней запри».
Доля моя горькая: слезы да тоска.
Изведу постылого мужа-старика.
Застону, заахаю: «ой больна, больна,
Отпусти, желанненький, ты до ведуна».
Жалобами слезными сердце умолю.
Колдуну я серебра, злата посулю,
Выну серьги-яхонты, наперед отдам:
Пособи-ка, дедушка, всем моим бедам,
Мужа, зверя лютого, мне сживи с земли,
Чтоб болезни рученьки, ноженьки свели,
Чтоб иссох, измаялся старый от тоски;
В бане с наговорами след его сожги.

30 января

КЛЯТВА

Клянусь чалмой моей священной,
Клянусь кораном – книгой книг,

Что я живу мечтою пленной,
Тебя желаю каждый миг.
Клянусь печатью Соломона,
За наслажденья краткий час
У ног твоих умру без стона
Под взором черных, черных глаз.
Клянусь, царица наслажденья,
Твоей прекрасной головой,
Что я иду на все мученья
За дивный смех и голос твой.

30 января

СОЛОГУБУ

Сплетаются в серые звенья
Минуты, недели, года.
Отходят надежды, мученья
И радости в даль – без следа.
И кажется, я одиноко
Века отпускала в пути,
Конец же далеко, далеко,
И скучно, так скучно идти.
Сплетаются в серые звенья
Минуты любви отжитой,
Я жажду забвенья, забвенья
От жизни кошмарно-пустой.

5 февраля

* * *

Я у ночи спросила:
«Где зоря золотая,
Та, что, в небе блистая,
Темный лес золотила?»
«Где же счастье сокрылось? –
Я у жизни спросила. –

Где же всё то, что было,
Всё, чему я молилась?»
Ночь сказала: «не знаю».
А от жизни напрасно
Слов ждала безучастно,
Жизнь молчала немая.

6 февраля

МОИ СЛОВА

Мои мечты – как маки алые
На серых камнях наверху.
Слова – фиалки запоздалые
На людном, выбитом шляху.
Моя любовь – как песнь победная,
Как чистый, пламенный кристалл.
Мои слова – туманы бледные,
Намек неясный, как опал.

* * *

Я слушала грустные степи,
Я видела темные дали,
И цепи, незримые цепи
С души обновленной спадали.
Я утро на горах встречала,
И тучкам вдали позлащенным,
И солнцу душа отвечала,
И гор недоступным коронам.
Я видела ночи у моря,
Где небо внизу отражалось,
И, бездне мерцающей вторя,
Душа с непонятным сливалась,
И солнцу, и травам, и зверю
Душа, как струна, отвечала,

И в тайну бессмертья я верю
И верю в благое начало.

6 февраля

* * *

Я слышу утренний призыв
Лугов туманных над рекой.
Я разберу шуршанье нив,
Их голос странный и сухой.
Я в лес пойду, мне лес поет,
Я муравья слежу в траве
И быстрой ласточки полет
В весенней, яркой синеве.
Я всё хочу любить и знать,
Но не людей; я им чужда,
И с ними жить, любить, желать
Я не сумею никогда.

ПОЛДЕНЬ

Над рекой колышутся луга,
Травы в лоно водное глядятся.
И в реке и в небе облака
Пухом легкокрылым золотятся.
Зной июньский душит и томит,
Спит вода; у белого обрыва
Одиноким призраком стоит
Вся сквозная, трепетная ива.
Бойся, бойся выйти в этот час!
Где под ивой воды темно-сини,
Зачарует блеском светлых глаз
И задушит злая берегиня.

* * *

Слова как круг замкну́тый:
Душа в них стеснена.
Куда ни гляну, плотно
Стоит везде стена.
И жизнь как круг для мысли,
Не выйти за черту!
В ней есть одно окошко,
Окошко — в темноту.

8 февраля

* * *

Там, где дубы нависли
Над старой скамьей,
Без желаний и мысли
Смотри на прибой,
На зеленые блески
На изломах волны.
Навевают березки
Ароматные сны.
Небо светлое в раме
Кружевной и резной.
Хорошо под дубами
На скамейке лесной.

14 февраля

* * *

В длинном прозрачном бокале
Лилии вяли.
Стройные, гордые лилии
В горьком бессилии
Кроны склоняли.

Падала, тихо слетая,
Пыль золотая.
В долгом плену истомленные,
Лилии вяли, червонные
Слезы роняя.

14 февраля

* * *

Я б хотела быть царицей
В дальней дикой стороне,
Я б летать хотела птицей
На горячем скакуне.
Я б хотела быть могучей,
Чтоб в степи с тобой скакать,
Чтоб стрелой моей певучей
Бег твой пламенный догнать.
И прильнув губами к красной,
К алой ране, выпив кровь,
Целовать твой рот прекрасный...
Такова моя любовь!

* * *

Первый проблеск утра;
Ночь на запад ушла.
Выхожу из шатра.
Тонкий месяц нежной серебра.
Сизый жемчуг роса
На траву пролила...
Лай голодного пса...
Синим дымом одеты леса.
За плечами мой лук,
Мой колчан золотой.
Буду ехать на юг...
Кто мне встретится, недруг иль друг?

Я его догоню
Золоченой стрелой
В жертву светлому дню,
В жертву Солнцу, святому Огню.

15 февраля

МОЛИТВА СОЛНЦУ

Степи сухи́ и наги́,
Только ковыль серебрится.
Солнце, не гневайся, Огненный Бог, помоги,
Темные тучи сberi,
Дождиком дай нам омыться,
Травам росу подари,
Русла наполни сухие.
Солнце, не гневайся, Огненный Бог, помоги,
Темные тучи сberi
Дождевые.
Будут жрецы
Зори встречать огневые
Кровью овцы.
Солнце кровавое, в жертву тебе я отдам
Дар драгоценный:
Есть у меня
Мальчик, подобный богам,
Юноша пленный.
Очи его из огня,
Брови как стрелы,
Зубы и остры и белы,
Губы пылают, как бусы мои.
Солнце, прими
Дар мой смиренный,
Алую кровь его выпей, возьми
И дождевые струи,
Солнце, пошли
На исцеленье болящей, иссохшей земли.

17 февраля

* * *

Я помню прошлое светло,
Я помню зиму, белый иней,
Леса родные, и село,
И полог неба светло-синий.
Родные песни помню я,
Подруг веселых хороводы.
О, мать далекая моя!
О вы, девические годы!
Набег, пожар и путь на юг
В кибитке помню, в тряской, тесной,
Чужие люди всё вокруг,
Язык чужой и неизвестный.
И вот я здесь; в мое окно
Я вижу гладкие равнины.
Мой длинен плен. Я здесь давно,
Но помню прежние години,
Но помню родину мою,
Село, реку, березки, ели...
И нож отточенный таю
У изголовья, в темной щели.

17 февраля

* * *

Ты зачем меня роди́ла,
Жизнь дала на горе?
Лучше б камнем опустила
На дно синя моря.
Ты дала мне кари очи,
Не дала мне доли.
Все-то ночи, долги ночи
Плачу я в неволе,
Мир пригожий проклиная.
Слышишь слезы дочки?

Я без счастья засыхаю,
Как без рос цветочки.

17 февраля

* * *

В осенний вихрь закружены,
Листы шуршат, кружась пред нами:
«Мы все твои; мы рождены
Весной, и солнцем, и мечтами.
Ты любишь нас. Ты наша мать.
Ты помнишь шелест наш над садом?!.
Ты нас должна к себе принять,
С мечтами место наше рядом.
Мы отцвели, но и они
Поблекли тоже, пожелтели...
Ты в этом серый дождь вини,
Судьбу, и сердце, и метели».
И пляшут листья и шуршат,
Бегут за мной, как злая свита,
И сердце глупое страшат,
К тому взывая, что забыто.

17 февраля

* * *

Голубая просека в лесу,
Черный след от недавней телеги.
Я с собою домой принесу
Первых трав молодые побеги
И подснежника первый цветок...
Как тут много их, листьев зеленых!
На опушке синее дымок,
Тонкий пар от полей пробужденных.

18 февраля

* * *

Вечер накинул серый покров,
Заполз повсюду, во все углы.
Не надо песен, не надо слов
У нас на земле в царстве мглы.
О, тише, тише! Уснуть пора.
Больное сердце желает сна.
Пусть вам сияет рассвет утра, —
Мне будет ночь всегда темна.

18 февраля

А. БЛОКУ

Я знаю: за рамой оконной,
Скрываясь за темным драпри,
Печальный и бледный влюбленный
Глядит на мерцанье зари.
 На улицах крики и пары
 Безумный плетут хоровод.
 Ах, скоро алмазные чары
 Царица с небес разольет.
 «Приди, зачаруй, золотая,
 И землю окуй, усыпи.
 Пусть светит мне радость иная,
 Пусть сердце сорвется с цепи!»
Влюбленный глядит, и вздыхает,
И шепчет за темным драпри.
А в небе и тает, и тает,
И меркнет сиянье зари.

19 февраля

* * *

Я не замечаю,
Как идут недели.
Жадно не встречаю
Каждый новый час.
Мимо, мимо, мимо,
Ближе, ближе к цели,
Злая пантомима
Кончится сейчас.
Нет в душе страдания.
Не борюсь мятежно.
Маски обаянья
Жизни не вернуть.
Всё вокруг так ясно,
Верно, неизбежно.
Скучно и бесстрастно
Мой проходит путь.

19 февраля

* * *

Вечерние всплески
Под вербами хмурыми.
На острове дальнем березки
Темнеют контурами.
Еще золотится на западе
Вода под осокой
В подернутой мелкими волнами заводи,
Но день уже мнится мечтою далекой.
И сердце смиренное бьется
Навстречу покою,
Как будто бы день никогда не вернется
С тревогою, скукой, тоскою!

24 февраля

МОЛИТВА

Пошли ему счастья,
Дорогой земною
Пусть он как по лилиям белым пройдет,
Любовь и участие
Всегда над бедою
Пускай охраняет его от забот.

Услышь же моления:
Возьми мои слезы,
О Боже всеильный, в цветы преврати.
Цветы наслажденья –
Прекрасные розы
Рассыпь ему, Господи, в трудном пути.

25 февраля

ЧАСОВНЯ

Блестят известкою впадины черные
На месте выпавших, красных камней.
Покрыты пылью окна узорные,
Как выцветшим бархатом минувших дней.
В саду кладбищенском весенний и радостный
Идет над зеленью перезвон золотой.
Пошли, о Господи, Господи благодный,
Отжившим и умершим пошли покой.
Пошли, о Господи, по душу грешную
В часовню забытую своего посла,
Пречистого ангела с радостью вешнюю
В часовню забытую, где пыль и мгла.

26 февраля

* * *

Спи, любимая, спи, утомленная,
Незабвенный и нежный мой друг.
Над тобою березка зеленая
И высокие травы вокруг.
Сколько зелени яркой и радостной!
Сколько света вокруг и тепла!
День пришел и весенний и благостный,
Будто ты в этом дне ожила
И рассыпала хлопья пушистые
По деревьям прозрачной рукой,
Облачка разлила серебристые
На небесный покров голубой.
Ветер клонит травую нескошенной.
Блещут капли миллионами слез.
Только твой молодой и взъерошенный
Черный холмик травой не зарос.
Примиренное сердце мятежное
Так спокойно и кротко во мне.
Спи, усталая, милая, нежная,
До свиданья в иной стороне.

26 февраля

* * *

В осенние ночи за темным окном
Таинственный голос поет об одном,
Под звон монотонный дождя о стекло
Поет он печально о том, что ушло,
О том, что ушло, как волна без следа,
О том, что назад не придет никогда.
И ты отошел, и не стало тебя,
И сердце тоскует, любя и скорбя,
И странные мысли пронзают мой ум,
И отдыха нет от назойливых дум.

Без счастья вся пошлость на этом пути
Ни в ком оправдания не может найти;
И жизнь непонятна. И люди темны.
Проходят минуты, сплетаясь, как сны,
И мнится: по волнам безвольно плыву...
Зачем же я мыслю? Зачем я живу?

26 февраля

* * *

Мы, как раньше, сидели вдвоем;
Наши руки сплелись, как бывало.
Разлучавшее, темное сном,
Сном кошмарным навек миновало,
Навсегда, навсегда отошло,
Как уходят ночные туманы.
Позабудь, если можешь, всё зло.
Залечи, если можешь, все раны.
Недоверие, злоба и ложь,
Всё ушло, отошло, миновало...
Но теперь уж души не зажжешь,
Я устала, устала... устала.

28 февраля

* * *

Впереди дорога темна.
Невольно рождаются жалобы:
Я совсем одна... я одна,
Я так отдохнуть желала бы.
Но только скажи – я пойду,
Пересилив усталость сонную,
Искать золотую звезду,
Быть может, еще не рожденную.
Ты молчишь, и темен твой взор,

Не слышишь усталой жалобы,
Как и я, быть может, укор
За своей тоской не слыхала бы.
И твоя далека звезда,
И пугает мгла окрестная...
Не услышишь – о нет! – никогда,
Как тоскует душа безвестная.

2 марта

* * *

Дни всё короче, короче;
Ниже деревья качаются.
Это бездонные ночи
С севера к нам приближаются.
Тихо подходят черницы
Звездной, небесной дорогою.
Низко опущены лица;
Веют тоской и тревогою
Вестницы смерти и ночи,
Дух мой тревожный смиряется.
Дни всё короче, короче,
Небо всё ниже спускается.

5 марта

* * *

В сумерки небо зеленое весной
Чуть светлеет, серебрится лунный серп.
Над тусклой, над нежной, туманной водой
Подымаются тонкие веточки верб.
Блестящие, как влажные, алеют у реки.
Дали паутиной воздушной затканы.
Ах, на тонких веточках пушистые зверьки,
Маленькие, первые вестники весны.

9 марта

* * *

За влажным стеклом перед нами,
За тонкою сетью дождя
Сливаются крыши рядами,
В окружающую муть уходя.
О, как здесь тоскливо и тяжело
Без неба, без звезд, без зари.
— Зачем ты молчишь, моя пташка?
Рассей мою грусть, говори,
Сожми мои руки сильнее
Пылающий лоб мой погладь.
Запой мне про волка, про фею,
Я буду под песни дремать.
Я степи увижу, быть может,
И небо, и сад молодой,
И всё, что надеждой тревожит,
Что сердце пленяет мечтой. —
Сгущается сумрак туманный.
День быстро подходит к концу.
Твой взор провалившийся, странный...
И тени скользят по лицу.
Темнеет блестящая крыша;
И дождь, как медлительный звон,
Всё тише, всё тише, всё тише
Баюкает песней мой сон.

9–10 марта

* * *

На западе алеют краски сонные,
Готовые погаснуть без следа.
Сквозь сумерки весенние, зеленые
Засеребрилась первая звезда.
Ты, звездочка, росинка луга Божия,
Его святой страдающим обет.

Ты, звездочка, цветок его подножия,
Пролей мне в душу свой небесный свет.

11 марта

* * *

Срываются капельки вниз
Движеньем одним неустанным.
Соседнего дома карниз
Сливается с грязным туманом.
Деревья размякли, висят
Бессильные ветви, как плетки.
Сырые, лоснятся, блестят
И крыша, и столб, и решетки.
В витринах они за стеклом
Сливаются с желтым туманом.
Решетка, и конки, и дом –
Всё кажется призраком странным.
Вот-вот разойдется вокруг
Туман с мостовыми, с домами,
Пред нами откроется луг
И синее небо над нами.
Но тяжки граниты земли,
Тяжеле их серые люди...
Не жди, не зови, не моли,
Мечтай только, сердце, о чуде.

* * *

Белесая Нева
Безмолвная лежит,
Закована в гранит,
Пустынна и мертва.
Немая цепь огней
Чуть рдеет сквозь туман,

И темный великан
Дворец лежит за ней.
Туман со всех сторон,
И мнится, ничего
Нет за стеной его,
Все формы принял он.

10 марта

* * *

Вверху угасли огоньки,
Вокруг густая мгла.
Как тихо плещут ручейки!..
Как эта ночь тепла!..
Неверной поступью иду
Вперед аллеей в темноту.
Дрожит струна в груди моей,
Слабеет голова.
Пусть краткий миг за скуку дней
Отплатит... Ночь права!..
На краткий миг блеснуть, сгореть
И с ранней зорькой умереть.
Как душно мне и как темно!..
А вот и кончен путь!
Как тускло темное окно,
Как жутко заглянуть.
И стыд и боль. Нет сил войти –
Назад закрыты все пути.
В руках и в сердце злая дрожь,
И грудь полна огня.
О, ты непустишь, ты толкнешь,
Ты, злая ночь, меня.
Пусть будет так... блеснуть... сгореть,
А там, потом, хоть умереть.

10 марта

* * *

Святая Заступница,
Небесная лилия.
Свой взор исцеляющий
С лаской небесной
К душе страдающей,
К душе безвестной,
К тебе взывающей,
Склони, Заступница,
Чистая лилия.
Привети грешную
В пути суровом
Радостью вешнею.
Закрой покровом
С лаской нездешнею,
Святая Заступница,
Небесная лилия.

* * *

Смотрит в лица месяц белый,
Звезды по́ снегу раскинул.
Слева лес оледенелый
Шапку к нам свою придвинул,
Справа гладкою равниной
Мы отрезаны от жизни,
Шелест, топот лошадиный –
Плач полночный в нашей тризне.

13 марта

* * *

Нам откроет счастье только сон,
Пойманный в толпе случайный взгляд,

Утренний, далекий, четкий звон,
Сумрачный болотный аромат,
Трепетная, первая звезда,
Скорбь о дальней, прожитой весне,
То, что не вернется никогда,
То, что было, может быть, во сне.

16 марта

* * *

Тонкий профиль склоненный
У немого окна
Смотрит в сумрак зеленый,
В чары ночи и сна.
Там, где сумрак безбрежный,
Путь мечтаньям далек...
Профиль тонкий и нежный,
Как поникший цветок.

16 марта

* * *

Закатные краски нежны,
Прозрачны, как крылья стрекозовые,
В воздушный покров сплетены,
Лиловые, синие, розовые.
Восток засыпает уже,
Надвинулись сумерки синие,
На узкой, на ровной меже
Всё глуше, грустней и пустынное.
Качаются, шепчут стебли,
Туманятся краски закатные.
И сумерки в душу легли
Печальные, тихие, внятные.

17 марта

* * *

Вновь цветы зацветут по садам
Возвратившимся летом.
Вновь на небе заблещет звезда
Переменчивым, трепетным светом.
Но – о нет – не расцвествь тем цветам,
Для меня расцветавшим...
Но – о нет – никогда, никогда
Не воскреснуть лучам отсиявшим.

17 марта

* * *

Большие подушки дивана,
На них так уютно, тепло.
Темнеет в углу фортепьяно,
Углами блестит, как стекло.
Печальные звуки ноктюрна
Выносятся окнами в сад.
И ночь так тиха и безбурна,
И мысли тревожные спят.

17 марта

* * *

Гулко море ударяется
В камни гребнем разъяренным,
Сердце морю отзывается
Долгим стоном.
Странной связью мы привязаны
И понятны друг для друга.
Им все сказки мне рассказаны,
Мной – тоска недуга.

18 марта

* * *

Я тебе цветы принесла,
Но завяли мои цветы.
Улыбка твоя так зла;
И тонки злы черты.
Расскажи мне, о чем молчишь,
Почему так пусты глаза,
Почему в вечернюю тишь
Отдаленный напев впелся.
Что в душе пробудилось моей,
Рассказать я б сама не смогла,
Но навеки я буду твоей,
Но тебя я всегда ждала.

* * *

Пусть свистит за окном:
Не для нас час суров,
Мы согреты теплом
Нежных взглядов и слов.
Ты откинул всю ложь,
Всё сумел пережить
И меня не поймешь
Никогда, может быть.
Что ж, пускай! Но сейчас,
Зачарована сном,
Только раз... только раз
Я забуду о всем.
Пусть потухла свеча.
Не тревожь мой покой.
У родного плеча
Мне уютно с тобой.

21 марта

* * *

В тебя я верю так глубоко
И так покорно без конца,
Как раньше веровали в Око
Благого, вечного Творца.
Открылись верой той могилы,
Гора ей сдвинута была...
О, дай мне хоть настолько силы,
Чтоб дольше верить я могла.
Но от сомненья и неверья
Мой разум быстро изнемог.
О, я стою пред темной дверью
На перепутьи трех дорог.
Быть может, чудо... Будет чудо...
И днем увижу я звезду.
И уверять себя покуда
Я буду: верую и жду.

21 марта

* * *

О нет, весна! Проклятой власти
Я подчиняться не хочу.
Пусть рвется грудь моя на части,
Я стисну зубы и смолчу.
О нет, я не желаю разом
Под обаянием твоим
Мечты, надежды, мысли, разум
Развеять в прах, развеять в дым.
Я убегу от этой власти,
Желанной кошкам и богам,
И за минуту пылкой страсти
Свой светлый разум не отдам.

21 марта

* * *

О, мой друг, я устала, устала.
Пожалей, приласкай и прости.
Это темная ночь волновала
И столкнула меня по пути.
Точно сердце мое раскололось...
Точно разум убил аромат...
О, ты веришь?.. За тихий твой голос,
За доверчивый, прежний твой взгляд
И за смех твой, за смех невеселый –
За возврат пережитых часов
Этой жизнью нелепо-тяжелой
Заплатить я готова без слов.

21 марта

* * *

Ее весна пьянила,
Смеялась и звала.
И пологом закрыла
Ночным душистым мгла.
Минута отгорела,
Ушла весна давно,
А нет слезам предела
И быть не суждено.

21 марта

ОТРАЖЕНИЕ

О чем мечтают скалы в тихий час,
Когда закат едва-едва погас
И глыбы их еще в себе таят
Последнего луча последний взгляд?
Кидают ли свой взор они туда,
Где в водах их сестер дрожит гряда?

О чем мечтают воды в тихий час,
Когда закат едва-едва угас
И отблеск золотой волной дробят,
Как будто под водой горит закат?
Быть может, в небесах их жадный взор,
Где по лазури туч горит узор.

21–22 марта

* * *

По заре вставала утром рано,
Холодила ноги мне роса.
В синей дымке нежного тумана
Розовели черные леса.
Я на камень белый становилась,
Заклинанья вещице творя,
И востоку бледному молилась,
Где мерцала ранняя заря.
 Ты, заря, заря, растопи
 Все туманы, ночные, черные.
 Выглянь, солнце красное, счастливое.
 Ты меня, меня полюби,
 Ты по мне иссохни, непокорное
 Сердце молодецкое, ретивое.
На горах мохнатых и зеленых,
Полускрыт зеленою волной,
Монастырь наш лепится на склонах
За высокой, белою стеной.
Я ль святым иконам не молилась,
Восковых свечей для них не жгла.
Я слезами горькими умылась
И обет торжественный снесла.
 О мать Божия! Душу печальную,
 Земную, грешную спаси от муки.
 Я истомилась дорогой дальнею,
 К тебе взываю, подымаю руки.

Владычица кроткая! сама извела
Тяжесть непосильную земных страданий.
В святые руки дух мой я предала,
Душа моя полна упований.

22 марта

* * *

Внизу обрыва черный крест
На груди щебня и камней,
И горы высятся окрест
Короной царственной своей.
Здесь затерялся чей-то взор
И голос замер навсегда.
Но был он выше этих гор,
Где мы не будем никогда.

22 марта

* * *

Отошла гроза; но плачут
И березки, и осинки
И в листве блестящей прячут
Запоздалые росинки.
Так и ты; минули грозы,
Над тобою солнце блещет,
Но тайком нередко слезы
Под ресницами трепещут.

23 марта

* * *

Над полями туман поднялся,
Под туманом уснули леса.

Мы по сказочным странам пойдем
Под туманом вдвоем.
Много див я тебе подарю,
Заколдую надолго зарю
И ночные туманы сплету
В золотую мечту.
Будь покорна заветам и снам,
Ты увидишь незримое нам,
И по сказочным странам вдвоем
Под туманом пойдем.

23 марта

* * *

В пространствах безвоздушных
Идут луна с землей.
В толпе людей бездушных
Идем вдвоем с тобой.
За солнцем животворным
Спешит с землей луна...
Каким мечтам упорным
Душа посвящена?..

24 марта

* * *

Ты был орлом в минувшей жизни
И ведал звездные края.
Твой взор тоскует об отчизне,
Желанья прежние тая.
А я... не помню, чем была я,
Но, верно, в клетке я росла,
И в шумный праздник, праздник мая
Я жажду темного угла.

Где шире обрыв и отвесней,
В объятья гранитные вал,
Звнящий таинственной песней,
Из далей морских набегал.
 И волны ушли от обрыва
 Давно, бесконечно давно.
 И поросль лесов прихотливо
 Покрыла забытое дно.
Но волны коварной стихией
Свой заговор тайный ведут.
Объятья гранита седые
Им снова откроют приют.
 И, может быть, вновь, возрожденный,
 Законом предвечным храним
 На дне осушенном, зеленый
 Лес встанет минутный, как дым,
Чтоб волнам во мгле безвременья
В короткой борьбе уступить...
Кто сплел, кто сковал эти звенья
И кто разорвет эту нить?..

29 марта

СУМЕРКИ

Перед окном на кресле старом, старом...
Вечерний сумрак сходит на поля.
Мечом кровавым, пламенным пожаром
От неба вновь отрезана земля.
Но ночь придет... И небо землю примет
И с поцелуем мира к ней сойдет.
И ночь придет... Но кто меня подымет,
Кто ободрит, возьмет и поведет?

18 апреля

Б<елый> Д<вор>

* * *

Если ты оскорблен и обижен людьми,
Эту участь покорно прими
И глубокую веру в душе затаи,
Что зачтутся страдания твои.
Если грустно тебе, если горько тебе,
Покорись неизбежной судьбе,
Стон страдания сдержи в наболевшей груди
И награды обещанной жди.

20 апреля

Б<елый> Д<вор>

* * *

Я чувствую удар неотвратимый,
Но не ропщу и, голову склоня,
Я жду его. – О нежный, о любимый! –
Ты пожалей, ты ободрь меня...
Предчувствие, как черною вуалью,
Кругом меня весь мир заволокло...
И есть ли мир, не тронутый печалью,
И есть ли мир, где счастье, где светло?..
Я не ропщу, но страшно мне незнание,
Не падаю под гнетом, но, склоня
Лицо свое, я вся одно страдание,
Ты не придешь, не ободрить меня...

25 июня

Б<елый> Д<вор>

* * *

Зацвел медовый клевер,
Высокий да густой,

И светел, светел север
До утра золотой.
В ложбине у березы
Мы сядем, травы смяв,
Пахнут прохладой росы
От влажных, влажных трав...
И белый сумрак ляжет
На нас со всех сторон...
И кто потом расскажет,
Где явь была, где сон?..

25 июня
Белый Двор

* * *

Опять, опять всё тот же сон,
Безумный сон, кошмарно смутный.
Душа горит, и ум смущен
Мечтой – надеждою минутной.
И целый мир, и смысл всех дней,
И смысл всей жизни и вселенной
В тебе одном, в любви твоей,
В твоей улыбке вдохновенной.
Пройдет минута; канет вновь,
Умрет, умрет, как все мгновенья.
Кошмар и сон моя любовь, –
Но есть ли счастье вне забвенья?..

29 июня
Б<елый> Д<вор>

* * *

Я плачу долго, плачу горько
И травы влажные целую.
А в небе тухнет, блекнет зорька,
Кидая блеск в траву сырую.

Когда в кустах лапчатых, черных
Покажет месяц рог свой белый,
К тебе опять в мечтах покорных
Приду безумной и несмелой.
Мы будем вместе – о любимый, –
И всё вокруг сольется с нами
В один восторг невыразимый,
В одно блистающее пламя.

Белый Двор

* * *

Тихо в доме стало,
Лето отошло,
Бьет, жужжа устало,
Муха о стекло,
Осень раны прячет
Золотым ковром,
Но не верит, плачет
Сердце о былом.

13 июля
Б<елый> Д<вор>

* * *

Слезы не могут помочь...
Милая, плакать не надо...
Стынет весенняя ночь,
Светлая, в сумраке сада.
Тихо колебля тростник,
Всходит туман серебристый...
Видишь, как месяц поник,
Тоже холодный и чистый.
Если не сгладит и ночь
Всё, что темно и тревожно,

Плачь над собою... помочь
Мукам твоим невозможно.

15 июля
Б<елый> Д<вор>

* * *

Нам за шумом дневным не слышать,
Как подходит весна-красота,
Как за нами кругом благодать,
Радость вешняя вновь разлита.
Но зато по ночам нам слышна
Песня тихая, песня весны,
Будто где-то трепещет струна
Под напев пробужденной волны.

20 июля

* * *

По ночам туманы серебрятся,
Закрывают робкий, юный серп.
Знаешь, розы стали осыпаться,
Тяжело спустились ветки верб.
Почему меня пугает это,
Будто снова что-то отошло?..
– Это лето, радостное лето
По ночам туманным умерло... –

26 июля

* * *

О чем ты плачешь, осень? – О былом,
О всем, что проходило без следа...
О чем ты плачешь, сердце? – О ином,
О том, что не бывало никогда.

Плачь, осень, всё вокруг себя мочи
Потоком слез, как пламенем зари.
Стой, сердце, стой, не надо, замолчи,
Не мучь меня, усни, усни... умри...

26 июля

* * *

Приходит осень с мыслью о тебе,
Я чувствую, земля дрожит и стынет,
Мне всё равно: покорная судьбе,
Я жду: придет, ударом опрокинет...
Мне всё равно; душа без жалоб стынет,
Я умираю с мыслью о тебе.

6 августа

* * *

Еще по склонам, по оврагам,
Сюда ветрами сметены,
Лежат снега, но с каждым шагом
Я чую веянье весны.
Внизу заржавленная хвоя
Литым ковром лежит у ног,
Вокруг молчанье вековое,
Покой без мыслей и тревог.
Но там, где поросль юной елки
Так бархатиста и густа,
На ветках новые метелки!..
На сердце новая мечта!
О праздник жизни, обновленье!
Завет твой буду я хранить!
Долой сомненья, сожаленья,
Я жить хочу – я буду жить!

Б<ельй> Д<вор>

* * *

Сердце мое я тебе отдала:
Лилия в сердце цвела.
Три лепестка:
Вера, любовь и тоска.
 Скромный мой дар; я его берегла,
 Лилии белой ждала.
 Три лепестка
 Сжала, не дрогнув, рука.
Умер цветок, но любовь не мертва,
Теплится вера едва,
Вечна тоска...
Умерли три лепестка.

Белый Двор

* * *

Была борьба упорно жестока́,
Тех слез не счесть, от муки не забыться,
Не раз, слабея, падала рука
И сердце жаждало смириться,
Но гордый ум вперед меня толкал
За гордою, победною мечтою.
Я победил. О да, ведь я узнал,
Что я боролся с пустотою.

12 августа

* * *

О да, я тебе далека,
Хоть вечно с тобою мечтами
Великая жизни река
Бесстрастно течет между нами.
Чем дальше – тем шире она
В поток разливается шумный.

И вот уж одна я, одна
С мечтою больной и безумной.

В душе моей будни и сон,
Твой образ далеко, далеко,
Как будто навек схоронен,
И память о нем одинока.
Но плесень забвенья его
Не тронет улыбкой бесстрастья,
И всё, что казалось мертво,
Воскреснет для слез и для счастья.

* * *

Боже, Боже, ты не прав,
Создал мысль, чтоб видеть солнце,
Крыльев сильных нам не дав,
Чтоб могли подняться к солнцу.
Ты не прав, дав нам понять,
Что горит святое солнце,
Только жизни не поднять
До него, святого солнца.

21 августа

* * *

Мечтая о цели далекой,
Мечтая о мире ином,
Я шла по дороге широкой,
Как все, между злом и добром.
На гибнущих я не глядела
И камня в руке не несла.
Лицо поднимала я смело:
К сияющим звездам я шла.
А рядом на подвиг шли братья
Дорогой добра или зла.

Им бездна открыла объятья,
И смерть каждый шаг стерегла.
Их стоны мне сердце терзали,
И гимн мой хвалебный затих.
А звезды всё так же блистали:
Что им до страданий людских?..
И я повернула с дороги
<.....>
И как мне чужды и убоги
Те гордые прежде мечты.
Я пью из одной с вами чаши,
И голос один нас зовет.
Безумцы святые, где ваши,
И мой труп пускай упадет.

*21 августа
Белый Двор*

* * *

Две царевны: Ночь и Сон...
В сказку ими облечен
Мир печальный, мир тревог,
Их послал нам Добрый Бог.
Много горя, много мук,
Много слез горит вокруг.
Не тоскуй, не рвься помочь,
Всё от глаз укроет ночь.
В мире счастья не найдешь,
Не различишь правду-ложь,
Не вернешь, что там в былом.
Не печалься, мы уснем.

9 сентября

* * *

Осенний месяц встал над перелеском,
Блестит река стальным холодным блеском,
Недвижная, недвижимее стекла.
И дышит смерть от этого покоя,
И всё вокруг враждебное, чужое,
И я равно чужда добра и зла.
Пусть где-то мир, как океан, волнуем
То бурями, то лунным поцелуем.
Мне всё равно. Молчит душа моя.
В ней океан без песен о свободе;
Рояль немая, чуждая мелодий,
На мертвом море без пловцов ладья.

27 сентября

* * *

Небо тихо и тепло весной!..
Первым звездам молюсь я, дрожа.
Между небом и темной землей
Пролегла золотая межа.
Сердце чутко и мягко весной;
Сердце нежною песней звучит.
И лежит между мной и тобой
И желанье, и жалость, и стыд.

15 октября

ИНЕЙ

По откосу длинная трава
Прилегла волокнами седыми.
За откосом светит синева
В чуть дрожащем, чуть заметном дыме.
Как вокруг спокойно, посмотри!
В темной чаще белые березки,

И листов опавших янтари
Чуть видны сквозь стаявшие блески.
Кинул иней радостную сеть
По лесам, холмам и черным нивам.
Хорошо так мирно умереть
До конца свободным и счастливым!

СНЕЖНАЯ ЛЮБОВЬ

Бархат портьеры щекочет ухо.
В широкую щель врывается свет.
Доносится музыка печально и глухо,
Золотится и мерцает слабо паркет.
За синими окнами темно и снежно,
Там танцует вьюга под фонарем,
В темной улице поцелует нежно,
Засыпет лицо и мех серебром.
Звучит причудливей и глуше танец,
Последние пары печально скользят,
На лицах усталых погас румянец,
И ответного взгляда ищет взгляд.
Как цветы осени, белые платья...
Поникшие руки в сильных руках.
О снег, твои нежнее объятья,
Обвей мне лицо, серебристый прах.

* * *

Пролитых слез уж некому собрать,
Бездействует Твоя святая рать,
И в море крови нашей наконец
Потонет он, терновый Твой венец.
О, если б ропот ангелы снесли
И Ты б склонил свой слух к речам земли,
Ты б в небо превратил моря из слез,
Ты б спас и исцелил людей, Христос.

За ропот мой карай, Господь, меня.
К Тебе иду я, голову склоня.
Пусть никогда свой грех не замолю,
Страдания свои я полюблю.

* * *

На стенах нашей спальни
Играет лучик маленький...
– Вставай скорей, сынок!
Черемуха душистая
Прислала мне цветок.
Открой глаза, мой маленький...
Пичужка голосистая
Из нашей темной спальни
Зовет тебя, сынок.

27 октября. Понедельник

* * *

Мой сад, еще голый вчера,
Белей и нежней серебра,
И кружатся сотни пчел.
Мой сад зацвел небывало.
О цветы, расцветшие с утра,
Вас зима целовала.

Цветущая яблоня, твой ореол –
Белый блеск вокруг головы.
Ты весенний бог, ты вызвал пчел,
Золотых слуг из синевы.
На твои плечи летят лепестки,
Целуют твои глаза.
О, цветы яблони, вы легки, вы легки,
Пусть на вас упадет роса.

28 октября

* * *

Идет весна и сыпет поцелуи,
И вот – земля цветет!
Уже давно серебряные струи
Пробили мертвый лед.
Уже давно сердца трепещут кровью
И въяве бродят сны.
О, сжался над тоскующей любовью,
Послушай зов весны.

2 ноября

* * *

Я слышала голос вдали
– О, сердце мое, замолчи, –
Тот голос был голос земли,
То пели глубоко ключи.
 Я долго забыть не могла
 – О, глупое сердце, уймись, –
 Как хлопали крылья орла,
 Когда подымался он ввысь.
Но ярче и пламенней всех
– О, сердце, не бейся, не плачь –
Твой голос, твой шепот, твой смех,
Мой гений, король и палач.

6 ноября

* * *

Волны тихо шепчут и смеются,
Тихим ласкам отдаются
Берега.
Что до прежней злобы и ненастья!
Им одна минута счастья
Дорога.

Ах, когда б могла я о минувшем,
О тяжелом, обманувшем
Позабыть
И, как волны эти, на мгновенье
Без вопросов, без сомненья
Полюбить.

6 ноября

* * *

Люблю тебя и ненавижу страстно,
И от твоей улыбки трепещу.
С души своей я сбросить цепь не властна,
Но жить под игом рабства не хочу.
Когда ты здесь, я смело рву оковы,
И речь смела, и мысль моя ярка,
Но нет тебя – и сердце плачет снова,
И снова я бессильна и жалка.
Во мгле противоречий я теряюсь,
И ничего желать я не могу,
Перед тобою чувством я склоняюсь,
Но ум твердит: отпор и месть врагу!

7 ноября

* * *

К людям простым, незлобивым
С сердцем и с верой иной,
К речке свободной и к нивам
Рвусь я душою больной.
Там исцеление чует
Ум, истомленный борьбой.
Раны мои уврачует
Неба простор голубой.

Дальше от смрадного дыма
Мимо порочных, больных,
Злых и истасканных мимо
В глушь настроений лесных.

* * *

Когда ты разлюбишь, уйду одиноко,
Молчание гордо храня.
О, ты не услышишь ни слова упрека,
Ни жалоб, ни слез от меня.
 Я острые ногти вонжу в свое тело –
 Не дрогнет в пожатьи рука.
 Лицо подыму равнодушно и смело,
 Хоть сердце иссушит тоска.
О, женская гордость, вспоенная мукой,
Слезам, ночам без сна,
Тебя призову я пред горькой разлукой
И буду тобою сильна.

10–11 ноября

* * *

В грязно-желтом саване тумана
Небо над усталой головой...
А сегодня, помнишь – рано, рано,
Как оно дымилось синевой!
Как оттуда, из глубокой дали
Шел рассвет, колебля ночь кругом,
И огни всё призрачней мерцали,
Умирая в утре голубом.
Как ложился влажный отблеск на дом
И от тени двигалось крыльцо,
Как ясней и чище с каждым взглядом
Рисовалось милое лицо.

Если есть минуты счастья в прошлом,
Береги их хрупкую красу.
Что же в дне и сумрачном и пошлом,
Если солнце я с собой несу.

18 ноября

* * *

Как в море вечное движенье,
И смерть, и смена, и напор,
Так в жизни смерть влечет рожденье,
И между ними вечный спор.
И чем пышнее жатва тленья,
Тем нива жизни веселей,
И гуще новые растенья
Скрывают раны старых пней.

18 ноября

ЖЕЛАНИЕ

Измаялся детинушка,
Не спит, не ест, не пьет.
Одна, одна кручинушка
Покою не дает.
Ему хоромы тесные,
Ему меды – горьки.
Всё смотрит в даль безвестную,
Глядит на бег реки.

«Что, дитяtko, невесело?

Почто не ешь, не спишь?

Что голову повесило?

Что на уме таишь?»

– Вольно ль орлу в неволюшке

И волку взаперти?..

Искать иную долюшку,

Родимая, пусти.

Я в степь уйду великую,
Горит душа во мне.
Кручину я размыкаю
На чуждой стороне.
В плечах, в руках есть силушка,
Других не хуже, чай...
Ты, матушка, ты, милушка,
Благословенье дай.
Орлу быть в клетке гоже ли?
И волку взаперти?
Во мне все силы ожили...
Родимая, – пусти!»

19 ноября

* * *

Как глядится солнце в глубь залива,
Я в глаза твои гляжу пыливо
И игры их странной не пойму.
Что таится за улыбкой нежной?!
Дай ответ душе моей мятежной,
Не покорной взгляду твоему.

Как глядится солнце в глубь залива,
Я в глаза твои гляжу пыливо,
И дрожит, дрожит душа моя.
Что скрывает совершенство линий?
Что там: жемчуг влажный нежно-синий
Или крабов черная семья?

19 ноября

* * *

Потому я тиха и бледна,
Что летят мои ночи без сна,

Что восторг и безумство во мне,
Что душа пламенеет в огне.
Потому убегает мой сон,
Что покой навсегда схоронен,
Что живу я в тебе лишь одном,
Как росинка в цветке полевом.
Потому схоронен мой покой,
Что бесстрастен и холоден твой,
Что сгорю я в огне без следа,
Но тебя не зажгу – никогда!

20 ноября

* * *

У женщины есть две души; одна
В сияньи мирном дня охолодела.
Другая, полуночная, темна,
Тоскливая и страстная, как тело.
И вот я днем горда и холодна,
И днем в твои глаза гляжу я смело,
Но знаю я: несет меня волна
К безумиям, которым нет предела.
К твоим ногам я страстно припаду,
К губам твоим – в восторженном бреду,
Но миг пройдет – и день настанет новый,
Трусливый разум встанет на посту,
Заледенит далекую мечту
До ночи страж бесстрастный и суровый.

23 ноября

* * *

Всё воздушней, нежнее и чище,
Но тусклее и туманнее ты.
Вновь цветут на родном пепелище
С молодой весною цветы.

Где твой голос и взгляд твой случайный
Я ловила, восторгом дыша,
Нынче новой и радостной тайной
Расцветает и светит душа.

23 ноября

* * *

Я с собой несу звезду
В тайниках моей души.
Друг мой, друг мой, поспеши,
К темным безднам я пойду.
Нынче ты мой слабый брат,
Дай мне руку, я сильна,
Мы пройдем весь мир до дна,
Мне людской не страшен ад.
Я ведь знаю, чем сильнее
Царство тусклой темноты,
Тем блестящей свет звезды
Голубей и веселей.

24 ноября

НАРЦИСС

Из всех росы алмазы несших
Ты строже и белей,
Цветок прекраснейший из взрослых
Среди земных полей.
Твои глаза смотрели в звезды,
Когда звенела тишь,
И отблеск их навек унес ты,
Навек в себе таишь.
Твой рот цветов медвяных слаще,
Его нельзя забыть.

Ах, лишь цветок, возросший в чаще,
Так нежен может быть.

24 ноября

* * *

Этих глаз мятежность –
Бурь прожитых след.
Эта страсть и нежность –
Эхо прежних лет.

24 ноября

АНТИНОЙ

Когда тебя рука творила
Движеньем пламенным резца,
Людская творческая сила
Затмила вечного Творца.

* * *

Как жемчужина, над садом
В мутно-белом ореоле
Встала нежная луна.
Без сомнения и боли,
Умирая вещим взглядом,
К нам в окно глядит она.

И в твоих зрачках широких
Две звезды сияют белых;
Вот – скатились по щекам.
Тень на стеклах запотелых.
В наших мыслях одиноких
Так же сумрачно, как там.

28 ноября

АПОЛЛОНУ

В минуту восторга был гимн вдохновенный пропет,
Рукой человека из камня ты вызван на свет.
И синее небо синее и ярче цвело,
Сама Красота целовала немое чело.
В одном упоенье восторженном были слиты
И солнце, и люди, и в сонной истоме цветы.
И девушки шли, опуская решетки ресниц,
Склонялись на плиты, и косы их падали ниц.
И струны тянулись куда-то, напевно звеня,
Рожденные в царстве лазури, любви и огня.
И пылкий художник, мечтою победной влеком,
За белые плечи закидывал руки венком
И грел безответные губы, дрожа и горя,
И алые блики кидала на мрамор заря.

28 ноября

* * *

Счастье – это если время станет
И века в мгновенье пролетят,
Если взгляд таинственно притянет
Пламенный противящийся взгляд,
Если жизнь отступит в сумрак смутный,
Растворясь в игре любимых глаз.
Счастье – миг стихийно-безрассудный,
Счастье – это сон или экстаз.

29 ноября

К К. СОНЕТ

Пусть слепыми силами над нами
В звезды ночь, как в сеть, заплетена.

Пусть случайно говорит волнами
Голубого моря глубина.
Пусть наш мир – пылинка в бесконечном,
Только прах далеких бурь и гроз,
Тайны нет в пути алмазном млечном,
Тайны нет в дыханьи сладком роз.
Но в тебе неведомая сила
Красоту земли соединила
С красотой, далекой лжи и зол.
Сила глаз твоих – Господня тайна.
Тайна есть – и всё необычайно,
Тайна всё и Божий произвол.

29–30 ноября

* * *

Арфа замолкла, и ржавеют струны в пыли.
Звонкие песни ее навсегда замерли,
Слезы и смех в ней не вызовут звонкий ответ,
Форма осталась, но жизни и смысла в ней нет.
Сердце замолкло, и пусто и холодно в нем,
Это уснуло, то выжжено раньше огнем.
Серые будни кончают свой медленный труд,
Скоро последние звезды густой паутиной заткут.
Друг мой, я верю в твой скорый приход,
Арфа со стоном последним с стены упадет.
Друг мой прекрасный! Во имя любви
Струны на сердце моем натяни и порви.

* * *

Две капли, рожденные тучей одной,
Раздельно проходят дорогой земной.
На дне океана уснула одна,
Другую на гребне качает волна.

И нашим путям никогда не сойтись,
Как звездам небесным в венец не сплестись,
Но раньше за гранью дороги земной
В истоке мы были волною одной.

1 декабря

* * *

Та ночь прошла, прошла и умерла,
На алтарях холодная зола.
Венки любви, вчерашние венки
Лежат в пыли, теряя лепестки.
Я ухожу, и ты, мой друг, иди,
Тот миг прошел, другие впереди.
Не оживить увядшую листву,
Но алых роз я вновь в пути нарву.

* * *

Любовь – цветок.
Я не хочу, чтоб он поблек,
Как всякий злак.
Любовь – струя.
Я не хочу, чтобы, поя,
Родник иссяк.
Любовь нежна,
Она погибнет, как волна
У берегов.
Полет смирит
И отойдет, и отгорит
В цепях оков.
Простимся мы,
Не ожидая зимней тьмы,
Не смяв цветка,

Пока ясна
Пред нами светлая весна
И жизнь легка.

* * *

Она была – мечта моя – нежна,
Как дымка сна
На небесах перед зарей,
Как снежный прах.
Она была – мечта моя – легка,
Как облака,
Как пляска мух в полдневный зной,
Как горный дух.
Любила я мечту мою всегда:
Как в ночь звезда,
В чадущем земном светила мне она
Небесным сном.
И вот ее разбила я сама,
И вот тюрьма
Еще темней, разбиты чары сна
В душе моей.

* * *

Осуждаю сама себя строго,
Мне не надо иного судьи.
Милосердия Господа Бога
Не зовут прегрешенья мои.
Разум поднял карающий молот.
А мечта так прекрасна была...
Мир дрожит, мир разрушен, расколот,
Прах рассеяла мутная мгла.
Да, теперь я с земными земная
И молюсь, поклоняюсь судьбе,
Я страдаю с больными больная,
Я безлична в безличной толпе.

Но таинственный голос тревожит,
Разрывает непрочную нить.
Разве может мертвец, разве может
Мной убитый во мне говорить.
Это голос мечты незабвенный,
Звездный голос пережитых дней.
Ты не знаешь, не любишь вселенной,
Ты не знаешь, не любишь людей.
Радость подвига ты принимаешь,
Безнадежно, бесцельно скорбя.
О, безумное сердце, ты знаешь,
Не меня ты убило – себя!

10 декабря

* * *

Два цветка: один кроваво-красный –
Символ страсти бешеной и властной,
И другой, как облака края,
Как улыбка нежная твоя.
Милый друг мой, тихий и бесстрастный,
В этот вечер темный и ненастный
Я даю их, чувства не тая,
Этот яркий – вот любовь моя.
Но твоя рассеянна улыбка,
И скользят цветы меж пальцев гибко,
Лепестки теряя на меня.
Это сердце, друг мой, умирает,
Капли крови алые роняет,
Капли крови, полные огня.

12 декабря

* * *

В твоих глазах я звезды отыскала –
Алмазный мир нам в небе темном дан.
Твой страстный рот кровав, как ветвь коралла, –
Влечет меня могучий океан.
Я вверх смотрю, желая и тоскуя.
Я вниз смотрю – душа моя в огне.
Быть может, в небе счастье найду я,
Быть может – там, на синем, синем дне.

12 декабря

* * *

Твоя душа спокойна, как озеро в горах,
В ней всё ритмично, стройно, ей чужды страсть и страх.
Моя душа стремится в неведомую даль,
Она должна разбиться, но ей себя не жаль.
И если в беге бурном вздохнет о прежних днях,
То только о лазурном о озере в горах.

17 декабря

* * *

Звенела ночь, звенела и звала,
Глядела мгла из каждого угла,
Внизу, в саду черемуха цвела!
Звала весна.
И разум мой бороться с ней не мог,
В ее сетях дурманных изнемог,
И вот меня в таинственный чертог
Ввела она.
Что было там, я вспомнить не могу,
Но, как дыхание волн на берегу,
Спокойный ритм в душе я берегу,
От всех таясь.

Кто был там раз – всю жизнь мечтой томим,
И, как ручей с источником своим,
Не может он порвать навеки с ним
Живую связь.

17 декабря

* * *

Свалились тучи в даль степную,
Всё глубже небо и синей,
И солнце радугу лепную
Кидает шире и вольней.
Весь мир наполнен синим блеском.
Гроза забыта; лишь с берез
Подобно пламенным подвескам
Свисают капли крупных слез.

20 декабря

* * *

Она завивала купальский венок,
Наивною верой в преданье полна:
Ромашка, гвоздика, сухой василек –
Всё дети полей, как она.
И пела, вздыхая, о карих очах.
Лугами зелеными в пышном венке,
В душе затаивши надежду и страх,
Спускалась к спокойной реке.
И что б ни сулила ей жизнь впереди –
Потери, и слезы, и тяжесть цепей, –
Так сладостно сердце звенело в груди!
Так радостно верилось ей!

Ноябрь 1907 – 21 декабря 1908

* * *

Кто-то песню пел,
И дрожал напев,
В нем призыв звенел,
И любовь, и гнев.
Песня рвалась прочь
И с собой звала,
И вздыхала ночь,
И синела мгла.
На родной призыв
Я душой рвалась,
Обо всем забыв,
Об одном томясь.

21 декабря

* * *

У святого престола
Свой обет я снесла.
Поняла, поборола
Духа мести и зла.
Я молилась о чуде,
Причастилась огня.
Но поверят ли люди?
И поймут ли меня?
Сила Божья бросает
Ум, спаленный тоской.
Зло во мне воскресает,
Встретясь с злобой людской.

26 декабря

* * *

Мой грустный взгляд
Звезда манит сияньем голубым.
Мой ум одним огнем объят,
Одной тоской томим.
В полночный час
Отражена в глазах моих звезда.
Не отводя влюбленных глаз,
Я к ней стремлюсь, туда.
Но не сойти
Ей никогда с таинственных высот,
Земное сердце вверх пути
Вовеки не найдет...

26 декабря

* * *

Нарцисс небесный, выросший в синем поле,
Земных цветов душа моя чужда,
Твои лучи их чары побороли,
Нарцисс небесный, синяя звезда.
Ты светлый путь, маяк желанной цели,
Но почему ж кидаешь ты меня?
Твои лучи вверху всю ночь блестели,
И вот их нет, погасли в свете дня.
У ног моих пурпурный мак раскрылся,
Кровавой раной в зелени горя,
Земных желаний жадная заря.
«То был лишь сон. Но светлый сон отснился.
Твоя звезда покинула тебя.
Ты вновь моя, тоскуя и любя».

26 декабря

* * *

За синей далью закат погас.
Погасли солнца любимых глаз.
Их не разбудит заря с утра,
Не скажет ветер: взойти пора.
Но будет красным куст белых роз,
Ведь он на сердце моем возрос.
Но тьму, в которой твой взгляд погас,
Не раз прорежет слезы алмаз.

29 декабря

* * *

Твой рот, как лезвие ножа,
Томит таинственным соблазном.
В цветах любимых глаз дрожа,
Горит роса лучом алмазным.
Ты – неизведанный родник
Обетов сладостных и ложных,
И мой восторг к тебе приник
В мечтах болезненных, тревожных.

31 декабря

* * *

Вокруг меня волнуются хлеба
 Безбрежные в степном своем просторе.
 Как я тиха; как я сейчас слаба,
 Забытая в зеленом этом море.
 И дремлет мысль; и сладостно мечтам
 Нести меня в неведомые страны,
 Где волн ряды несутся к берегам,
 Где берега соленым морем пьяны.
 Там алый мак склоняется к воде,
 Цветет миндаль, не знающий ненастья.
 Там ты живешь, там ты во всем везде,
 Как светлый дух гармонии и счастья.

1 января

* * *

Я люблю тебя всей силой воли,
 Каждой мыслью, каждою мечтой.
 О тебе мне шепчет ветер в поле
 И закат за лесом золотой.
 О губах твоих поет прохлада,
 Струйкою вдоль щек моих скользя;
 – Шепчет ночь: «любить совсем не надо»,
 Но забыть, кто полюбил, нельзя.
 Я люблю тебя в моих страданиях,
 Каждым вздохом скована с тобой,
 Как любили некогда в преданьях
 И, любя, склонялись пред судьбой.

9 января

* * *

Мелькая, жизнь проходит и уходит.
То солнца свет, то тьма, то луч наводит
Луна с своих таинственных высот.
И вот душа, дышавшая так жадно,
Глядит вперед темно и безотрадно
И жизни гнет нерадостно несет.
Всё тот же круг обычных впечатлений:
Заря, леса, игра дрожащих теней,
Что было милым, радостным, своим,
Теперь мне формой кажется ненужной,
И я, и ты, и неба свет жемчужный,
И мысль моя – всё мимолетный дым.

11–12 января

* * *

Люблю тебя, как любят луг туманы,
До утра их в объятиях храня.
Твои уста, как маки юга рдяны,
Как сны весной, преследуют меня.
О, как темно, как жутко в тихом взоре,
Где все лучи погасли без следа...
Люблю тебя, как солнце любит море...
Но я твоей не буду никогда.
Степной грозы могучие порывы
Я превратила в песни о тебе.
Мои мечты как тени прихотливы,
Как рати туч в обманчивой борьбе.
Люблю тебя, как любят сумрак степи,
Люблю твой смех и голос навсегда,
Люблю волос, колец бесценных цепи...
Но я рабой не буду никогда.

11 января

* * *

Вечерний сумрак землю обнимает,
И бледный факел месяц уж вознес.
Что ночь дарит, то утро отнимает...
Как коротки мгновенья наших грез!
Блестит звезда, чаруя и пророча
Свершения желаний и тоски.
Мы счастья ждем, и счастьем дышат ночи,
Но нет его, а иглы дня близки.
Ах, вот оно за облаком мерцает,
От стрел зари уходит глубже ввысь.
Пусть день идет, оковами бряцает,
Но счастье есть: борись, душа, борись!

13 января

* * *

Свободу люблю я, как любят стихию родную,
Безмолвно и жадно, дыханием каждым люблю.
Так любит лишь ветер широкую волю степную
Да чайка, летящая в море вослед кораблю.
Бывают минуты, когда все завесы открыты,
Все тайны понятны, все темные дали ясны,
И чувства и мысли с неизвестными жизнями слиты,
От слов и желаний, от тела земного вольны...
Что в этих мгновеньях сокрыто, не выразишь словом,
Но меньше и меньше земное пленяет меня,
Мой дух, из стихии рожденный, чуждаясь оковам,
В стихию уходит, заветы родные храня.
Чем будут, и будут ли, жизненным волнам границы,
Чем волю, и жажду, и вечную страсть утолю?
Свободу люблю я, как ветер, как волны, как птицы,
Безмолвно и жадно, дыханием жадным люблю.

17 января

ЖЕЛТАЯ РОЗА

I

Лепестки опали вокруг бокала –
Золотые чаши на столе.
Наклонились розы вниз устало
В тихих снах, далекие земле.
Мой восторг тобой одним проникнут,
Ты один в желании больном.
Золотые розы тихо никнут
В утомленных грезах об ином.

II

Как крылья белой птицы,
Вился и реял снег
У тонких стен теплицы
В той сказке, полной нег.
И тихих слов загадка...
И сумрак нежных глаз...
Дышали розы сладко,
И день короткий гас.
Любимый, те мгновенья
Бессмертной красоты
В одно сковали звенья:
Тебя – снега – цветы.

15 января

III

Хлопья снега, лепестки нарциссов,
Влажные, прилипли на стекле.
Я люблю и счастлива – мой вызов
Заметенной, скованной земле.
Пусть рассудок мой тобой обманут,
Я люблю так нежно и светло.

Золотые розы тихо вянут,
Наклоня сонное чело.

16 января

* * *

Я буду жить! Сегодня жизнь прекрасна!
Сегодня солнце смотрит на меня!
И всё вокруг легко и сладострастно,
Как дымки сна на синем склоне дня.
К иной стране, где дали все безвестны,
Меня влечет течение волны:
Не ты один – иные чую бездны,
Иной полет, иные глубины.
В лазури ярко солнце держит знамя,
Вещая всем, целуя и губя.
Его завет я чувствую над нами:
Я буду жить, лучи свои дробя.

18 января

* * *

Мы идем различными путями,
Но одним желанием полны.
Ищешь ты, склонившись, в темном храме, –
Я ищу в дыхании весны.
Ищут те у детской колыбели,
Те в разгульном пиршестве страстей.
Много нас, и нет различной цели,
Нет и одинаковых путей.
Всех нас мучат темные сомненья,
Где-то мчится всем нам зов родной.
Братья, братья! Мы ведь только звенья
Той же цепи вечной и одной.

21 января

* * *

Душа моя раскрылась, как цветок,
От прежних слез, от утра золотого.
Я жить хочу! Закат еще далек,
И всё вокруг мне радостно и ново.
Упал туман неверья пред тобой.
О жизнь, о свет – о сон Творца волшебный!
Какая тайна в бездне голубой!
В лучах твоих какой восторг целебный!
Блестят цветы в нескошенной траве...
Неужто мы дышать – любить устанем?
О жизнь моя – о птица в синеве,
Стремящая полет к неизвестным граням!

18–22 января

* * *

На всем весенняя улыбка.
Дыханье полдня. Первый зной.
Идет волна, качая гибко
Зеркально блещущей стеной.
И вот сгибается, и в мутной
Пещере млечно-голубой
Я вижу блеск и свет минутный
Под шапкой пены снеговой.
Обрушит гребень, и набегом
Взобьет у камней белый дым,
И берег весь украсит снегом,
И стает с шелестом больным.

18–22 января

* * *

Твои я ноги омывала,
Твои я раны целовала,
Рыдала у креста.
Померкло небо; стали реки...
Твоя святая кровь навеки
Прожгла мои уста.
Любовь питается слезами,
И крепнет вера под бичами –
Мой светоч не потух.
Что было тленно, то истлело,
Но что нетленно, просветлело,
Как мой смятенный дух.
Я чую крылья над собою
За легкой дымкой голубою,
И песни, и лучи.
Земные бури отгорели.
Мой светоч ярок. Мы у цели:
Жених грядет в ночи.

ИЗ СТАРОГО ЧЕРНОВИКА

Была ли я чайкой, не знаю,
Забыла за мглою времен,
Но часто стихия седая
Мне мнится, как будто сквозь сон.
И волны в жемчужном уборе
Вздывают резные края...
О море, о синее море,
Родная стихия моя.

* * *

Разгадай, о чем мечтают скалы
Над водой
В вечерний час.

Почему внизу полоской алой
Золотой
Закат погас.
Почему дыханье розы мая
Одному
Дарят, любя.
Разгадай, не спрашивай, не знаю,
Почему
Люблю тебя.

* * *

Мы разошлись, как тучи в небе синем.
Никто не знал, какой мы жребий вынем.
И вот опять мы вместе, как тогда.
Как будто листья с липы не опали,
И не прошли медлительно года,
И не было непонятой печали.
Так вот мой храм, так вот алтарь священный
И мук, и слез, и мысли вдохновенной,
Знакомый мне и чуждый навсегда.
Такой же ты, но я переменилась.
Да, протекли медлительно года,
Проснулась я, мечта моя отснилась.

* * *

Темнело уснувшее поле,
Холодные тени стеля;
То осенью было; в неволе
Томилась больная земля.
Я слышала стоны и руки
Сжимала в бессильной борьбе.
Я слышала слезы и муки
И то же носила в себе.
Грядущим страданья красивы,
Из темной, изрытой земли

Восстанут зеленые нивы
На радость вблизи и вдали.
И если бы знать, что с тобою
Мы будем в грядущем близки,
Смирить я могла б пред судьбою
Порывы безумной тоски.
И в сердце, принявшем сначала
Тоски и страданья печать,
Какая б струна ни звучала,
Все будут нежнее звучать.

20 февраля

К.

Твои глаза прозрачны, как кристалл,
Как сон ручья, как воздух вешний,
В них звездный свет таинственно блистал,
Огонь неведомый, не внешний.
Ты мне как храм, пойми меня, пойми
Среди видений странных и порочных,
Как свет лампад, зажженных не людьми
В часы молений полуночных.

23 февраля

ПРОБУЖДЕНИЕ РУСАЛКИ

Берега потемнели, отстали,
Лед синей и синей,
И прозрачней весенние дали,
Голубей и вольней.
Под хрустальным навесом меж корней
Дни русалки темны,
Но стучатся лучи всё упорней
К ней во имя весны.
Зажигают улыбку на бледном,
На бескровном лице

И, ликуя, поют о победном
Милосердном Творце.
И о том, как легки и красивы
Облака в синеве,
И о том, что под корнем у ивы
Будет цветик в траве.

25 февраля

* * *

Очарованье взгляда твоего
Мне тягостно, и страшно, и желанно,
Стремлюсь к нему и вот бегу его,
И возвращаюсь снова неустанно.
И белизна полузакрытых век,
И ночь ресниц мне кажется порочной,
Таинственной, и полной странных нег,
И сладостной, как звездный мир полночный.
Бегу тебя, но я уже твоя,
Уже с тобой и счастлива, и рада.
Так, говорят, влечет к себе змея
Из чащи птиц очарованьем взгляда.

25 февраля

ОТШЕЛЬНИК

За темными горами,
За вольными полями,
Меж заросли густой,
Над речкой быстроводной,
Прозрачной и холодной,
Стоял шалаш простой.
В нем жил с весны отшельник.
Кругом высокий ельник –
Грибы у старых пней,

Молчание лесное,
Не знающий покоя
 Серебряный ручей.
Старик всегда молился
И с птицами сдружился.
 Был тихий и простой,
Обросший, словно мхами,
Седыми волосами,
 Как будто сам лесной.
Однажды под шалашик,
Пугая вольных пташек,
 Пришел медведь и стал.
Старик его погладил,
Дал ягод и спровадил:
 «Ты птичек испугал».
Отшельник мил был чаще.
Ему сочнее и слаще
 Рос каждый плод земли.
К нему за добрым словом,
Для всех всегда готовым,
 Печаль свою несли.
И в осень, улетаю,
Щебечущая стая
 Помедлила над ним.
Не стало вольных пташек...
Зато пришел в шалашик
 Медведь: теплей двоим.
В лесу качались ели
От ветра и метели,
 Когда зима пришла.
Но ветер и морозы
И снежные заносы
 Не сделали им зла.
Проникнутый к вселенной
Любовью неизменной
 И кроткий без конца,

Над речкой в чаще жил он,
Любовью победил он
Звериные сердца.

26 февраля

* * *

Моя душа сродни седому морю,
Я приняла святой его завет,
Со скал волнам я тайной мыслью вторю:
Свободной быть – иного счастья нет!
Моя душа сродни надменной птице,
Мне дорог взгляд, не знающий цепей,
Кто знал полет – тому уж не смириться,
Свободной быть – завет и мне и ей.
Но в те часы, когда на тверди синей
Встает луна, завет храня иной,
Стихия вся полна ее святыней
И каждую покорна ей волной.
Но иногда, полна иным заветом,
Смиряется орлица из гнезда, –
Так в сердце, вдруг таинственно согретом,
Сильней всего горит любви звезда.

11 марта

* * *

Когда тоска наплывом дум,
Потоком злых противоречий
Ломает мозг – над нашей встречей
Глумиться будет желчный ум.
Тогда оставь меня одну,
Пройдет минута злости черной –
И вновь любящей и покорной
К тебе я пламенно прильну.

11 марта

СОНЕТ

Покуда жизнь стоит перед тобой
Не строгою царицей, а рабой
И, с лживых глаз откинув покрывало,
К устам твоим подносит край бокала,
Не приходи... Мне чужд восторг слепой,
Как чужд тебе испытанный судьбой
Мой взгляд, где тоже песнь жила сначала,
Ушла мечта — и песня отзвучала.
И вот когда с неверной высоты,
Где ты парил, с которой сжился ты,
Судьба столкнет тебя одним ударом,
Тогда ты мой. Тогда ко мне приходи,
Тогда, как тень, прильнув к моей груди,
Отдайся горя тихим чарам.

11 марта

ДЕТСКОЕ

В небе тучек легкий бег,
У корней последний снег,
Всё почуяло весну,
И лучом,
Как ключом,
Солнце красное стучится под сосну.
«Ты растай, снежок, растай,
В небе много птичьих стай,
С неба светит синева,
В глубине
О весне
Меж цветов уже давно прошла молва.
Цветик первый, дорогой,
Из-под снега голубой
Будет завтра поутру,

А за ним
Остальным
Всем я плен ключом червонным отопру».

16 марта

ДОМОВОЙ

Домой живет у нас,
Сам ворчун такой,
Бородища аж до глаз,
Старый и с клюкой.
Шум я, что ли, подыму,
Бабка мне с печи:
«Домовой у нас в дому,
То-то, помолчи».
Смотришь, ночью нету звезд,
Сыро да темно.
Кто расчесет Сивке хвост?
Наши спят давно.
Сам не злой, а всё ворчит,
Охает всю ночь.
Верно, что-нибудь болит!
Как ему помочь?..
Бабка старая на печь
Взлезет: ей тепло,
А ему-то дом стеречь! –
Тоже – тяжело.

16 марта

* * *

Любовь и ненависть в душе моей больной
Ведут свой спор таинственный, ночной,
И то, что ненависть отвергнет и раздавит,
Любовь тотчас оплачет и прославит.

Поруган вечный храм, но нет покоя мне,
И за позор дороже он вдвойне,
За муку злобную, за темные виденья
Святее он в минуту возрожденья.

17 марта

* * *

Во миру-то всё на грехе стоит,
Грехом держится и вяжется.
Ходит нечисть землей да хитрит-мудрит,
Зайцем прыгнет, птицей скажется.
Во миру, что час, тяжелей грехи,
Дни прошли печали, вздыхания,
Слышно, суд грядет, сотряслись верхи:
Плачьте слезами покаяния.
В монастырь пойти, там живет Господь,
Там старицы святые да верные.
Не спасешь постом грешну кровь и плоть,
Да спасешь зато душу бессмертную.

17 марта

НОКТЮРН

Я выхожу и тихо озираюсь:
Какая тишь! какая благодать!
Зачем любить мучительно стараюсь?
Кого любить? Чего еще желать?
Ведь красота, то светлое начало,
Что я ищу, – вот здесь передо мной,
В луне больной, поникнувшей устало,
В немой дали, чуть скрытой пеленой.
И может быть, она в одном покое,
И может быть, она страстей чужда,

Как той реки ночной стекло литое,
Как та вверху бесстрастная звезда.

17 марта

* * *

Я сидела над книгой, склонясь,
И проникнуть глубоко старалась,
И мелькали страницы, струясь,
Но по-прежнему тайна скрывалась.
Не найти мне святого огня,
К серым истинам сердце бесстрашно.
Но когда ты глядишь на меня,
В мире много мне близко и ясно.

18 марта

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В колыбельке спал Христос,
Баю-бай.
Алый куст в саду возрос,
Баю-бай.
Мальчик милый, засыпай,
Я с тобой,
Глазки-звезды закрывай,
Голубь мой.
Был в саду дитя Христос,
Баю-бай.
Светлый ангел чашу нес,
Баю-бай.
Мальчик милый, засыпай,
Я спою,
Как красив небесный край,
Что в раю.

Там течет река чиста,
Баю-бай.
Крестных мук и слез Христа,
Баю-бай.
Мальчик милый, засыпай,
Задремли,
Тихой грезой улетай
От земли.
Там цветы красней, чем кровь,
Баю-бай.
То Христова любовь,
Баю-бай.
Мальчик милый, засыпай
И во сне
Помолись на светлый рай
Обо мне.

ЛЕНЬ

Под горой, где лесок,
Над ручьем наклонясь,
На атласный песок
Кинул нежную вязь,
Любо, любо с тобой
На немой водоем,
На простор голубой
Любоваться вдвоем.
Встанет ветер, шурша.
И далек. И забыт.
Замирает душа,
Замирает и спит.

21 марта

* * *

Разлилась заря волной широкой,
Влажным блеском занялись луга,
И, клубясь, прошел между осокой
Белый дым, роняя жемчуга.
Ветер встал, прохладу утра льющий,
Встал на миг и снова присмирел.
Ах, опять настигнет день гнетущий
Ярким зноем, блеском желтых стрел.

21 марта

* * *

Говорят, что любовь коротка,
Что мгновения жить ей дано.
Жизнь бесстрастно течет, как река,
И бывшее кидает на дно.
Но из пепла разбитых надежд,
Переплыв голубые моря,
В царском блеске туманных одежд
Снова встанет любовь, как заря.

21 марта

* * *

Моя любовь не праздник тихих далей,
Не сон мечты,
Она полна печалей
Земли и суеты.
Сестрою быть твоей бы я хотела,
Чтоб тяжесть зла
С плечей любимых смело
Я снять к себе могла.

Сестрой твоей покорной и любимой,
Чтоб быть с тобой,
Чтоб быть неутомимой
Твоей звездой-судьбой.

21 марта

* * *

Осенний вихрь березкою согнутой
Всё косит небо серое вдали.
Года промчались быстрою минутой
И ржавчиной в душе моей легли.
А в будущем всё тот же холод жизни,
Бессменный строй однообразных дней.
О смерть! О меч, безвестностью повисни
Над головой поникшею моей,
Чтоб вдруг душа восстала над минутой,
Над тишиной, над небом и людьми.
Я не могу быть медленно согнутой...
Жизнь, вознеси меня или сломи!

23 марта

* * *

Не могу не любить я цветы
Потому лишь, что светит звезда.
Не могу я сказать: только ты!
И забыть об ином навсегда.
 Небеса, небеса надо мной
 Распростерли свою синеву.
 Окрыленная тихой волной,
 В небеса, в небеса уплыву.
Разве можно и нужно сказать:
Не стремись, не ищи, не зови.

Ты же хочешь меня привязать
К серым камням цепями любви.
 Но дышать я в цепях не могу,
 Но забыть не могу синеву,
 Слышу зов на ином берегу
 И туда уплыву!

25 марта

* * *

Здесь между нами земное —
 Веки опущены ниц.
Видим мы только дневное,
 Землю с рядами гробниц.
Темным путем и суровым
 Мы одиноко идем.
Здесь мы не выразим словом.
 Здесь мы без слов не поймем.
Брат мой! К садам благовонным
 Злые дороги ведут,
Тихим, немym и влюбленным
 Будет там светлый приют.
В темных лесах, по туманам
 Шаг мы направим смелей.
Друг мой! Дымящимся ранам
 Будет целебный елей.

28 марта

* * *

Пройдут года, пройдут века,
В иные формы жизнь вольется,
И может быть, моя тоска
Цветком чудесным обернется.

И может быть, что нас манит
Не смерти голос – жизни новой,
И прах мой землю утучнит
И перельется в луг ковровый.

29 марта

* * *

Одно лицо, одна мечта,
Единый звук.
Навеки замкнуты уста,
Очерчен круг.
И целый мир замкнут внутри
С своей судьбой,
Там день, и ночь, и свет зари,
Прибой – отбой.
Извне проходит жизнь, спеша,
И мнет цветы,
Но ей чужда моя душа,
Мои мечты.
В ней сон немой или экстаз,
Прибой – отбой,
В ней мир как отблеск милых глаз
С своей судьбой.

29 марта

ОСЕННИЙ СОНЕТ

Засыпан пруд осенним листопадом.
В стальной воде дрожит, краснея, вязь.
Взмывают вверх листки над черным садом,
Как бабочки червонные крутятся,
И на балкон шурша летят и на дом,
В нагих ветвях мгновенно золотятся,
У берегов ложатся тесным рядом
И падают к истлевшим кучам в грязь.

Да, это осень, слышишь, сердце, слышишь,
Там места нет надеждам, где она.
Придет ли, нет желанная весна,
Но смертью ты теперь и тленьем дышишь,
Но осень здесь, чаруя и шепча,
Стоит, склоняясь у самого плеча.

30 марта

* * *

Пускай он разлюбит, покинет
В погоне за тенью мелькнувшей,
Но сердце к нему не остынет,
Простившись с надеждой минувшей.
В туманную полночь другой он
Согреет дрожащие руки
И кинет, и горд и спокоен,
Дав счастье, и слезы, и муки.
В борьбе его счастье, в стремленьи,
В порыве далеко, далеко,
И сломит преграды течение,
И вырвется пламя потока.
Я знаю: разлюбит, забудет,
Как вольная птица умчится,
Но сердце его не осудит,
Поймет, и простит, и смирится.

1 апреля

* * *

Как бег теней я на лугу
Остановлю?
Как разлюбить того могу,
Кого люблю?
Влечется всё одно другим,
Прервать нельзя,

Когда событий пестрый дым
Плывет, скользя.

1 апреля

* * *

В руке твоей склоненной
Не двигалось весло.
В туман по глади сонной
Нас медленно несло.
И сладко так мечталось
В тот вечер летний нам.
Лицо мое склонялось
К струящимся волнам.
В степи вдали сочились
Огни сквозь полог тьмы,
И берега сходились
В провалы и холмы.
Казалось всё безвестным...
Но ты ведь был со мной
В одном молчаньи тесном
Во сне, в мечте одной.
В тот миг навеки мне бы
Уснуть, любя огни,
Тебя, да это небо,
Да берега в тени.

1 апреля

* * *

Мне надо так немного
От щедрости Твоей,
Чтоб в жизнь моя дорога
Зари была светлей.

Мне надо видеть море,
Мне надо жить в лесу,
Тогда любое горе
Я радостно снесу.
 Я жить в глуши готова,
 Не смолкнет там мой смех.
 А два-три добрых слова –
 И я счастливей всех!

3 апреля

* * *

Те чайки на заре,
Летающие к прибою
В туманном серебре, –
 То были мы с тобою.
Те лебеди в водах
В серебристо-синей пыли,
Склоненные в мечтах, –
 То мы с тобою были.
Те ласточки к грозе,
Мелькающие мимо
В тяжелой бирюзе, –
 То были мы, любимый.
О, прежний зов пойми!
О, здесь над вольным морем
Опять, опять, людьми
 Мы клятву ту повторим,
Ту клятву, что одна
Свобода нам родима.
Ведь наша жизнь – волна
 И всё пронесит мимо.
Я кинуть не могу
Для вольных вод болото,
Но что-то стерегу
 И жадно верю в что-то.

Что станется потом?..
Вернемся ль к далям синим?..
Но будем мы вдвоем,
Но землю мы покинем!

4 апреля

* * *

<.....>
У темных вишен у крыльца!
И лепестки на темном платье,
И счастье, счастье без конца,
И этот взгляд немой и жгучий,
Подобный пламенной звезде...
И лепестков набег летучий...
И блики лунные везде...

4 апреля

* * *

Знакомые лица, знакомые споры – и скучно.
На окнах морозом плетутся узоры беззвучно.
В гирлянды растенья сцепились, с цветами лианы.
И дальше по полю танцуют над нами туманы.
Затихнули споры и речи, смолкают желанья,
Камин потухает, и грусть навевает молчанье.
И жизнь бесконечна, и ночь безнадежно ненастна.
Надежда безумна, любовь невозможно-напрасна.
Потухшего пепла поникшие лица серее.
О, если б забыться, уснуть и забыться скорее!..

4 апреля

ЛЕСНЫЕ БОГИ

За лесом заря догорала,
Спускалась, синяя, завеса.
Бледнела полоска коралла,
Пронзенная иглами леса.
 Я шла на свиданье, мечтая,
 Тенистой и мшистой тропинкой,
 И мошек жужжащая стая
 Дрожала вверху паутиной.
Мелькали по зелени пятна,
Стонали далеко кукушки.
Болото блестело нарядно
Почти что у самой опушки.
 Вдруг голос я слышу звенящий
 И веток колеблемых шорох.
 И стая сатиров из чащи
 Метнулась с испугом во взорах.
Потом рассмеялись, сомкнулись
Ревущей стеной на дороге,
К земле головами пригнулись,
Расставив козлиные ноги.
 Я стала за елью. «Не бойся, –
 Сказали мне боги: – мы пляшем.
 Травой и мхами прикройся,
 Останься на празднике нашем.
 Ушли по болоту детишки,
 Там тоже и танцы и крики.
 У нас есть еловые шишки
 И много лесной земляники.
 Останься, останься, сестрица.
 Мы знаем такое, что людям
 В фантазиях лучших не снится,
 Мы тайны лесные разбудим».
– О нет, – говорю я: – поверьте,
Принять не могу предложенья;
Не страшны мне древние черти
И чуждо слепое смирение.

Проникнуть в затоны лесные
И в чащи пойти не боюсь я,
Но тайны поведать иные
В любимых глазах тороплюсь я.
 И тень распустилась ночная,
 И стихнули стоны кукушки.
 Одна я, как раньше, одна я
 Иду по безмолвной опушке.

5 апреля

* * *

Костер в лесу, еще прозрачном,
 Склоненном к дымчатой воде,
 Венцом весны, убором брачным
 Еще не тронутым нигде.
С пригорка тянет вдаль лиловым
 Дымком сквозь тонкие стволы,
 Далеко вниз к кустам еловым,
 В провал зеленой влажной мглы.
Костер в лесу почти незримый,
 Почти прозрачный в блеске дня,
 Как ты, забытый и любимый,
 В счастливом сердце у меня.
Прекрасна жизнь в покое ясном,
 Дышу, и прошлого не жаль,
 Милей его мечтам бесстрастным
 Леса и дымчатая даль.
Но ночь сойдет кошмарной тучей –
 О, эти муки так близки...
 Восстанет он, огонь могучий
 Любви, безумства и тоски.

*6 мая
Мисхор*

* * *

Мне хорошо, мне сладостно дышать,
И пусть в мечтах проходит жизнь, о, пусть!
Как я могу тебя не вспоминать,
Когда покой мою овеял грусть!
Когда вокруг цветы в единый хор
Сливают красок блеск и аромат,
Когда в туманной бездне тонет взор
И волны сказку тихо говорят,
И ты, как всё, склоняешься ко мне,
И целый мир тобою озарен.
Пусть жизнь моя проходит в полусне,
Когда тебя ко мне приносит он.
Смеется день; летит мечта к мечте,
И тень скользит от тучи на песке.
Всё истина – в единой красоте,
В страданиях ложь, и в смерти, и в тоске.

Мисхор

* * *

Когда луна за садом расцветет,
И руки ночь в объятья нам сплетет
И губы вдруг сольет в лобзаньи страстном,
Как в вечном гимне грозном и безгласном,
Тогда, к тебе прижавшись головой,
Сквозь полог тьмы я вижу лик – не твой...
То зов к иной любви, к иному раю,
И руки я с мольбою простираю.
Но он молчит, он чужд моей мольбе,
И плачу я, прильнув лицом к тебе,
И плачу я в твоих объятьях страстных
И тех глазах немых и безучастных.

*13 мая
Мисхор*

Когда смирится разум пред безвестным,
Пред тем, что отрицание его,
И будет мир лишь видимым, телесным,
Где всё без смысла высшего мертво,
Когда пойду безвольно и послушно,
Куда несет случайная волна,
Когда на смерть взгляну я равнодушно,
Тогда она понятна и нужна.

Но умереть сейчас? О нет!
Мне смерть страшна, мне жизнь желанна,
Мне ночь темна, и ясен свет,
И так весна благоуханна.
О, злая смерть, цветов не рви,
Не распускай свой полог черный,
Им надо солнца и любви,
Им надо влаги благотворной,
Чтоб подниматься и расти...
О вы, цветы моих мечтаний,
Вам суждено ли расцвести,
Узнать венец своих желаний?
Пуškai обманет жизнь меня
И не познаю я расцвета,
Но вижу я сиянье дня,
И им душа моя согрета.
Вокруг весна, поет весна
С своим всевластным сладострастьем...
Нет, смерть ненужна и страшна,
Когда вокруг всё дышит счастьем.

*13 мая
Мисхор*

ДРУГОМУ

И разумом и сердцем мы чужды,
Твой скучный мир отвергнут мной!
И голосом таинственной вражды
Нас разлучает свет дневной.
Но бездна в нас: часы ее близки,
К моей груди приникнешь ты,
И зов ее сильнее моей тоски,
Сильней любви, сильнее мечты.

*18 мая
Мисхор*

* * *

В окошко бойницы
На темный гранит
Я грудью склонилась над бездной лазурной.
Туман золотится,
И ветер звенит
В предчувствии ночи немой и безбурной.

За башней отвесной
Жемчужная даль
Поникнувший парус в объятьях покоит.
Пловец безызвестный,
Скорее причаль,
Здесь белая пена челнок твой омоет.

Здесь ветер смеется
И волны шуршат,
Вонзая в камень жемчужные зубы.
Здесь сладко несется
От гор аромат,
Здесь хищному сердцу привольно и любо.

Желанен мне смелый...
Под темный откос
Срываются с криком веселые птицы.
Рыбак загорелый!
Ты силен и бос...
Есть трещина в стенах до самой бойницы...

23 мая

* * *

Уходит шумный берег; мы одни.
Поет вода под веслами твоими.
Скользит туман, скользит везде; взгляни,
Как тонет даль в молочно-белом дыме.
Под лодкою прозрачна синева,
На дне далеком сине и лилово,
На крупных камнях рыжая трава,
Как будто кудри деда водяного.
Вздыхает он; оскалил камней ряд
Бездонный рот, уродливый и черный,
Глаза его искристые горят
Мечтой одной далекой и упорной.
Но нас ему теперь не заманить.
Нам чуждо всё: печаль, мечта, движение.
Вся жизнь сейчас как трепетная нить,
Под парусом далеким отраженье.
Из-под ресниц ты смотришь на меня,
И лень тебе смотреть и улыбаться.
Под лодкою вода бежит, звеня,
И кинутые весла серебруются.

1911

* * *

Огней потушенных зажечь нельзя,
В местах разрушенных твоя стезя.
В глазах измученных желаний нет.
В тропах, в излучинах, твой канет след.
Придет грядущее, пройдет иной
С своей цветущею земной весной,
Тропой чудесною пройдет, скользя,
Сольется с бездною и та стезя.

3 апреля

* * *

Не быть тому, что некогда бывало.
Я жду, чтоб смерть меня поцеловала.
Одна в моем большом и старом доме,
Ее шаги ловлю я в полудреме.
Я слышу зов, как голос старой няни,
Как голос дней, померкнувших в тумане,
И жду тебя вечернею порой,
Приди ко мне, спой песню и укрой.

12 апреля

* * *

В моем саду цветы без аромата,
Мечтам разбитым к жизни нет возврата.
Одной тропой означен путь мой криво,
И та ведет до близкого обрыва.

Мне всё равно; цветы мои увянут,
И поздних пчел их краски не обманут,
И до конца свой путь пройду я ныне,
И дом пустой останется в пустыне.

12 апреля

* * *

Прохлада, сумрак, шелест ног,
Плита и гроб из алебаstra;
Вверху мистический цветок,
Розетты пламенная астра.
И древний дух, и древний вид,
И лик Христа с венцом багряным –
Всё полно скорбью, как Давид
В своем порыве покаянном.

28 апреля

* * *

Уж выцвела на ризах синева,
Бумажных роз гирлянда вся поблекла.
В пыли у стен лежат цветные стекла,
А на окне, в щели растет трава.
Последних служб давно огонь погас;
Унёсен крест... забвенье, разрушенье...
И темный лик, вновь преданный, на нас
Глядит сквозь мрак глазами всепрощенья.

30 апреля

* * *

<I>

Наш замок высоко в седые скалы врос.
Нет темных лип вокруг, ни трав, ни ярких роз.
И в гулких залах нет каминов и ковров.
И мой отец угрюм, и наш закон суров.
Внизу зеленый склон, ручьи, стада овец,
В цвету тенистый куст, под ним пастух-певец,
Но гордый замок наш над скалами встает,
И никогда пастух мне песни не споет.

II

Ты пастух из долины, слуга.
Я ношу на груди жемчуга.
Но, подвластна нечистой волшбе,
Я мечтаю всю ночь о тебе.
Как колдун, ты умрешь на огне,
Чтобы чары погибли на мне,
Чтоб была я горда и чиста
У подножья святого креста.

III

Моя печаль, как сон, незрима и тиха.
Давно не слышен крик и песни пастуха,
Я не смотрю давно на ясный свет дневной,
И замок на скале окутан тишиной.
Нет лип вокруг, молчит сухой, колючий ров,
В часовне лик Христа и темен и суров,
Мой замок высоко в седые скалы врос,
И не нарвет пастух с лугов мне алых роз.

30 апреля – 1 мая

* * *

Я иду и брежу старой сказкой.
Лебедой тропинка заросла.
Темный пруд покрыт зеленой ряской,
В полустгнившей лодке нет весла.
Но и я покинута. И слаще
Мне в глуши печаль свою нести,
И цветок волшебный только в чаше,
Лишь в безлюдьи может расцвести.

2 мая

* * *

В эту ночь в лампадке свет потух
И ко мне спустился темный дух.
Я чертила слабо знак креста,
Он ко мне склонялся, жег уста.
Помолитесь, сестры, об сестре –
Умереть должна я на костре,
На огне очистить злую плоть,
Смертной мукой духа побороть.

19 мая

* * *

Нет, никогда этот путь наш не будет единым,
Мой – к алым макам, а ваш – к долговечным жасминам.
Чуждые звуки в аккорд не сольются согласный,
Голос страстей не захочет услышать бесстрастный.
Кто мне ответит – за что я люблю? – кто ответит?
Жаждающий взгляд мой сочувствия в вашем не встретит.
Путь мой бесцельный теряется в трепетном мраке,
В муке бесплодной завянут кровавые маки...

21 мая

* * *

Ты шел, не смотря, к бездорожью
За трепетной маской
Огней,
Я путь твой украсила ложью,
Любовною сказкой
Моей.
Ты шел за неверным миражем,
Мой зов сокровенный
Отверг.
Страданий мы наших не свяжем,
Хоть свет твой мгновенный
Померк.
Ты чужд мне, ты чужд, изменивший,
Рассталась я с ложью
Любви.
Погаснул огонь твой манивший,
Один в бездорожьи
Живи.

23 мая

АДАМУ

Над сном твоим склоняясь, я пою:
Я не хочу с тобою быть в раю,
Пусть знак один страданий и труда
Соединит нас вместе навсегда.
Нам отцвели священные цветы,
И все дороги терном увиты,
И зов скорбей, печалей и забот
В вечерний час и в час дневной зовет.
К тебе склоняясь, я радостно пою:
Я не хочу с тобою быть в раю,
Любовь ясней в страданиях и слезах,
Как блеск созвездий в темных небесах.

Я вытру пот с уставшего чела,
Чтоб ночь твоя спокойною была.
Пускай горит у врат священный меч,
Ему любви – и счастья не сжечь.

30 мая

* * *

Пространства и года не могут разлучить,
Бессильна власть над сказками и снами,
Пока любви связующая нить
Не перервется между нами.
И лишь тогда, когда иной пожар
Испепелит всё старое, – разлуке
Мы принесем, в забвеньи, скорбный дар
Былой любви, мечты и муки.

2 июня

* * *

Травой ступени заросли,
Покров плюща на саркофаге,
И запах ласковый земли,
И запах трав, и запах влаги.
И в порах камней пыль и мох,
Как бы девиз забвенья вышит,
Но ключ в лощине не заглох
И храм бессмертной тайной дышит.
Не умирает Красота,
Алтарь любви не знает тленья,
И лилий белая чета
К нему несет свои куренья.

*18 июня
Затышек*

* * *

Кто изведал жестокие радости Венеры,
блуждает по густой миртовой роще.

А. Франс

Мы в роще миртовой, Венере посвященной,
Четой неправедной, печальной и влюбленной, –
Чуждаясь радостных, приткнувшихся друг к другу, –
Стремим шаги свои по сомкнутому кругу.
Мы разделенные – мы рядом, но далеки
На нескончаемость страданий и дороги;
И муки жалостью удвоены и страстью –
Мы тени грешные сквозь грех пришедших к счастью.

18 июня

* * *

Тихий ангел, я жду тебя,
Твои шаги я слушаю тоскливо,
В руках моих смиренная олива,
Ангел смерти, я жду тебя.
Тихий ангел, возьми меня,
Желаний нет, и жизнь глядит сурово,
Мой саван чист, и я давно готова,
Ангел смерти, возьми меня.

19 июня

* * *

Я дремлю в широком кресле.
День уходит золотой.
Лики милые воскресли,
Оживленные мечтой.

Тихий шелест их признаний...
Полусон в полубреду...
Я, как девочка за няней,
За Фантазией иду.
Милый рядом, путь не длинный.
Даль недвижимее стекла.
Тень от замка над долиной
Черной птицей налегла.
Не трепещут опахала
Пальм, пронзивших синеву.
Я бы вечно отдыхала
Здесь, упавши на траву.
Но несутся звон и крики
Из раскрывшихся ворот.
Солнце льет лучи и блики
На ликующий народ.
Это наше царство, наше:
Замок сказки и мечты,
И сверкающие чаши,
И душистые цветы.
Ты, прекрасный, выбран нами,
Дар Фантазии прими:
Будь владыкой над садами,
Сердцем, солнцем и людьми...

19 июня

* * *

Минутные встречи
И долгие, долгие мысли...
Как голос предтечи,
Тяжелые грезы повисли.
Крылами разлуки
Закроются милые тени,
Забудутся муки
Под гнетом неверья и лени,

Забудутся речи,
Стремленья к страданиям и власти,
Короткие встречи
И долгие страсти...

19 июня

* * *

Я на кресте мучительных страстей.
Я распята толпой противоречий.
Больной душе нет праведных путей,
И зов греха давно звучит предтечей.
У ног моих ты – милый, ты – простой,
Но ты далек в желаньи немятежном,
Ты не со мной, ты с Светлой Красотой –
Я на кресте мучительном и грешном.

20 июня

* * *

Ты прекрасен, как святой Георгий
Без разящего меча.
Пред тобой душа сгорит в восторге,
Как заутрени свеча.
О, как жажду я тебе молиться
И к ногам любя припасть,
Ведь за муки грех всегда простится,
За любовь простится страсть.

21 июня

* * *

Душа твоя – ларец кедровый,
И мне его не разомкнуть.
Ее влечет немой, суровый,
Во мгле теряющийся путь.
Ей дорог подвиг, глушь лесная,
Она, исполнена огня,
Зовет и ждет, кого? – Не знаю.
Но знаю точно: не меня.

21 июня

* * *

Мой замок хрустальный готов.
Призывны огни фонарей,
Так много зеркал и цветов,
Так много открытых дверей.
Свой взгляд я кидаю во тьму –
Кого посылает мне даль?..
Я с равным восторгом приму
И смерть, и любовь, и печаль.

3 июля

Новый Мисхор

* * *

Я жду тебя у моря светлой ночью,
Мечты мои – как капли на песке:
Они ушли в печаль, в сосредоточье.
Любовь моя поблекнула в тоске.
И лучше б нам расстаться до признаний,
Уйти без лжи, порвать мгновенно нить
И лепестки воспоминаний
Навеки свежими хранить.

9 июля

* * *

Страданий ищущу я; они очищают.
Полынью сад мой зарос.
Пусть горсти открытые рук не вмещают
Богатства крови и слез.
Мои небеса так пустынно и серы,
И в них я ищущу звезду.
О розы страданий! О лилии веры!
Цветите в моем саду.

* * *

Крыло разлуки черное над нами.
Под злою тенью вместе мы, вдвоем.
Еще вдвоем, но страсти гаснет пламя,
И ночь в сердцах и в вашем, и в моем.
И вот мы лжем; рыдаем и жалеем,
Но чужды мы тому, что отошло,
И над любовью мертвой мавзолеем
Стоит разлуки черное крыло.

18 августа

* * *

Назови меня своей,
Возведи дворец из слов,
Обмани меня, обвей
Нежной сетью слов и снов.
Ты не можешь? Будь моим
В час дневной и в час ночной.
Мой дворец открыт двоим,
Будь моим, иди за мной.

18 августа

* * *

Я шла мимо яблонь цветущих из дома.
Осенний обратный томителен путь.
Смертельная в сердце уставшем истома,
Холодные ветки царапают грудь.
Огнями сияют, как руны, созвездья.
Их приговор ясен, напрасны мольбы.
За грех, за измену – возмездье, возмездье!..
О, есть ли спасенье от жала судьбы!

22 августа

* * *

Путями разными мы шли,
Вот встретились – и снова
Я здесь одна, а ты вдали
По воле рока злого.
Путями разными идем
Мы к разным снам и встречаем,
Но навсегда одним звеном
Мы скованы в прошедшем.

29 августа

* * *

Вздыхает море тихое, болезненное,
И скорбь его не знает берегов.
Она вокруг, она с тобой и мною
Вошла в наш сад дыханием снегов.
Мы в эту ночь, любя, друг друга мучим,
Меж нами скорбь; ночная скорбь сомнет
Цветок любви крылом своим колючим,
И будет в сердце только ночь и гнет.

2 сентября

* * *

Я войду в твой дом печальный,
Полный мрака и прохлады,
В свете трепетном венчальной
Позолоченной лампы.
Я войду, задую пламя,
Скину звонкие запястья.
Мы вдвоем, и ночь над нами,
С нами третий – наше счастье.

* * *

Любящий примет в дом свою любимую,
И станет светел дом.
Но смерть пойдет попутчицей незримою
При счастье молодом.
Роняет вечность быстрые мгновения,
Мертва любовь четы.
Идите врозь дорогами забвения,
Где смерть растит цветы.

3 сентября

* * *

Ты уходил, и за тобой
По каплям радость уходила.
И сердце бедное застыло
И примирилось с злой судьбой.
Всё реже в запертую дверь
Стучит мечта о прежнем счастье.
Я приняла свое бесстрашие,
И не буди меня теперь.

* * *

Отвесом каменным утес
Спускается к воде.
Он мхом, как ржавчиной, порос
По длинной борозде.
По ней поток бежал весной,
Весь в пенной седине,
И шум воды и шум лесной
Сливались в гимн весне.
Но темен пруд, и лес угрюм,
И серый сух гранит,
И смолк давно веселый шум
И скоро ль зазвенит?

4 сентября

ОСЕНЬ

По далям холодным, жемчужным
Луч света мелькнул – и исчез.
Ты стал мне чужим и ненужным,
Как этот безлиственный лес.
Дышать мне легко и привольно;
Забыты мечты и слова;
Но сердцу минутами больно,
Как будто любовь – не мертва!

9 сентября

* * *

Во мне всё было пусто и мертво.
Пришли осенние печали.
Они коснулись сердца моего,
И струны робко зазвучали.
Я вновь живу и вновь хочу отдать
И жадно брать хочу от жизни.

О, слезных рос святая благодать,
Скорее в поле скорби брызни...

9 сентября

* * *

К могиле бога я крадусь ночью,
Несу мой страх.
Но шепчет разум: смотри воочью,
Здесь только прах.
Страх лжет напрасно; здесь только рака
И та мечта.
Развей покровы легенд и мрака,
Она – пуста!

13 сентября

* * *

Черным терном путь зарос,
В черной роще мой приют,
Но найду я белых роз
Посетившим мой приют,
Тем, что первые придут.
Дом мой мрачен, долги дни.
Гуще сумрак ввечеру.
Но цветы выросли в тени
Для пришедших ввечеру,
Для последних мед сберу.

13 сентября

* * *

Зеленый мрак в моем саду,
Не бойся, загляни.

Я в нем и роз тебе найду
В густой его тени.
Зеленый мрак в саду моем,
Входи, не трепеща...
Какой व्यюнок мы здесь сошьем
Из черного плюща...
В моем саду зеленый мрак,
Но в злой игре теней
Всё дышит сказкой, всё не так,
Как в скуке долгих дней,
— Всё слаще и больней...

15 сентября

* * *

Сомкнулись черные ворота,
Закрыв вечернюю зарю.
Иду в луга до поворота
И ночи скорбно говорю
О том, что быть могло б иначе
И что не будет никогда,
И долго плачу, долго плачу
У почерневшего пруда...

15 сентября

* * *

Как синее пламя,
Горит горизонт.
Но елка над нами
Раскрыла свой зонт.
Еловые шишки
По дерну везде,
Как серые мышки
В зеленом гнезде.

Забравшись под ветки,
Мы дремлем; вокруг
Всё дремлет, лишь в сетке
Не дремлет паук.
Он нас и не трусит,
Голодный и злой.
Сегодня закусит
Он толстой пчелой!
Так дремлется сладко
В распаренном мху,
А пчелка-лохматка
Гудит наверху.

15 сентября

* * *

Глядит луна, сквозь серые вуали,
Как бы вдова под жалами тоски.
Еще с тобой мы счастья не знавали,
И в эту ночь мы будем ли близки.
Ты сможешь ли, захочешь ли коснуться
Губами глаз невысохших моих.
О, если б счастье смело развернуться
В цветке греха, желанием двоих.

25 сентября

* * *

К чему печаль напрасных слез,
И этот страх, и этот трепет?
Не ты, но смерть решит вопрос,
Когда крылом тебя зацепит.
Пока цветы цветут – цвети,
Пока живешь – лови мгновенья.

Ведь всё равно в конце пути
Небытие, провал, забвенье...

26 сентября

* * *

Я шла к Голгофе и роптала
На трудный путь, на дальность мест.
Склонилась смерть и прошептала:
«С тебя сниму я тяжкий крест».
Смерть соблазняла: «рвутся звенья.
Порви же цепь, иди домой
За мной, ко мне, в страну забвенья
Дорогой близкой и прямой».
Иду, молчу и не приемлю
Ее протянутый бокал,
Но жарче зной и душит землю,
Мой дух поникнул – и взалкал.

26 сентября

* * *

Великое ничто нас ждет в конце пути.
Куда иду теперь, туда прибудет каждый.
Ты не идешь со мной, ты не готов идти,
Глаза твои горят и голодом, и жаждой.
И ты – и ты любил! Печаль моя темна,
Пусть смерть передо мной опустит все повязки,
Иду туда одна, как здесь была одна,
Не веря ни в тебя, ни в бытие, ни в сказки.

МОИМ «ФЛИРТАМ»

Твоя любовь – как исступленье
Желанья яркого и злого.
Моя любовь – сквозь страх и тленье
Тюльпан на кладбище бывшего.
В твоих желаньях отражаясь,
Я вся иная, вся другая.
Люби – ко мне не приближаясь,
Сгорай – меня не зажигая.

26 сентября

* * *

Желаний не мерь и не числи,
В страданиях преград не встречай,
Отборное золото мысли
Бессмысленно всем расточай,
Чтоб весь был раскидан и прожит
Запас созидających сил,
Ведь смерть всё равно уничтожит,
Чего б ты в себе ни носил.

27 сентября

* * *

Люблю, но не выйду из плена,
На праздник меня не зови.
Желанья – как красная пена
На море лазурном любви.
Пусть жестко гранитное ложе,
Но волны спокойны на нем.
Цветок голубой мне дороже
Цветов, опаленных огнем.

28 сентября

* * *

Откуда ты, призрак? Струятся
Одежды твои.
Быть может, мы будем встречаться
В ином бытии.
Ты лучшее я; отраженье
Земного лица.
Зачем же тогда униженье
И муки конца?!

28 сентября

* * *

Один был радостный и страстный,
Он дал бы счастье сгореть любя.
Его цветок кроваво-красный
Я оттолкнула от себя.
Другой был вдумчивый, несмелый,
Я б в нем забвенье и сон нашла,
Он нес цветок закрытый, белый,
Но я не глядя отошла.
Но ты... верна иным веленьям,
Ждала я встретиться давно с тобой,
Приму с молитвой и томленьем
Цветок последний – голубой.

28 сентября

* * *

По утрам я коз дою и пряжу
Ткать учусь, и мать меня бранит.
Если петь с утра с сестрой налажу,
Мать ворчит, а песня всё звенит.
Ты спросил, о чем мечтаю ночью,
Разве ночи мечтаньям отдана?

Шум в горах, разбиты тучи в клочья,
Хорошо еще, когда луна!
Ничего нет в мире лучше утра.
На заре у моря я была.
Ты не любишь, странник, перламутра
Дать тебе, пожалуй, я б могла.

28 сентября

* * *

Твоя душа мне кажется прекрасной,
Она – цветок, несущий сладкий мед.
Но в ней паук, страж злой и сладострастный,
И он цены сокувищ не поймет.
Уж заткан вход седою паутиной,
Я отхожу взволнованно, спеша.
Каким цветком, какой звездой единой
Была она, – умершая душа!

29 сентября

* * *

Продолговатость карих глаз,
Похожих на глаза оленя.
На краткий миг и только б раз
Прогнать их бархатные тени.
Мгновенных искр поймать поток
И взгляд, желаньями смущенный,
И отойти, сорвав цветок,
Уединением возвращенный.

2 октября

* * *

В сумерки горной иду я тропой.
Конь мне навстречу и рыцарь слепой,
Губы как маки пылают, дразня:
«Кто же, – он шепчет, – проводит меня?»
Смерть меня манит в печальном лесу.
– «Рыцарь, доверься; тебя я спасу...» –
Быстро к обрыву мы мчимся тропой,
Крепко держи меня, рыцарь слепой...

2 октября

* * *

Рыцарь слепой повстречался мне в горном лесу,
Там, где обрывы чернеют и скалы встают.
– Скоро ль, – шептал он, – печаль я свою донесу
В мирный приют?
В пропасть глухую, я знаю, тропинка ведет,
Лес не шумит в ней и птицы над ней не поют.
Разве на свете такой же другой он найдет
Мирный приют?..

2 октября

* * *

Меж створок раковины тесной
Мы опустились в мир медуз.
Любовью сладкой и телесной
Был в жизни краткий наш союз.
Отвергнув смерть и рай ненужный
И им отвергнуты, вдвоем
Мы здесь нашли наш рай жемчужный
И здесь любить не устаем.

6 октября

* * *

Любовной страсти лето,
Желаний яркий бред,
Мне чуждо счастье это –
Другого ж вовсе нет.

6 октября

* * *

Я жду в лесу березовом,
Неверном, недневном.
Луна на небе розовом
Чуть светится пятном.
Последнее свидание,
Последний тусклый свет.
Но разве есть страдание?
И счастья в грусти нет?
О сумерки, несущие
Под ласковым крылом
И милое грядущее,
И память о былом!

7 октября

* * *

Откройся мне в закатный час наитий.
У наших ног взволнованно дыша,
Ткет океан покров из пестрых нитей,
Изменчивый, как женская душа.
Сегодня ты желанен мне и дорог,
И ласкова вечерняя волна.
Что ты таишь меж перламутра створок,
О раковина твердая со дна?
Открыв ее – таинственную чашу, –
Возьму себе я светлые дары,

Я жемчугами пальцы разукрашу
И отойду, ища иной игры...

8 октября

* * *

Как же могу я дойти
В твой отдаленный приют,
Если на каждом пути
Стены глухие встают?
Руки к тебе протяну –
В руки вонзятся шипы.
Встань на минуту одну
На повороте тропы.
Знаю я: ты не снесешь
Сверху свою благодать.
Мир мой богат и хорош,
Брать не хочу, но отдать.
Сердце мое как пчела,
Сладкую радость мою,
Всё, что я в нем берегла,
Нынче тебе отдаю.

1–10 октября

* * *

Остро запахли горькие травы,
Радостно мне и печально тебе.
Оба различно, но оба мы правы
В нашей любовной, долгой борьбе.
Краткая радость – рабский мой жребий.
Долгая жизнь – подчиняться, любя.
Запах веселый и солнце на небе
Миг для меня и всегда для тебя.

10 октября

* * *

Кто любит жизнь – тот любит всех,
Тот любит каждое биенье,
И свет, и мглу, и плач, и смех,
И боль, и сон, и пробужденье.
Кто любит жизнь, тот ей любим,
Но перед взглядом равнодушным
Она ползет, как пестрый дым,
Кошмаром скучным и бездушным.

* * *

Я ушла в одинокую келью –
Утомила меня страда.
Ни стыду, ни тоске, ни веселью
Не проникнуть сюда никогда.
Отдохну перед смертью в молчании.
А молитва моя проста.
Мне не надо иного чаяния,
Кроме райского сада Христа...

10 октября

* * *

Тени сквозные от ели на шторе,
Шорох ветвей монотонно певуч.
Море как чаша... далекое море,
Всё окурённое дымами туч.
Дышат смолой золотистые стены,
Мир на вершине мне светел и нов...
Сердце как море – ни страсти, ни пены, –
Всё окурённое дымами снов.

11 октября

* * *

Глубокий звук виолончели,
Овал склоненного лица, —
А за окном чернеют ели
На небе тусклого свинца.
Мечтать, желать, искать нет смысла.
Нет достижений — только сны.
Упал смычок, рука повисла,
Глаза внимательно грустны.
Нам скрыто небо дымной ризой;
А в нашей песне нет конца...
Бледней цветка сквозь сумрак сизый
Овал склоненного лица...

11 октября

* * *

Ты не ропщи, что мне смешны
Твои тоскующие взгляды,
Что я люблю мечты и сны,
Как будто жизни мне не надо.
Сжигая юность, как свечу,
Забыв о будничном, гнетущем,
Своим веселием я мщу
За цепи рабские в грядущем.

13 октября

* * *

Как бы цветов пурпурных ворох,
Закат клубится в облаках.
Последний луч погас на шторах.
Твоя рука в моих руках.
Твое лицо бледнее воска.
Твой тайный вздох меня достиг:

Твоя душа у перекрестка,
Где день и ночь сошлись на миг.

15 октября

* * *

Цепи злобы и любви
Равнодушно разорви.
Для свободных всё тюрьма –
Рай, и ад, и свет, и тьма.
Пусть бесцельным будет путь:
Равный с равным с ветром будь.
Для свободных нет зари –
Сам себе зарей гори!

15 октября

* * *

Мы вместе изгнаны из рая,
И он погнасул, как звезда.
Скитаясь здесь и умирая,
Нам не расстаться никогда.
И я кричу тебе, изгнавший:
Пусть полит кровью каждый шаг,
Но путь страданий, нас связавший,
Ценю я выше райских благ.

16 октября

* * *

Мы вместе с тобой не бежали
За робкой толпой с высоты,
Когда разбивались скрижали
И низко клонились цветы.

Мы в то же мгновение ослепли,
Взглянув сквозь вскипевший эфир,
И ныне на тленье и пепле
Мы строим наш сладостный мир.
И что нам до пепла и пыли,
Когда мы не видим земли.
Друг другу мы счастье открыли
И новое солнце зажгли.

16 октября

* * *

В нашей песне не будет конца,
Это в судьбах давно решено.
Обожженные страстью сердца
Разойдутся, не слившись в одно.
Но раскрыта и жаждет душа,
Достиженья в мираже близки,
Верит им и приходит, спеша,
К неизбежным обрывам тоски.
В нашей песне не будет конца,
Не излить этих слез никогда,
Обожженные страстью сердца
Вновь замкнутся в себе — навсегда...

*24 октября
Петербург*

* * *

Дом наш стоял над скалистым и синим отвесом,
Вниз упали туманы, скрывая долины.
Где-то далеко за горною цепью, за лесом
Были чужие селенья, луга и маслины.
Первую песню мне ветры в ущельи пропели,
Вот почему я любовью люблю неизменной

Смелые тропы, и камни, и ветер, и ели –
Край незабытый, мой край навсегда незабвенный.
Звуки иные – как лица племен неизвестных,
Чуждой природой они рождены для иного,
Им я чужой в их долинах глубоких и тесных,
Где вспоминать не устану я снова и снова.

28 октября

* * *

Покуда жизнь растит еще цветы,
Чьи лепестки, обласканные ею,
Дождем и солнцем щедро облиты,
И я живу, и я роптать не смею,
И я тянусь навстречу солнцу-дню,
Хотя не мне, но щедрому без меры,
И глубоко в душе храню
Благоуханье веры.

* * *

Есть еще в природе сила
Создавать, дарить без меры,
Потому не погасила
Я в себе любви и веры.
Если слишком тяжело бремя
Безобразия и ночи,
То ведь ясен в это время
Где-то день, где ночь короче.

ВАЛЬС

Любовные сказки,
Цветы на мгновенье.

О, счастье забвенья,
О, муки развязки.
 Прекрасные зори
 Далекого света,
 Прожитое лето,
 Забывтое горе.
Мы ищем, не зная,
В неведомой дали.
О радость печали
Больная, иная.
 Откройся неясной
 Улыбкой усталой,
 Мечтой запоздалой,
 Весною напрасной...

12 ноября

ВАЛЬС

Осенние листья,
Шурша, опадали...
О, тихие дали,
О, красные листья...
Кто может о прошлом
Молчать равнодушно,
О милом, воздушном,
Ласкающем прошлом.
Ты помнишь, ты любишь
Осенние дали,
И радость печали
Ты знаешь, ты любишь.
Поддайся печали,
Восторгам страданья.
О, блеск увяданья...
О, счастье печали...

* * *

Каменные горы, синие долины,
Родина моя,
Тихая пещера, серые маслины,
Пение ручья.
Юности крылатой ясность и отвага,
Стадо резвых коз,
Зной немого полдня, утренняя влага,
Запах диких роз.
О, умчались годы, юность скрылась быстро,
Я в чужом краю,
И воспоминанье падает, как искры,
В темноту мою.

13 ноября

* * *

Волчцы и терн проклятая за нас
Родит земля, принявши кровь и пот.
Опять, опять твой жертвенник погас,
И черный дым в поля твои плывет.
О, не смотри же в небо, не зови,
Не умоляй, пусть будет гнев за гнев,
Ты силен силой скорби и любви,
Взойдет земной зеленый хлебный сев.
Мне не страшна ни ночь, ни боль, ни гнет,
Ты не один, борись, умри – ты прав,
К твоим ногам израненным прильнет
Моя коса нежнее райских трав.

15 ноября

* * *

Дай посмотреть на тебя, незнакомец красивый,
Даже и солнце глядит на тебя горячей.
Полдень так душен лазурный, густой и ленивый,
Шаг твой замедли у звонко бегущих ключей.
Здесь мой шиповник, гранат, на кораллы похожий,
Свежим венком увенчаю я это чело.
Друг мой случайный, высокий и бледный прохожий,
Глаз твоих небо бездонно, как грусть, и светло.
Выпей воды; освежи пересохшие губы.
С гор отдаленных идет ледяная струя,
С гор, где снега, где граниты, и сосны, и дубы,
С гор, где страна, нам родная, моя и твоя.

27 ноября

* * *

Чтоб опять изнемочь
От бессильной и сладкой тоски,
Мы вдвоем в эту ночь
Будем снова так странно близки.
Без свечи, без огня –
Темной шторой закрыто окно.
Ты не любишь меня,
Но и мне всё равно, всё равно.
Только б в сладком и злом
Ожиданьи минуты текли,
Отдаляя в былом
Прежних грез и надежд корабли.

8 декабря
Финляндия

* * *

Мы были подругами в детские годы, когда
Играли вдвоем на побережье то синем, то алом,
Потом на равнинах пасли мы до ночи стада
И спали вдвоем, накрываясь одним покрывалом.
С тех пор, с каждым днем расцветая своей красотой,
Она расцвела для восторга и радости мира.
На праздниках тихих в таинственной роще святой
Боюсь я, чтоб с нимфой ее не смешали сатиры.
И если прохожий глядит, обернувшись, на нас,
Ее заслонить я б хотела от людной дороги,
И часто, любуясь разрезом опущенных глаз,
Я думаю: нас не разлучат ни люди, ни боги.

* * *

Чем же могу я помочь?
Что я могу тебе дать?
Грусти ль и слез благодать?
Страсти ли пламя и ночь?
Радость, и страсть, и тоска,
Сказки – и счастье в любой.
Хочешь я буду с тобой?
Или тебе далека?
Хочешь?.. Раскрыв паруса,
Медлит корабль – назови...
Будет во имя любви
Отклик на все голоса...

25 декабря

* * *

Поражена душа моя бессильем,
Поражена в стремлении, в борьбе.

Как будто нет простора белым крыльям,
Меня носившим ранее к тебе.
В них больше нет ни силы, ни размаха,
— О подлая, пронзительная дрожь!..
Передо мной все бездны полны страха,
Когда меня за ними ты не ждешь...

25 декабря

* * *

Я не хочу, чтоб мне прощали
Ни бог, ни люди, но хочу
Уйти одной в свои печали,
Прильнуть к любимому плечу,
Любить, забыв глаза и имя,
Но быть не здесь и быть одной
В стране с законами иными,
Давно угаданными мной...

25 декабря

* * *

Наши страсти сильны
И мечты неизменны,
Наши встречи мгновенны
И приветы грустны,
Но возможности нам
Достижений дороже.
Ложа страстного ложе,
Посвященное снам.
Чтоб мечту уберечь,
Чтобы сны видеть снова,
Мы хотим только слова...
Мы хотим только встреч...

25 декабря

* * *

Ты, быть может, меня упрекнешь,
Оскорбишь меня холодом фраз
За невольную страстную дрожь,
Нам сплетавшую пальцы не раз,
За открытый и жаждущий взгляд,
За волос распустившийся жгут,
Но забудешь ли мой аромат
И мятежную радость минут?
Нет, в холодных словах только ложь,
Ты меня упрекнешь только днем
За невольную страстную дрожь,
За порыв, опаливший огнем.

26 декабря

* * *

С какой бы радостью бежала
Я от себя и от людей:
У мелких остры злые жала,
Вкруг крупных шум всегда грубей.
Ушла б от звонкого трамвая,
Застыла б тенью меж теней,
Свое молчание сливая
С молчаньем леса и камней.

27 декабря

* * *

Чей путь намечен по вершинам,
Тем ярок свет и цель близка,
Лишь редким, избранным единым,
В ком не поет моя тоска.
Но я и все в тоске безверья
Идем от бездн, не глядя в них,

Закрыв глаза, теряя перья
Из крыльев слабых и кривых.

28 декабря

* * *

О, что мне твои обещанья,
Неверная радость любви!
Я знаю минуты прощанья,
И больше меня не зови.
Пусть лучше бесстрастье, безволие,
Пусть сумрак, болото, туман,
Чем счастье, пронзенное болью
Прощальных мучительных ран.

28 декабря

* * *

Я стою перед тем, что случиться должно,
Неизбежность сама направляет мой путь,
Мне не грустно теперь, не светло, не темно,
Мне теперь всё равно – о грядущее, будь! –
Будь печальным и злым, но скорей, но скорей.
Будь прекрасным как сон, но пройди, но пройди
И одной из различных и многих дверей
В неизбежный конец поскорей уведи!

30 декабря

* * *

Ты холодный белый мрамор, я живая и люблю.
Ты недвижим в лунном свете, я люблю и я хочу,
Я хочу твоих объятий и внимательно ловлю
Мглу в глазах и блики света по губам и по плечу.

Что мне в том, что ты не мыслишь: мысли сказанные — ложь,
Мысли скрытые бесценны. О, молчи, мне всё равно.
Только б мрамор пронизала оживляющая дрожь,
Только б было душно ночью и в глазах твоих темно.

30 декабря

1912

* * *

Таков был Ганимед, похищенный орлом.
Таков был день тогда, игра лучей на теле,
На низком лбу бровей приподнятых излом
И свежесть полных губ, которых все хотели.
О, сила чар твоих еще не умерла,
Земля, земля с вином, и солнечным и травным.
Я вижу в синеве широкий лет орла
Над юношей в траве нагим и богоравным.

9 января

* * *

Только будни между нами,
Только люди, только зданья,
Но зато во сне, за снами
Что за сладкие свиданья!
Не жалею, что радость эту
Мы испытываем в сказке,
В мире сказок зов к обеду
Не прервет желанной ласки.

9 января

* * *

Мы играли цветами, кидали, ловили,
Наши пальцы касались друг друга в игре
И дрожали, коснувшись, и золото пыли
Арабесками тлело на темном ковре.

Мы играли в любовь, увлекаясь обманом,
Создавая то слезы, то страстную дрожь,
Наш роман был не больше, как только романом,
Но несущим красиво красивую ложь.
И не всё ли равно? Лишь бы были минуты
Так же тонко красивы, как эти цветы,
Лишь бы были желанья объятьем замкнуты,
Защищенные ложью от злой пустоты.

9 января

* * *

Не о вселенной скорбь моя и слезы,
Не множество, но только ты один —
Душа моя, цветок больной мимозы,
А мир вокруг — дворец из острых льдин.
Судьба моя с твоей идет не слитно,
Хоть венчаны терновым мы венцом,
Всё неизменно, вечно и гранитно,
Что будет нам — и будет ли? — концом.
Я жду конца, забвенья, разделения,
Стремлюсь к нему, как бы к себе домой.
Ведь всё равно меж нами все явления.
Весь мир в тебе. Ты в мире. Ты не мой.

15 января

* * *

Душа моя — бабочка в зимнем саду,
Когда в этом мире темно.
Здесь пальмы и лавры, но сердце в бреду
И правит полетом оно.
Кто скажет, зачем я иду? Почему
Весь мир только ночь и печаль?

Что шепчет желанию он моему?
Но лавров и пальм мне не жаль!

15 января

* * *

Мне факелом служит любовь,
Полет мой на крыльях желанья.
Паденье мое: покаянье
И жертв очистительных кровь.
И оба мне равно близки
В борьбе своей вечной за что-то,
Дух тяжести с духом полета,
Восторги и жала тоски.

23 января

* * *

Раб твой принес мне ларец с веткой лавровой,
Знак победителя, данный быстро и строго.
Или, принявши отказ мой слишком суровый,
В сердце своем победил ты резвого бога?
Листья я зло обрываю... Что же ответить?
Мальчика я не любила, муж победивший
Дорог мне стал и желанен – где его встретить?
Или послать ему пояс мой неостывший?..

24 января

* * *

Возьми в подарок зеркало мое...
Довольно слез, забудь о нем скорее,
О променявшем розы на копье,
Любовь твою на славу и трофеи.

Назло ему любви теперь раба.
Я видела похожего на бога,
Он мимо нес корзину и хлеба
И, проходя, помедлил у порога.
И не один красавец у тебя,
Не надо слез, забудь свои потери,
Смотри сюда, любуясь на себя,
И улыбайся счастьем и Венере.

24 января

* * *

Сквозь сон и грусть друг друга мы зовем
В мгновения ушедшего сознания.
Безвольные, бессильные плывем
На кораблях воспоминанья.
Над безднами раскинуты мосты,
В пустыне сад, исполненный уюта.
В нем я и ты, в нем только я и ты,
И нас баюкает минута.
Но времени идет волна, спеша.
Колебя сон, мгновенье отпадает.
Сквозь сон и грусть вернется к нам душа
И о прожитом – не узнает...

25 января

* * *

Пологий склон горы, густой и низкий ельник,
В гранитных скалах дом.
На древнем очаге дымится можжевельник,
Обрызганный вином.
Давно, давно стена узорно раскололась,
И мох ее пророс,
И нежные мечты, как флейты дальней голос,
Томительны до слез.

Поставив за дверьми вино и хлеб сатирам,
Не помня о былом,
Я верю в бытие, исполненное миром,
И счастьем, и теплом.

*4 февраля
Писаревка*

РОЗЫ

Жди, за спиною старух другу подарок я брошу.
Страстью обостренный слух ловит «спасибо» твое.
Прячешь под плащ на груди легкую нежную ношу.
Милый, теперь уходи, близко вражды острие.
Смотрят служанки за мной: розы я кинула дома,
В путь не взяла ни одной, запах их мне нездоров.
Это от ярких лучей глаз потемневших истома,
Щеки горят горячей только от жарких ветров.

*5 февраля
Писаревка*

* * *

В море несут колесницу солнцевы кони,
В пурпур ее окунает каждый их шаг.
Милая спит, положивши лоб на ладони.
Будет ли вечер влюбленным ясен и благ?
Синюю пудру рассыпал сумрак над далью,
Светлой росой разукрасил вечер траву.
Грустный и странный мир этот полон печалью.
Сон твой, любимая, сладкий я не прерву.

*5 февраля
Писаревка*

* * *

Тоном высоким звучащую флейту ты сделай,
Взяв на колени меня, приложи ее крепко ко рту.
Пальцами быстро водя по поверхности белой,
Песней скажи мне про страсть, и любовь, и печаль, и мечту.
Песней, подобной источнику, слаще и проще
Нимфам поведай нагим о прохладной и светлой волне,
Фавнам – про праздник в лесу, в заповеданной роще,
Сердцу ж скажи своему громче всех и всего обо мне.

6 февраля

* * *

Ты уснула, сидя на пороге.
Сходит ночь по облакам.
Розовеют на ступенях ноги,
Двум подобны лепесткам.
Как голубка дальние вершины
С алой кровью на крыле,
У фонтана спят твои кувшины,
Длинные тени по земле.
Дышит морем острый влажный воздух,
День склонил тебя ко сну,
А проснувшись, встретишь небо в звездах
И рогатую луну.

*6 февраля
Писаревка*

* * *

Свинцовое небо, мой сад почерневший, ограда
Из мокрых камней,
Но солнца не надо, но лета и солнца не надо,
Здесь счастье сильнее.

Я чувствую счастья широкие, синие крылья,
От солнца и дня
Закрывшие бледных, поникнувших в сладком бессильи
Тебя и меня.

*13 февраля
Писаревка*

* * *

Последние плоды садов своих собери:
Холодных, мягких слив большие янтари,
Румяных яблок гнет с опущенных ветвей
Сложи в ряды корзин и хмелем их увей.
Мы будем жить вдвоем, когда придет зима;
Когда завьет твой сад седая бахрома;
Когда в награду нам поспеют за труды
Зеленых зимних груш тяжелые плоды.

*13 февраля
Писаревка*

* * *

В вечернем небе золотом
Разлито красное вино.
Я не зову тебя в свой дом,
Его печаль живет давно.
Минуты светлые лови,
Отдайся радостям простым.
Мой дом, закрытый для любви,
Всегда останется пустым.

14 февраля

* * *

Зима ль задержала тебя от отчизны далеко?
Военная ль слава твой путь направляет от дома?
Иль жажда иная, богатства и роскошь Востока?
Иль тамошних женщин доступных любовь и истома?
Ах, бури не страшны, и ветры уймутся весною,
Недаром бессмертных я жертвами чту ежедневно,
Но если – неверный – ты мне изменяешь с иною,
Великие боги да будут к изменнику гневны!
Затем ли женою зовусь я, чтоб быть одинокой?
Вдовою я плачу и дни, и бессонные ночи,
Пряду ли иль шью я, а мыслью в палатке далекой,
Хоть мыслью с тобой я – всё время разлуки короче.

*14 февраля
Писаревка*

* * *

Если короткое лето поблекло,
Теней былого не тронь.
Матовым золотом в потные стекла
Светит далекий огонь.
Так благодарностью сердце согрето,
Верным и вечным огнем.
Было же счастье где-то, о, где-то,
Было, и помни о нем.

15 февраля

ЭПИТАФИИ

I

В стране киммерийской, от родины милой далеко,
Приехав за медью и бронзой искусно литой,

Я умер, подвластный велениям все сильного рока,
Меня повенчавшим так рано с могильной плитой.
Оплаканный скудно, покоя мой прах не узнает,
Ни крови над ним, ни вина не прольются струи,
И только, склоняясь, печальная осень роняет
На камень могильный кровавые слезы свои.

*22 февраля
Писаревка*

II

Вот здесь он резвился, здесь прыгал он в детском задоре,
Здесь спал в колыбели, еще для ребенка не тесной.
Глаза голубые, как тихое, тихое море...
Что видит он ими в подземной стране неизвестной?
Вот здесь он резвился, а там от ночного тумана
На новой могилке цветы увядают мгновенно.
Зачем, Персефона, его ты призвала так рано?
Ведь даже и взрослый он был бы твоим неизменно.

III

Как цветок росла я в отчем доме,
Расцветая краше день от дня.
Всё вокруг сулило счастье, кроме
Злого Рока, ждавшего меня.
Для других цвел мирт, приятный девам,
С кипарисом шли ко мне от них,
Плач родных был свадебным напевом,
Смерть была неожиданный мой жених.

*23 февраля
Писаревка*

* * *

Остановись, прохожий, на мгновенье
И кинь цветов на холм давно нагой.

Увы, наш путь всегда в страну забвенья,
И для царей дороги нет другой.
Как все, в свой час я умер, и отныне
Я только прах, меж теней только тень,
Но был я жив и чествовал святыни,
И потому в цветы мой холм одень.

23 февраля

* * *

Хмелем жертвенник убрав,
Флейту взял пастух искусный.
Песней сладостной и грустной
Растревожен сон дубрав.
Плачет эхо за рекой,
Дремлет фавн под дубом стройный,
А над всем прозрачный, знойный,
Яркий полдень и покой.

Писаревка

* * *

Снова весна, и весною печаль ядовитей.
Долго фальшивя, рассудок совсем замолчал.
Сердце запуталось в пестрых обрывках событий,
Лиц и желаний, концов и начал.
С каждой ночью прозрачнее даль, синеватей,
Сонные почки я как капли душистой смолы,
Всюду весна с океаном неверных симпатий
Смотрит из окон и дышит в углы.
Старые письма, цветы в полинялой тетради,
Грустно волнуя, ваш голос опять зазвучал.
Сердце, не веря, мечтает весной о награде,
Пристани чувствам, конце всех начал.

*20 марта
Петербург*

* * *

Твоя любовь плелась из пестрых нитей,
В ней недоверье сдерживало страсть.
Моя любовь влекла меня упасть,
Не числа дней, желаний и событий.
Сильна, как смерть, больней и ядовитей
Была ее мучительная власть.
Ты мерил мир, твоя благая часть,
Моя душа всегда была открытей.
И так же всё и иначе теперь,
Для всех ветров моя открыта дверь,
Ей – все места и прочного нет места,
А ты в борьбе, упавший только раз,
Не хочешь встать, раскрыть закрытых глаз,
Не можешь встать для крика и протеста.

21 марта

* * *

Утро чуть брезжит; ты спишь; ты устал и умолк.
Сбилось в ногах, темной тенью лежит одеяло.
Косу плету я, и рвется запутанный шелк,
Клонятся руки к коленям устало.
Тополь за садом, пронзающий небо копьем,
Тонко чернеет, а тени глубокие сини.
Утро чуть брезжит, и блики на теле твоём
Похолодели, остыли простыни.
Ты еще здесь; но отмерили время весы,
Серое утро, как голос скорбящий предтечи.
Спи, мой любимый, прошли безвозвратно часы,
Счастливы ль будут грядущие встречи?..

28 марта

* * *

Пахарь, свой плуг торопливой рукой подыми,
Прах не тревожь погребенного в поле ковровом.
Сладко лежать под цветочным и травным покровом,
Сладко тому, кто обижен, забытый, людьми.
Камень возьми от ручья, где желтеют пески,
Место отметь, чтоб стада не топтались над прахом.
Старый пастух обойдет это место со страхом,
Помня, что всем в царство смерти дороги близки.

* * *

Случилось ли что в этот миг
На улице тусклой и серой?
Что разум мгновенно постиг?
Что в сердце мелькнуло химерой?
Вот снова мгновенье мертво,
И улица тускло застыла...
Ты скажешь, что нет ничего,
Я знаю, что многое было.

* * *

Пламенным светом вокруг все углы залиты,
Песни и крики подобны небесному грому.
Голос любви моей тихой услышишь ли ты,
Робких движений поймешь ли истому?
Если душе твоей вялой нужна пестрота,
Чтобы заметить, понять, оценить, окрылиться,
Ты мне чужой, я чужая тебе и не та,
Вместе с которой ты мог бы молиться.
Тайну люблю я, и в храме моем полутьма,
Блеклые ризы и лик полустерт на иконе.
Кто здесь, незримый, не знаю, не знаю сама,
Гимн мой – лишь вздохи и трепет ладони.

Если поймешь ты, что в тайне сладчайший залог,
Счастье в стремленьи возьмем без земных достижений,
Вместо любви будет только любовный пролог,
Сила желаний и робость движений.

* * *

Слов не надо, но взглядам дадим обменяться; лежи.
Над диваном широким колышутся пологи теней,
От закатных, от алых полей отпылавших меж
Там прозрачная глубь и спокойная грусть настроений.
Разлученные с тем, что вчера волновало и жгло,
Расширяя свой взгляд, раскрываясь навстречу печали,
Мы как дети сейчас, в наших душах смущенных светло,
В наших душах светло, оттого что мы долго молчали.

9 апреля

* * *

Ты хочешь быть другом моим,
Любя и желая другую.
Ты хочешь отдаться двоим,
Но двух полюбить не могу я.
С тобою приходит она.
Ты схвачен магическим кругом.
Такая дорога тесна,
Тебя я не сделаю другом.

10 апреля

* * *

Не вспоминай с печалью наших дней,
Вспоенных лаской ласкового зноя.

Теперь вокруг осеннее, болезненное,
Но ближе мы, покорней и бледней.
Один лишь луч горит от двух огней,
Одной душой предчувствуем мы двое,
Одна печаль, и – зарево ночное –
Любовь над ней воздушней и видней.
Не вспоминай; бежит, как ветер, время,
Меняя даль, дыша лесной хвоей,
Колебля сны воздушною струей.
И мы плывем на призрачной триreme,
И каждый час прожитый, как цветок,
Кидаем вниз в мутящийся поток.

10 апреля

* * *

Успокоились волны заката
И упали, затянуты бездной.
Будто нива веселая сжата,
Стало грустно, безмолвно, беззвучно.
Дорогого лица я не вижу.
Ты грустишь? Тропой неизвестной
Опускаются тени и ближе.
Ты грустишь? Мне грустно, мне скучно.
Опускаются тени над нами,
Разделяют стеною печали.
Дай мне руку, мы скованы снами,
Возвратимся, здесь ночью безвестно.
Наша комната ждет нас интимно,
Неизменно, всегда как в начале,
Где звучали признанья, как гимны,
Где с тобою близки мы так тесно.

10 апреля

* * *

Мы в нашей комнате, мы в нашем царстве. Тут
Диван и много книг понятных, милых, наших,
И камни на столе, морские камни в чашах,
И старые часы над ними не идут.
Как будто времени не знают власти здесь
И жизнь переменять цветы свои забыла.
Так было в первый час, и снова всё как было,
Я вся твоя опять, и снова мой ты весь.
Но память – лишь она, как злое волшебство,
Врывается в мирок, устроенный искусно,
И шепчет о ином, то радостно, то грустно.
И я, склонясь к тебе, у взгляда твоего
Ищу иных огней; в твоих объятьях тесных –
Не прежних нежных ласк, не лучших, но безвестных.

10 апреля

* * *

Ты шел от моря, я с горы
Вечерней, лиловой.
Ты изнемог от злой жары –
Я пахла свежей мятой,
Плоды несла я и цветы
И крикнула: «Торгую,
За поцелуй цветок!», а ты
В ответ: «Люблю другую».
Я вслед пошла, смеясь и злясь,
Я сильная, ты нежный.
Ты был как гордый горный князь,
А я как дух мятежный.
В долине парился дымок
И влажны были скалы.
Ты побледнел, ты изнемог,
И я тебя ласкала.

Ты ел плоды и взял цветы...
Горячий лоб целуя,
«Прощай» сказала я, а ты
В ответ: «Тебя люблю я!»

10 апреля

* * *

Ты в кресле у окна; вечерний мрак облек
Твой тонкий силуэт таинственной дымкой.
Давно, давно молчишь. Так грустен и далек.
Куда твоя душа уходит невидимкой?..
Ревниво я слежу, как дрогнул полный рот.
Смеешься ты? Чему? Душа твоя блуждает...
Какой ее манит неверный поворот
И кто ее к себе зовет и побеждает?
Вечерние пути опасны... отдохни,
Вернись ко мне, к любви, в мое сосредоточье.
Ты в кресле у окна. Ты грустен. Ты в тени.
Душа твоя ушла, затянутая ночью.

*10 апреля
Петербург*

* * *

Ты лжешь уже давно; лгут жесты и слова,
Но зеркало – как друг – не скроет облаками
Моих печальных глаз с широкими кругами
И томных глаз твоих, подведенных едва.
Давно уже, давно не смяты кружева,
Оправлена постель спокойными руками,
Не те уже духи над краткими строками,
Не та уже любовь... когда она жива.
Ты лжешь. Не надо лгать. Накинем покрывало
На то, что нас влекло и трогало, бывало,
Чтоб не видать, как смерть возьмет свои права

И на лицо любви печать наложит тленья, —
Простимся с ней сейчас с улыбкой умиленья
Глубокой, как небес осенних синева.

11 апреля

* * *

Небо вечернее цвета поблекшей фиалки —
Темная урна с краями прозрачной стекла.
Алая влага с краев изогнутых стекла.
Тихо и сумрачно. Тени тяжелые валки.
Ты беспокоишься. Верно, лицо твоё хмуро.
Молча шагаешь. Вернемся. Послушай меня.
В комнате нашей опять расцветет болтовня,
Светлые вымыслы в синей тени абажура.
В комнате ласковой дремлет за ширмой кровать.
Зеркало тускнет, скучая без дня и движений.
Темные лики печальных ночных отражений
Наших объятий не смогут немых разорвать.

17 апреля
Писаревка

* * *

Милую голову к сердцу прижала я,
Словно священный сосуд.
Злые вечерние в озеро алое
Темные тучи ползут.
Будто предчувствие, тени вечерние
Не обещают добра.
Сердце покорнее и суевернее
До утра.

18 апреля

* * *

Я сюда вертаюсь слишком часто:
Всё еще в душе большой излом.
Тяжелей и злее нет балласта,
Чем воспоминанья о былом.
Я сомну, забуду, уничтожу...
Светлый свиток дней моих развит.
Почему же, почему дороже
То, что больно, больно так язвит?!

18 апреля

* * *

Тени вечерние шатки,
Скучно быть одному.
Долго ль играть в загадки,
Почему ты ушла, почему?
Почему я один в светелке,
Где были мы вдвоем?
Слова твои как иголки,
Как иголки в сердце моем.
Я статист в неизвестной драме.
Почему ушла, почему?
Сижу один вечерами,
Тебя не пойму.

18 апреля

* * *

Тени вечерние шатки,
Грустно сидеть одной.
Разгаданы все загадки
Я смешная и он смешной.

Я слишком быстро узнала,
Что слова есть только слова.
Душа вечерняя зала,
Которая прошлым жива.
Вернуться к прошлому скучно,
А выйдешь – встретишь тьму.
Я плачу совсем беззвучно,
О чем – не пойму.

18 апреля

* * *

Моя душа дрожит у перепутья
И медлит без конца.
В песках кусты сухие тянут прутья
До самого лица.
И здесь и там всё так же дали серы
И к цели не ведут.
Мне всё равно, без смысла и без веры
Пути и там и тут.
Пески, кусты; в кустах седые жабы,
Другого не видать.
Желать и ждать... Желала бы, ждала бы,
Да нечего мне ждать.

*23 апреля
Писаревка*

* * *

Ни слез, ни слов – не жди моих даров,
Да будет зол конец твой и суров.
Мой свет был слаб, цветок ничтожно мал,
Но ты помял его и поломал.
Моя душа, мой чуткий мир ночной –
К нему пришел ты с блеском и войной.

Не жди цветов – мой сломан до поры,
Пусть эта ночь несет тебе дары.

23 апреля

* * *

Ты была тогда королевой,
Я смотрел и дрожал от счастья.
Ты на правой руке и на левой
Высоко носила запястья.
Ты вернулась с спектакля, устала,
Ты вернулась будто с причастья,
Ты тихой и бледной стала,
Я смотрю и дрожу от счастья.

* * *

Прохожу мимо белой усадьбы
И вздыхаю – так больно – опять.
Кто живет там, узнать бы, узнать бы,
Или лучше не надо знать.
Мы были глупыми сами.
Прислонившись, я плачу в тени,
О, какими больными слезами!
О, в какие тяжелые дни!
Всё могло б сложиться иначе,
Если б знать, заглянуть вперед...
Я плачу, я плачу, я плачу
У чужих закрытых ворот.

26 апреля

* * *

Бандо волос как будто черным шлемом
Твой узкий лоб сдавили и виски.
Так тесно здесь огромным хризантемам,
Их лепестки сквозь сумрак – как мазки.
В голубизне вечерней дышат вещи
Своей особой жизнью: чутко ждут.
Твои глаза расширенные резче,
И мнет рука платок, завитый в жгут.
Ты думаешь о всех путях бесследных,
Их не минет ни молодость, ни страсть.
Но я с тобой. Нас двое. Двое бледных.
Душа душе не даст упасть.

7 мая

* * *

Сию на пороге, обнявши руками колени,
А месяц медовый стоит предо мной неподвижный.
Чешуйчатый панцирь на улице пестрой, бульжной,
На доме прямыми и черными лентами тени.
Никто не услышит, никто не ответит на голос,
И скорби глубокой не надо ответа, не надо.
Сиянье и холод, и тени отрадны для взгляда,
Само одиночество смотрит из мертвенных полос.
Тяжелые ризы неверья, унынья и лени
Как саваном сердце, больное утратой, закрыли.
Без пламени сердце, желанья и мысли без крылий,
И праздные руки упали венком на колени.

8 мая

* * *

Когда посеребрят лицо мое лучи
От бледного еще и пепельного диска,

Приди ко мне. И сядь. И сядем близко-близко.
Личо к лицу. Сожми мне пальцы. И молчи.
Будь робким, милый. Страх мой глупый обмани
И спи, пока тебе ласкать губами брови
Я буду как в бреду; любовь уйдет при слове,
В словах придет весь мир. Мы будем не одни.
Еще настанет час иных звенящих струй
И день, когда любовь в язык втеснится книжный,
Но будь со мной сейчас печальный, неподвижный,
И только дрожью губ ответь на поцелуй.

11 мая

* * *

Садись, перед тобой Вольтер с своей улыбкой,
Дух «века разума» из гипса между книг.
К чему привел твой век и ты чего достиг?
Как всё, был правдой миг и долгою ошибкой.
Какой иной любви галантной, легкой, гибкой
Глашатаем тогда был гибкий ваш язык!
Смеется мне в лицо язвительный старик,
А друг мой на тахте в волне подушек зыбкой.
Потом пришли года возвышенной любви,
Повышенных страстей, болезненных мечтаний,
И скорби на челе, и тайны, и скитаний.
А ты, ленивый друг, подумай, назови,
Как хочешь ты теперь, чтоб я тебя любила.
Там ясный дух и мысль, здесь больше грез и пыла.

12 мая

* * *

За то, что в бытии размеренном и сером
Он был как будто сном, нет, памятью о том,
Что было раньше явь, – в стакане золотом
Вот эти ландыши поставь перед Гомером.

И сядем перед ним. Пусть ласковым химерам
Наш отдан будет час в молчании святом.
Сквозь время память нам раскинется мостом
К иным личинам дней, к другим местам и верам.

Веселый мир богов, понятных как друзья,
И вас перевезла Харонова ладья,
Но вы воскресли здесь в вечерней обстановке.
Останься здесь, Олимп. Помедли хор, постой.
Вас славлю я – мечтой – и друг мой – красотой –
И ароматом – ландышей головки.

12 мая

* * *

В тишине уснувшего квартала
Мы одни как будто ждем чего.
Милый гость, пока луна не встала,
Дай прилечь у сердца твоего.
Мой хитон развязан, и на ложе
Я фиалок бросила и жду.
Отчего ты медлишь, отчего же?
Что ты видишь в небе и в саду?
Ночь везде в саду моем, над садом,
И туман холодный, как вода.
Ляг скорей, я близко, близко, рядом,
И на грудь лицо склоню сюда.

12 мая

* * *

Ярко осень догорает.
Пламя желтое аллей
Пруд двоит и повторяет
Всё прозрачней и голей.

Сад наш тише, тише, тише
Умирает так светло.
Дом как будто в желтой нише
Пьет последнее тепло.
И, забыв твои свиданья,
В спальне бледную свечу,
Только красок увяданья
Чту сегодня и хочу.

* * *

Под ногой валуны в серебре, как рубли,
Обнаженные руки с блестящим отливом металла...
Я вчера их вокруг шеи твоей наклоненной сплетала,
Но вчера умерло, и желаний не стало.
Мы на разных путях, мы в пути корабли,
Утомленный от ласк рот мой плотно сомкнут.
Уходи. Я как почка, которая холодом сжата.
Наш вчерашний венок я кидаю небрежно со ската.
То, что было когда-то, что будет когда-то,
Расплылось в серебре этих лунных минут.

*31 мая
Скелька*

* * *

Как мудрец, я смотрю на минуты, идущие мимо,
Благосклонно и грустно встречаю концы и начала.
Облетела сирень, что цветы надо мною качала,
Разлетелись мечты разноцветными клочьями дыма.
И не горько мне знать, что идущее смена за сменой –
Это всё, что уходит – уходит совсем и навеки,
Откровенья, и мысли, и небо, и люди, и реки,
И источники жизни за легкою жизненной пеной.
Перелитая жизнь не исчезнет, быть может, бесследной,
И из форм пережитых возьмет совершенней и краше

Облетающий лес и цветочные круглые чаши,
И туманный опал под луной золотистой и бледной.
Благосклонно смотрю я навстречу грядущим годам.
Как прекрасно встречаться с восходом и снова закатом,
Как прекрасно воскреснуть за темным, неведомым скатом
И прекрасней совсем раствориться в неизвестном, в едином.

3 июня
Скелька

* * *

Я пришла сюда просить богов у места,
Где нажила беду.
Вот цветы, вино с лепешками из теста
На масле и меду.
Голос мой всегда тебя, Венера, звонко
Хвалил и возносил,
Охрани ж меня и моего ребенка
И дай мне больше сил,
Дай мне длинных дней, надежд любовных снова,
Дней счастья и труда,
Дай мне друга вновь, но верного, иного
И нежного всегда.

Скелька

* * *

Ты мне нравишься, правда; но я не скажу, не отвечу.
Не преследуй меня, не преследуй меня, не тревожь.
Ты заметил вчера пробежавшую медленно дрожь
В слишком жарких ладонях, к тебе уроненных на плечи.
Потому – потому! – не желаю завтра я встречи,
И чем больше ты прав, тем сильнее я цепляюсь за ложь.
Потому не хочу, что желанен ты мне и хорош,
Потому я молчу, что любовь моя требует речи.

И смешно упрекать. Этот путь – мой естественный путь.
Я пощады прошу этим гордым и робким «забудь»,
И в бореньи с собой я хочу обмануться, забыться,
Потому что во всем слишком много жестоких примет,
Потому что во мне сил к борьбе и желания нет,
Потому что мне сон о тебе и о счастье снится.

9 июня

* * *

Как был прозрачен вечер! И сколько грусти в тоне
Обыкновенных слов,
И сколько обещаний в дрожании ладони,
В уклоне двух голов.
Я помню, буду помнить и спрашиваю взглядом,
Но дважды не расцвести
Душе твоей усталой. В цветке больном, измятом
С тобою сходство есть.
Мы снова вместе – двое. Но сердце горько сжато,
Так горько сжато в нас.
А тот прекрасный вечер, связавший нас когда-то,
Угас.

9 июня

* * *

В одинокие окна стучатся ночные дожди
Миллионами пальцев голодных, и длинных, и жадных.
И зрачки голубые, застывшие в сумерках чадных,
Тех, кому бы сказать: не надейся, не веруй, не жди.
В одинокие души упавших в бессилии злом,
На минуту уставших, приходит вечерняя скука,
И ласкает, и нежит, и манит, и шепчет без звука,
И навеки болящий в душе остается излом.

В одинокое горе врывается гул болтовни
Любопытных и праздных, пугая любимые тени,
И назавтра, взгляни: все разбиты, разрыты ступени,
Все раскрыты замки и задуты пред мраком огни.

10 июня

* * *

Это только слова — о свободе в любви; но железной
Злою цепью желаний мы скованы с этого дня.
Наклонясь над жизнью, над темной и трепетной бездной,
Что мы видим внизу? я тебя, ты меня.
Там свобода идет, где оковы, могущие рваться,
Но любовью моей, но любовью тебя обовью.,
Мы не сможем забыть, никогда мы не сможем расстаться
Мы не сбросим цепей: ты мою, я твою.
И за то, что одно в нас горит негасимое пламя,
Мы не будем бороться хоть с злою, но сладкой судьбой
И дороже свободы полюбим всё слитое с нами,
Этот путь, эту ночь надо мной и тобой.

10 июня

* * *

Если ты утомился, приди, я приму
В неуставшие руки твои потерявшие силы.
Если буря и дождь, если полночь огни погасила,
То очаг разожгу я тебе одному.
Здесь цветы, и плоды, и вода, и вино
В невысоких сосудах, в кувшине прозрачном и алом,
И в алькове постель под моим голубым одеялом,
И на ней я не сплю так давно, так давно.
Я часы завела, но и время мне враг,
Жду я ночью, и днем, и в жару, и в ненастье, и в стужу.

Вот цветы на столе, и не заперты двери наружу,
Но погас без тебя мой печальный очаг.

13 июня

* * *

Я забыта тобой; никогда уже больше не будем
Мы вдвоем проходить по глубоким, далеким следам.
Умудренного сердца на муку любви не отдам,
Никогда, никогда не поверю желаньям и людям.
Если ты разлюбил, что осталось во мне от других?..
При последнем прощании мой рот охладел на пороге,
И печальны черты, и желания скудны и строги,
Истощенные страстью когда-то в объятьях нагих.
Ни тебе, ни другим не отдам я желаний моих,
Умудренное сердце застыло от ласковой скуки,
И приятно мне знать, что ушли и восторги, и муки
<.....>

* * *

Твоя рука меня вела, твоя рука
Дала цветов,
Твоя рука
Замкнула ключ,
Но путь был долог и жесток,
Цветок колюч.
Твоя любовь была как ночь, твоя любовь
Была как месть,
Твоя любовь
Была как крик,
Но то, что есть во мне, что есть,
Ты не постиг.
Еще во мне есть целый мир, еще во мне
Есть радость дней,

Еще во мне
Есть столько сил,
Чтоб ты восторг в душе моей
Не погасил.

* * *

Встречает дом своим осенним зовом,
Воспоминанья смотрят из угла,
Столы, паркет, обои, зеркала –
Всё кажется немым и неновым.
Вот мой двойник под сумрачным покровом,
Сама печаль осенняя легла
На мой диван, и села у стола
Сама печаль в плаще своем лиловом
И, оживляя давнишний недуг,
Несет мне книг истрепанные томы,
И нет уже ни скуки, ни истомы,
И забываю медленно я луг,
Костры холмов лесистых красно-бурых,
И день, и свет для комнат этих хмурых.

12 июля

* * *

Тебя, незнакомец, я помню еще, и надолго
Недели и годы, наверно, желанья сотрут,
И там же, где ткани узорного легкого шелка
С тебя я снимала, пройдет монотонный мой труд.
В шалаш тростниковый, где нету и двери наружу,
Где встречей случайной меня подарила судьба,
Войду я женою, покорная долгу и мужу,
Чтоб жить и трудиться, прясть нитки и делать хлеба.
Желанья умрут, но бывшее я вспомню с улыбкой
И вновь благодарность богам вознесу через мглу,

Склонясь над ребенком, над маленькой ивовой зыбкой,
Как ты надо мною когда-то вот в этом углу.

13 июля

* * *

Кто изваял этот лик над гранитной цистерной,
Этого, право, не знаю ни я, ни мои.
Вечно глядит он под вечную песню струи,
Так же, как ты, очарованный музыкой мерной.
Он не истерся, но всё теперь стало иначе.
В детстве игрушки сюда я носила, а мать
Мыла белье и меня отрывалась обнять,
И целовала меня, улыбаясь и плача.
С милыми сердцу нам кажется скорой разлука.
Нынче одной мне проход к этим водам знаком,
Лик над водой я одна украшаю венком
И прижимаюсь к нему без молитвы, без звука.
Дай мне лицо меж ладоней твое и взгляни,
Странное сходство в тебе, чужестранец, я вижу.
Он или ты, кто так дышит порывисто – тише –
Близится вечер... и мы у цистерны одни...

13 июля

* * *

Творчество – счастье и счастье – нирвана, покой,
Счастье – забыться и счастье – очнуться.
Не говори мне о счастье, скажи мне, кто счастлив, рукой
Чтоб до него я могла дотронуться,
Чтобы поверить могла я не в призрак, а в плоть,
Не в отвлеченность, но в светлую правду Его воскресенья.
Впрочем... могла б ли я даже тогда побороть
Тяжкого духа тоски и сомненья.

13 июля

* * *

Я радуюсь солнцу, и свету,
И морю, и тени лесной,
И времени, давшему лето
За бледной, цветущей весной.
Всему, что красиво и звучно,
Себя я отдам, не тая,
И если мне все-таки скучно,
То это вина не моя.

14 июля

* * *

...Отнес это сердце даме его...

Дон Кихот

Нет деревьев и травы,
Вытоптан двор.
Вал в широкие рвы
Глядит в упор.
Держит время весы,
Меряет год,
Но как годы часы
Для тех, кто ждет.
Дама ждет от зари
До бледных звезд.
«Милый паж, посмотри,
Не скрипнул мост?»
Чей-то медленный конь
И черный щит.
«Протяните ладонь», –
Голос звучит.
Ваш погибнул герой,
Рыцаря нет.
Черным крепом закрой,
Ночь, звездный свет.

Это ноша моя.
Сердце в платке».
Слез и крови струя
На ее руке.

* * *

Муза моя, я люблю тебя больше, чем ложь,
И гораздо сильнее, чем правду, с которой
Ветер молчит, и разложенный свет нехорош,
И вселенная кажется старой и хворой.
Муза моя, благороден твой радостный жест,
И красивые слезы, и голос изменчив и тонок.
Знаешь ли ты тайники заповеданных мест
Между всех надоевших и старых шаблонок.
Муза моя, если близкие злы и тупы
<.....>
Руку мне дай у песчаной, чуть зримой тропы,
И не надо мне больше ни смерти, ни жизни.

* * *

К источникам светлым дорога разбита.
Разметаны члены в движеньи, в стремлении,
Рука и затылок, плечо и копыто –
И я между ними с томленьем и ленью.
Движенья, как пятны, то белы, то буры,
Мелькают под солнцем, как блики вкруг лужи.
Раскормленно-пошлые, злые фигуры,
И я их не лучше и даже не хуже.
Бежим и доскачем. И красные морды
В источники кинут свой бег и стремленье,
И воды заплачут, сливаясь в аккорды,
А я буду слушать с томленьем и ленью.
И если один меня схватит, затянет,
Твердя о смиреньи, о долге, о муже,

Противиться сил и желанья не станет —
Ведь я их не лучше и даже не хуже.

31 июля

* * *

Воздушные свежие волны ты, осень, с собой принесла,
Открыла дороги усталым
От знойного страстного лета.
В саду ароматы густые — как будто разлиты масла —
Сменились холодным кристаллом
Незнойного резкого света.
Холодные светлые мысли сменили мой чувственный сон.
Прекрасно мое пробужденье,
Прекрасна спокойная осень.
Слова, и желанья, и ветры звучат и поют в унисон
Возможностей светлых рожденье
И далее раскрывшихся просинь.
Ты ль, ветер, мне шепот любовный вечерней порой доносил,
Будь ярким и резким для слуха,
Труби вдохновенно и смело.
Забыты в избытке восторга и радостных творческих сил
Ошибки смятенного духа
И слабого тела!

31 июля

* * *

Пустота моей жизни — как вечный насытый Молох,
Раскрывающий чрево, смеясь над душою бессмертной.
Как ненужно и слабо мой вздох прозвучал и заглох,
Как желанье мое стало плотью больной и инертной.
Тот не ждет воскресенья, кто в жизни, как в смерти, был мертв,
Для кого бытие было только прочитанной строчкой.

Раскаленный Молох поглощает беспомощных жертв
Пустотой бесконечной под тонкой своей оболочкой.

1 августа

* * *

Ты весна, дыхание прежних весен,
Зов давно забытых голосов.
Поредели кроны старых сосен,
Перержавел в воротах засов.
Вспомни то, взгляни сюда на это,
Целый мир, живущий в пустоте.
Хриплый скрип старинного паркета
Кашлянул, и я, и вы не те.
Но зато мне ближе стали вещи,
Их печаль я чувствую теперь,
И в углах души сияет резче
Свет любви от горя и потерь.
Я не та, я полная смиренья,
Вижу светлым то, что было злом,
Подымая факел примиренья
В настоящем, будущем, былом.

* * *

В траве дождя веселое монисто
Рассыпано с утра.
На горизонт воздушно и волнисто
Склоняется гора.
Расщелины, где сломана ограда,
Пушистый хмель обвил,
И ничего мне более не надо –
Особенно любви.
Я никого не жду и не согрею
Косым уже лучом.

Я и сама уйду на галерею,
Не помня ни о чем.

3 августа

* * *

Этот длинный путь позади: он тянется целую вечность.
А этот длинный путь впереди – другая вечность.

Нищие

Родные мертвецы из гроба говорят,
Неодоленные, живые.
Любимых дней и лиц, вещей заветных ряд
С забвеньем борется впервые.
Но роковая связь событий такова:
Пред нами лента жизни свита,
Другая вечность ждет и вечно в нас жива,
А вечность прошлого забыта.
Из дорогих гробниц нас манят и грозят,
Но вот уж их мертво значенье –
И если я порой киваю им назад,
То в знак прощанья и прощенья.

6 августа

* * *

Когда рассвет мы встретили впервые
За первой ночью страха и тоски,
Когда в ярмо ты ввел воловьих выи
И первый сын искал мои соски,
Жалела ль я о светлых странах рая?
Когда посев от зноя стал седым
И наши жертвы скорбные, сгорая,
Кидали в нас отверженный свой дым,

Роптала ль я? Кляла ль свои заботы,
Хоть час ночной мне не был часом сна,
Хоть отдыхом мне не был день субботы,
Хоть без цветов цвела моя весна.

Роптала ль я? Ты знаешь: не роптала,
Моя душа тогда чуждалась зла,
Я по дорогам тяжким не устала
И сквозь печали радость пронесла.

Где путь острей усеяли каменья,
Не шла ли я туда перед тобой,
Делить твой труд, нести твоё стремленье
Мне не было ли счастьем и судьбой?

Когда взошли ростки волчцов и терний,
К моим ногам ты лег лицом, скорбя;
Подняв тебя, как мать, в тоске вечерней
Я так баюкала тебя:

Спи, мой родной,
Спи на любимых руках.

Нет ни одной
Яркой звезды в облаках.

Радость моя,
Ярче, чем звезды в раю,

Тише ручья
Песню тебе я спою.

Спи, мой родной,
Спи, наш очаг не погас,

Темной стеной
Небо закрыто от нас.

Ты не готов
Небо забыть навсегда?

Краше цветов
Счастье любви и труда.

Спи, мой родной,
Спи в наступающей мгле.

Темной волной
Злоба ползет по земле.

Ярче огня
Чувства твои и мои

Светят до дня
Кроткого Сына-Судьи.

3 сентября

* * *

Потусторонний мир чужой души
Не исцелит моих страданий,
Хоть так нежны цветы и хороши
Его благоуханий.
Всё безобразие и тяжести земли
Меня как камнем придавили,
А образы красивые легли
Цветами легких лилий.
И что мне в том, что кроткий свет на вас
Сияет желтым ореолом,
Когда на мне последний луч погас
Во мраке душном и тяжелом.

6 сентября

* * *

Мы были подругами в детские годы, когда
Играли вдвоем у развалины мшистой и бурой.
Потом на равнинах пасли мы до ночи стада
И спали вдвоем под одною лохматою шкурой.
С тех пор, как вошли мы в сельской хоровод, пастухи
Вдогонку нам смотрят и именем эхо тревожат,
То песню сыграют, то в честь нашу скажут стихи,
То дикого меда к порогу с цветами положат.
Теперь уже скоро уйдем от пенатов родных
С огнем очаговым, в венчальном веселом уборе,
С коробками тканей из шерсти витой и льняных –
Я в горный поселок, подруга ж в деревню у моря.

*3–4 октября
Петербург*

* * *

Иду тропинкой белой, в снегу, меж черных елей,
Протоптанной едва.
По тайникам глубоких и теплых подземелий
Попряталась трава.
Бегут живые соки глубоко, а наружу
Кругом снега одни.
Мороз владеет лесом, и славит скрипом стужу,
И омрачает дни.
Проскачет заяц белый, пройдет крестьянин пеший,
И снова – лес пустой;
Любуется, проснувшись, лишь старый, бурый леший
Печальной красотой.
Приветствует Мороза и вновь уснет в сугробе,
Предчувствуя сквозь сны
Конец метелям белым, конец Морозьей злобе
И нежный зов Весны.
И пробормочет сонно, и сонно улыбнется,
Мечтой одной томим,
И старый бор поверит, проснется, и встряхнется,
И прошумит над ним.

15 октября

* * *

В золотистом паркете
Меркнет пепельный день.
Лица темные эти...
За рамами тень...
Эти строгие взгляды
Отовсюду из рам...
Что, портреты, вам надо
По вечерам?..
Тяжелеют пейзажи,
Умирают тона,

Только статуя та же
У окна.
Вот и вечер. И поздно.
И туман голубой.
Почему же мы розно
С тобой?

17 октября

* * *

Вот он, первенец стад, под своей тонконогою маткой.
Сам хозяин пришел на пастушеский праздник; за ним,
Кто с мукой, кто с вином, кто с сытою медвяною сладкой,
Из долины соседи тропинкой один за одним.
Славьте песней богов, покровителей пастбищ и стада,
Дайте жертвенный нож здесь старейшему всех пастуху,
Кровь – богам, мясо – нам; упиваться и праздновать надо
Так, чтоб эхо весь день не смолкало в скалах наверху.
Под жужжание флейт пусть запляшет пред нами Аглая,
И под розовой пяткой чуть зримый подыметесь прах.
Удальством, и вином, и веселием шумным пылая,
Наш пастушеский праздник два дня будет длиться в горах.

1 ноября

«ТАКИ-СЯКИ»

Целый дом на нашем кресле,
Все мы дремлем, всем нам лень.
Тени серые полезли,
Провожая зимний день.
Кукла спит, и я, и кошка.
В пять обед, и близок час.
Поиграть еще немножко?
Нет, часы уж бьют пять раз.
Няня шаркает ногами,
Не пойти ли ей помочь?

Ведь в углах уже за нами
Подошла и села ночь.
Не боюсь я днем и волка,
Даже в сад пойду одна,
Но и храбрость-то без толка
Не особенно умна.

* * *

Я всё люблю, что может быть предлогом
Мечтать о Вас, о радости – о многом.
Гримасы пламени люблю следить в камине,
Когда за окнами снега и поросль сини,
И след сапфировый, как брошенный цветок.
Люблю молчание, минут текущий ток,
Дорожки узкие – где свод деревьев гулок, –
Дорожки узкие для медленных прогулок.
Я всё люблю, что мысль мою тревожит,
Грядущий день и день, что мною прожит,
И цифры стройные, и ритм печальных песней,
И что простей всего, и что всего чудесней,
Люблю святилища музеев и церквей,
Где плоть мечтательней и дух горит живей,
И книги темные в шкафах всегда открытых,
И книги темные о небе и орбитах.
Я всё люблю, в чем радость есть для тела,
Все радости узнать бы я хотела.
Люблю я запахи, и ласки мха и меха,
И слезы краткие, и шумный праздник смеха,
И в полдни жаркие холодный душ живой,
И сливы синие, и финик восковой,
И кожу гладкую, как плод, что я вкусила,
И кожу гладкую, где есть тепло и сила.

15 ноября

* * *

Вечер в ризах пилигрима
С пеплом ласковым в руке
Подошел и стал чуть зримо –
С пеплом в сеющей руке.
Видишь дали за террасой,
Туча, холм иль лес густой?
Всё, что было сложной массой,
Стало линией простой.
Было счастья две недели,
Две недели – светлый сон,
Но колеса зорь зардели,
Ночь разбила светлый сон.
Ладан вечера дымится
Из серебряных кадил,
А душа моя струится
Как из ран – без сил, без сил...

17 ноября

* * *

Когда мы вместе,
Когда мы рядом,
Ладонь с ладонью сближая тесно
И взгляд со взглядом, –
Какой чудесной
Дорогой души друг другу вести
Дают, сближаясь святым обрядом,
Когда мы вместе,
Когда мы рядом.

Когда нам грустно,
Когда мы розно,
И ночь объятья вокруг душ поблеклых
Сжимает грозно,

И дождь на стеклах,
И страх рисует рукой искусной,
И осень шепчет чему-то: «поздно», —
О, как нам грустно,
Когда мы розно...

17 ноября

* * *

На яблонях лишь зимние сорта
Тяжелых, желтых яблок. Сняты сливы.
Над сжатым полем птицы хлопотливы,
В пустой малинник дверь не заперта.
До сумерок с широкого двора
Гул молотилок слышен, гул рабочий.
Короче дни, черней, морозней ночи,
И в иное туманные утра.
Легла трава. Все линии резки;
Но серый тон господствует в природе.
Лишь ярких тыков рубины в огороде,
Как жирные по черному мазки.

24 ноября

* * *

Меня к покою не зови,
Я в жизни жду иного.
Восторги тихие любви
Я променять готова
На фиолетовое дно
Безвестного залива,
Где судно легкое одно
Колышется лениво,
Твою любовную мечту —
На шум большого порта,

Где я, быть может, предпочту
Любовь иного сорта,
На голубые острова
В водах архипелага,
На возникающий едва
Пейзаж, как замысл мага,
На города, на корабли,
На мощный мир растений,
На всё, в чем сильный сок земли,
На всё, в чем ум и гений.
Моя любовь неглубока,
Иди своей дорогой,
Не мне сидеть у очага
В спокойной позе строгой.
И всё, что полно для тебя
Высокого значенья, —
Любовь я встречу не любя
И смерть — как приключение.

25 ноября

* * *

Для ваших рук всё то, что нежно и тепло.
Зеленый луг
Вам для дорог.
Хочу всего, чтобы ласкать прикосновением могло,
Для ваших рук
И ног.

Для ваших глаз всё то, в чем блеск, всё то, в чем мощь.
В огне алмаз,
И темный дуб,
И сочный плод, и нежный цвет, и полдень солнечный, и дождь
Для ваших глаз
И губ.

Для ваших дум всё то, что вносит и ведет
Сквозь блеск и шум
Под тихий кров.
Хочу покоя, тишины и всех просторов и свобод
Для ваших дум
И снов.

* * *

Как море, изменчивы чувства; и плыть в нем печально и трудно.
 Безумец вверяет стихиям легко окрыленное судно.
 В нем груз драгоценный и странный: мерцающий жемчуг Востока
 И красный тюльпан, словно сердце, раскрытое страстью жестоко.

Опалово-синие волны, змея и свивая движенья,
 Нас кинут друг другу навстречу, и гибелью будет сближенье,
 И судно, искавшее счастья, с бесценным и радостным грузом,
 Опустится в жалких обломках к червям и холодным медузам.

8 января

* * *

Из моря вечности бежали,
 Как волны, длинные года,
 Стирая медленно скрижали
 И разрушая города.
 В отливе мерном и негромком
 Не всё ль с песков волна сотрет?
 Не так ли жизнь моя обломком
 И ты мелькнешь в водоворот?
 Но всё же дом мой я готовлю,
 Сады возвращаю, стерегу
 И пашню тучную, и ловлю,
 И козье стадо на лугу.
 Как будто силы отдавая –
 Через преемственность плода –
 Я жизнь мою переливаю
 В иные формы навсегда.

7–8 января

* * *

На вереск розовый мы ляжем
Туда, где склон холмов покат.
Золотоогненным миражем
Свой час отпразднует закат,
Опустит красные вуали
На сухознойные пески.
Ты помнишь, дали не бывали
Весной так ярки и близки?
Весною счастье мимолетно
В дрожаньи губ, в мерцаньи глаз,
Но сквозь неплотные полотна
Тебя я чувствую сейчас,
Сквозь вереск розовый меж нами –
Немую мощь груди и плеч,
Всего, готового, как пламя,
Прикосновениями сжечь.

* * *

Когда тяжелый мрак растает в сетке линий,
И будет странной даль, и белый цвет как синий,
Я встану босиком с растерзанного ложа,
Так тихо босиком, и эхо не тревожа.
Еще внизу туман хлопчатой бродит ватой,
И влажен синих стен песчаник ноздреватый,
И небо – как цветок, раскинутый над нами,
Как голубой цветок с пурпурными краями.
Меня обнимет сад нежнее и свежее,
Росой прильнет к ногам и влажным ветром к шее,
И, простоявший ночь в молчании утрюмом,
Он вдруг прогонит ночь зеленым ясным шумом.
Раскроется восток пурпурно-желтой аркой,
Триумф на небесах земле, дневной и яркой,

И страстно встречу вновь я светлое светило,
Чтоб сердце страстно вновь горело и любило.

30 января

* * *

И то, что было мило,
И слез далеких гнет —
Ничто не проходило,
Всё прошлое живет.
Всё в настоящем живо,
Как в речке от ручья
До устья, до залива
<Бежит> одна струя.
Ничто не забывалось,
Забвенья нет,
И каждая в нас малость
Идет из прежних лет.

1 февраля

* * *

Надо забыть
Праздник короткий.
Надо забыть.
Надо уйти.
Милой руки ты не дашь мне в пути,
Даже не кинешь прощального взгляда
Из-за решетки,
Из тихого сада,
Тихого сада, где радостно жить и любить.
Надо уйти...
Надо забыть...

Тяжки обоим минуты прощальной печали.
Всё обреченное нами на смерть и забвенье,
Как непокорная жертва из-под ножа, на мгновенье
Встанет таким, как вначале:
Милой ошибкой;
Губы с улыбкой,
Руки с цветами,
Только из сердца кровавая тянется нить
Вдаль между нами,
Вдаль на отвергнутом нами, открытом влюбленным, пути...
Надо забыть.
Надо уйти.

1 февраля

* * *

Сердце готово поддаться бессилью
И лени злой.
Время украсило комнаты пылью —
Словно золой.
Холодно, скучно. Не дышат каминов
Черные рты.
Окна передней и мезонина
Не заперты.
Пусто в столовой: побита посуда.
В спальне темно.
Грустно ли будет уйти мне отсюда,
Или уже всё равно?..

2 февраля

* * *

Облака перед нами, как розовый праздник на сцене.
На оранжевых стенах синеют недвижные тени.
Ты смотришь жадно на запад, где мешаются
краски. Мы — как в сказке. Нам приятно. Ты смотришь

на запад, и в глаза твои жадно смотрю я. Наши руки
целуя, спускается ветер прохладный.

Сверх пылающих маков раскиданы ветки сирени.

Серебрятся за нами на стенах недвижные тени.

Отяжелели веки твои и срезают зрачок. Ты
изнемог, ты устал – неужели? Отяжелели веки твои. В
руках моих жаждущих дрожь. Но ты устал. Ты уснешь...

Только край горизонта купается в розовой пене.

На стене голубой голубые, чуть зримые тени.

Твои ресницы упали. Ты оперся о стену плечом.

Ты мечтаешь – о чем? Или что-нибудь снится? Твои
ресницы упали. К губам твоим жадно взглядом я
приникаю. Прохладно.

Нет ни розовых красок, ни брошенных веток сирени.

Как тяжелые тучи, сливаются тени...

5 февраля

* * *

Уж томный зной приходит к нам так рано.

С утра везде дыхание шафрана.

Тюльпанов круглые бокалы совсем открыты. Взгляни ты в них:
светло и ало, тепло и душно нам дышат в лица. Смотри – как
солнцем всё золотится.

Уже с утра весенним зноем пьяны

И я, и ты, и томные тюльпаны.

Мы на коленях стали прямо на землю. Гамма безумных
красок внутри тюльпана: вот цвет шафрана, вот черный,
красный, вишневый, рыжий. Мы стали ближе: у стебля руки,
над чашкой лица.

Свист томных иволг, словно флейта Пана.

Мы жадно пьем дыхание тюльпана.

Над ртом его сближаем губы в нежданной ласке. Какие
краски в его бокале: резки и грубы, нежны и тонки. Дрожат
ресницы, всё ближе губы, и руки смяли упругий стебель...
и ниже лица...

6 февраля

* * *

Когда она пришла и обещала,
Я вспомнить не могу,
И жизнь моя – я чувствую – сначала
Задержана в бегу.
На миг один, на миг один молчанье –
И вспомню без труда
И ею мне, и мною обещанье
Ей данное – когда?..
Но шумной жизни дикая стихия
Не молкнет, и под ней
Годов, веков течения глухие
Поют еще сильнее.
Пчелиный гул вокруг золотого сота...
В полях идут стада,
И мне б туда, но надо вспомнить что-то
Забывтое – когда?
И мне б легко пройти хотелось в мире,
И мне б легко дарить,
Дышать полней, желать вольней и шире
И громче говорить.
Но вот стою холодной и инертной,
Текут часы, года,
И нет путей душе моей бессмертной,
Закованной – когда?..

26 февраля

* * *

Смотря в действительность любовно,
По полю жизни я иду.
Есть мир другой, где всё бескровно,
Куда приходим мы в бреду.
Но царство солнца, царство плоти
Одно влечет мою мечту,

И самой низменной заботе
Я царств иных не предпочту.
В нас есть неведомые нити,
И мир понятен мне не весь,
Но чуда жду я в жизни, в быте,
В земле, в природе, в сердце – здесь.
Ведь мир реальный необъятен –
От ребер каменных земли
До световых дрожащих пятен
На оседающей пыли.
Любовно вслушиваясь в шорох,
Червем ничтожным я ползу;
Как вольно дышится на горах,
Как сладко дышится внизу.
Мечтой владея над пространством,
Но не прельщаясь глубиной,
Я всё же с рабским постоянством
Служу реальности одной.
Из моря света в омут тени,
Лишь в солнце веруя одно,
Пройду – чтоб лечь песком на дно –
Скорбей и радостей ступени.

7 марта

* * *

Даже извне не нарушив порядка,
Не опоздала среда.
Может быть, пахли духи слишком сладко?
А может быть – как всегда...
Были портреты знакомые хмуры.
Вяли цветы на окне.
Труб не звучали фиоритуры –
А может быть – в глубине?..
Надо смеяться и надо прощаться,
Тесно мне это, как гроб –

В нем не могло б королевство создаться...
А может быть и могло б?..

9 марта

* * *

Бесплодным, как серая глина,
Я вижу мое бытие.
Ты шепчешь: «всё в мире едино»,
Да сбудется слово твое.
И солнце, и ветры, и воды –
Всё вышло когда-то из тьмы.
У вечного сердца природы
Найдем себе место и мы.
В больной, человеческой, серой,
Потерпим в личине простой...
Какой-нибудь будущей эрой
Я стану цветком, ты звездой.

*28 марта
Финляндия*

* * *

Наслаждайся всем, что дано,
Полюби, пускай плывет
Не картинками с экрана,
Всё былое в нас живет.
Не смотри в былое с грустью,
Тот же ты и та же я,
Ведь с истока и до устья
Всё одна в реке струя.
Все ничтожные детали
В нас – как капельки в реке.
Друг, цветы не отцветали,
Ясен след шагов в песке.

НЕФЕРТ

Засыпан вход, а ветер всё метет
Волну песка, то нежно, то сердито.
На лбу моем цветок не расцветет.
Мой саркофаг тяжел – из сиенита.
Из века в век всё глуше и слабей
Доходит шум. Спят двери, спят пороги.
Но вместо сердца вложен скарабей,
Не знающий ни скуки, ни тревоги.
И каждый год подьемлет воды Нил,
Сперва расцвет, а после увяданье,
Но уж никто, никто не сохранил
Ни имени, ни славы, ни преданья
О той, что здесь звалась Неферт, о той,
Которая, как Вы, всего хотела,
А ныне спит под маской золотой,
И вместо сердца камень вложен в тело.

31 марта

* * *

Моя душа – кто Вы такая?
Меж нами узел слабо свит.
В мои печали не вникая,
Ваш тих и светел детский вид.
Вы отойдете незнакомкой
От первых вздохов литии.
И кто ж Вы в жизни злой и ломкой,
В моем коротком бытии?
Поднять ли Вы меня хотели?
Упасть ли с тем, кто Вас носил?
Не знаю дальней Вашей цели.
Не знаю тайных Ваших сил.

*21 апреля
Петербург*

* * *

Плакало сердце, но ты не заметил, что плачет.
Лес был прозрачный, стволы наподобие мачт.
В дальние страны ассоциации нас увели,
Мы говорили про море и корабли.
Но не сумела я вымыслом жизни украсить
Так хорошо, как умела таить мою страсть.
Молча иду я всё дальше и плачу тайком,
А ты не знаешь, как и о ком.

21 апреля

* * *

От меня ты уедешь, от меня ты уедешь,
Но любовь к отходящим горячей и острей.
У тебя над постелью чей-то локон, как фетиш.
От меня ты уходишь, уходи же скорей.
Ты чужой мне путями, темпераментом, расой,
Только гордость одна в нас, но ведь это пустяк.
Если губы, прощаясь, искривлю я гримасой,
Не подумай, что слезы: это так... это так...
Ты куда-то уходишь, ты меня не заметишь.
Может быть, ты богаче и земель, и морей –
У тебя над постелью чей-то локон, как фетиш...
Но любовь к отходящим всех страданий острей.

23 апреля

КНИГАМ

Только здесь в переплетах потертых
Так прекрасны сердца и слова.
В благороднейшем обществе мертвых
Только здесь я тепла и жива.
Нет мне выше и слаще почета,
Как отдать мертвецам свои дни,

Но и здесь не хватает чего-то,
Не того ли, что я – не они?

24 апреля

* * *

Звенит по полю высохшим бурьяном
Осенний воздух. Длинная заря
Не хочет гаснуть в небе сизо-рдяном.
Под поцелуем острым сентября
Нагая нимфа клонится, бледнея,
Всё, всё рукой безумной раздаря.
Уже щедрот не делит солнце с нею,
В ее косе цветам не расцвести,
Ее ногам не пробежать аллею,
Ее рукам листов не разгрести,
Ее губам не прошептать заклатья,
В ее любви звучит одно «прости»,
И только смерть возьмет ее в объятья.

2 мая

ЛЮБВИ

Ты медлишь посетить готовый к встрече дом.
Давно лежат плоды на блюде золотом,
Травую настлан пол, приятной для ступней,
И запах вялых трав по комнате сильнее.
Ты медлишь... Почему? От двери три шага,
И вот уже кровать и плиты очага,
И я с водою жду, чтоб смыть с усталых ног
И грязь неверных троп, и пыль больших дорог.
Ты медлишь... но тебя не страхом и стыдом
Я встречу, а открыв и весь украсив дом,
Затем что весь он твой и всё твое, что в нем:
И фрукты, и трава, и мой очаг с огнем.

20 мая

* * *

Гор отдаленных сиренево-синий барьер
Взгляды ласкает покатами выгнутых линий.
Воздух сгущенный простанствов то розов, то сер,
То маслянисто-тяжелый и синий.

Падают листья движениями раненых птиц,
В этом так много красивой осенней печали.
К камням замшенным дворцов, акведуков, гробниц
Сердце подходит, как будто к сжимали.

Гимнов священных, пропетых когда-то давно,
Звонкое эхо дрожит, умолкая устало.
Всё это царство пылливому сердцу дано,
Но для сердца и этого мало.

26 мая

* * *

Гвоздика, словно рот, принявший поцелуй,
Невинный василек в волнах зеленых струй,
Благоуханный прах, лежащий в урне лилий,
Цветы прекрасных форм, и запахов, и стилей
Нам тихо говорят о прошлом о своем,
И если мы вдвоем, чтоб быть совсем вдвоем,
Чтобы пришел экстаз стремительно и сразу,
С цветами унесем мы бронзовую вазу,
Чтобы в дыханье ласк их запах не проник,
Чтоб не проснулся в нас таинственный двойник,
Который шепчет нам печально и певуче
О том, что было в нас и в нашем прошлом – лучше.

Острова

* * *

Необходимость нас ведет своим путем.
Не будем жечь огней и руки не сплетем,
Чтобы в прощальный час не знать прощальных ран,
Чтобы была душа пред жизнью как экран.
Вот здесь леса, ручьи, деревни и поля;
Вот здесь зима прошла, их снегом убеля,
Вот здесь весна поет, здесь лета легкий плен,
Здесь осень лес кропит клоками красных пен.
Мой кругозор печаль и страсть не умят.
Мой не прикован взгляд на скучный циферблат.
Равно встречаю я утра, и ночи час,
И расцветанье роз, и шелест волн, и вас.
Вы для меня деталь, луч алый над дверьми,
Мгновенный, как и всё, что делим мы с людьми,
Как чаша, где уж пил и будет пить другой,
Как крестики гвоздик, мелькнувших под ногой.

17 июня

* * *

Замолк оркестр ветров. Мы разом ощутили:
Нажата тишины широкая педаль.
Как перламутр вода, как жемчуг море в штиле,
 Как раковина — даль.
Воздушный ток поник. Поблекнул бледный парус,
И золотой поток под солнцем не течуч.
Пропитан синевой грядущей ночи ярус
 Еще блестящих туч.
И мы молчим, склонясь, как бы над книгой редкой,
Над морем без ветров, над миром без границ...
А дальний островок рисуется виньеткой
 На тусклом золоте страниц.

5 июля

* * *

Где осень проходила скользящею походкой,
Там тяжкий стук копыт.
Зимою стала осень, а нами август кроткий
Еще не позабыт.
В немых и черных водах, где спит без снов бывшее,
Движенья не ищи.
Мечте не сдвинуть камня, что в беге время злое
Метнуло из пращи.
Напрасно мы клянемся не возвращаться часто
К тому, чего уж нет.
Но мраком зимней ночи, но силою контраста
Мы видим тот же свет,
Потушенный дыханьем стареющего года
И всё же в нас живой,
И слышим тот же запах любви, плодов и меда
Над желтою травой.

6 июля

* * *

Те живут под единственным солнцем на своем горизонте,
Те под тяжестью двух притяжений намечают дороги.
О различные души, друг друга не коснитесь, не троньте,
В ваших редких сближеньях так много обострений тревоги.
Разве можно сознательно сделать всё враждебное – милым?
Разве чуждые могут стихии быть аккордом согласным?
Вы живете под дружеским небом, под единым светилом,
Я – под небом враждебным с солнцами: изумрудным и красным.

25 июля

ЛЮБВИ

Уж лето рожь свезло, возы его скрипят.
Ветра холодные окрепли.

Вот осень. Плащ на ней разорванный до пят
И косы бронзовые в пепле.
Я на пороге жду. Я трепетно зову
И от желания бледнею.
Я жду, но не ее, безумную вдову, –
Тебя, идущую за нею.
Пушай вокруг ветра холодные гремят,
Как будто плачут: «поздно, поздно»,
Ведь ты придешь ко мне, неся в руке гранат
Так молчаливо и серьезно.
Тверда нагая грудь, невинный козий взгляд
Янтарных глаз, совсем открытых.
Усталые ступни нечаяно запыхают
Меня, лежащую на плитах.
Не знаю голос твой, он нежен или груб,
И плоть до самых тайных складок,
И тяжкий зрелый плод полураскрытых губ
Мне будет горек или сладок

3 августа

* * *

И Вы свернете, и Вы, под властью томленья злого
С своих путей.
Ведь в каждом сердце к его вершинам прикован снова
Мятежный Прометей.
Когда в долинах ветра упали и сон в ауле,
Вдруг долгий крик:
«Не все смирились, не все довольны, не все уснули» –
И резкий звук вериг.
Вы мирный пахарь, Вы тихий пастырь в своих долинах,
Но и для Вас
Покой в желаньях, всегда доступных, всегда единых,
Пока не пробил час.
Пока умолкший, кто был поборот и обесславлен,
Но не смирён,

Не свергнет криком с вершин далеких потока лавин
В Ваш дол со всех сторон.

24 сентября

* * *

Вновь к душе беззащитной прилив
Бледных лиц, как медуз к кораблю,
И, надеждой мечту окрылив,
Из минутной волны их ловлю.
Ты, что в горе и смерти светла,
В темном сердце свой дух посели.
Ты, Аттила, с душою орла
На путях моих стань, хоть вдали.
Тихий Данте, откуда послом
Ты пришел? Из надзвездных земель?
Будь мне другом в бореньи со злом,
Дай твою мне святую свирель.
Так мой трепетный зов призывал.
Но иначе решил произвол:
Набежал отливающий вал
И движение теней отвел.
Океан изначальный велик,
Всё он сгладил, волной шевеля.
И один лишь измученный лик
Отражен под бортом корабля.

2 октября

* * *

Радость мая из обманов
Соткана.
Свечи белые каштанов
У окна.
Увяданье скрыто пышно,
Нет его.

И печально, и не слышно
Ничего.
И не хочет сердце мерить
И копить.
Да и правда, нужно ль верить,
Чтоб любить.

9 октября

* * *

Всё забыто, всё потоком
В океан унесено
И в борении жестоком
Опускается на дно.
Капли радостей минувших
Растворились. Смолкнул смех.
От дорог, едва мелькнувших,
Не осталось даже вех.
Нет родного, нет святого —
Всё растеряно в пути.
Но в бесчувствии готова
Полу-счастье я найти.
Но волна потока злого,
И стремительна и зла,
Струйки боли из бывшего
В настоящее внесла.

11 октября

* * *

Свет проходящий гардины рассеян и редок.
Тщательно с полок я пыль голубую смету.
В книгах страницы пестреют от быстрых заметок:
Мысли — почти что не мысли еще — на лету.

«Миг настоящий реален – реальность мгновенна».
Утро на вечер похоже. За труд мой дневной
Сяду. Как жизнь монотонна! как дни неизменны!
Как обязательства властно стоят надо мной!
Поздний обед торопливый с болтливой газетой.
Вечер раскрыть черно-синие крылья готов.
Вот он, желанный, с покоем душевным и с этой
Радостью грустной оконченных снова трудов.
Снова беседа привычная в темпе нескором
С тем, кто не близок, с кем сдержано слово стыдом.
И как обычно, за мирным, как сон, разговором
Мирная ночь перед мирным и милым трудом.

12 октября

* * *

Любовь угасала, и тело уже не любило.
Но воля твоя возмутилась мужская, и сила
Инстинкта столкнулась с душою моею упрямой,
И то, что должно быть ничтожным, – то сделалось драмой.
Ты распял меня, ты – на косах моих засыпавший! –
О, если законы любви существуют, ты – павший.
Ты тело, и душу, и гордость, и стыд мой наветом
Неверным и грязным унизил безмерно, и в этом
Тебя не прощу я – хоть в сердце ни страха, ни злобы...
А как это просто пройти для обоих могло бы...
И вот мы разбиты, ты тоже, ты тоже, я вижу,
И дом одиночества нашего – уже и ниже.

13 октября

* * *

Моя душа глухонемая
проводит дни не понимая
Бурлюк

Помнишь, как первая ночь опускалась на землю и в наши сердца –
я не роптала.
Помнишь, как первая буря хлестала, и била, и выла вокруг без конца –
я не роптала.
Помнишь, как терние выросло в скудных полях,
вспаханных нами,
Помнишь, как ягод тебе принесла я в руках,
окровавленных шипами.
Помнишь, как голод, и страх, и печали, и стыд
я не роптала.
Вместе с тобою тропами кремнистыми, злыми брести
я не роптала.
Вместе молиться бессильно и плакать вдвоем
я не роптала.
И отдыхать на руках и на сердце твоём –
разве для полного счастья этого мало?!

* * *

Нимфы, мое охраняйте вы стадо, в награду
В праздник осенний вас больше других я почту.
Спелых гранатов из ближнего сада украду,
Только исполните просьбу мою и мечту.
Если мы шерсти сберем, и сыров на продажу
Вывезем в город, и медом наполним чаны,
Вот уж к дверям я большие гирлянды прилажу,
Всем расскажу, что до свадьбы все дни сочтены.
Выберут мне жениха. Приготовят посуду,
Тканей льняных, благовоний дадут дорогих.
Чтить научусь я Венеру тогда, а покуда
Нимф полевых почитаю я больше других.

7 ноября

* * *

Год, неделя или даже час,
Но уже не наш.
То, что временем уведено от нас,
Лицо или пейзаж,
Не любимое в былом лицо и вид,
Который был сер,
Отошедши, сладость грустную таит
Растаявших химер.
Всё, что ты не полюбил, и отогнал,
И сгладил на песке,
Всё звучит душе застывшей как сигнал
К желаньям и тоске.

* * *

Прииди, Озирис, в свой дом!..

Оний, прииди в свой дом...

Песня Изиды над телом Озириса из мистерий

Прииди, Озирис, в свой дом! Оний, прииди в свой дом,
Брат и супруг.
Врагов нет кругом. На ложе моем золотом
Будь мне друг.
Приди посмотреть на меня. Взглянуть приди на меня.
В свой дом приди.
Хоть не в радостном блеске дня. Хоть дай тебя в свете огня
Принять на груди.
Но боги на небе скорбят. На земле люди скорбят.
Одна я кричу.
Озирис, вернись назад. Сейчас же вернись; все спят.
Прижмись к моему плечу.
На тебя я буду смотреть. Можно ль устать смотреть
На того, кто любим.
Ресницы твои как сеть; в их плену хорошо умереть
Взглядам моим.

Но ты не идешь ко мне. Не идешь даже ко мне,
Которую ты любил.
Нельзя быть в этой стране. Прийти нельзя к жене
Без жизненных сил.

11 ноября

* * *

Больше, чем северный ветер зеленого моря,
Больше, чем возвращенье домой из долгого плена,
Больше, чем неожиданное утешенье в долгом горе,
Больше, чем радость разрушить враждебной крепости стены,
Больше, чем блюдо с приправой изюма и перца,
Больше, чем запах ладана, поставленного над огнем,
Больше всего этого цени биенье своего сердца,
Потому что всё в нем.

Чье сердце не бьется – тот не вкусит и не выпьет с нами,
Чье сердце не бьется, для того голос песни не тих и не громок.
Чье сердце не бьется, тот крепко завернут пеленами,
Чье сердце не бьется, тот никогда не выйдет из потемок.
Для мертвого впереди только забвенье.
Всё, что можно взять на этом свете, возьми ты.
Великие имена мы помним, великие видим строенья,
А алтари великих пусты и тени забыты.

13 ноября

* * *

Там, где из синего лона залива
В море свергается мыс,
Я говорила заклятья шутивно,
Не веря в их силу и смысл.
Цепкие руки навстречу раскинув,
Ветер звала и волну.

Вдруг, как жемчужины, спины дельфинов,
И облик медузий мелькнул.
Отяжелевшее тело богини
Трав обвили пояса,
Соли морские сверкали, как иней,
В ее золотых волосах,
Пальцы кораллов наметили ало
В бледных горстях по звезде.
Белые губы открыв, прошептала:
«Я Афродита. Я здесь».
Так это было. И я убежала.
Мне и одной хорошо.
Вынула злое осиное жало,
А яд уж до сердца дошел.
Толпы людские, как волны, кидают
Ту на мои берега,
Кого убегаю. И силы уж тают,
И лягу к ее я ногам.
Если я раньше иного хотела,
Нынче в желаньях одно:
Белые губы, тяжелое тело,
Ладони с пурпурным пятном.

15 ноября

* * *

Так сбылись, сбылись слова святого гнева,
Те проклятья надо мною и тобой.
Ты назвал меня своею королевой
И сделал рабой.
Я боролась ядом змея. К черным мессам
Унесла тобой подаренный венок.
Против неба я вдвоем с лукавым бесом,
А ты одинок.
Удержать меня ты хочешь, запирая.
Но ведь я ушла. Тебя морочит змей.

По вине моей мы изгнаны из рая,
Не вернемся по вине уже твоей.

16 ноября

* * *

Я двери тихонько открою,
Так, что ты не заметишь,
Я побегу так скоро,
Как кинутый кем-то предмет.
Я женщина и думаю
О тебе,
Забываю себя, думаю:
 Бедный,
Зачем длить минуты боли,
Зачем прощаться и плакать?
Это совсем нелепо.
Боль зла.

23 ноября

* * *

Я хочу объятий Ваших – хочу.
Напрасны доказательства и слова – хочу.
Пусть мир печален и стар,
Ваших губ для моего рта – хочу.
Поцелуями заглушить Ваш стон хочу.
И еще не слишком долго хотеть,
Чтоб успеть уйти к другой мечте, – хочу.

* * *

Женщина я, а трусливей ребенка. Бывало,
В лес выхожу и до храма одна добегу.

Коз тонконогих на горных лугах целовала
И не боялась, не зная, что надо врагу.

Нынче, стирая, с испугом смотрю на четыре
Стороны: в море, на горы, в поля и назад,
В рощу – недаром же слухи идут о сатире,
Ветки недаром там плотной завесой висят.
Боги есть гор, как и боги полей и залива,
Мало ли женщин страдает от них и теперь.
Муж мой смеется, а я пожимаюсь пугливо,
Если под ветром стучит наша хрупкая дверь.

25 ноября

* * *

Мы любимся одним пейзажем,
И один нас восторг сковал,
Но если друг другу расскажем –
Как будут различны слова.

И когда я молчу, сливая
Взглядом всё, что тебе отдаю,
Ты смеешься или зеваешь
И шею целуешь мою.
Я с тобой – и знаю заранее –
Между нами обрыв большой.
Ты хочешь ласкать и ранишь,
Потому что ты – чужой.

26 ноября

* * *

Засыпаю; бьет двенадцать,
Стены стали в хоровод.
Лень подумать, лень подняться,
Дрема нежит и зовет.
Ставни, сдвинутые плотно,
Охраняют мой уют,

И холодные полотна
Телу ласково поют
Об часах, что станут сказкой,
Сказок светлых чередой,
Не тревожимых ни лаской
Неуместной, ни враждой.

29 ноября

* * *

Всюду входит серое,
всё пачкает.
Натекло под дверью.
Суется куда не нужно, как мачеха.
Гадкие сны снятся.
За всё противно взяться.
На полотенце след пальцев – не вытиралась бы....
На тарелке след пальцев – не ела бы....
На книге след пальцев – не читала бы....
– Всюду пролазит серое.
Капает медленно временем, часами, минутами,
секундами, терциями,
как свинцом, в сердце мне.

Ноябрь

* * *

Ты газету читал мне, а я скучала
И думала то же, что и в начале зимы.
Если бы не ошиблись мы сначала,
То на разных концах России были бы мы.
Тебя раздражает всегда моя портниха,
Как будто можно обойтись без портних.
Я бы хотела жить одиноко и тихо
И никогда не видеть твоих родных.

В мокрый Петербург меня привез с юга,
Заставляешь книги читать, которых я не пойму.
Что же странного тут, что привыкаю туго
В этой неприятной обстановке к тебе самому.

2 декабря

* * *

Распускаются листья, под цветами отцветшими завязь,
Что ты лучшего видел на широком своем корабле?
Дед с войны возвратился, взяв добычу свою и прославясь,
Но отец передал мне нежность к тучной и доброй земле.
Ждем цветенья. Дождемся – ждем тогда самого урожая.
Так мы счастливы светом, лаской близких, напевом, теплом,
Потому из печалей нас печаль миновала большая –
Вспоминать, сожалеть, о покинутом, дальнем былом.
Если собрана жатва – это праздник на родине нашей.
Будь же гостем, будь весел, песней сердце свое успокой.
И о чем еще плакать, и о чем еще думать над чашей,
Полной светлым и сладким соком, выжатым ловкой рукой.

3 декабря

* * *

Как покой однообразный сладок
Для холодных и закрытых душ.
На столе обычный беспорядок,
Никого сегодня я не жду.
На хлыстах вишневых вздулись почки,
Ваза – словно синий свежий плод.
Как письма неначатого строчки,
Сердце мирно, пусто и светло.
Мысли в темпе мягком и нескором,
Покрывало словно в забытыи

Вышиваю ласковым узором
На диван, где места нет двоим.

5 декабря

* * *

Пусть дни идут, как кошки, не стуча.
Я не люблю случайностей и риска,
Но думается все-таки: «на час
Побыть бы нам наедине и близко...»
Я счастлива спокойствием моим,
И мне теплы нетрепетные ночи,
И места нет в душе моей двоим.
Не лучше ли проститься нам... а впрочем,
Мы называем синим океан,
А розы зорь на нем совсем не редки.
Нам толстый свод законов верных дан,
Кто обратит внимание на виньетки?
Я берегу береговую тишь,
Моя гроза давно, давно пропета.
Ты, может быть, меня и победишь,
Но только это будет не победа.

9 декабря

* * *

Походка ласковая кошек.
Пусть дни идут такой походкой
И перед печкой сядут тоже
К моей руке, нагой и кроткой.
Пусть шурят глаз своих топазы,
Мурлычут медленно на пламя,
Которое, поднявшись сразу,
Гримасничает перед нами.

То лентой бьет, то брызжет пеной,
Растянет рот свой или сузит.
Скорей дадим ему полено,
А то оно еще укусит.
А я боюсь всего, что грубо,
А я хочу всего, что тихо.
Пушай висит в передней шуба,
Как усмиренная волчиха.
На перекрестках люди злые.
Я здесь останусь в теплых тених
И все вас, дни мои бывые,
Баюкать буду на коленях.

8 декабря

* * *

Нам подавали гуся, но гусь был пересолен.
Звон ахал, словно бомбы срывались с колоколен.
Ах, что за праздник Пасха. Но только слишком звонок.
За гусем был поставлен молочный поросенок.
За поросенком кофе. И, ложечкой мешая,
Остановила взгляд мой рука твоя большая.
С руки к плечу; с плеча я к лицу приникла взглядом
И мысленно сказала: «какой красивый рядом».
Потом сказала громче: «в саду приятней звуки».
Мы к яйцам наклонились – мы оба близоруки –
И долго, долго, долго, так долго выбирали,
Что в зале кто-то начал теренькать на роаили.
Забыв пальто и шляпы, пошли мы по аллее,
Нам было бы в июле, наверное, теплее.
Но если даже в ночь я тогда не простудилась,
Особенная это ко мне Господня милость.

9 декабря

В сентябре и день разлуки недалек.
В мезонине протекает потолок,
Он весь источен.
Обойдемся без любовных драм.
Если погрустим по вечерам,
То ведь не очень.
Было б лучше даже раньше оборвать.
Холодная, холодная кровать
Без одеяла.
Пауки в углу, от пыли сedom.
Я боюсь, как бы любовь меня потом
Не пугала.
Петербургский день и так нехорош,
А когда к пяти со службы придешь,
Отдыхая,
Вспомнишь лето, и приятно и не жаль,
Но печалит каждая деталь
Плохая.
Не могу сентябрьский холод я забыть,
В мезонине нужно было б топить
Даже летом.
Не изгладит время темного следа,
Почему ж Вы не подумали тогда
Об этом.

10 декабря

УГРОЗА ГРАНАТОВОГО ДЕРЕВА

Мой плод подобен рту ее, и вкус его такой,
А формою подходит он к груди ее нагой.
Двенадцать месяцев подряд ношу я свой наряд.
Что делают под ветками сестра и брат?
Натертые маслами их члены сплетены.
Я укрываю их, когда они пьяны.

Кидаю щедро я цветок – другим его сменя,
Красою сада надо считать меня,
Но так не называют меня брат и сестра,
Поэтому я не раскину им больше шатра.
Пусть люди увидят и пусть накажут их,
Пусть некому будет ей дарить цветов своих
И некому дарить бутонов потому,
Что никогда его не пустят к ней, ее к нему.

* * *

Один человек не любит меня давно,
а мне это не всё равно.
Взаимных антипатий крепкая нить.
Я всё думаю, почему б меня не любить?
Может быть, что-нибудь изменить?
Иначе одеваться? больше молчать?
другими духами душиться начать?
Ведь духи – это для некоторых как печать.
Хотя я этого человека не люблю,
но из-за него я плохо сплю.
Неужели себя не переломлю?
Между нами непроницаемая стена
и душа моя для него темна.
Постараюсь думать, что это его вина,
что он воспринимает только верхи.
Буду употреблять те же духи
и писать стихи.

23 декабря

* * *

Небо как молоко, разлитое по стали.
Прилив я чувствую радости большой.
Может быть, бог и природа бороться устали
И от этого душе так хорошо.

Птицы летят к югу, они боятся,
они боятся холода нашей зимы.
А я уже знаю, что не надо бояться,
что никогда не будет зимы.
С тридцатью биллионами миров трудно бороться.
Бог примирительно смотрит вниз,
а мне стыдно мириться, хочется бороться,
не знаю почему, не знаю почему.

* * *

Кого-то хорошо отпевают в церкви,
а для него звуки сгладились и краски померкли.
Как это странно – умереть!
Можно ли не есть, не любить, не читать, не гореть?
Всё кажется, что мертвый спит на горе.
Но я предпочитаю жить дома.
Я очень люблю всё, что знакомо,
такая приятная в этом лень и истома.
В церкви звонят полчаса подряд.
У кошки родилось шестеро, их убить хотят,
но я не отдам теперь котят.
Их маленькие души еще темны,
пускай они узнают свет солнца и луны,
чтоб на том свете им могли сниться сны.

24 декабря

* * *

Гроты и ручейки устроены неискусно.
Это даже смешно, что мне так грустно.
Просовываю пальцы в отверстия решеток,
и в душе моей подымается что-то.
У серны красивые глаза, желтые, большие,
и маленькие пятнышки, как веснушки на шее.

Может быть, сегодня ей есть не дали.
Столько в ней печали, столько печали.
Неужели ничего не значит в глазах света
темная животная печаль эта.

24 декабря

* * *

За ночь в градуснике опустилась ртуть.
Семнадцать градусов –
я не радуюсь!
Ты знаешь поцелуи Мороза?
Они кладут голубую тень на щеке розовой.
Ты знаешь его рукопожатье,
от которого надо бежать?
Ты знаешь, как больно,
когда мерзнут руки и ноги –
это больней душевной тревоги.
Болит под ногтями,
щиплет за кожу,
ломает суставы,
совсем остыла
и колется кровь в жилах.
У Мороза чугунные пальцы.
Не приближайся к его рту.
До семнадцати упала ртуть,
а на улицах много кошек и нищих.

31 декабря

* * *

Каждый день я ем дикую
душистую землянику,
каждый день я купаюсь в море.
Жизнь в темпе нескором.

Купаюсь, катаюсь, хожу в горы –
нелепы жалобы и укоры.
Каждый день подставляю навстречу
солнцу шею, руки и плечи.
Ем кислое молоко с галетами,
читаю любимого поэта.
Ты дал мне всё это,
и я не смею жаловаться на мою душевную пустоту.

31 декабря

ВЕЧНО-МУЖЕСКОМУ

Косой тяжелый луч на потолок.
 Пожатье Ваше тяжело руке.
 Спешат стада к колодцу и ревут.
 Опутавшую лень мою не разорву.
 Расходятся работницы, крича.
 Бродяга просится переночевать.
 Синее свет. Берез веселых нет.
 На мертвом небе мертвый силуэт.
 Не знаю, было ли давно или вчера.
 В моей душе ночной тяжелый страх,
 переданный мне предками к другим.
 Все формы жизни были как враги.
 Мне страшен шорох листьев: там чужой.
 И этот месяц страшен мне большой,
 и звон сверчка, и великанский куст,
 и мерный тяжкий топот у моста.
 Но круг влияний Ваших всё растёт,
 и Вы уже как бог, как бог высот.
 Не знаю, было ли давно или вчера.
 Мой женский страх теперь уже не страх,
 и нет меня и жалких чувств моих,
 и только Ваше сердце в нас двоих.

2–3 января

* * *

Пусть между нами душевный холод –
 Это хорошо.
 Пусть одинокий вечер мой долог –
 Это хорошо.

Пусть проживу я издали, сбоку –
 Это хорошо.
Всё дорогое спрячу глубоко –
 Это хорошо.
Не зачерпнув ни разу от жизни
 Полным ковшом,
Пусть я умру, не капризничая, –
 Это хорошо.

8 января

* * *

Ты мне дал узнать любовь, не давши
Сил, чтоб сильно полюбить.
Вкруг ступней венков одежд упавших,
Как его переступить?
Я пришла в ненастье. Но хочу ли?
Ведь желания скользят.
Если стать на перекрестке улиц,
Не пойду ли я назад?
Я люблю, но назову ли лучшим
Миг, который мы вдвоем?
Что когда он в тихом и певучем
Одиночестве моем?

14 января

* * *

Вот и кровля исчезла. Сбились ели.
Очаговый развеялся дым.
Никогда уж ребенок на качелях
Не подыметя к грушам седым.
И напрасно в дороге я трикраты
Обернулась на голос вещей.
Заклейменной любовью нет возврата,
Не уйти от любовных ночей.

Я измучена очень. Но для взрослой
Двери тихих обитателей спят.
Я до смерти устала. Это просто,
Как осенний ночной листопад.

31 января

ОТШЕЛЬНИК

Только с поля в лес вошел апрель,
Закипело дело: на горе
 Цветики приподняли головки.
А когда в овраге стало греть,
Потянулся, зазевал медведь,
 Злой со сна, голодный и неловкий.
И пошел ломать, валять кусты:
Только ульи дикие пусты,
 Земляники нет на голых кочках.
А земля раскинулась черней,
Побежали соки из корней
 И в стволы, и в веточки, и в почки.
Скоро трав веселый люд полез
Из щелей, заволновался лес,
 Загудел, и лето наступило.
Все спаслись от ледяных оков:
Червяков, личинок, и жуков,
 И цветов, и диких ягод – сила!
Той зеленой, радостной порой
Старичок пришел и под горой
 Свой шалаш поставил, как берлогу.
Взволновался лес, поднялся крик,
Пошумел, а после и привык,
 Как к своим – обжился понемногу.
Был старик душевный и простой,
Всех жалел. Кричит зверку: «Постой!»
 Хлебца даст, зерна посыпет горстку.

Огород расчистил над рекой,
Кормит птиц и зверя, а рукой
Гладит перья жесткие и шерстку.
Только раз пришел сюда медведь,
Посмотрел и уж не мог смотреть:
Злая жадность в звере к огороду.
Закричал, затопал: «Сокрушу!»
И, подсев поближе к шалашу,
Обратился к мелкому народу:
«Так и так, нам было хорошо.
Для чего старик сюда пришел?
Разве он живет лесным законом?
Лучше я снесу его нору,
Самого ж отсюда уберу».
Тут весь лес пошел великим стоном.
Плачут птицы: «Нам он очень мил».
Снизу заяц: «Он меня кормил».
А лиса: «Он мне занозу вынул».
Одному больной он лечит глаз,
А того от верной смерти спас,
А тому помыл в речонке спину.
«Нет, – кричат медведю, – до зари
Самого себя ты убери;
Старичка же нашего не трогай».
Как сказали, и стоят на том.
Повертел коротеньким хвостом
И пошел медведь своей дорогой.
А старик – добрейшей был души –
И ему вдогонку: «Не спеши»,
И сует морковок красных зверю.
Одержал победу и над ним.
А ведь жил законом не лесным,
А по тихой, доброй, кроткой вере.

6 февраля

Так враги не встречаются гневно,
Как встречает любовь моя Вас.
Я подсчеты веду ежедневно.
О, когда б ошибиться хоть раз!
Вот открыты ворота широко,
Почему ж Вы идете кругом?
Вялых роз Вы взяли у пророка,
Я ж ждала Вас с огнем и венком.
Пусть всё станет минувшим и давним,
Я судьбе уступаю уже.
Пусть и сердце мое ляжет камнем
Пограничным на нашей меже.

10 февраля

ВОДЯНОЙ

За мукой давно пора.
В пятницу чуть свет
Выезжаем со двора
Сивка, я и дед.
Мельник деду добрый кум.
Вечер за стеной.
Видно, им не спится двум,
Как и мне одной.
Кто-то в мельнице пыхтит,
Рот большой открыв.
Неживой какой-то вид
У прибрежных ив.
Страшно. Вышла. Лунный лик
В речке полосой.
Вдруг с плотины кто-то прыг
Белый в колесо.
И пошел вертеться там,
Крутит бородой.

Хохот, посвист, крик и гам
Над ночной водой
Я к дверям. Лицом ничком
На свою постель,
Только зубы под платком
Выбивают трель.

13 февраля

* * *

Бор,
странно говорить о тебе обыкновенными словами.
Еловые стволы,
странно быть такой маленькой между Вами и с Вами.
Что общего между нами?
Ваши мысли не злы.
Вы никогда не говорите ничего злого
и никакого ничтожного слова,
ничего такого,
что я делаю каждый день.
Бор,
прости меня, великий, что я люблю тебя.
Зеленые облака, изумрудная пена,
ты указываешь на меня огромными членами.
Зеленая арфа, ты смеешься, надо мною звеня,
а каждой веткой мог бы убить меня.
Бор,
прости, что я говорю о тебе обыкновенными словами,
прости, что так мало общего между нами.

13 февраля

Вам от меня ничего не надо,
Вы богатый.
Я не могу ничем Вас обрадовать,
Вы радостный.
Я не могу подарить Вам моего сердца,
Вы гордый.
Но все-таки мне верится, мне верится
В иное.
Ведь меняется погода, меняются лица
И голос.
Может быть, и это должно перемениться,
О, если бы...
Вы возьмете от меня всё, что я имею, —
Вы богатый.
Мою радость Вы сделаете своей —
Вы радостный.
Вы захотите сердца, которое горячо и верно, —
Вы гордый.
Но что останется мне, что не может быть измерено, —
Я счастливая.

16 февраля

ТАНГО

Коленом ты мое колено тронул.
Дни как пьяные бегут.
Я не вернусь к оставленному трону,
Не хочу и не могу.
Уж в темном доме свет погаснет скоро.
Муж над люлькою бледней.
Но это всё как тусклые узоры
Умирающих теней.
Мне всё равно. Лишь ты один реален,
Раз коснулся ты меня.

Обжег меня. Но ты и сам ужален
Вспышкой синего огня.
Теперь друг друга ждем всегда и ловим.
Час ночной подстереги.
Как будет много ласк, но больше крови.
Мы и в любви враги.

* * *

В темном бору вековал под осиною леший,
Знаете, там, где спускается под гору гать.
Протарахтит ли телега, протащится ль странничек пеший –
Всё ему видно, успеет он всех напугать.
Гикнет из леса – помчится и старая кляча,
Странник свернет и пойдет, не заметив, назад.
Лешему радость, а бабы клянут его, плача,
А мужики ему палкой с опушки грозят.
Давит жуков, нежных птичек по гнездам тревожит.
Только всё больше людей и танцует всё чаще топор.
Рубят, пилят. «Видно, век мой лешиный уж прожит.
Чаща, прими меня, мать; приюти меня, девственный бор».
Леший пошел, переходит болота, озера,
Спит, как на шкурах медвежьих, в коричневом мху.
Чащи достиг, страшной сумрачной чащи он скоро,
Ночь заблудилась в стволах и в ветвях наверху.
Лешему грустно, идет он, идет и тоскует.
Словно под куполом черным и душным – темно.
Звуков нигде никаких. И не веет нигде и не дует,
Словно в гробу. Вдруг он светлое видит окно.
Это небо. На опушку
Леший выбежал старик.
Приласкал жучка и мушку,
К алым цветикам приник.
Видит море. Ветер с моря.
Он и ветру тоже рад,
Шепчет: «милый!» Даже зори
Для него светлей горят.

Помня путь в борах огромных,
Видит звезды – рад и им,
И тому, кто в травах темных
Светит светиком своим.
Ничего чудного в этом –
Леший ближних стал любить,
Ведь и сам, омытый светом,
Перестал он лешим быть.

21 февраля

НОФРИТАРИ

Я – Нофритари, я – девушка царского дома.
Нежное имя богам справедливым знакомо.
Песней при храме я солнцу служила немало,
Пляски плясала и ладан священный сжигала.
Я, Нофритари, дарами осыпана щедро.
Там ожерелья в ларцах из душистого кедра,
Тонкие ткани упали на стол и посуду,
Золото, бронза и ценные камни повсюду.
Я, Нофритари, в гробнице я сплю из гранита.
Плач и молитвы замолкли давно. Я забыта.
Тянется время, иссохшего тела не старя,
Годы идут и столетия... Я – Нофритари.

26 февраля

Б. ГРИФЦОВУ (ДУСИКУ)

Память о 3 июля [1913 г.]

Я не могла Ваш облик воссоздать,
Но осень мне его нарисовала.
Спокойствия и грусти благодать
Овеяли мне душу, как бывало.
Какая нежность тонкого овала,
Таким лицом мог Дафнис обладать.

Но трудно так усталый угадать
Оттенок глаз – их осень целовала.
Мне почерк Ваш и голос не знаком.
Цикл длинных дней смыкается венком.
Весна поет моей брезгливой скуке.
И снова лист слетает мотыльком.
Как жду я Вас увидеть хоть мельком,
Поцеловать хоть взглядом Ваши руки.

* * *

Ах, если б можно было всё переделать наново
И стать совсем иной!
Лишь только увидала Георгия Иванова,
Я сделалась больной.
Ах, если б можно было стать ласковой блондинкой
С покатом слабых плеч
И голосом и взглядом, как тонкой паутинкой,
Опутать и привлечь.
Ах, если б можно было одеться в цвет сиреневый, –
Но нет. Мой дух поник.
Последних темных капель, мечта моя, не вспенивай,
Ведь пена – только миг:
Глядишь – и уж сползает по стенкам тонким рюмки
Мой мир миражный весь.
Ведь правда в синем платье, несносная угрюмка,
Учительствует здесь
И говорит, что счастья не испытать мне пьяного
Нигде и никогда
И что для томных взглядов Георгия Иванова
Темна я и худа,
Что мне не расстегнет он высокого ботинка
И не прикроет дверь,
И это потому, что – увы – я не блондинка...
Напрасно всё теперь.
Напрасен шелк рубашек, и кружевные лифчики,
И тон духов «D'Orsay».

Всё разорви, бедняжка, и мелкие обрывочки
По свету разбросай.
Бумагой станут тряпки, а тело будет наго...
Возможно ведь весьма,
Что в переписке с Гретхен он купит ту бумагу
Для страстного письма.

Писаревка

* * *

Когда весной сирень цветет в саду,
Мне грустно.
Когда цветок красивый я найду,
Мне грустно.
Я к счастью глаз своих не подыму,
Мне грустно.
Пуškai уйдет оно к тому, кому
Не грустно.
Венчай, судьба, других своих венком
Искусным,
А мне в покое будет так легко
И грустно.

Писаревка

* * *

Я глаза закрываю устало.
Слишком много людей на земле.
Вот последних желаний не стало,
Как цветов на пасхальном столе.
Глянет милое дальнее ланью
Из объятий смертельных тенет.
Кто не верует даже желанью,
Тот колен ни пред кем не согнет.
Ничего не хочу я... Однако
Отчего б мне так сильно грустить?

Ведь не надо любить, чтоб плакать?
Можно плакать и не любить?
Здесь печаль, а желанья исчезли,
Как цветы с опозоренных клумб.
Ничего не найду я... а если,
Если сердце мое Колумб...

* * *

Я по утрам читала Данте
В саду, где зной к цветам притник,
Но проходили экскурсанты,
И вот затоптан мой цветник.
Они прошли куда-то мимо,
Их шаг упорен, вид их сер,
А это всё непоправимо,
Ведь смерть всегда и всюду смерть.
В венок немых моих трагедий
Еще один цветок вплели.
Как сердца раненного, эти
Не склеить хрупкие стебли.

* * *

Тот же день без вас лимонный
На сентябрьской опушке,
Тот же ясный и влюбленный
В нежных строфах плачет Пушкин,
Той же тонкой паутиной
Куст, как радугой, окутан,
Той же радости единой
Отдана моя минута,
И прекраснее сегодня
И полнее радость эта,
И без вас еще свободней
Жить для дня и для поэта.

Петербург

Я рос с царем и вырос для царя,
Я был любим им нежно и храним,
Покамест смерть, как враг, – осеребря
Его лицо, – не подошла за ним.
И новый царь, и новый сын богов
Меня любил и отдал мне войска.
Я побеждал на севере врагов,
На юге бил и в злой стране песка.
Хвалил меня мой славный господин
И награждал, и снова награждал.
И вот теперь я кинут, я один
Среди ночных бесшумных, душных зал.
Красив, как день, мой белый саркофаг
И пахнет гроб ливанскою сосной,
Но из земных и вечно милых благ
Ничто за гроб не перешло со мной.
Уже истлели нежные цветы,
Уже давно последний друг ушел,
И туго, туго члены обвиты,
И вместо сердца камень так тяжел.
И скоро суд. О сердце, ты не враг,
Не клеветчи, молчи, не угрожай
Тому, кто слаб, беспомощен и наг.
Я чтил всегда, как надо, урожай.
В голодный год я раздавал зерно,
В моем дому жила моя родня,
Но на суде мне было всё равно –
Чужой и свой, богатый и бедняк.
Я доступ вод в поля не преграждал,
Когда святой вздымался бурно Нил,
Я ни сирот, ни вдов не обижал,
Священных рыб в пруду я не ловил.
Я не слабел, не тратил праздню дня,
Я не ловил священных птиц на свист

И на синок. Священного огня
Я не тушил. Я чист. Я чист. Я чист.

22 апреля

* * *

Имя мое забудут и отчество
Через какие-нибудь пятьдесят лет.
Но разве глубже будет тогда мое одиночество?
Думаю, что нет.
Хотелось бы мне быть похороненной в Италии,
Там всё это совсем иначе:
На могилах растут лилии и далии,
И могилы похожи на дачи.
Я бы смотрела на свет глазами цветочными,
А цветы ведь не чувствуют одиночества.
И было бы мне безразлично очень,
Что не знают моего имени и отчества.

* * *

Как одиночество темно,
Как путь ночной пропитан дымом!
Но слишком страстным не дано
Узнать покой и быть любимым.
И оттого в глазах испуг
И мыслей строй так зол и мелок,
И хлеб крошенный вокруг
Почти не тронутых тарелок.
И оттого острее печаль
Совсем незримых мелких ссадин.
А вы сказали мне: «не жаль
Того, что взгляд так зол и жаден».

* * *

Нынче по дому работу я кончила рано,
Бросила пряжу и к мужу присела тесней.
Солнце – как роза, как зло нанесенная рана,
Милого щеки пушистей под ним и красней.
Кажется жизнь мне высоким и полным бокалом,
Места в нем нет и для самой душистой струи.
Сын наш играет в песке разогретом и алом,
Маленький мальчик с глазами совсем как твои.
Дом наш уютен, служанки прилежны, а слуги
Словно родные глядят старики за тобой.
Счастье нашла я в хозяйстве, ребенке и друге,
Что еще женщине может быть дано судьбой?!

4 июня

* * *

Не расставайся, пока ты жив,
Ни ради горя, ни для игры.
Любовь не стерпит, не отомстив,
Любовь отнимет свои дары.

Вы не заплачете, читая эти строки,
Которые пишу я, горько плача,
И скажете: «шаблонные слова».
На все мои угрозы и упреки,
Как бы старик, дающий скупую сдачу,
Вздохнете лишь – едва-едва-едва.
А может быть, небрежною открыткой
Порадуете утро или вечер,
Последние в земных моих годах,
И свяжете мне руки тонкой ниткой,
На час один отсрочив время встречи
Со смертью в невских траурных водах.
В одиннадцать, уже зевая сладко,
Получите сердито телеграмму
О том, что я сегодня умерла.

И скажете, быть может: «опечатка»,
А может быть, не веря ей упрямо,
Приедете, закинув все дела.
Шаблонными, шаблонными словами
Расскажут Вам испуганные люди
О том, что здесь случилось на реке.
А буду я в холодной мокрой яме
Лежать с червями в общей гнусной гряде
И с Вашей фотографией в руке.

* * *

Как те, которые клялись любить до гроба,
В зеленом домике мы заживем вдвоем,
Пусть на один сезон и пусть не любим оба,
Из неживых цветов венки любви сошьем.
Когда ладонями к пылающим ладоням
И к рту горячему я жадным ртом прильну,
Не правда ли, глубокую мы тронем
И правильно звучащую струну.
Наш домик обнесен высокою решеткой,
Как символом, что мы совсем одни.
О, как мы счастливы! – И на сезон короткий,
Пока теплы в Крыму октябрьские дни.

7 ноября

* * *

А сегодня опять Вы ушли на охоту,
Закинув за красивые плечи ружье.
Это так и должно быть, мне ж грустно что-то:
Больше ль дичи значит для вас сердце мое?
Я глаза утираю простынею измятой,
Неужели застелить надо эту кровать?
Были ли для Вас я восьмой или пятой?
О, как у воспоминаний Вас отвоевать.

Но для Вас ничего не значат воспоминанья,
Вот уже на охоту Вы ушли.
Какое, однако, короткое расстоянье
Между грустью и радостью, плачущей вдали.

* * *

У Вас нет дачи
Своей в Крыму,
Вы бедны, потому
Я часто плачу.

Мы любим пока
Почти как дети,
Но нет на свете
Для нас уголка.

На глазах дворни
Ждать у ворот.
Умрет, умрет
Любовь без корня.

В комнате Вашей
Запах борща
У зубного врача
На шестом этаже.

Старой умру я
Девой пусть.
Какая грусть
Знать лишь поцелуи.

У Вас нет дачи
Своей в Крыму,
Вы бедны, потому
Я часто плачу.

8 <ноября>

Я к Вам зайду, себя не выдав,
Пойдем гулять меж темных пар.
Нева в немой кайме гранитов
Волочит палевый муар.
Вы мне покажете направо,
Где солнца блекнувший загар,
И в вашем голосе отравы,
В дыханьи сладостный угар.
Как легкий облак над пейзажем,
Когда мечта отдастся сну,
Как цвет воды, в сознании Вашем,
Быть может, редко я мелькну.
Но Вы не поняли, что было
В совсем далекую весну.
Я милый голос позабыла
И светлых глаз голубизну.
Теперь не знаю больше весен,
В душе моей давно покой.
Трудами длинный день оросен,
А вечер ласковой тоской.
Но часто снятся слезы или
Закат над шелковой рекой.
Вы крепко сердце мне сдавили
Своей мальчишеской рукой.

ЦАРСКОМУ СЕЛУ

Любовь отнимет свои дары.

На загибе рельсы серебрятся...
Что ты мне печальное сказал?
Я боюсь, боюсь одной остаться,
Покидать одной пустой вокзал.
Уж мои остынули ладони,
Уж одна я, уж совсем одна.

В полумраке улиц в медальоне
Мне твоя улыбка не видна.
На заводе не дымятся трубы.
В этот час печально быть одной.
Нежный снег мои изранил губы.
Ты ведь тоже нежен был со мной.

11 ноября

* * *

Я вчера сказала радости: «я верую».
Я была права.
День был злой и серый, мысли были серые
И душа мертва.
К плитам тротуара каблуки бескрылые
Льнули, не скользя,
И душа болела: «дальние и милые,
Вас вернуть нельзя».
Но метельной пудрой всё покрылось серое,
Пусть на краткий час.
Я вчера сказала радости: «я верую»,
Вспомнив Вас.

11 декабря

* * *

Мы вчера простились, вы ушли, не плача,
У крыльца растаял быстро след в грязи.
Если ты не можешь сделать всё иначе,
Сердце, легкой лодкой поверху скользи.
Там на дне глубоко письма и портреты,
Между мной и ими вод глубоких слой.
В октябре нагие ветки не согреты,
В октябре легко быть замкнутой и злой.
Песней однотонной память укачаю,
Всё теперь как прежде, так и будет быть,

Только наливать уж некому мне чаю
И сказать, что вас я не могу забыть.

16 декабря

* * *

Привычно ласковая речь,
Но взгляд холодный, как иголка.
А слово каждое беречь
Я буду в сердце долго-долго.
Я так же сяду, как тогда,
И уроню устало руки.
Ах, тяжки, тяжки невода
Воспоминаний в дни разлуки.
Я вспомню, как на миг светло
Мне стало жить, и не поверю.
— А сердце бьется тяжело,
Всегда предчувствуя потерю. —

20 декабря

* * *

Две недели голова болела,
Две недели жар меня томил.
Никого я в жизни не жалела,
И никто меня не полюбил.
Я тихонька печку затопила,
Письма там, портреты и тетрадь.
Никого я слишком не любила,
Хорошо мне будет умирать.
И когда в углу трубу закрою,
Жажда рот иссохший опалит,
Смерть тогда придет ко мне сestroю
И меня угаром напоит.

21 декабря

* * *

Смеялась Ева змею,
И я ему смеюсь,
Но говорить не смею
И попросить боюсь.
В смиренно-зловном тоне
Он мне совет дает.
Небрежно на ладони
Катаю красный плод.
Притворно ужаюсь
И искренно смеюсь.
Склоняюсь, прикасаюсь,
Но откусить боюсь.

1915

* * *

Острый край у данной Вами чаши,
И напиток пламенной огня.
Мне и враг ее не дал бы. Даже
 Ненавидящий меня.
Ведь болезнь грустней для одинокой
И пути страдания далеки.
Всё я брежу нежностью жестокой
 Вашей ласковой руки.
Верно, радость быть должна короткой.
Всё и всех готова я простить,
Только чашу с горькой, пьяной водкой
 Снова дайте мне испить.

6 января

* * *

Время всё уносит, время всё уносит.
Радугой играет быстрый водомет.
И напрасно сердце замедленья просит:
 Что б ни полюбил ты, время всё возьмет.
К призракам далеким руки простирая,
Плачешь... Ах, не помнить лучше ни о чем.
Время всё уносит. Степь на месте рая.
Умер даже ангел с огненным мечом.
 Колоннады храмов словно травы косит,
 И лампадам новым в них уж не гореть.
Время всё уносит, время всё уносит,
Разве трудно имя для него стереть.

10 января

НОЧНЫЕ

Сторожат и прячутся несмело
За порогом воли целый день,
Но придут из темного предела,
Заплетут вокруг меня плетень.
 А душа, как странница, уносит
 На плечах котомку до утра,
 Плачет, зная: вновь ей камень бросят,
 Шепчет, плача: мне идти пора.
Утром вижу – простыни измяты,
На душе смертельная тоска,
На ногах кровавые стигматы,
Словно я пришла издалека.
 И уже не знаю, кто был мучим,
 Кто нес крест тяжелый и большой,
 И не знаю: не было бы лучшим
 Навсегда расстаться мне с душой.

24 января

* * *

Как в детстве на цветке замеченная
В штанишках бархатных пчела,
Как мелочь, Господом отмеченная,
Чтоб вечно памятной была,
Как умное письмо надушенное,
Где слышен мускус и сантал,
Как песня, в темноте прослушанная,
Когда печален и устал,
Как синий цветик над проталинкою,
Который не примять годам,
– Такую маленькую-маленькую,
Вам радость маленькую дам.

31 января

Как светятся ясно в Апреле
С утра до утра купола,
Но сердца лучи не согрели
И радость ко мне не пришла.
 К холодным и темным каналам
 Влекусь, как под тяжким крестом,
 Не может же быть, чтоб усталым
 Спокойно спалось под мостом.
 Но арка тревожит сквозная,
 Едва прилепилась к земле...
— Кто делает больно, не зная,
Тот разве невинен во зле?

7 февраля

ОТКАЗ

В кармане пальцам зябко,
Тяжел железный ключ.
Над улицей, как шапка,
Покров мохнатых туч.
Там в комнате тетради,
— Но прерван звонкий стих, —
Я отказалась ради
Напрасных ласк от них.
 Хотя о том тоскую,
 Но дверь не отомкну
 И окунусь в людскую
 Пестрящую волну.
К веселому трамваю,
К ленивым дымам труб...
— Я Ваших глаз не знаю,
Ни Ваших глаз, ни губ.

9 марта

Ветер веял сквозь плетень,
Было душно, было лень.
В мой зеленый уголок
Ты со мною рядом лег.
Я отмахивала ос,
На дорожке грелся пес,
Девки шли на сеновал,
Ты меня поцеловал.
А теперь... октябрь визжит,
Словно сотня ос кружит.
Ты далеко, ты женат,
Пес посажен на канат,
Плачу я и плачет сад.

26 марта

СТИЛИЗОВАННЫЙ ПОРТРЕТ

Алексею Масаинову

Карандаш совсем не нужен и не нужно акварели,
Не в альбом и не для рамки – рамка всякая тесна.
На палитре неба краски зоревые отгорели,
Но опять их приготовит в час урочный мне весна.
А пока лишь черным с белым – выразительность эстампа,
Выразительность ночная – нарисую без прикрас.
Я одна, и ночь над миром, и моя над ночью лампа,
И любовь ярче лампы, и она горит для Вас.
Пусть бездонней и чернее тяжких вод холодной Леты
Будут милых глаз ночные освещенные пруды,
И оттуда смотрят боги, смотрят музы и поэты,
Скачут фавны и кентавры за пластом ночной воды.
Это так, но что нежнее, что красивей подбородка,
Что таинственнее ямок у веселых полных губ?
Как я брови нарисую, низкий лоб и нос короткий?
Ах, для щек и Грез вульгарен, и Буше изящный груб.

А рука дрожит невольно и танцует по бумаге.
Вот и всё – и нос, и брови, вот и глаз Эреб двойной,
Только губы... только губы... разве, губы, вы не маги,
Если издали мне кончить труд мешаете ночной.
Так. Готово. Всё готово. Без резинки, без подчистки.
Фон таков: холмы и в небо улетающий Пегас,
Вкруг гирляндой в дикой пляске возбужденные курсистки,
А внизу такая подпись:
Обожающая Вас.

3 мая

* * *

И вот вонзились в стекла
Десятки светлых жал,
Пахнуло пылью теплой,
И дождик зажужжал.
Так звонко плачут осы
И так басят шмели.
Мы оба были босы
И под дождем пошли.
Мне было лет двенадцать
И десять только вам.
Как радостно играть
И верить всем словам.
Когда звучанье маршей,
Шум кленов на дворе,
Как хорошо быть старшей
В воинственной игре.
Пусть радости угасли,
Ушедшее – ушло,
Я как в Христовы ясли
Гляжу туда светло.
Не позабыл отвесить
Господь, дающий свет,

Мне благ, когда вам десять,
Мне ж было больше лет.

5 мая

* * *

Вот он, первенец стад, под своей тонконогою маткой.
Будет славная жертва богам, покровителям стад.
Мир пришедшим на праздник с хлебами и брагою сладкой,
Слава темным кувшинам, где жидкие искры блестят.
Приготовим обед, корешков нежно-пахнущих вырыв.
Вы же, милые гости, валежник несите к костру.
Только жен молодых берегите от хитрых сатиров,
Да и сами дриад избегайте нагих ввечеру.
Пусть подымется пламя и сердце взликует, пылая...
Успокоится сердце, забудется радость и страх,
Если, слушая флейту, сестру свою, встанет Аглая
И под розовой пяткою в танце потянется прах.

5 июня

* * *

Уходят, не прощаясь, и сердце от утраты
Скорбит, как царь Давид.
Душа изнемогает, распятая трикраты,
И ран не заживит.
Уходят невозвратно, и боль неисцелима,
И свет едва-едва,
Но через мрак и муку душа стремится мимо
И все-таки жива.

* * *

Нельзя минуть, нельзя сберечь.
О, как возможности убоги.

У наших взглядов, наших встреч
Такие древние дороги.
Погаснет жертвенный огонь,
Потянет ветер из пустыни.
Моя горячая ладонь
От жадных губ твоих остынет.
...И вот опять, как в первый раз,
Стыдом и страхом мы объаты,
Земля, проклятая за нас,
Взгорбила каменные скаты.
Ты никнешь к ней лицом, плечом,
И я раскаяньем сгораю.
А ангел огненным мечом
Уж пересек дорогу к раю.

25 июня

* * *

Тихий дом наш боги посетили,
Чтобы здесь остаться навсегда.
Наших стад по красоте и силе
Не превысят царские стада.
И прохожий смотрит, как за домом
Яблони склоняются в шатры,
И у нас так радостны знакомым
Праздники и скромные пиры.
Не внесите к нам дорожной пыли,
Будьте тихи – дети чутко спят.
Тихий дом наш боги посетили,
И союз наш светел стал и свят.

* * *

Мы могли бы уехать в провинциальный
Маленький город,

Где веселая аптека окном зеркальным
Смотрит в горы.
Это в Финляндии. И мы могли бы
Ходить на дюны.
В неводах рыбы, как жемчуг, рыбы,
Как ущербные луны.
Мы могли бы лежать на колком
Шершавом граните,
Смотреть, как зной спускается к елкам,
Как паук тянет нити.
Мы могли бы пойти к старому
Холостому господину,
Доживающему с полинявшей собакой в паре
Жизнь пустую и длинную.
Он сказал бы «куш» и «дай лапу»,
И, зачем-то взглянув в окно,
Сказал бы: я знал вашего папу.
Это было давно.
Мы могли бы смотреть в озеро, где рыбы
Плоские, как из жести.
Мы могли бы... Мы могли бы... Мы могли бы...
Мы могли бы умереть вместе.

17 сентября

* * *

Как в сердце знающем моем
Прошел тот миг легко и жестко.
Мы долго медлили вдвоем,
Не расходясь у перекрестка.
Закатной мутью полный сад
Дрожал от уличного гула
И внятно звал к себе, назад,
И к Вам в глаза я заглянула.
Там было пусто, тишина,
Покой, пески, пески пустыни,

И я ушла тогда одна,
И я одна иду поныне
И не хочу смотреть назад,
Глазам молящим не отвечу.
Кто мне вернет пытливый взгляд,
В песках затерянный далече?

ЗАМАРАШКА

ПОЭМА

<I>. Урожай

И шли возы покорно за возами,
Как лодки с золотыми парусами.
Стирали люди пот с лица и шеи,
Бока коней вздымались всё сильнее,
Чтобы снопы склонились перед нами
Огромными блестящими цветами.
И воздух был исполнен светлой пыли,
И женщины работников поили,
И хлеба нам так уродилось много,
Что мачеха смеялась у порога,
А в пригоршнях ее полураскрытых
Блестел колосьев полновесный слиток,
И много змеек желтых и красивых
Светилось у коней в хвостах и гривах.
С крыльца смотрели сестры в белых шляпах,
Вдыхая ржи и пыли теплый запах.
Я тоже, тоже радовалась с ними,
Следя дорогу в синеватом дыме,
Откуда рожь текла в ворота наши,
Чтоб здесь расцвести еще пышней и краше.

II. Мачеха

Всегда была я ласковой и кроткой,
Шептала нянька: «ангел за сироткой».

Но так хотела, видно, божья сила,
Чтоб мачеха сиротку невзлюбила.
И вот сижу на камешке за кухней,
Болят у ногтя пальцы и распухли,
А мачеха: «ты всё умеешь ловко,
Почисть-ка, здесь картошка и морковка».
Скребу ножом, пойду к реке помою.
Ах, что-то будет с пальцами зимою.
Но мачеха не злая, и посуду,
Наверно, мыть зимой в сениях я буду.
Когда соседи в гости приезжают,
Все говорят: «она совсем большая»,
А мачеха: «ребенок всё играет
И об нарядах вовсе не мечтает».
И все они смеются над сироткой,
Над юбкой старой, старой и короткой...

<III>. Отъезд

Он так ответил: я вернусь, конечно.
Уж лошади стояли у крылечка,
И он ушел, я знаю – невозвратно.
Так сердцу всё печальное понятно.
Его жена уже ждала и злилась,
И мачеха с вещами суетилась,
И дворня вся была зачем-то в сборе,
И голоса слились в прощальном хоре.
О падчерице маленькой забыли.
Вот покатился клуб дорожной пыли,
А из него две морды лошадиных
Да два больших зонта на ручках длинных.
Я палец свой до крови искусала.
Прошло, прошло, как вовсе не бывало,
И этот день уже не повторится,
Как он, спеша, взбежал ко мне проститься,
Сказал: «оставь, приметят нас, не трогай»
С улыбкой странной: нежной и жестокой.

IV. У себя

Неласков вечер в октябре и долог.
«Жених твой принц?» – Нет, Золушка, технолог –
Уедет в Крым с Володей-инженером,
Володя принц со мной в мансарде серой.
Ах, только здесь на чердаке я дома,
Узка кровать и в тюфячке солома,
Зато ко мне приходит в гости фея,
Сквозь мрак фатой прозрачной голубея.
И сад вздохнул, и яблони запели,
И руки так внезапно ослабели,
И карлики вылазят из-за балок,
И летом видно за рекой русалок.
Желанное сбывается по слову:
Хочу, чтобы был со мной Володя снова,
Глаза закрою, шубку кину в ноги,
Лежу и жду. Подходит невысокий
И белый, белый, белый, как сметана,
И сердце ищет нежного обмана.

V. Свадьба

Телушку Машку рыжую убили,
Два окорока жирных закоптили,
Опустошили птичник – смерть повсюду, –
Ах, долго эту свадьбу не забуду.
Невеста вся шуршала и сверкала,
Стыдась подруг, лицо в руках скрывала.
Когда к фате ей шпилек не хватило,
Она мою прическу распустила:
«Ты всё равно не едешь в церковь с нами...»
И рыжими покрыта я волнами,
Как бы фатой. Вдруг в дверь, смеясь, Володя.
Ему кричат: «сюда вы не войдете».
А он, меня увидев: «извините»,
Как будто жгутся шелковые нити

Моих волос. Я вышла. В коридоре
Мы встретились. Мой взор в любимом взоре.

VI. Слаще яда

От серых дней, от злобных лиц, от стужи
Она уедет в Севастополь с мужем.
Сию одну в мансарде долго, долго.
Подходит вечер. Не видна иголка.
Останется неконченной рубаша.
Вдруг тихий стук, и я нема от страха.
Иду к дверям тихонько, открываю
И милых рук пожатье принимаю
Без слов, дрожа, боясь пошевелиться.
Чем слаще сон, тем менее он длится.
Но принц меня с собою садит рядом,
И поцелуй его смертельно сладок.
Мою судьбу не прокляну я злую,
Но, как раба покорная, целую
И цепи рук, сомкнутые упрямо,
И влажный рот, и темный крестик шрама.

VII. Угар

Окончен снова праздник, праздник школьный,
Опять одна с душою недовольной
Погасла елка – свечек было мало, –
А как меня и деток волновала.
Еще теперь звенит дорога смехом.
Сверну к себе, и станет всё как эхо.
Черкнула спичкой – балки зашатались,
Повсюду злые тени закривлялись,
Смеется карлик: «жди, спина согнется,
В слезах сгоришь, а принц твой не вернется...»
Ах, нет его, и сердце знает точно:
Ко мне мой принц вернуться не захочет.
Но злого карла в печь я загоняю,
Меж дров огонь танцующий мелькает,

А сердце плачет: «принц твой не вернется».
Трубу закрою: пусть оно уймется.
И синим-синим скрыто всё угаром,
И я плыву навстречу смертным чарам...

* * *

Когда станет тот, кого не было,
 И получит имя,
 И научится смеяться и плакать,
 К моему изумлению и радости,
 Как это делают все настоящие люди,
 Когда тот, кого нет, наконец станет,
 Блуждавшая дотоле душа воплотится
 В моего маленького сына,
 И взглянет на мир
 Серыми глазками
 (Ведь у Вас серые глаза),
 И прильнет к моей груди
 Красиво изогнутыми губами
 (Ведь у Вас красиво изогнутые губы).
 Тогда,
 Тогда я скажу:
 «Я думала, что нельзя любить сильнее
 Из благодарности,
 Но я ошибалась».
 И еще скажу: «Господи,
 Ты всемогущий,
 Но как же я
 Своими слабыми женскими руками
 Смогла отнять у вечности
 Это сокровище?»

28 января

* * *

Как ворон траурный на ели,
Душа недвижна и пуста.
Вы ничего не захотели
И не взяли. Но я не та.
Так жизнь моя скупей и глуше,
И сны тревожные с душой
Моей сплетают чьи-то души,
И чью-то боль, и грех чужой.
Вы ничего не захотели
И так ушли. Но я не та.
Дары раскиданы без цели,
Душа пуста, как жизнь пуста.

* * *

Каждый день проходил он мимо,
Отворачивался от меня.
Страсть казалась неисцелима
И большее день от дня.
Я ходила далёко в поле,
В нездоровый желтый туман,
Но Господь помог моей боли,
Исцелил душу от ран.
Сделал голос нежней и слаще,
Придал силу простым словам,
И слетают птицы из чащи
К успокоенным рукам.
Это был клубочек из дыма,
Первый вихрь его смог смести,
И когда он проходит мимо,
Я не вижу его почти...

2 марта

И снова сад... И снова гуща
Лохматых ласковых ветвей.
Что было былью предыдущей,
Сошло, как сон, с души моей.
И снова сад, и поле снова,
И облесенные холмы...
Как будто не было былого
На белых улицах зимы.
Иду в кругу и стать не в силах.
Идя вперед, пришла назад.
Вот снова боль от новых милых
Пытливых глаз... И снова сад.

Архиреевка

ИМЯ

Когда темно и сыро на улицах и нужно
Часами быть в пути,
Когда нельзя печали и скуки обнаружить
И от людей уйти,
Когда читаешь книги об Индии и Риме,
Местах, где мне не быть,
Когда мечты о смерти – тогда шепчу я Имя,
И вот, поймавши нить,
Из лабиринта скорби душа моя уходит
На ясный свет дневной,
Пускай на миг короткий душа моя уходит
Туда, где Вы со мной.
И я – на миг – не помню, что Вы ушли когда-то,
В такой далекий час,
Что сердце по дорогам истаскано и смято
И не достойно Вас.
И я – на миг – с восторгом предчувствую Ваш голос,
Прикосновенье рук,

Кладу ладонь на сердце, чтобы не раскололось,
Так тяжёк сердца стук.
И вижу: солнце в небе опять необоримо,
И сладкий летний зной,
И ту страну прекрасней и Индии, и Рима,
Страну, где Вы со мной.

27 сентября

* * *

Из сердца так просто
Всё милое взято.

Вячеслав Иванов

Через низкие туманы полевые,
Через вереск и полынь
Не вернутся дни веселья, дни былые,
Вечеров весенних синь.
Вещий ворон под окном в саду ночует,
Знает: некому согнать.
Никогда уже тоски не уврачует
Ласк взаимных благодать —
Пусть твержу себе упорная, не веря:
«Он вернется, он придет».
В сердце рана, — эта горькая потеря
Никогда не заживет.
И напрасно я, упрямая, с порога
Напрягаю взгляд больней.
В синей влаге уводящая дорога,
Не идут назад по ней.

6 октября

* * *

И нечто от него в своеобразных шумах
За окнами дерев...

Так осень подошла суровой и угрюмой,
Как мой потухший гнев.
Провеял легкий снег, и птичьи крики резче
Сегодня поутру.
Два года на столе раскиданные вещи,
Сегодня ль уберу.
Простила ли его, или прощать не надо,
Или себя простить?
Ах, слаще сладких яств была моя услада
О прошлом не забыть.
И вещи берегла с озлобленным <терпеньем,>
Чтоб знал, что жду домой,
И слушала часы ночных деревьев пенье
Назло себе самой.
Сегодня что со мной? Не шепчут больше вещи.
Меняется ль судьба?
Но горе, как вино, чем старше, тем крепче
В душевных погребках.
И так привыкла пить в ночную пору злую
Густой его настой,
Что, может быть, теперь, желая, не смогу я
Стать тихой и простой.

ЭПИЛОГ

Боже, пошли ему ласковый март и апрель,
Чтоб отдыхал он с подругою много недель,
Чтобы о прошлом не вспомнил он, если оно
В радостной жизни лежит перед ним, как пятно.
Сделай, чтоб в доме, где много печей и дверей,
Счастье цвело, и ненастную осень согрей,
И не позволь, чтобы бурями в этом году
Много деревьев испортило в старом саду.
Дай на поля отягченных стеблей урожай,
Новой хозяйке на светлом пути не мешай
И береги эту женщину, Господи, в ней
Радость его золотых и лазоревых дней.

Чтоб не изведаль он ревности пламенных жал,
Чтобы от горя он ночью один не дрожал,
Чтобы не вспомнил моих обесцвеченных дней,
Чтоб за меня ему тоже не стало больней.
Боже, пошли своих ангелов светлых в тот дом,
Где в кладовых на соломенном дне золотом
Фруктов отборных пестреют ряды, где буфет,
Сторож дубовый, помощник хозяйкам сто лет.
Пусть эти комнаты будут прохладными в зной
И разогретыми солнцем и счастьем весной,
Пусть в эти окна не смотрит беда никогда,
Пусть в эти двери не входит печаль и нужда.

ПРОГУЛКА

В книге о прошлом февральских страниц не сотру:
Словно цветы голубые кто кинул в бору,
Лисьи следы на снегу голубом ввечеру.
Пес озабочен, хозяйские чужа права.
Легкое тело дрожит на бегу, голова
Низко склонилась, и явственен шелест едва.
Песьей породы изыщен воинственный пыл.
Вот и закат за тяжелую тучу уплыл.
Вот и огонь далеко нанизу засветил.
Скользкой тропинкой спустились к дороге, идем.
Пес легконогий, мы рады, что были вдвоем,
Рады природе, но к ночи приятнее дом.
Ветер ненастный, пастух облаков, поднялся.
Вот мы у цели, и в спину дохнули леса,
А от раскрытых дверей заалела в снегу полоса.

* * *

Чтоб в лицо дышало поле
И сад,
Чтоб не ищущий, безвольный
Был взгляд.

Чтобы теплые ладони
Золотил медовый зной,
Чтоб никто не знал, не понял,
Не хотел побыть со мной.
Оттого что страсть не ранит
 В глуши,
Даль степная не затянет
 Души.
Оттого что сад словами
Не измучает со зла.
Оттого что долго с Вами
Я несчастлива была.

25 декабря

ПРИМИРЕННОСТЬ

Прошедшее не вернется,
 Новый цвет – не старый уж цвет,
 Но и новый солнцу смеется,
 Овеян и отогрет.
 О прошлом не надо грусти
 И не надо страха конца.
 Мы светлую гостью пустим,
 Стучащуюся в сердца.
 Слышите голос в гуле
 Мух, и тяжелых шмелей,
 И колосьев с зеленых в июле,
 Наливающихся полей?
 И оттого-то чаша
 Небесная так глубока
 И на руке моей ваша
 Замедлившая рука.

10 января

* * *

А. Л.-Л.

Шаги прошелестели за дверью невысокой.
 Я снова осмотрела, как убран тихий дом.
 Усыпан пол полынью и яркою осокой,
 Гардины на окошке, от солнца золотом.
 В столовой пахнет сладко нарезанная дыня,
 В гостиной розы в блюде привянули давно.
 Гремит сияньем запад, но словно стало сине
 И затянуло дымкой восточное окно.

Я прислонилась к двери и слушаю без грусти
Тот легкий, легкий шелест шагов и нежных рук.
Как быстры реки жизни. И вот я в тихом устье,
А завтра я не буду. Ни лиц, ни дней, ни мук...
 Как сладко это было: любить. И сладко кинуть...
 По дому тянет запах от дыни, роз и трав.
 И вот спешу на вечер окно свое раздвинуть,
 Зовущий нежный голос за дверью услышав.

7 марта

ОСТРОВ

Небытие и жизнь... И смерть – конец ли звеньям?
На малом острове я кинута рождением
И здесь беру плоды земных безвестных стран,
Где вечер синь и свеж, а полдень сух и прятан.
Ищу людских следов, зарубок и отметин,
Но нет в лесу дорог и голос безответен,
Лишь птицы звонкие, да гул валов морских,
Да эхо, полное надежды и тоски.

 Но остров я люблю, люблю печаль земную
 И радостью себя чарую и волную,
Люблю леса земли: о тень и запах хвой,
О пламень голубой в ветвях над головой!
Люблю сплетенье звезд, и вид песков унылый,
И смену летних дней зимой сереброкрылой,
И дальнюю скалу, и зорких птиц на ней,
И таинства ночей, и чудо новых дней.

 Но мудрость детских книг гласит, что день настанет,
Судьба изменится, изгнанник в море глянет,
Крича: «корабль, корабль!» – он флаг подымет свой...
Корабль придет за ним и отвезет домой.
И будет он бродить, чужой родным, по звонким,
По пыльным улицам, где бегал он ребенком,
Не в силах позабыть тот остров, тот залив,
Где сделанный им дом, где бег минут ленив.

Так я люблю тебя, Земля, мой малый остров,
Люблю наряд лесов изменчивый и пестрый,
И тишину полей, где ветерок утих,
И одиночество свое люблю на них.
Но близок час: придет конец изгнанию злomu,
Корабль перевезет меня к родному дому
За звездный океан. И – тень – в краю ином
Как буду я томиться о земном.

Апрель

* * *

Марево будней бессильно
Душу мою обмануть.
В кухню, где сыро и пыльно,
Крысы проделали путь.
Грязный запечный котенок.
Воздух несвеж и суров.
Над настоящим так тонок
Этот минутный покров.
Вижу всегда сквозь заплаты
Ближних небес наготу
И умиленная свято
Зори и звезды я чту.

Сентябрь

ПРОЛОГ

Всякой травине, кусту и цветку – навсегда
Время дано для цветения и для плода.
Бог справедливый зимой позволяет поспать,
Чтобы в апреле усердней трудиться опять.
Тяжки на ветках водой налитые снега,
Вздудалась река, но стоит неподвижно пока,
Облачко срезало месяца серп молодой,
След твой вчерашний до края наполнен водой.

Тускло рисуется белый с колоннами дом,
Движутся тени в окне, от огня золотом,
Верно, в столовой часы уж отстукали семь,
Только за ужином место готово не всем.
Я не взойду на высокий балкон никогда,
Ласковой Насе с приветом пальто не отдам,
Чашки своей из буфету в углу не возьму,
Не прикоснусь к дорогому плечу твоему.

Вечер морозит, на лужах мутнеет ледок,
Ветер суровый дохнул на плечо под платок,
К доскам забора прильнула иззябшей рукой,
А на душе моей светлая грусть и покой.
Всякой травинке назначено время цвести.
Если роптала зимою я – Боже, прости,
Воспоминаний богатства мои велики,
Не отводи умиряющей ныне руки.
Пусть за цветеньем, за летом, за осенью злой
Будет душе своевременно сон и покой.

АМАНИТ ВЛЮБЛЕННАЯ

Аманит, о чем с жрецами ты советуешься там,
На затейливой прическе поправляя покрывало,
Почему гусей тяжелых, жирных горлиц тащишь в храм,
От отца тайком уносишь в дар богам хлебов немало?
Аманит, твои ресницы и глаза черней чернил,
Для чего сурьмить их стала терпеливо так и ловко,
Кто браслет из бус восточных черной няньке подарил,
Чтобы старая за дверью крепче спала на циновке?
Аманит, о чем ты плачешь? Отвечая мне, не лги.
Всё узнаю от соседок, замоловших языками.
Почему отец суровый ветки взял из рук слуги –
Три прута, свистящих звонко, обжигающих, как пламя?
Аманит, кто терпеливый за стеной в тени угла?
Ты по саду тихо бродишь, ты в несчастьи, ты в неволе.
Чья рука сквозь щель забора на плечо твое легла,
Принеся забвенье горю, облегченье жгучей боли?

* * *

Под тенью неподвижных складок,
Мне говорят, твой вид суров,
Но голос нежен, голос сладок,
Призывный тростниковый зов.
Здесь разрешение всех загадок,
Успокоение всех ветров,
Здесь оправдание и награда
Прожитых длинных вечеров.
О гостя Смерть! не прерывая,
Нежней и обещанней мая
Веди свой ласковый рассказ,
И я без страха, без укора,
Как бы в спокойные озера,
Взгляну в провалы страшных глаз.

24 августа

* * *

Вот белокрылый корабль бросил у берега якорь,
Зоркий глядит капитан.
Остров кидая теперь, буду смеяться иль плакать,
Путь мой сквозь звездный туман.
Быстрый поднялся корабль, легких не слышно матросов,
Ветра и шороха нет.
Желтая мимо луна, скрылся за нею мой остров,
Близок немеркнувший свет.
Бледный молчит капитан, вверх и вперед направляя.
Мы в лучезарном краю.
Ах, если б ветер земной, ах, если б мошка земная
Села на руку мою.

6 октября

Бесплотного воскресения я не хочу
Даже в раю.
Мне бы домик, открывший навстречу лучу
Дверь свою.
Мне бы садик маленький для меня одной,
Малый сад,
Где, смуглые, осенью над стеной
Плоды висят.
Мне бы травы теплые и теплый песок
Для голых ступней
И солнце весеннее для рук и ног
И души моей.
Не страшно Вечности, я буду дремать
Под птичий гам,
Весной и осенью глаза приподымать,
Смотреть по сторонам,
На шершавую телку у входа в сарай,
Которой три дня,
На то, как дымится земля сырая,
Цветя и звеня,
На синий луг там вверху Господний,
На облачные межи,
На лес, где, шурша листвой прошлогодней,
Бродят ежи,
На август золотой и гулкий от пчелок
И спелых полей,
На октябрь, когда вечер уже долог
И утренники белеют.
И стать всему чужой, стать тенью
В неведомой стороне.
Лучше небытие, но бесплотного Воскресенья
Не надо мне.

16 октября

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

Долго и тяжело болела,
Почернела, как уголек.
Белый ангел легко из тела
Душу на свет извлек.
 Жар спал и боли пропали,
 Не стало жизненных сил,
 А белую птицу в дали
 Ангел, погладив, пустил.
Поднялась выше лип высоких,
Выше соборных крестов,
Выше стад белобоких
Гуляющих облаков.
 Всё стало светлым и страшным,
 Сияющим без тепла,
 Не старым, своим, домашним,
 Чем так земля мила.
Лучи наподобие лилий
В небесных полях расцвели,
И ангелы Бога хвалили,
Возвращаясь с черной земли.
 Но в белый рай не влетела
 Тоскующая о земном,
 Спустилась в новое тело,
 Чтоб родиться и жить в нем,
Чтобы всё так зорко приметить,
Всё принять и всё полюбить,
Все цветочки в коротком лете,
Дождевую каждую нить,
 Чтобы в час, когда ангел строгий
 Придет за заблудшей душой,
 Укрыться в птичник убогий
 Или в куст при дороге большой.

16 <октября>

АМАНИТ

Разве духи из пустыни, те, с повернутым лицом,
Разносители болезней, омрачили господина?
Или утром при докладе не поладил ты с отцом?
Или что-нибудь другое огорчило – всё едино.
Будешь мертвым – будет время для печалей – много дней,
Вечность вся – скорбям, у счастья золотых мгновений мало.
Позовем плясуний лучше, чтобы та, что всех бледней,
Всех стройней, «тростник под ветром» для тебя протанцевала.
Хочешь, я велю рабыне, чтобы кресла отнесла
На канал, и будем удить под дыханьем опахала
Или вместе сядем в лодку, я у заднего весла,
Ты вперед, стрелок, папирус в птичью кровь окрасишь ало.
Хочешь, в пеструю беседку столик шахматный возьмем,
Проигравший штраф уплотит поцелуями по счету,
Или выйдем на площадку, чтобы в мяч сыграть вдвоем,
Иль в пустыню со стрелками мы поедем на охоту.
Но всего приятней просто в сад спуститься; там звенит
Песнь цикад без перерыва и трава никем не смята.
Если, милый, ты захочешь ласки нежной Аманит,
Там готов шатер зеленый густолистого граната.

17 октября

УТРО ПЕРВАЯ ГЛАВА

Вот колокольня церковная озарена,
Вот зарумянилась белая штора окна,
Вот и земля зашумела, проснувшись от сна.
Черные тени ушли от твоей головы,
Только на веках немного ночной синевы,
Словно на перышках голубокрылой совы.
Ясные губы краснее малины лесной.
Вечность в раю променяю за час мой земной,
Если ты снова, как давеча, будешь со мной.

Тонких бровей бесконечно изящный излом.
Что мне грустить о холодном и чистом былом?
День разогрелся и дышит в окошко теплом.
Боже, за всё благодарность моя велика:
Майское солнце, нарциссы в цвету, облака,
Нежные губы, которых касаюсь слегка.
После пошли мне безумье, ненастье, чуму –
Буду верна обещанию я своему
И наказание покорно и тихо приму.

ГОСТИНАЯ

ГЛАВА II

В рамках овальных портреты на темной стене,
С ними мне страшно беседовать наедине,
Зоркие взгляды волшебно враждебны ко мне.
Ленты, и мушки, и талии тонкие дам
Воображенье уводят к давно пролетевшим годам.
Дань восхищенья красавицам прошлым воздам,
Но ни одной о счастливой любви не скажу,
Ни для одной я букета цветов не свяжу.
В небе заря провела золотую межу.
Старые клены ворчат над моей головой,
Или живет здесь не дружный со мной домовой
В комнате старой, холодной, сырой, неживой?
Помнят былое угольники и зеркала,
Та, что купила их, очень давно умерла,
Доброй ко мне никогда бы она не была.
Старая фрейлина, пущенная на покой,
Словно грозит мне с портрета сухою рукой.
Будет что будет. Любви не встревожу тоской.

17 октября

НЕНАСТЬЕ

Боже, ненастья не рано ль настала пора?
Черная туча на севере, словно гора.
С лязгом порвали железные цепи ветра.
 Будут на ветках, как птицы огромные, петь,
 Будут метаться, срывая зеленую сеть.
 Надо бы яблокам дать скороспелым доспеть,
Надо бы сливы немного еще поберечь –
Слышишь, стучат, ударяясь в окно, как картечь.
Лучше не видеть, а шторы спустить и прилечь.
 Ты от печали почти что заплакать готов,
 Жалко тебе погибающих ныне плодов,
 Старых деревьев и пышно-зеленых кустов.
Милый, у Бога так много лазоревых дней.
Черное нынче покажется завтра бледней.
Туча поникнет, и солнце заблещет над ней.
 В пятницу вспомнишь ли этот ненастный порыв?
 Сад будет звонок и снова нарядно красив,
 Желтый от яблок и бархатно-синий от слив.
Стекла не раз заносило дождем, и опять
Делалась солнцем, и небом, и садом их гладь.
Ты же не смеешь на Господа Бога роптать.
 Светлую метку поставил к твоей он судьбе.
 Сад этот пышный и дом этот тихий тебе,
 Книги тебе и покорное сердце тебе.

19 октября

БЛАГОДАТЬ

Я всему покорна – счастью и утрате,
Ни о чем не буду я просить,
Только об Ушедшем, как о милом брате,
 Буду Господа молить.
Хороши на небе розовые кущи
Тем, кто здесь в покорности поблек.

Если есть пурпурный, для меня растущий,
Пусть отдаст ему цветок.
Пусть награду кротких вложит в злые пальцы,
Так как я всегда была кротка.
Мне одна улада – тихий взгляд Страдальца
Из тернового венка.
Я всему покорна – счастьем и утрате,
Ничего не буду больше ждать,
Только этой пьяной темной благодати:
Всё навеки потерять.

19 октября

* * *

«Едем с соседями завтра к пескам на пикник?»
– Едем, любимый. – И дух мой тревожно поник,
Голос не дрогнул, и скрыла лицо между книг.
Надо терпеть, настоящее миг – и пройдет.
Надо смотреть всё вперед, всё вперед, всё вперед.
Теплое что-то вдоль щек к подбородку ползет.
Мирная старость и мне будет тоже дана.
Даже цветам не всегда ведь бывает весна;
Также и осень, и радости зимнего сна.
Солнце сегодня иль пасмурный день – не пойму,
Крестную ночь эту не расскажу никому,
Белые розы к корсажу пришью своему.
Пальцев искусанных будут движенья легки,
Кто может лучше свивать полевые венки?
Вот и пески, вот и мельничный дом у реки.
Взглядом ревнивым, и скорбным, и жадным смотрю.
Той в голубом, чья подобна коса янтарю,
Свитый в пути васильковый веночек подарю.
В душах у нас одинаковый голос беды.
Сколько в глазах ее светлых и нежных вражды.
Вот мы случайно вдвоем у глубокой воды.
Крикнет: «Ты лишняя, кинься скорее сюда».
Тихо отвечу с усмешкой: «Что эта вода?»
Ласк наших долгих и морю не смыть никогда».

Но разошлись. Я расставила чашки на стол,
С меда согнала назойливых мошек и пчел –
В поле им клевер давно медоносный зацвел.
 Чай проливаю... Недвижный болезненный взгляд
 Видит сквозь ветки, кто двое на лодке сидят.
 Вот обняла, вот идут потихоньку назад.
Перед глазами ночная внезапная синь.
Горько молчанье на бледных губах, как полынь.
Боже, на час этот думу скорбящую вынь.

20 октября

* * *

Губы дрожащие шепчут бессвязно слова,
Стала как маятник гулкий моя голова,
Тонкие пальцы лампадку удержат едва.
 День этот выпью, как чашу с полынной водой –
 Крепок ее обжигающий душу настой.
 Великомученик или угодник святой,
Нынче не помню. Я смерть свою в книге нашла.
Это письмо я нечаянно, Боже, прочла,
С первого взгляда внезапно я всё поняла.
 Так под косою внезапно ложится трава,
 Падает птица: жила и уже не жива,
 Только дымится чуть-чуть вдалеке синева.
Вот почему он теперь мне в глаза не глядит,
Вот почему он бывает угрюм и сердит,
Вот почему он из дому куда-то спешит.
 Я нелюбима, другая любима теперь,
 Передо мною открыта в грядущее дверь,
 В страны несчастий, болезней, дождей и потерь.
Надо идти. В этом доме мне нечего ждать,
Ведь примиренья сюда не сойдет благодать,
В душу мою. Только их я хочу повидать.
 Раненый просит осколок из тела вернуть,
 Хочет калека на отнятый палец взглянуть,
 И умирающий видит весь жизненный путь.

Так и меня острота этой боли влечет.
Их я увижу. И взгляд мой их взгляды прочтет.
Праздник мой кончен, и подан мучительный счет.

21 октября

* * *

Пусть он тебя целует, душа его пуста.
 Как двух любить подряд?!
Напрасно ищут руки привычного: не та,
 И губы не горят.
Пусть он с тобою ночью, меж вами мрак ночной.
 Любовь его слепа.
Тогда душе открыта, чтобы идти со мной,
 Привычная тропа.
А днем он видит печку, где грелись мы вдвоем
 — Он молча, я пою, —
И вдруг находит, роясь в большом столе своем,
 Шкатулочку мою.
Заметку видит в книге, понятную лишь нам,
 Загнутый уголок.
А вот платок душистый, забытый к прежним дням
 Мечту его увлек.
Пусть он тебя целует, клянется, что забыл,
 И рвет живую нить,
Связующую с прошлым, но Бог нам не дал сил
 Привычкам изменить.
И слепо ищут руки моих ответных рук
 У гаснущей свечи,
И голоса другого так странен ночью звук,
 Что шепчет он: «молчи».
Я больше не ревную, в глазах спокойных нет
 Недавних слез следа,
Ведь тот, с кем долгих милых прожито десять лет,
 Со мною навсегда.

29 октября

Ни суеты, ни безразличья,
Ни безобразия, ни зла
Не испугалась Беатриче
И в город северный сошла.
Когда зима настала ложе
И ночь холодная легла,
Она мне сделалась дороже
Дыханья, солнца и тепла.
Но слишком много зла, и сора,
И глаз в слезах, и душ в тоске,
И проклял Бог холодный город
Гранитноликий на реке.
Рука, карающая строго,
Безумье слала на людей.
О жизни все молили Бога,
А я молила лишь о ней:
«Спаси ее от ран и крови,
Да идут мимо грязь и боль,
Безмернейшую из любовей
В душе моей укрыть позволь».
Вот рев реки и крики птички,
Толпы смятение и страх,
Но не видала Беатриче
Я ни в церквях и ни в дворах.
Мне не мелькнуло покрывало
И не приветила рука.
Над улицей ее вставала
Заря, от утра далека.
Пожар, как божия немилость,
Уже венчал дома вдали.
А тень за мною волочилась
По окровавленной пыли.

6 ноября
Белорецк

СТИХОТВОРЕНИЯ
РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Все пройдены нам должные ступени,
И жуткий круг сомкнула тишина.
В твоих глазах идут, колеблясь, тени —
Далекой жизни смутная волна.
Они уходят в мрак неизвестной ночи,
Минуты горя, счастья и тоски.
Далекий свет мерцает всё короче,
И кольца мрака жуткие близки.
Твои глаза ладонью я закрою,
К груди моей лицо свое нагни.
Мы будем вместе двое... только двое,
На вечность мрака страшную одни.

* * *

Я в лес войду одна — и хмурый лес молчит,
И облако над ним лазурь небес мрачит,
И даль скучна глазам, не манит, не цветет,
И запах мхов гнилых дурманит и гнетет.
Я в лес иду с тобой — и ласков плеск ветвей,
Сквозь тень листов вверх лазурный блеск живей,
Из трав и из цветов повязка на груди,
И каждая тропа как сказка впереди.
Я в жизнь иду с тобой — и жизнь полна чудес,
Как небо — синих искр, как трав — весна и лес,
Как ночь — прозрачных звезд, бесчисленных как пески,
Как я — безумных снов свободных и тоски.

* * *

Долина вдаль уходит из-под ног.
Немых вершин, как белых роз, венки
В лазурь небесной чаши кинут.

Их властный хор звучит, как вещий зов
От мирных сел, от пастбищ и лесов
Туда, где льды и скалы стынут.
Но сны мои баюкают меня,
И, шелк ресниц смежив от блеска дня,
Я поддаюсь им тихою дремотой.
Внизу леса ласкают мирный взор,
Вверху снега на высях дальних гор
Уже покрыты тонкой позолотой.
Но сладко мне не знать и не смотреть,
В объятьях трав и света замереть,
Внимая снам, теплу и ароматам.
Не быть, как блеск давно потухших глаз,
Исчезнуть так, как свет в закатный час,
Скользкий вниз и вниз по снежным скатам.

* * *

Тихие звезды угасли.
Влагой с лугов потянуло.
Грустно в убогие ясли
Мама Христа заглянула.
Спит Он с улыбкой нездешней,
Как Его сон потревожу?
Мальчик мой, птенчик безгрешный,
Будь милосерд к Нему, Боже.
Крошка, рожденный в пещере,
Полон Ты скорбью большою,
Будто печаль и потери
Понял недетской душою.
Наши лохмотья убоги,
Всходит туман ядовитый...
В горе, в изгнании, в дороге,
Господи, будь нам защитой!

БАННЫЙ ДЕД

Перед банькой двор травой
Весь зарос густой;
Поселился домовый
В старой баньке той.
Пропадает где-то дни
– Верно, спит в печи, –
Ну, а ночью загляни
(Только не кричи)...
Весь шершавый, весь зарос,
Будто мхом покрыт,
Граблей рот и шишкой нос,
Волчий взгляд горит.
Убегая, свистни в щель,
Деда рассерди,
После – несколько недель
Баню обходи.
Банный дед ужасно злой,
Злится и ворчит,
Ночью в окна, как метлой,
Пальцами стучит.

* * *

Нас было играющих трое.
Но разве тут важно число?..
Зато все цари и герои,
За истину бились все трое
И все ненавидели зло.
Кто будет разбойником? Кто же?
– Мы вытянем жребий! – И мне
Тот жребий достался. – О Боже, –
Гляжу я на рыцаря строже,
Согнувшись на палке-коне.
Мне грустно: кому же приятно
Разбойником быть? Но молчу.

Ведь судьбы людские превратны,
Быть может, исправлюсь. Понятно,
Ведь мрак уступает лучу.
Но смотрят подруги сердито:
«Разбойник нам нужен в игре».
Одна вся фатою закрыта,
Другая шагает сердито,
И меч у нее на бедре.
Должна похищать я царевну
И сеять убийства и страх.
Герой отбивается гневно.
Упорно не любит царевна.
И вот уж разбойник в слезах!

* * *

Такая пора –
ура.
Социал-демократов не трогаю.
А все-таки
убогою
назову
идею.
Бог с нею.
Бог с нею.
Слава Богу, настала пора.
Вечера.
Утра.
Вчера
дождь джигал звездами
тяжелыми,
веселыми,
вот бы попрыгать под ним голыми.
Ивушка.
Полымя
зарева.
Привкус лесной.

Гроза ушкварила.
Ветерок проделенькал:
не надо идеи
весной.

* * *

Холодно, холодно стало в болоте.
Полны водой перегнившие мхи.
Чащи открылись, леса в позолоте.
Жалобно охают сосен верхи.
Чертик скорючил косматые ноги,
Смотрит на облако взглядом больным.
Бедный продрогнул в болотной берлоге –
Осенью плохо всем тварям лесным.
Зайка ль проскачет, пройдет ли лисичка,
Каждому грустно ненастье встречать;
Ночью по лесу идет перекличка,
Ветры с дождями – осенняя рать.
Вот уже кучи листвы побурели,
Мишка убрался в овраг на покой.
Старая ведьма блуждает без цели,
Тыкает в грязь суковатой клюкой,
Морщит худые, иззябшие губы:
«Ветер да ветер, ненастье – беда!
Ключьями шерстка полезла из шубы –
Как перебуду зимой холода?!»

ГОРОД

I

От собак и нищих стало тесно,
Громко славит улица беду.
Может быть, весна в полях окрестных,
Но до них отсюда не дойду.

Не твои ль торжественные были –
Этот мост и этот темный храм?
Пышный город горделивый, ты ли,
Пресмыкаясь, воешь по ночам?
Но давно тебя уже не слышат...
Прокаженный, кто к тебе придет?
На прогнивших, потускневших крышах
Ржавчина кровавая цветет.
А вверху, на западе, над ними
Четко видно с улиц и дорог
Три креста распластанные в дыме,
И на среднем мертвый бог.

II

Когда Господь к земле не благ,
Не будет радости с востока,
И даже время словно враг
С мечом, занесенным высоко.
Лучи рассвета не спасут,
Не отопреют наши души
И ржаво-красную росу
С перил железных не осушат.
Пустой проклятый день уйдет,
Чтоб возвратиться слишком скоро.
Лишь чрево черное болот
Затянет глубже мертвый город,
Лишь мутно-желтая река
Повыше завтра волны вспенит
Да в небе розовом слегка
Луна свой облик переменит.

III

Мутнеет поверхность забытых каналов,
Линяют слепые дома.
Я улицы этой как будто не знала,
И там не стояла тюрьма...

А где же широкие вязы у дома,
В который влекли меня сны?
Известкой запачкана дверь и солома,
Гниющая возле стены.
Напрасно кресты потускневшие к Богу
Соборы возносят с мольбой...
Глаза ль мои видеть иного не смогут,
Иль жизнь стала вправду такой?
И после, когда мы свое отстрадаем,
Неведомый долг отдадим,
Земля станет снова приветливым маем
И жизнь станет даром благим...
И снова я дом свой узнаю и площадь,
Чьи стены канал отразил,
И вязы, с которых свежий дождик
Известку и копоть обмыл.

*

Нашедшие дом свой увидят, рыдая,
Что сумрак зловещий повсюду залег.
И тощих собак одичавшая стая
Всю ночь будет лаять и нюхать порог.
И в пыли оконной проявятся лица
И пятна паркета, как будто следы,
И сердце сожмется и будет томиться,
Считая шаги уходящей беды.
Уж небо спускается светлым и синим
На темя простертой прощенной земли,
И ангел безумья умолк на равнине,
И капли с меча его в землю стекли.
Но кто нашу память печальную вынет
Из сердца и кинет в колодец без дна?
Кто образы сгладит забытые в дыме,
И в облаке быстром, и в пыли окна?

1916–1917

ИСТОРИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

НУГРИ

ПОВЕСТЬ ИЗ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ЖИЗНИ

I. Нугри и Сатати

В Древнем Египте хлеб готовили так: мать выбрасывала несколько горстей зерен на длинный вогнутый камень и растирала его другим, поменьше, круглым, смоченным водой. Это было утомительно. Кроме того, в лепешках часто оказывались маленькие камешки, да и сами-то лепешки были похожи на камни.

Но ведь и они не богачи какие-нибудь, чтобы есть мягкий пшеничный хлеб, – так рассуждали старшие. А маленький Нугри и вовсе не рассуждал; он просто съедал свою жесткую лепешку, а камешки выплевывал, если они не поддавались его крепким зубам.

Маленький Нугри не был особенно мал – уже три года он учился у толстого сcribe Потифера.

Сcribeм назывался всякий, знающий письменность и счет. И великий жрец был сcribe, и сын Фараона, но также и бедняк, ведущий счета в харчевне, и толстый учитель Потифер.

Отец Нугри говорил так: «Я видел кузнеца за работой у раскаленного горна; у него пальцы жестки, как у крокодила, он грязен, как рыба икра. А мастера, зарабатывающие жизнь долотом, – разве они пользуются большим отдыхом, чем крестьяне? Они работают даже ночью, сверх того, что работали днем. Каменщик берется за обработку самого твердого камня: уже с восходом солнца он на работе, хотя его колени и поясница едва разгибаются. Цирюльник бреет до поздней ночи. А солдат? Его берут и запирают в казармы; его бьют, и тело его болит от побоев; его бьют за всякую оплошность. В походах он несет на себе свое пропитание, как выучный осел, натирая шею и спину. Если он не умирает на войне, то возвращается раненый и усталый, неспособный зарабатывать себе пропитание. Человек же, умеющий читать и писать, не трудится так много, хотя и пользуется всеобщим уважением».

Они работали с утра до ночи, чтобы сделать сcribeм своего маленького Нугри. Впрочем, стыдно называться маленьким, имея трех братьев и двух сестер младше себя. Однако ему было только девять лет.

Итак, Нугри, которого мы больше не будем называть маленьким, сидел на корточках возле матери и смотрел, как разбивались и крошились зерна, обещая ему обед. Он вовсе не был ленивым мальчиком. Он уже не только усвоил себе начатки чтения, письма и счета, но даже переписал два раза длинное «поучение», которое, несмотря на свою древность, считалось образцом хорошего слога. Конечно, в работе были ошибки, и даже, пожалуй, много ошибок, но все-таки это было очень хорошо для его возраста. Кроме того, он знал наизусть несколько образцов писем деловых, просительных и благодарственных. Его молодая память, как губка, вбирала в себя всё интересное и поучительное из внешнего мира, так что учиться ему было не в труд, а в удовольствие. Но дело в том, что у Нугри болели глаза. Уже две недели он чувствовал покалывание и зуд, а последние дни веки сильно распухли и покраснели. Это было довольно мучительно.

В городах Египта люди часто страдали глазной болью: едкий дым от навоза, которым топили бедняки за неимением дров, слишком яркое солнце, а также недоброжелательные духи – это может испортить даже самый красивый, зоркий и здоровый глаз. Против злых духов можно было бы позвать заклинателя, но это стоит денег, а денег нет. Нет также пшеницы, масла, вяленой рыбы, а из-за того, что есть в доме, порядочный заклинатель не захочет прийти к бедному Нугри.

Отец его – плотник на постройке большого корабля и первое число каждого месяца приносит плату за свой труд. Плата выдается съестными припасами, и первые дни семья бывает сыта. Но теперь уже пятнадцатое число, и трудно рассчитывать хорошо поесть в такой день. Нугри сидел на корточках перед матерью и смотрел, как ее тонкие мускулистые руки напрягались в работе, а на темном лбу и спине выступал пот. Когда у него зарябило в глазах, он встал и вышел. Лепешки получались слишком маленькие сегодня, а есть еще три брата и две сестры младше его.

Яркий свет вызвал две слезинки из воспаленных глаз Нугри, но он вытер их и пошел мимо стены их жалкого домика на улицу. Предместье, где жил он, казалось построенным на холмах; но это были не холмы, а кучи мусора от прежних построек, раз-два в столетие разрушаемых ливнем. Налево внизу блестел Нил, а на берегу зеленели поля и пастбища; направо же и прямо горизонт закрывался постройками: сначала маленькие серые домики предместья, дальше огромные храмы и большие дома города, высокие, обращенные к улицам простыми,

большей частью беззаконными фасадами с маленькой дверью, устроенной где-нибудь в углу. Не раз Нугри пытался заглянуть внутрь, когда эта таинственная дверь отворялась. Но там неизменно был мрак и тишина. Скрытно живут богачи! За высокой стеной виднелись деревья, продолговатые купола житниц во дворе, и слышался живой рабочий шум и писк детей; однако всё это было недоступно взгляду с улицы.

По дороге Нугри встретил двух своих младших братьев. Они были так же мало одеты, как и он сам: амулет на шее и длинный черный чуб волос, спускающийся на правое ухо, – вот и всё. Мальчики оглянулись на брата, но не посмели идти за ним: если бы он хотел взять их с собой, то позвал бы сам.

На улицах почти нет прохожих. Теперь рабочее время, а из богатей, для которых праздник длится вечно, никто не станет заглядывать сюда без особой надобности. Дорога так раскалилась, что в песке можно было бы испечь яйцо, но ноги мальчика не боятся жары. Ступни его жестки, как у животного.

Наконец-то он попал в тень улицы. С двух сторон возвышаются дома: внизу темно, а над головой небо совсем как синяя лента. Это лучшая часть города, и базар недалеко. Теперь уже ему изредка попадают навстречу: то знатная египтянка с татуированным лицом и волосами, завитыми в мелкие локоны с глиняными шариками на концах; за ней черный раб или слуга-египтянин с лицом еще более надменным, чем у самой госпожи; то важный сановник или молодой щеголь, от которого так несет духами, что Нугри чихает, поравнявшись с ним; то осел с погонщиком; то девушки-горожанки с купленной рыбой или новыми сандалиями, выменянными на несколько горстей проса.

Наслаждаясь прохладой и сумраком, Нугри всё же испытывал некоторое беспокойство: он был голоден. Невольно вспоминались лепешки – лепешки, приготовленные матерью, лепешки, которые съедят без него, которых он, Нугри, не попробует и которых он так хотел бы попробовать.

На повороте улицы, уже недалеко от базара, он увидел прекрасную толстую лепешку, лоснящуюся от масла, – она была в левой руке девочки, в правой ее руке был красный кусок соленого мяса. Всё это вместе имело очень аппетитный вид и запах. Углубленный в свои мечты, Нугри сначала не обратил внимания на обладательницу этих богатств, а когда взглянул повнимательней, то спросил себя: «Смогу ли я у нее отнять?..» И ответил: «Конечно, да».

Девочка была тоненькая, с темной кожей, коричневой и золотистой, с гибким сильным телом хищного зверька и тонкими чертами лица. На ногах ее красовались щегольские сандалии с загнутыми кверху носками, а плечи украшало пестрое ожерелье.

В ее черных глазах, с любопытством остановившихся на мальчике, не выразилось никакого страха, когда он приблизился. Это устыдило Нугри, и он забыл о своих разбойничьих намерениях.

– Ты откуда пришел? – смело спросила девочка, делая шаг вперед. Ростом она доходила ему до уха.

Мальчик мотнул головой на южную часть города и молчал.

– Меня зовут Сатати, – продолжала девочка, – а тебя как? – Голос у нее сделался совсем приветливым, как будто они стали старыми друзьями после его молчаливого ответа.

– Меня зовут Нугри. Это твоя лепешка? – в свою очередь спросил мальчик, которого мучил голод.

– Моя лепешка. Если хочешь, возьми. Вот тут и соленый гусь – я только надкусила.

– Сегодня я ничего не ел, – сказал Нугри, как бы оправдываясь.

Такого мягкого хлеба он никогда не пробовал, да и голоден был ужасно. Однако половину лепешки он вернул Сатати, а также небольшой кусочек мяса, какой, по его рассуждению, должен был достаться на ее долю при справедливом разделе. Когда он поел, девочка взяла его за руку и сказала: «Пойдем».

– Пойдем, – согласился он и двинулся по направлению к базару. Дорогой Сатати рассказала, что живет в этом большом городе не очень давно. – Только один месяц... или два, – прибавила она, подумавши. Приехала она на большой барке по Нилу и видела крокодилов и большие деревянные плоты, нагруженные камнем.

Заинтересованный мальчик слушал ее болтовню, изредка вставляя вопросы, пока они не пришли к базару. Он узнал, что ее отец пророк (так назывались главные жрецы) при храме Аммона, что мать ее давно умерла, а она жила до сих пор в далеком поместье, где был сад с большими деревьями, бассейнами, беседками, ручными птицами и газелями. Недалеко лежали маленькие озера, до которых доплывают каналом в легонькой лодке. Дальше горы с тропинками, почти не заметными в скалах и ущельях, а за горами пустыня, где живут таинственные грифы с орлиной головой и телом шакала, украшенным ястребиными крыльями, сфинксы и черные люди. Он узнал, что отец в свои редкие

наезды туда брал ее с собой на птичью охоту, и она подавала ему деревянные пращи, которыми убивают дичь, и отнимала добычу у охотничьего кота. Он узнал, что там есть борзые собаки и страус по имени Уам и что у кошки Кари родились котята... И что Сатати желала бы вернуться туда, где она выросла.

II. ВСТРЕЧА НА БАЗАРЕ

Так, разговаривая, шли они темными закоулками. Внезапно за поворотом открылся базар со своим шумом, сутолокой, светом и запахами от кондитерской, от фруктов, от вяленой рыбы и разных отбросов. Нугри чувствовала себя как дома в этой веселой суете, но девочка, не привыкшая к толпе, жалась к нему, любопытно и опасливо глядя по сторонам. Базарная улица, на которую они вышли, была застроена разнообразными лавками и мастерскими, а дальше, на площади, стояли волы, козы, овцы, продавалась пшеница и просо, лежали кучи овощей и фруктов и простая глиняная посуда. Там и продавцы, и покупатели были большей частью крестьяне или горожане с бедных окраин, а на улице, перед мастерскими ювелиров и лавками восточных дорогих товаров встречались знатные дамы и богачи в широких узорных плащах, а изредка и бритые жрецы в белых одеждах. Нугри и Сатати смотрели на черных эфиопских рабов и белых иностранных воинов. Вот один из них вошел в лавку, где красовались медные и серебряные браслеты, серьги, кольца для рук и для ног, широкие ожерелья из фаянсовых трубочек и из стекларуса. Хозяин отвел его вглубь помещения и там показывал более ценные и красивые вещи, а сын его продавал у прилавка. Вместо денег служили медные, серебряные и золотые кольца, а каменные гири изображали или целого лежащего быка, или одну его голову, смотря по весу.

На площади было очень шумно. Здесь торговля производилась большей частью простым обменом. Целые горы раннего, уже поспевшего винограда, то совсем светлые, зеленоватые, то янтарные, издавали легкий сладкий запах. Черно-синие фиги, продолговатые финики, миндаль в своей толстой скорлупе, гранаты, большие орехи, сушеные персики и абрикосы, пора которых уже прошла, – было от чего разбежаться глазам. Тут же жарились стебли молодого папируса, пеклись пирожки с изюмом, чистилась рыба, изготавливались грубые кожаные и папирусные сандалии.

Но Сатати более тянуло к животным. Она пробиралась между маленькими осликами и ласкала их темные морды, называла нежными именами тонконогих коз и чесала им шейку. К волам она относилась серьезнее и не приближалась особенно: хотя их тихий характер не представлял никакой опасности, но и не располагал к дружбе. Хозяева этих животных, зачастую пастухи из-за гор, казались мальчику неприятными со своими дикими темными лицами и сухими телами. Когда Сатати кинулась к одному из них, Нутри подошел тоже, ожидая, не понадобится ли его помощь. Но Сатати радостно и доверчиво приветствовала пастуха, который сидел на краю площади с кучей камышовых циновок и корзин.

– Ты сам пришел, Ани? – спрашивала девочка у дружелюбно улыбавшегося пастуха. – А где же твой отец? и братья? и козы?

– Я принес эти вещи на продажу, – отвечал Ани, – а отец и братья остались с козами, и овцами, и коровами, которые пасутся теперь около озер. Козы уже соскучились по тебе, маленькая госпожа. Старуха Хети говорила, что и собаки не находят себе места с тех пор, как ты уехала. И охотничий кот Раха. А твой маленький осел совсем одичал в стаде. Ты, видно, завела себе новых друзей и не думаешь вернуться в деревню. А то, может быть, поедem со мной. Я посажу тебя на ослицу, и завтра утром будем дома.

Пастух говорил это шутя, но девочка радостно поддержала: «Конечно, поедem». Она нисколько не сомневалась, что это исполнимо, и не видела препятствий, которые ставил ей на вид испуганный пастух. Мачеха? Мачеха не вспомнит о ее существовании, если отсутствие не слишком продлится. Отец? Отца она не видит иногда целые дни. Он не узнает, она вернется быстро. Он не рассердится на Ани, и об Ани не будет сказано ни одного слова. Трудностей дороги она не боится, притом же есть ослица, которая повезет ее. Вернется она с кем-нибудь из ближайшей деревни или деревни у Нила, откуда постоянно отправляются в город продавать рыбу. Притом же она госпожа, и Ани должен ее слушать.

Ее маленькие кулачки сжались, и из глаз покатились слезы сильного гнева, когда она увидела безуспешность своих доводов. Она села на циновку и спрятала лицо в коленях. Она плакала и плакала, а Нутри и пастух смотрели на нее молча, покуда вокруг них не собралась кучка женщин.

– Чего девочка плачет? – спрашивали они у Ани.

- Стыдно обижать маленьких, – сказала одна, наступая на него.
- Это твоя девочка? – спросила другая у Нугри. – Кто ее обидел?
- Верно, это черный пастух, – догадалась третья.

Но это продолжалось слишком долго, и женщины разошлись, сунув Сатати кто пару фиников, кто сладкую фигу, кто кисть винограда.

Ани успел продать почти все циновки и корзины и сидел, обложенный полученными в обмен вещами: грубыми сандалиями, пшеницей, просом и твердыми лепешками, похожими на лепешки, которые делала мать Нугри.

В конце концов сердце пастуха смягчилось, и он начал нерешительно поглядывать на неподвижно сидящую девочку. В самом деле, что грозит ребенку, если его посадить на ослицу и привезти в деревню? Ничего. Скорей что-нибудь грозит самому Ани, но Ани был молод и потому немного легкомыслен. Притом горе девочки было так велико и настойчивость тоже. Когда последняя циновка была продана, он сообщил свое решение: он берет Сатати.

Нугри был озадачен: приведя сюда девочку, он считал себя ответственным за ее судьбу; пастух же не внушал ему особенного доверия. Нугри вскочил и быстро побежал по базару, отыскивая какое-нибудь знакомое лицо. Увидев горшечника, живущего недалеко от их дома, он сказал: «Передай, пожалуйста, моей матери, что я вернусь через три дня, – чтоб она не беспокоилась». Затем бегом вернулся обратно и сообщил: «И я с вами».

– Пойдем, пойдем, – обрадовалась Сатати, а пастух ничего не возразил: ему было всё равно. Он дал детям по куску рыбы, и, поевши, они отправились.

III. В гостях у Сатати

Солнце жгло невыносимо, сухой ветер и пыль предместья причиняли глазам мальчика боль, но он терпел. На большой барке они переплыли Нил, и ослица тоже. На другой стороне, на холмах и скалистом склоне горы, лежал «город гробов» – кладбище, где жители Фив хоронили своих мертвых. В северо-западном углу котловины белые обрывистые скалы были прорезаны, как окнами, многочисленными входами в гробницы и пещеры.

Они шли вдоль Нила, уклоняясь к западу к горам. На время красная желтая бесплодная почва уступила место тучным зеленым полям, еще

не готовым к жатве, и запахло влагой и свежестью. Они прошли в тени деревьев, которыми была обсажена ограда чьей-то дачи. По бокам ослицы колыхались две корзины: в одной из них сидела улыбающаяся Сатати, а в другой были сложены вещи Ани. Когда им пришлось переходить вброд канал, пастух сказал заклинание: «Стой, крокодил, сын Сета! Не шевели больше своим хвостом, не двигай лапами, не разевай своей пасти; пусть вода станет огненной преградой перед тобой! Стой, крокодил, сын Сета».

Это должно было предупредить от опасности быть съеденными крокодилом.

Вскоре тропинка стала подыматься, почва снова сделалась каменистой, и скалы над их головой давали тень всё более длинную по мере того, как солнце склонялось ниже. Нугри был очень утомлен. Он едва дошел до селения, где они остановились ночевать, и никогда потом не мог вспомнить, на чем провел эту ночь, так как утром проснулся на руках у Ани, сажавшего его в корзинку на спине ослицы.

Солнце только что встало, даль была розовая и золотая. Сатати сонно улыбалась, а глаза Нугри болели гораздо меньше: чистый воздух подействовал на них лучше, чем все волшебные заклинания.

Часа через три они вышли на большую дорогу, и Ани сказал: «Вот мы и дома, маленькая госпожа».

Вокруг зеленела трава, хотя Нил лежал далеко ниже. В густых зарослях тростников поблескивали маленькие озера и тянулась ровная линия неширокого канала. По временам – чем-нибудь спугнутая – подымалась то там, то тут стая птиц с криком и хлопаньем крыльев. Их было так много, что Нугри казалось, будто между ним и далью поднимают черную сетку. Эта живая, колышущаяся сетка медленно опускалась, а над другим озером подымалась другая.

Когда они подошли к белой зубчатой стене с видневшимися за ней великолепными деревьями, Сатати была в волнении: ведь это ее родной дом, ее родное место. Обещавши Ани, что они не будут говорить о нем, дети вошли в маленькую двери и остановились от восторга: какая удивительная, густая, благоуханная тень! Какие огромные деревья с узорчатыми листьями! Наконец, какие цветы возле бассейна, наполненного блестящими движениями рыбок!

Нугри никогда не видел ничего подобного и чувствовал себя взволнованным, как и девочка. Она была счастлива и горда ролью хозяйки: «Вот это редкое ладанное дерево, которое растет в далеких землях на

краю света, – объясняла она. – На коре у него выступает настоящий ладан, как у других деревьев клей. Вот гранатовые деревья, и на них плоды твердые, темно-золотистые с кровавыми трещинами. Вот в бассейне большие цветы лотоса: белые, синие и розовые».

Тоненькая головка газели с прекрасными глазами придвинулась к лицу девочки: они узнали друг друга. Нугри замер от восхищения. Животное позволяло ласкать себя, целовать, щекотать под шейкой и не проявляло никакого страха.

Первый человек, встретившийся детям, была старая Хети, нянька Сатати, и за это можно было поблагодарить судьбу! После целой бури восторгов, объятий, вопросов она отвела детей не в большой дом, а к себе, в свою каморку, накормила их, напоила и посоветовала как можно дольше не показываться на глаза управляющему. Этот день они провели в саду, играя с собаками и кошкой и прячась при виде людей. Садовник, предупрежденный Хети, старался не замечать их. Но его детвора, маленькие голые ребятишки, притаили Сатати трех котят и корзину винограда, теплого, только что срезанного с больших лоз, обвивавших беседку.

IV. Похищение Сатати разбойниками

На следующий день случилось нечто очень печальное: Сатати исчезла.

Нугри проснулся от шума взволнованных голосов и вышел из сарая. Запыхавшийся пастух, окруженный кучкой испуганных дворовых людей и женщин, рассказывал, что на соседнюю деревню напали разбойники из пустыни. Они увели стада, которые паслись при озерах. «Хижины горят, поля вытоптаны, а люди захвачены разбойниками и завтра будут уже далеко», – сказал он.

Управляющий – светлокожий человек, обернутый в полотно от талии до колен, – начал быстро отдавать приказания: созвать всех людей, занятых на работах, раздать им ножи и луки, пригнать стада с пастбищ. В общей сумятице никто не обращал внимания на Хети, которая искала Сатати. Она отчаянно бегала по дому и саду и наконец натолкнулась на Нугри:

– Где Сатати? – спросила она. – Сатати с тобой?

– Ты видишь, что ее нет со мной, – отвечал мальчик. – Я не встречал ее сегодня.

– Ее нет нигде.

Нугри посмотрел на старуху тревожными глазами и сказал:

– Она собиралась пойти сегодня рано утром к озерам, покуда стадо не перешло еще на другое место. Я проспал, и она, конечно, ушла одна.

Хети закричала, заплакала и, грубо схватив мальчика за руку, потащила к управляющему. Здесь Нугри пришлось повторить всё, что он знал: «Сатати ушла к стаду, а стадо было захвачено разбойниками».

В имении были слуги и рабы, но нельзя было рассчитывать, что они смогут отбить девочку. Покуда управляющий и Хети упрекали друг друга, Нугри выскочил из дома и побежал к озерам известной ему дорогой.

Всё, что он делал, он делал скорее бессознательно, чем преследуя какую-нибудь определенную цель. Он добежал до озер и заметил вытоптанную траву в том направлении, куда были угнаны стада. Место, где росла трава, внезапно перешло в каменистую и холмистую пустыню: куда не достигала влага, там прекращалась жизнь, не постепенно, а сразу, как отрезанная.

Мальчик бежал и бежал, а куда бежать – ему подсказывал инстинкт и некоторые приметы, хотя следов и не оставалось на твердой каменистой почве. Холмы делались выше. Взобравшись на высоко подымавшуюся скалу, он вскрикнул и прилег. В скалистой долине он увидел какое-то движение: это несомненно шли разбойники с украденным стадом – они поневоле должны были выбирать более удобную дорогу, так как неповоротливые быки не прошли бы прямой тропинкой, по которой мог пройти Нугри.

Мальчик побежал и бежал так долго, что солнце стало над его головой; а разбойники всё были далеко. Руки Нугри, которыми он цеплялся, перелезая, за камни, покрылись царапинами и ссадинами. Несколько раз он терял направление, но все-таки, в конце концов, услышал шум стада и крики погонщиков. Тогда он лег и стал прислушиваться: голоса не удалялись – это, очевидно, был привал.

Осторожно пробираясь, он увидел, что они расположились возле гробницы. Не раз по дороге он видел эти гробницы в скалах. Зачастую по бокам, около входа, были высечены чьи-то гигантские фигуры или сделаны надписи. В надписях этих он мог прочесть знакомые слова молитвы к Анубису, богу умерших: «Молитва к Анубису, обитающему в божественном дворце, о том, чтобы предоставлено было (умершему) место погребения в стране запада, в стране хорошей и обширной, чтобы он шел по тому пути, по которому следует идти; что-

бы он имел приношения хлебами, мукой и сладкими винами в праздник нового года, в большой праздник жары, в праздники начала и середины месяца и каждый день». И теперь глаза мальчика то останавливались на замысловатых буквах надписи, то искали Сатати в толпе пленных пастухов, окруженных разбойниками. Он не скоро увидел ее маленькую фигурку. Когда же увидел наконец, то подумал в первый раз за весь свой трудный путь: «Что же я буду делать? что я должен делать? и что могу?» Едва ли можно было ответить на эти вопросы в его положении.

Когда толпа двинулась, гоня впереди себя стадо, и он пошел вслед, скрываясь между камней. Он ждал чуда. И чудо явилось: по крайней мере, ему сначала так показалось. Девочка была всё время с пастухами; с ними она подошла к группе скал и – исчезла... Нугри ясно видел, как она шла и скрылась за их спинами; когда они расступились – девочки не было. Стража, окружавшая стадо и пленных внешним кольцом, в суете не заметила этого обстоятельства. Как только они достаточно отошли, Нугри приблизился к месту чудесного исчезновения Сатати. Он заметил в скалах отверстие, совсем маленькое, такое маленькое, что даже его худенькое тело девятилетнего ребенка не могло пролезть туда. Однако именно оттуда раздался голос Сатати, отвечавшей на его зов: «Я здесь».

Девочка вылезла с паутиной на черных волосах и даже не очень удивилась, увидев Нугри. Она весело рассказала, как пастухи тихонько посоветовались между собой и научили ее нырнуть в это отверстие, которое становилось дальше совсем широким. Она делала большие глаза и показывала руками, какая огромная эта пещера внутри.

Но Нугри уже не мог слушать: силы его покинули. Он был слишком истощен и напуган и заплакал. Он и сам не знал хорошо, почему плачет: потому ли, что Сатати могла быть уведена разбойниками, или потому, что всё кончилось благополучно. Однако он скоро пришел в себя: ведь разбойники могут вернуться за своей добычей.

Сначала они бежали, но скоро пошли тише, держась за руки, усталые и голодные. Нугри совсем не походил на героя: у него были длинные тонкие ноги, подтянутый живот и вместо всяких блестящих одежд – амулет на веревочке, и все-таки он был герой. Своими израненными руками он помогал девочке взбираться на огромные камни; влезал на скалы, чтобы лучше разобраться в местности, хотя колена его дрожали от усталости; наконец, он подбадривал свою подругу сло-

вами, хотя сам почти не верил в благополучный конец. Он уверял Сатати, что дом уже близко – «вот там, за той скалой!».

– За которой? – спрашивала девочка.

– За той.

– За которой? Я не понимаю.

– Не приставай ко мне...

И девочка шла с надеждою увидеть озера и зеленую долину Нила «за той скалой».

Однако всему бывает конец. Настал конец и их мучениям. Накормленная, обласканная и облитая радостными слезами Хети, Сатати уснула, сжимая в руке недоеденную фигу. Фига присохла и сморщилась за ночь, но все-таки была еще вкусна, когда девочка понесла ее Нугри на другое утро.

– Нугри ушел, моя красавица, – сообщила Хети. – Вон туда, – и махнула рукой в сторону Нила.

Девочка опечалилась, а Хети продолжала:

– Он сказал, что вернется в Фивы. Пусть его хранят боги, но нам он не нужен, моя красавица. Пришел он, и пришли всякие беды, – может быть, у него дурной глаз.

– То, что он привел меня из пустыни, ты это называешь «всякие беды»? – спросила Сатати. И прибавила: – Я хочу ехать домой, нянька, в Фивы.

V. НУГРИ У ВЕЛИКОГО ЖРЕЦА АММОНА

Нугри же очутился в городе вечером того дня, утром которого он простился с немилостивой Хети. Быстрый путь был совершен на барке, превосходной барке, с каютой, обитой узорчатой материей, с многочисленными гребцами, с кормой, украшенной металлическим цветком лотоса.

Забежавши на минуту к матери, он поспешил в город, в лучшую его часть, и остановился перед неприветливой стеной большого дома. Сумерки быстро сгущались, и надо было спешить, но на этот раз мальчиком овладевала робость. Он посматривал то на дом, то на небо, и когда увидел первую бледную звездочку, то решительно подошел к двери и стукнул несколько раз. Раб-великан, отворивший дверь, не сразу увидел его, так как посмотрел прямо перед собой, а надо было смотреть гораздо ниже. Нугри изо всех сил потянулся вверх и сказал:

– Мне нужно видеть твоего господина, пророка при храме Аммона, Аменемхиба.

– Зачем тебе нужно его видеть, бродяга? – спросил раб.

– Не твое дело.

– Если это не мое дело, то не мое дело и пускать сюда нищих. – И он уже хотел закрыть дверь перед носом Нугри. Но тот закричал:

– Не твое дело разбирать, нищий я или нет; но если ты сейчас непустишь меня к своему господину, то тебя завтра жестоко высекут, – в этом я клянусь великими богами.

На их голоса откуда-то изнутри дома вышел слуга-египтянин и тоже не хотел пускать Нугри: «Приди завтра, мальчик, теперь уже ночь, и господин отдыхает после своих занятий».

Но когда мальчик сказал, что пришел с вестями о Сатати, слуги тотчас же отвели его наверх. Через минуту он стоял, или, вернее, лежал, поджав колени, лицом к земле перед великим жрецом и отцом Сатати, Аменемхибом. Получив приказ подняться и говорить, мальчик встал и осмотрелся. Он находился в большой четырехугольной комнате со стенами, покрытыми замысловатым рисунком. На кресле, украшенном серебряными пластинками, сидел человек, совершенно выбритый, так что голова его казалась светлее загорелого лица. На нем была широкая белая одежда, падавшая на босые ноги и подножную скамеечку. Вся правая сторона его казалась розоватой от стоявшего сбоку светильника, а левая – черной. Нугри смотрел прямо в его небольшие, пронизательные глаза. Мальчик не знал, с чего начать, и терялся – ведь с великим жрецом Аммона нельзя было разговаривать как с простым человеком.

Аменемхиб сам помог ему. Он приказал рассказывать с самого начала, со встречи с Сатати и до того момента, когда они расстались. Лицо жреца с резкими чертами казалось таким равнодушным и неподвижным, как будто оно было сделано из камня. Только в том месте, где Нугри рассказывал о похищении девочки разбойниками, жрец шевельнулся и быстро спросил:

– Где она сейчас?

– Да в твоём же имении, господин, – отвечал рассказчик и продолжал по порядку, как он кинулся к озерам, как догнал разбойников, как скрылась Сатати и как они вернулись. Рассказ его был краток, и о себе он не говорил ничего. Не старался он также показывать и свои израненные руки, но жрец заметил их и понял, не спрашивая, в чем дело.

Его глаза остановились на мальчике, и минут пять он молчал, не отводя взгляда. Затем он велел рассказать о дальнейшем, о том, как Нугри добрался до Фив с такой быстротой. Этот вопрос смутил Нугри, и он кратко отвечал: «На барке». Мальчику хотелось бы перевести разговор на другую тему, но он не смел разговаривать, а мог только отвечать на вопросы такого знатного лица.

– Это было хорошее судно, которое в один день сделало путь до Фиванской пристани.

– Не на княжеской ли барке, которая прибыла часа два тому назад с порогов, добрался ты сюда, мальчик?

Да, он приехал на этой самой барке.

– Как же тебя взяли туда? – удивился Аменемхиб.

Нугри молчал. Ведь это-то и был тот щекотливый вопрос, которого он желал избежать. Видя, что нельзя уклониться от ответа, Нугри сказал просто:

– Я назвался твоим сыном, господин, и меня взяли.

Он не оправдывался и не просил прощения, так как был уверен, что всё это напрасно. Ведь всякая ложь карается, а затем, как обидна должна быть этому знатному вельможе его дерзкая выдумка. Он даже невольно оглянулся на дверь, но не сделал ни шагу назад, когда жрец встал. Мальчик ждал удара, но удара не последовало. Вместо того он услышал слова: «Ты поступил плохо», сказанные хотя строгим, но во все не гневным голосом.

Нугри не опустил головы, потому что она была уже опущена, но, наоборот, должен был поднять ее, отвечая на новые вопросы: сколько ему лет? как его зовут? кто такие его родители? сколько у него братьев и сестер? учится ли он и у кого? и почему не в праздник очутился на базаре?

Отвечая на эти вопросы, Нугри изумлялся: зачем этому вельможе нужно всё знать о его ничтожной жизни?

– Почему же ты не остался дольше в моем имении, Нугри? Разве там не лучше, чем у тебя дома, в предместьи? – спросил жрец в заключение.

Когда Нугри ответил, что не мог поступить иначе, так как обещал матери вернуться на третий день, то его не стали больше расспрашивать. На зов жреца в комнату вошло новое лицо. Это был ученый пи-сец и друг хозяина, как мальчик узнал позже. Они стали тихо разговаривать между собой, и до Нугри долетали лишь отдельные слова

жреца: «храбрый... сообразил... гнался весь день... на барке... хитрость... мать...» Последняя же фраза была сказана совсем громко: «Я оставлю его у себя, и он будет учиться у лучших наших ученых с детьми сановников».

Нугри не знал, о ком идет речь, и когда собеседники обернулись к нему, он спросил:

– Могу я идти, господин?

– Ты останешься у меня в доме, если хочешь, – отвечал Аменемхиб. – Разве ты не слышал моих слов? Я говорил, что нашему прекрасному отечеству нужны не только трудолюбивые и честные люди, но и искусные начальники, и храбрые воины, и ученые мужи. Ты будешь учиться здесь тому, что тебе придется больше по сердцу: управлять колесницами, бороться, стрелять из лука или же разбирать старые рукописи с драгоценными советами и заклинаниями против болезней. Есть много важных наук: о звездах, влияющих на человеческую судьбу, о камнях и металлах, чтобы наместо истощенных рудников и каменоломен открывать новые; о вычислении поверхностей, необходимом для постройки огромных храмов и пирамид, – и мало ли о чем еще. Но помни, что именно теперь твое отечество больше нуждается в искусных кормчих и храбрых воинах, чем в зодчих или астрологах. Хочешь ты остаться у меня?

И Нугри остался.

VI. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НУГРИ

Боги покровительствовали Нугри – это было ясно для всех. Уже четыре года он жил в доме жреца и сделался там своим человеком. Он подрос, плечи его стали шире: в этом, конечно, нет ничего удивительного. Но то, что из его сверстников никто не оказывался ему равным ни в беге, ни в битве на палках – это удивляло многих. Его отец был простым плотником: откуда же такая меткость глаза в стрельбе из лука? и эта ловкость в обращении с колесницей, запряженной парой горячих лошадей?

Нугри, действительно, был любимцем богов.

Старый Унас, управляющий городским домом Аменемхиба, привязался к нему, как к сыну, и старался передать мальчику свою семидесятилетнюю мудрость и опыт бывалого человека, а также и ключи от кладовых.

«Сводить счета и вымеривать мешки с зерном – это не очень трудная работа, спокойная и безопасная», – так рассуждал Унас, и под его руководством Нугри становился всё более и более необходимым в доме. Может быть, в этом и была причина его грусти, так как он, несомненно, грустил. У него было тело и дух воина, и мысли о битвах и победах зачастую путали его счет амфор с вином или маслом.

Он сидел в огромном темном амбаре, где сохранялись вина, а папирус и тростниковое перо празднично лежали в его опущенной руке. На момент дверь отворилась и, пропустив человека, быстро захлопнулась, чтобы не впустить жары с раскаленного двора. Пламя лампы долго колыхалось, и Унас всматривался в темноту, не находя мальчика среди огромных амфор.

– Я пришел с новостью, – сказал он наконец. – Аменемхиб едет на юг. Каждый должен исполнять приказания фараона – жизнь, здоровье, сила ему, – но кажется, я не смогу сопровождать Аменемхиба. Мои руки дрожат, глаза плохо видят, а уши плохо слышат. Скоро мне уже не под силу будет справляться с пером. Молодого помощника нужно Аменемхибу.

– Но ты его лучший советник во всяком деле и лучший помощник. Как справится господин без тебя? – сказал Нугри.

– Но ведь я умру когда-нибудь.

– Не говорил об этом, пожалуйста, – попросил мальчик.

Унас усмехнулся и сказал:

– Да продлят боги жизнь мою до совершеннейшей старости ста десяти лет. Однако, мальчик, всем и всегда надо быть наготове. Я совсем плохо чувствую себя, и Аменемхиб тебя решил взять на юг.

Нугри был огорчен печальным тоном старика, но его последние слова были так неожиданны и приятны, что он переспросил: «меня? на юг?»

Ехать с жрецом как его помощник в страну далекую и неизвестную – это казалось очень привлекательным и лестным. Однако Нугри подавил в себе радость и сказал:

– Я не поеду – раз ты нездоров.

– Я здоров, и ты должен ехать.

– Есть много других лучше меня.

– Но ты должен сделаться лучше других. Помни, что, сидя на одном месте, ты ничего не получишь. Боги не покровительствуют лентяям.

Так как это отвечало тайным стремлениям мальчика, то он не противоречил. Они вместе сходили в храм Амона, бога-покровителя Фив, и принесли там жертву, чтобы путешествие было удачным. Богов в Египте было много: в каждом городе почитали кого-нибудь из них особенно, но, несомненно, бог столицы был важнейшим из всех. Амону были посвящены огромные храмы города; кроме того, он обладал многими домами и землями по всему Египту, рабами, стадами, драгоценностями – подарками царей и частных лиц. Из военной добычи ему всегда доставалась львиная доля. Это было вполне естественно. Египет обожал солнце под именем Ра, Амон был его представителем в Фивах, а все знали, что фараоны идут по прямой линии от бога Ра. Дары Амону были знаком уважения и обожания предка потомками. Впрочем, ублажать могущественного бога ведь не лишено и выгод. С тех пор как Фивы сделали столицей, а Амон-Ра главным богом, Египет расцвел необычайно: архитектура, ваяние, всякие искусства и ремесла, а также военные успехи – всем фараоны были обязаны его благодарности: разве это не стоило даров, ему принесенных?

На следующее утро Нугри входил на большое узкое судно, вдоль которого лежала снятая мачта. Это было время полной тишины в атмосфере, и ветра ждали только через несколько дней. Гребцы держали свои очень длинные и тонкие весла. Аменемхив высоко поднимал руки, благословляя остающихся, и его широкая белая одежда, многочисленными складками падавшая на ноги, не шевелилась, хотя судно быстро подвигалось. Сатати бежала вдоль набережной, и браслета на ее смуглых ногах ярко блестели. Проводив взглядом остающихся и насмотревшись на знакомые подгородные места, Нугри вошел в каюту, выстроенную на палубе и ярко расписанную цветами и листьями.

Жрец посмотрел на него ласково и сказал: «Сначала твои новые обязанности не будут особенно трудны, мальчик. А покуда ты мне не нужен, делай что хочешь».

Нугри лег на палубе, прямо под металлическим, грациозно изогнутым цветком лотоса, который украшал корму судна, и положил подбородок на сложенные руки. Лежать на животе – это было не утомительно и удобно для наблюдений. Солнце жгло немилосердно, и ни малейшее движение не пробегало в воздухе. Длинные весла мерно поднимались и опускались, как лапы жука, а сзади барки пенились и серебрились гибкие струи. Всё же остальное было неподвижно: темно-синее тяжелое небо, темно-синие тяжелые воды, черные бере-

га запекшейся грязи, от которых отступил Нил, желто-розовые дали, изредка пальмы, колоссальные гранитные фигуры со своими тяжелыми руками, лежащими на коленях, и люди на судне, и Нугри – всё это одинаково замерло в оцепенении. Нил обмелел, растительность высохла, жатва была снята. Плоты, перевозившие камни для построек, ждали высокой воды. Поэтому судно почти никого не встречало, но кормчий все-таки зорко смотрел вперед. Его голое тело блестело, как бронза, и когда он замирал с печальными глазами, устремленными в одну точку, то могло показаться, что мертвый кормчий ведет мертвое судно. Там, где от Нила отходил канал, в целом лесу папируса, лежали крокодилы. Потревоженные судном, они поплыли один за другим, как бревна, и их пыхтенье вывело Нугри из неподвижности. Ему захотелось поболтать.

– Скажи, Паур, ты был у истоков Нила? – спросил он у кормчего.

– Я был у водопада, где он начинается в глубокой пропасти, – отвечал тот.

– А откуда падают водопады? что выше их? Ты не был там?

– Нил падает с неба. Он, единственный на земле, подобен небесным рекам.

Всё это Нугри давно знал и сам, как и то, что наводнение происходит от слез Изида, а низкая вода означает победу Сета, бога пустыни, – и ему стало скучно и досадно.

– А ты никогда не слыхал о том, что корабль, шедший вверх по Нилу к копиям фараона, после многих дней плавания выплыл в море, омывающее страну Пунт? – спросил он и подумал: «Боги не всё открывают людям. Даже первосвященник не знает всего, и мне бы хотелось многое увидеть собственными глазами...» Но этого он уже не сказал громко.

Несколько дней судно поднималось вверх при совсем неподвижной атмосфере. Потом синева неба потускнела, подул ветер из пустыни, солнце сделалось как матовый шар. Этот горячий ветер нес тончайший песок и покрывал им всё живое и мертвое на своем пути. У людей не хватало дыхания. Это было самое тяжелое время в Египте – ветер, дующий из пустыни сорок дней.

Листья пальм покрылись этой пылью, и теперь уже не приветствовал взглядов их радостный цвет. Кое-где в городах еще зеленели сады вельмож, но свежесть их поддерживалась лишь усиленной каждодневной поливкой.

Но за Сильсилэ горы сдвинулись к берегу, и прибрежная полоса, иногда расширяющаяся, открывала беспощадный, мертвый песок — здесь уже ничего не росло. Маленький городок Омбо, с недавно выстроенным на берегу храмом, постоянно боролся против этого страшного врага, но, несмотря на его судорожные усилия, песок пробивался всюду, где мог найти себе ходы в глинобитные дома горожан. Даже во внутреннем святилище жрецы чувствовали под ногами его присутствие. Это заставляло их быть всегда настороже. Это же заставляло их поклоняться Сету, богу тьмы и пустыни, и обожать крокодила, земное воплощение этого бога.

Целью их путешествия была Сиена (Ассуан), расположенная немного ниже первых водопадов. Сиена славилась своими каменоломнями превосходного розового гранита. Он шел на статуи, постройки и саркофаги для богатых людей, а иногда и для фараонов, которые искали самого красивого и крепкого помещения для своей мумии на вечные времена.

Подъезжая к городу, Нугри слышал уже шум недалекого водопада — не оглушительный в это время года. Мальчик ждал большего и был немного разочарован. Маленькие пенящиеся каскады убирала камни и островки в белые локоны, но терраса, с которой падала вода, вовсе не представляла сплошной водной поверхности. Когда Нил был полноводен, черные туземцы спускались по водопаду в маленьких лодках, искусно избегая скрытых камней. Но теперь это было невозможно.

Аменемхиб вышел из своей расписанной каюты. Хотя на его лице нельзя было прочесть любопытства, как на лицах его слуг, но он тоже смотрел вперед. От острова Элефантины, который лежал против Сиены, отделилась прекрасно разукрашенная небольшая барка и поплыла им навстречу. Это выехал Хнумготпу, главный жрец храма на острове. После первых приветствий он пригласил Аменемхиба сойти к нему. С помощью слуг и рабов Аменемхиб перебрался туда, а за ним спрыгнул и Нугри с ловкостью, на которую любовались оба старика.

— Это сын твой? — спросил Хнумготпу.

— Нет, этой мой помощник.

— Но ему не больше четырнадцати лет, — удивился Хнумготпу.

На острове было два храма, и они подъехали к южному: здесь был расположен городок и склады эфиопских товаров, главным образом слоновых клыков. Нугри с любопытством осматривался кругом и на противоположный берег Нила, на Сиену и красную гору каменоло-

мен. Если б не боязнь, что его могут позвать каждую минуту, он перебрался бы туда в одной из маленьких лодок, стоявших внизу, а то и вплавь: он плавал как рыба.

В этот день Аменемхиб еще не приступал к тому делу, ради которого он сюда прибыл, – к ревизии храмов. Под вечер, перед пиром, который жрецы готовили знатному гостю, – они повели его осмотреть остров и город. Нугри пошел вслед. Аменемхиб передавал новости, волновавшие столицу, и подробности старых историй, почему-либо интересовавших его слушателей. В это время фараон вел войны в Азии, и это давало пищу бесконечным расспросам: известия поздно доходили сюда, и то через вестников, которые не могли быть так широко осведомлены, как Аменемхиб. Ведь он как пророк Амона близко стоял ко двору, а его брат, царский писец, и сейчас был с фараоном на войне.

– Кто может противиться богам и фараону – жизнь, здоровье, сила ему? – сказал с энтузиазмом молодой жрец. – Наши войска разметут презренных Халу (финикийцев) и подлых Шазу (арабов), как песок. Нет лучших воинов, чем египтяне.

Аменемхиб улыбнулся:

– Скажи – лучших полководцев, мудрецов, строителей, потому что наше лучшее войско состоит из белолицых наемников. Пусть простой народ не знает этого, но наш повелитель, сын Ра, очень высокого мнения об иноземных белолицых воинах.

Нугри сжал руки, чтобы почувствовать силу, таившуюся в них, и подумал, что вряд ли какой белый иноземец может потягаться с ним, Нугри. В этом, конечно, было большое самомнение, и мальчик это быстро понял, взглянув на толстогубых черных рабов, возившихся на набережной. Они ворочали камни величиной с Нугри, хотя и не были белолицые. Отстранив одного из них, мальчик стал на его место и уперся изо всех сил, но камень только пошевелился. Румянец залил его щеки от усилий и стыда – камень покачнулся и гулко упал. Чернокожий смотрел одобрительно вслед, когда мальчик побежал за жрецом.

Самой большой достопримечательностью Элефантины был «ниломер», и его-то хотели показать приезжему. На очень высокой гранитной стене набережной чертами отмечено было, до какой высоты каждый год поднимается Нил. Самые высокие зарубки показывали годы бедствий, когда чрезмерное наводнение заливало всю страну. Это и был ниломер. Широкая гранитная лестница, спускавшаяся к воде, имела внизу массивную дверь, а на середине – площадку. Здесь Нугри про-

чел надпись. Это было воззвание к Хнуму, богу – «покровителю Нубии и господину нильских водопадов».

Сиена была крайний на юг египетский город; дальше шли земли чернокожих племен, которые то подчинялись Египту, то отпадали от него. Благодаря этому соседству многое было здесь не так, как в центре страны. Большое количество черных рабов, лоснящихся, одетых только солнцем, невиданные фрукты, слоновые клыки, шкуры леопардов, страусовые перья, черное дерево, превосходный рогатый скот, золото, странное оружие и драгоценные камни – всё это, что подчиненные народы платили Египту, перегружалось в Сиене и частью оставалось там, как золотой песок на стенках мешка, из которого его высыпали. Здесь было также много фиников: финиковые пальмы росли по островам. Берега утопали в зелени. Темные шапки неуклюжих широковетвистых сикомор обрисовывались на жидкой зелени акаций. Нил, разбитый на множество рукавов, плескался о черные глянцевиые камни и подошвы желтых гор, а солнце было еще ослепительнее и беспощаднее, чем в Фивах.

Нутри сопровождал Аменемхиба в его поездках на берег и со вниманием ко всему присматривался. Не один раз был он в каменоломнях. Там, где начинался подъем в гору, он останавливался и смотрел на армию рабов, трудящихся здесь с утра до ночи на невыносимом зное. Большой частью здесь работали военнопленные, а так как походы фараона были разнообразны и удачны, то и здесь можно было встретить самые разнообразные лица и наречия. Огромные монолиты отделялись от горы с точностью и искусством, приводившим мальчика в восхищение. Для этого в камне, по намеченной линии, просверливались дырочки, и туда вставлялись сухие деревянные колышки. Затем дерево поливали водой, и, разбухая, оно разрывало камень. Обелиски, прекрасно отполированные, стояли готовые, ожидая только высокой воды, когда их можно было сплавить на огромных плотках к местам назначения: их ставили попарно перед храмами.

Однажды Нутри видел, как знатный египтянин с севера, из Нижнего Египта, ходил в сопровождении надсмотрщиков, выбирая себе кусок для саркофага. «Это должен быть чистый гранит, без пятен, самого красного цвета», – и, несмотря на зной, он шел до конца каменоломни, заглядывая в глубокие трещины, где камень был ярче, чем снаружи. Желтые люди из Сирии – еще недавно свободные и богатые – смотрели на Нутри с ненавистью и страхом. Непривычные к ра-

боте, они получали от египетского надсмотрщика больше ударов палкой, чем глотков воды, а под этим невыносимым тропическим солнцем и при тяжелом труде их страшно мучила жажда. Здесь часто умирали на работах – от истощения, от солнечного удара и мало ли от чего еще: ведь египетские боги не обязаны были заботиться о чужестранцах. Нугри не отворачивался от чужих страданий, он смотрел с жалостью на несчастных, но знал, что так и должно быть. Победленным отрубают голову или отсылают на каменоломни: такова война. Но зато победитель дает своей стране процветание и радость, а Нугри, как и всякий египтянин, считал свою родину прекраснейшим местом в мире и готов был пожертвовать для нее не только чужой головой, но и своей собственной.

Не прошло еще столетия, как Египет освободился от чужеземного ига. Пастушеский народ гиксосы, устроившие себе в дельте Нила столицу, управляли оттуда всем Египтом, и Нижним, и Верхним. Ненависть к этим иноземным владыкам воспитала людей, подобных Нугри: они чувствовали себя воинами, хотя и были детьми мирного земледельческого народа. В Сиене был гарнизон, и мальчик охотно болтал с солдатами. Здесь Нугри нашел себе друга в лице старого Диди, сиенского уроженца, в котором было столько же эфиопской крови, как и египетской. Но это не мешало ему храбро сражаться против черных соплеменников. В это время владения Египта расширились до третьего водопада, но со своим отрядом Диди ходил и дальше вверх по Нилу, туда, в загадочные страны, откуда привозят слоновую кость. Он был очень суеверен и почитал разных чужеземных богов, так как одних своих недостаточно, когда приходится путешествовать по незнакомым странам.

Аменемхибу хотелось привезти в подарок брату двух черных леопардов южной красивой породы, уже дрессированных. Это было бы не так легко сделать, но тут помог Диди. Он бегал и суетился, собирая сведения отовсюду, и, наконец, доставил Аменемхибу двух прекрасных животных с двумя низкорослыми дикими проводниками. Звери оказались действительно редкими по красоте! Диди был награжден.

Однажды Нугри сидел на полу перед своим господином с развернутым папирусом. Они только что вернулись из храмовых сокровищниц, где проверяли, всё ли есть у бога в достаточном количестве. Кроме того, надо было рассмотреть, каковы его доходы с земли и добровольные приношения. Нугри читал громко: «Столько-то мер ячменя с

полей бога. Столько-то бочек вина с виноградников бога. Столько-то бочек финикового меду с деревьев бога».

Работа их была прервана знакомым и неожиданным здесь голосом. Вошел слуга из Фив и, упав на землю, приветствовал жреца. Он при-был только что. Он прибыл гонцом от брата господина, царского пис-ца Танини, который уже живет в доме господина. В столицу вернулся фараон – жизнь, здоровье, сила ему.

Слуга сообщил также, что дом их посетило несчастье: старый Унас, управляющий – умер. Нугри слышал дальше, как звучали знако-мые имена госпожи, Сатати, слуг, рабов, но ничего не понимал. Унас умер – и никого из близких не было при нем в последние минуты. Раз-ве Нугри сам хотел уехать, разве это была его воля? Нет. Но ведь в глу-бине души он давно стремился из дома, и вот теперь Унас умер один. Нугри думал, опустив глаза в землю и сжав губы. Аменемхиб мель-ком посмотрел на него и отвернулся: горе мужчины не любит свиде-телей. Он только сказал мальчику: «Я отправляю леопардов и письма домой, ты можешь отвезти их».

VII. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ПО НИЛУ

Нугри надо было еще проститься с Диди, так как самое большое личное горе – это еще не причина обижать других.

Небывалое оживление царило на острове и на противоположном берегу, куда он спешил перебраться. Казалось, все повыходили на на-бережную, как будто ожидая радостное и редкое событие. Даже не-знакомые перекидывались замечаниями и шутками. Столько детей плескалось в помутневшей воде, как будто их согнали со всего Егип-та. Взад и вперед шныряли маленькие лодки. В толпе был и Диди, ко-торый выбежал навстречу мальчику и закричал вместо приветствия: «Уже два пальца, мальчик!»

Нугри посмотрел вокруг и улыбнулся. Вся эта суматоха, эти во-просы и радость, освещающая лица, обычно серьезные, означали, что в Ниле поднималась вода, что она уже поднялась на два пальца, что вновь побеждена пустыня, и вновь будут посевы, и жатва, и праздни-ки. Это означало победу и воскресение. Общая радость заража-ла и его – ведь праздновали победу над пустыней и смертью. С дет-ства привык он радоваться этим дням, но только сейчас понял ясно весь их смысл.

У грозного бога земли и богини неба было два сына: Озирис, которого отождествляли с благородным Нилом, и Сет – бог пустыни, враждебной всему живому. Сет убил Озириса и разрубил его на части, но Изида, жена Озириса, собрала куски и сделала первую мумию с волшебными обрядами, заклинаниями, амулетами, вернувшими ему жизнь за гробом. Озирис сделался владыкой над мертвыми. Его сын Гор победил Сета, и таким образом восторжествовало доброе начало жизни и плодородия. Это и праздновалось каждый раз, когда Нил побеждал пустыню.

Нугри попрощался сердечно с Диди, и старый солдат долго смотрел ему вслед. Они увиделись еще раз. Когда на барку вводили леопардов с проводниками и один из зверей угрожающе зарычал, возле Нугри раздался голос Диди: «Вот, мальчик, тебе на память подарок солдата. Это нож, хороший нож – и на черного, и на белого врага. Им также можно перерезать горло этой твари, которая смотрит недружески и рычит; не ходи без ножа, мальчик. Этих черных колдунов, которым повинуются леопарды, я не знаю. Они взяты из далеких стран и не внушают доверия. Может быть, у них дурной глаз и рот – против этого надо иметь талисман».

– Я думаю, что это самый лучший талисман против дикаря, – указал Нугри на нож, но все-таки позволил надеть себе на шею какую-то ладанку. Они еще раз простились, и теперь уже окончательно.

Снова проезжал Нугри по местам, которые уже видел однажды. Тот же обычный ландшафт, селенье, группа деревьев – и сразу пустыня, круглые скалистые холмики и стены плоских гор. Между скал струи песка. Всё мертво и неподвижно. Оживлял ландшафт только Нил: он имел теперь необычный вид от красной воды, неприятной и вредной, которая должна была сойти через несколько дней.

Прошла и красная вода. Нил вздувался, выходил из берегов, затоплял черные выжженные поля, поглощал островки и мели и разносил далеко во все стороны рыб и гадов, к великой радости ибисов, аистов, фламинго, пеликанов. Проезжая мимо городов, они видели праздники с торжественными процессиями, которые направлялись к Нилу.

Леопарды, прикованные к палубе, презрительно шурились и облизывались длинными языками; низкорослые черные проводники сидели рядом с ними целые дни, угрюмые и непонятные. Они смотрели назад, туда, где была их родина, которая удалялась с каждым часом: никто не жалел о ней, потому что никто не знал ее, кроме их четверо-

ногих друзей. Люди смотрели назад, а звери вперед, но окружающее было одинаково враждебно и тем и другим.

Прошло уже пять дней, как они плыли, и путники приближались к Фивам. Нугри проснулся среди ночи, точно его кто толкнул. Но всё казалось спокойно, по крайней мере, тишина не нарушалась никакими необычными звуками. И все-таки мальчик чувствовал что-то. Может быть, это был шум или тени, настолько легкие, что сознание не могло уловить их, и улавливали только обостренные темнотой чувства. Но это было что-то тревожное. Нугри нащупал нож и встал: ведь все остальные спали, и бодрствующему приходилось думать и действовать за всех. Барка стояла. Небо было звездное, черное и сияющее одновременно. Недалеко перед собой мальчик увидел две голубые звезды, ярче небесных. Леопард передвигался, а цепь не издавала никакого шума – ясно, что он был свободен. Теперь Нугри различил черную тень проводника – и понял. В то время, когда леопард делал прыжок, мальчик тоже отпрыгнул в сторону – недаром он славился своей ловкостью. Из всех сил толкнул он черного дикаря и услышал всплеск воды за бортом. Он закричал, чтобы разбудить спящих, и встретил леопарда ножом. Тяжелая лапа с чудовищными когтями упала ему на плечо. Отвратительное дыхание и рев боли ударили ему в лицо с такой силой, что он едва удержался на ногах. И все-таки он успел несколько раз повернуть нож в пушистом горле зверя. Леопард стал ослабевать и упал, подмяв под себя Нугри.

При свете факелов мальчика вынули и забинтовали разорванное плечо. Чернокожие исчезли оба, а второго леопарда не успели спустить с цепи. Об исчезнувших проводниках не заботились: то тут, то там слышалось пыхтение крокодилов, а эти сторожа не позволят убежать из их области чужеземцу.

Нугри лежал на палубе в сильной лихорадке. Его посещали печальные мысли. Вспоминались четыре года, протекавшие в доме Аменемхиба: ученье, игры, товарищи, свои маленькие детские неудачи и Унас, который всегда умел прийти вовремя, чтобы помочь и утешить. С родителями он встречался редко, и Унас заменил ему отца. Две крупные слезинки выкатились из его глаз – это, вероятно, сделала лихорадка. Но в конце концов здоровый организм сам победил начинающуюся болезнь. Исчезла лихорадка, уменьшилась боль.

VIII. ПОГРЕБЕНИЕ УНАСА

К Фивам подъезжали днем. Налево открылась долина и город мертвых, направо – город живых, Фивы, и за ними легкие вершины далеких гор. Мимо храма, окруженного садами, мимо бедных кварталов, где он родился, барка подъезжала к набережной. Едва можно было найти место, чтоб пристать! Тут были и большие военные корабли, свозившие войска, и маленькие изящные лодочки вельмож, и лодки рыбаков, сделанные из связок папируса, и плоты, привезшие камень. Нугри первый добежал до дома. Черный великан, открывший ему дверь сейчас, как и четыре года назад, дружески улыбнулся. Всё было благополучно и обычно в доме – если не считать одной опустевшей комнаты. Сатати ходила за ним и говорила: «Новый управляющий считает амфоры и мешки. Он поселится в комнате Унаса. Он выдает масло и сметану и вино».

Нугри подумал: «Значит, и здесь я не нужен теперь!»

Сатати, волнуясь, рассказывала о своем дяде Танини, царском писце, о новом большом походе, который предпринимает фараон против Сирии, о колесницах, о лошадях. «Сейчас дяди нет в городе, но когда он приедет, Нугри должен посмотреть на него хорошенько. Это замечательный человек, другого такого нет на земле. Он считает убитых и добычу, и всегда на глазах у сына Ра, который его любит. Он воспекает подвиги фараона, имя его не умрет, это великий человек».

Но Нугри слушал рассеянno. Ведь Унас должен был скоро совершить свое последнее путешествие в город мертвых, и надо позаботиться о многом. Прежде всего следовало посмотреть, готова ли гробница.

Нугри съездил на другой берег Нила, осмотрел гробницу, приготовленную еще при жизни Унаса, прочитал надписи и проверил рисунки, которыми были покрыты стены погребального покоя. Конечно, их было не так много, как в богатых гробницах, но надо было, по крайней мере, обеспечить душе покойного всё, ей необходимое. Дело в том, что эта душа, по понятиям египтян, оставалась возле мумии как двойник человека. Этому двойнику нужны были разнообразные вещи, чтоб поддерживать существование и не умереть окончательно. У каждого предмета тоже есть свой двойник, и двойник человека может пользоваться двойниками вещей – лишь бы были их изображения. Достаточно рисунка кушанья, чтоб двойник мог насытиться. Понятно поэтому, как внимательно рассматривал Нугри стены: ведь от этого зависела

дальнейшая жизнь того, кого он любил. Он вспомнил, как последние дни перед разлукой старик хвалил свою палку, на которую опирался. Конечно, палка будет положена в числе прочих приношений в гробницу, но какая-нибудь несчастная случайность может уничтожить ее: кто знает, не будет ли тогда душа покойника больно чувствовать это лишение? Нутри позвал мастера, чтобы тот вырезал на стене изображение старика с палкой: это было все-таки некоторое обеспечение.

И вот наступил торжественный день похорон. Набальзамированный Унас, в виде запеленатой мумии, последний раз возвратился в свою комнату, чтобы уже оттуда лечь в каюту погребальной барки, поставленной на полозья. Быки, запряженные в нее, шли медленно по извилистым улицам города, а за ними медленная толпа: слуги из дома Аменемхиба, старые друзья Унаса, жрецы, плакальщицы, носильщики с вещами, необходимыми при погребении, и просто зрители, напутствовавшие тело криками: «С миром, с миром на запад». Плакальщицы кричали и причитали: «Ты направляешься на запад, и сами боги скорбят».

Погребальное шествие переправилось через реку в больших лодках и там снова медленно потянулось к месту последнего упокоения. Плакальщицы причитали, а друзья громко восхваляли покойного, его доброту, его справедливость, его благочестие. Вспоминали о том, что он никогда не доносил на слуг своему господину, всегда говорил правду – это приятно богам. Давали советы против опасностей, ожидающих его в загробном мире. Нутри кричал и причитал, но скорбь свою он чувствовал в сердце. Показывать свое горе – это надо было для чести покойного, но настоящая глухая скорбь была внутри. Была также нежная заботливость о том, кто не мог уже сам заботиться о себе. Хорошо ли сделано бальзамирование? Ведь жизнь души зависит от целости тела, и когда тело совсем разрушено – душа умирает. Вложены ли нужные амулеты? Амулеты должны отклонить опасности и избавить от страшных врагов, так как врагов на том свете не меньше, чем на этом. Не забыт ли каменный скарабей (священный жук), который заменяет мертвому сердце? Принесены ли четыре алебастровые вазы с внутренностями, вынутыми из тела? Тут ли предметы, любимые покойным, фрукты, цветы, благовония? Достаточно ли статуэток из глины и камня, которые изображают покойного и должны исполнять за него разные полевые работы в райских садах: земля этих садов обрабатывалась душами, а работать самому – это было бы трудно такому старику, как Унас.

Площадка перед погребальной комнатой была посыпана песком, и на ней поставили мумию. Предстояли важные обряды, без которых невозможно было дальнейшее загробное существование: бальзамировка предохраняла тело от тления, но лишала его возможности двигаться, смотреть, есть и пить. Надо было поступать так же, как поступала Изидыда, ее сын Гор и бог – проводник мертвых – Анубис с мумией Озириса. Жрец-церемониймейстер указывал окружающим, что они должны делать и говорить: ведь надо было всё воспроизвести в точности, так как малейшая оплошность – не то слово, даже неверная интонация – могла лишить обряд его силы, и тогда умерший должен был умереть окончательно. Сначала шла церемония очищения. Потом открытие рта и глаз. Потом надо было привязать душу к телу. Во всем умершего сопоставляли с Озирисом и восклицали: «Ты чист, ты чист, Озирис-Унас». Обнося мумию четырьмя вазами с водой – в честь четырех стран света, – произносили: «Будь помещен между богами, так как твой рот чист, как рот молочного теленка в первый день рождения!» Потом, поднимая к его лицу ладан на бронзовом блюде: «О, Озирис-Унас! Запах поднимается к тебе. Оно идет – южное благовоние, – оно очищает, оно приходит, оно помещается на твоих двух руках, и ты чист, ты чист, ты чист, Озирис-Унас!» Для открытия рта необходимы были, кроме амулетов и заклинаний, два жертвенных быка – бык юга и бык севера, а также разные мелкие животные и птицы.

Хотя Египет был под управлением одного фараона, но он делился на северный и южный: поэтому для мертвого надо было получить покровительство богов той и другой части. Оттого и все предметы делились на северные и южные: вода севера и юга, ладан севера и юга, хлеб севера и юга и т.д.

Нугри должен был заменять сына, так как родных детей у Унаса не было. «Сын, который его любит» говорил и делал всё, что подсказывал ему жрец. Но когда церемония кончилась и возбуждение прошло, он почувствовал себя очень утомленным. Мумию опустили в подземную комнату и отверстие плотно заделали – навсегда, если так угодно было богам. Начался погребальный пир. Статую, заменившей мумию, подносили лучшие куски, и так как глаза и рот покойного были уже открыты, то он должен был испытывать при этом такое же удовольствие, как будто бы на самом деле ел их.

Когда пир кончился и все разошлись, Нугри подошел к статуе и, приближая свое лицо к ее лицу, блестящему от масла, горячо сказал:

«Да будешь ты вновь жив по смерти, да будет цело существо твое, да будет божественен дух твой. Да будет у тебя вода, да вдыхаешь ты воздух. Да будешь ты признан праведным на суде Озириса!»

Теперь Нугри окончательно обессилел. Едва волоча ноги, пошел он по какой-то тропинке. Вдруг перед ним выползла змея. Он вздрогнул и оглянулся. Солнце было совсем низко. По Нилу двигались лодки, но гораздо больше по направлению к Фивам, чем обратно. Ночью город мертвых пустел, и жалобный плач шакалов сменял священные гимны. Как только зашло солнце, воцарилась темнота. Через минуту свет явился снова – как будто на небе отдернулась завеса, – но бледный, странный, умирающий. Это было последнее приветствие умершего солнца. Когда темнота осилила его, то уже окончательно, до утра.

Ползком, нащупывая тропинку ногами и руками, Нугри вернулся к пристани. Отыскать свою лодку было нелегко. Когда он ходил по берегу, то слышал голос, ясно, по имени, зовущий его: «Нугри!» Может быть, Унас зовет его. Жуткое чувство сдавило сердце мальчика. Тонкий, знакомый голос. «Сатати!» – крикнул он в темноту громко, вдруг узнав. Она вылезла со дна лодки, где притаилась, испуганная, дрожащая и все-таки радостная:

– Я видела, что ты остался, думала, что ты скоро придешь, хотела тебя подождать. Потом испугалась и спряталась здесь.

Нугри был очень растроган, несмотря на усталость и голод. А когда она предложила ему кусок хлеба, говоря, что он ничего не ел во время пира, он в душе помолился Изиде об ее счастье. Это была добрая девушка.

На другой день приехал царский писец Танини, которому Нугри должен был отдать письма. Этот человек, еще не старый, крепкий и гибкий, чертами лица мало напоминал Аменемхиба. И характеру его недоставало той важности, которая делала движения жреца медлительными и торжественными.

Рядом с Нугри стояли слуги, прибывшие с ним на одной барке. Они рассказали о несчастье, постигшем их в этом пути, о коварстве чернокожих и смерти леопарда, а Нугри молчал. Но после рассказа слуги покинули комнату, Нугри же остался. Он не поднимал глаз. Как всё это было похоже на то, что происходило четыре года назад! Как тогда, перед ним сидел неизвестный, важный, немного страшный человек и всматривался. Помолчав несколько, он спросил:

– Что ты думаешь делать теперь, Нугри?

Нугри не знал. Он видел, что место, которое готовил ему Унас, уже занято. Но, может быть, он все-таки нужен в доме? Ведь ему почти четырнадцать лет, и, значит, возраст не мешает заняться каким-нибудь делом. Не пошлет ли его господин в отдаленное имение, где нужен скриба? Дело Нугри слушаться, и он не может распоряжаться своей судьбой.

Танини посмотрел на него неодобрительно:

– По-видимому, ты очень ценишь свою безопасность, и честолюбие твое не идет дальше счета мешков. Скоро фараон – жизнь, здоровье, сила ему – предпринимает большой поход в Сирию, чтоб проучить бунтовщиков. Молодые здоровые люди нужнее в войске, чем в амбарах.

Нугри вспыхнул и посмотрел с укором на говорившего: разве идти на войну не было его заветной мечтой? И вот теперь его подозревают в трусости.

Танини понял, что происходило в его душе, и сказал:

– Не смотри таким волком, мальчик. Мне известно, что ты имеешь храброе сердце. Впереди у нас будет еще не один случай убедить-ся в этом: я возьму тебя в первый же поход. Я принимаю тебя в число своих ближайших помощников. Клянусь Амоном, наш государь, сын Ра, фараон Тутмос III, есть величайших среди людей и богов, влады-ка всех земель и народов, и ты будешь лицезреть его. Этим ты обязан мне, а также Сатати, которая умеет просить.

И вот душа бедного старого Унаса идет среди страшных опаснос-тей загробного мира к райским садам. Если она видит, как складыва-ется судьба любимого приемного сына, то она, конечно, скорбит. Но Нугри не думает об этом: он счастлив.

IX. В ПОХОДЕ С ФАРАОНОМ

Всю дорогу по пустыне фараон имел недовольный и озабоченный вид. Он ехал в медной колеснице, окруженной колесницами знатных. Впереди и сзади шло войско.

Когда сын солнца мрачен, то его приближенные говорят тише и реже улыбаются. Это, в свою очередь, влияет на настроение мелких служащих, слуг и рабов. И весь отряд имеет такой вид, как будто он возвращается с похорон.

Здесь был и Нугри. Как только пограничная египетская крепость очутилась за его спиной, он почувствовал себя воинственно. Но беду-ины сидели в скалистых ущельях, как лисы в норе. Врагов не было, а

через два дня пустыня умиротворила воинственный пыл мальчика. Однообразие и жара не способствуют подъему духа. Один холм, с клоками высохшей травы внизу, совершенно походил на другой, а жара одинаково донимала во все часы дня. Через несколько дней у всех лица осунулись и потемнели, а глаза смотрели тупо. Теперь на благословенных берегах Нила спели золотые хлебы — это вспоминалось невольно даже самым закаленным воинам. Когда аравийская пустыня дышала на войска с правой стороны с юга, это было еще ужасней знойной тишины.

Но вот однажды какое-то движение пробежало по рядам людей. Оно исходило из авангарда, из переднего отряда. Это было еще лучше северного ветра — потому что известие о близком конце пустыни заключало в себе и ветер, и воду, и отдых, и пищу.

Город Газа один остался в дружеских отношениях с Египтом, в то время как другие города Сирии и Палестины соединенными силами хотели сбросить его иго. Царь Газы вышел навстречу фараону. Горожане вынесли меха со свежей водой. Царь упал на землю, лицом на горячий песок, и долго не вставал, как будто вид Тутмоса привел его в бесчувствие. Конечно, его город должен был пострадать от буйных египетских солдат, но это все-таки лучше, чем быть осажденным, взятым в плен и повешенным, а такая судьба ожидала бунтовщиков.

Когда прибыла часть войска, отправленная на кораблях по Средиземному морю, то весело пошли дальше. Зеленые поля и сады сменялись теперь голыми скалами и вновь зелеными садами. Жители деревень бежали, но посевы охранялись строгими приказами Тутмоса, так как их предстояло снять, когда поспеют, и увезти в Египет.

Танини редко вспоминал о Нугри, так как у него было более близкие и привычные помощники. Но иногда он подзывал его и в виде особой милости позволял править своей колесницей. Это была большая честь, так как фараон ехал недалеко и мог заметить маленького возницу. Быть же замеченным фараоном — залог будущих благ.

Однажды, на привале у горного ручья, Нугри захотел выкупаться. Он пошел вниз, надеясь скоро найти удобное место. Но с той площадки, где расположился фараон с вельможами, вода свергалась в ущелье, такое узкое и скалистое, что к ней нельзя было подойти. Хотя в пейзаже преобладали горные склоны, лишенные растительности, но кое-где по течению рек группы деревьев переходили в великолепный, могучий лес. Лес был чужд египтянам и внушал беспокойство, но любопытство толкало Нугри вперед. Он пробирался к обрыву, отгибая ветки. Стал

босой ногой на камень, обросший мхом. Ощущение глубокой, влажной мягкости так ему понравилось, что он стал нарочно искать этого. Но так как мхи росли не только на камнях, но и на поваленных стволах, то, ставши на один из них, он провалился. Мох был яркий, а древесина под ним трухляя – Нугри взмахнул руками и свалился вниз к самой воде. Падая, он схватился за какие-то ветки и на минуту повис на них – поэтому не очень ударился о камень. Вода пенилась вокруг и брызгала ему на ноги, прохлада ласкала тело и лицо, но зато выбраться отсюда было очень трудно. Фараон же, конечно, не станет ждать его, чтоб продолжать свой путь. Эта мысль сильно обеспокоила мальчика, и у него исчезло желание выкупаться. Он напился и стал искать выхода. Отвесные скалы иногда входили в воду – поэтому здесь нельзя было идти по течению, надо было выбраться наверх из ущелья. Сначала он напрасно старался сделать это: камни были гладкие, отвесные, а земля осыпалась. Наконец, хватаясь за ветки, иногда вися на них, иногда опираясь, он выбрался немного ниже того места, откуда свалился.

Пройдя вперед немного, он вдруг увидел, шагах в двадцати перед собой, человека. Уже одна наружность указывала, что он родился не на берегах Нила. Он был приземистый, желтокожий, а его осторожные, прячущиеся движения и оружие прямо выдавали врага. По-видимому, он был шпион и следил за движениями фараона. Так как он хорошо знал эти места, то ему нетрудно было идти незамеченным, прячась за камни, в пещеры и заросли. Для безопасности он отставал и не подходил близко к войску. Так как фараон прошел уже вперед, то он и не ожидал никакой встречи.

Нугри смотрел на врага и не двигался. Тот поступал так же. Но так как последний был выше и плотней, а притом обладал черной породой и хорошим оружием, – то и решил сделать нападение. О, как горячо мечтал Нугри в этот момент о хорошем тугом луке: на двадцать шагов его стрела попадала в птичку. Однако эти мечты не отвлекали внимания от медленно надвигавшегося врага. Он следил напряженно и не шел навстречу, а ожидал, сжимая в руке нож. Потом с быстротой наклонился и, подняв камень, кинул в приближавшегося. Это ускорило развязку. Менее поворотливый, менее гибкий сириец, обозленный ударом в плечо, кинулся на мальчика, но Нугри вывернулся и сборку ударил его ножом. Он не успел вытащить ножа из раны и побежал. Теперь ему оставалось полагаться только на свои ноги. Он крутился вокруг деревьев и камней, гибкий как кошка, скорый как ящерица и уже

уверенный в победе. Иногда он оборачивался и кидал камнем в ослабевающего врага. Когда тот остановился, зажимая рукой рану, Нугри сам обратился в преследователя. Он кричал, прыгал вокруг, кидая камнями и кусками дерева – как будто совершал победную пляску, – и наконец, уловив момент, сбил врага с ног и обезоружил его. Затем сел на тело.

– Кто ты? – спросил он.

Раненый сказал что-то на неизвестном языке. Нугри еще попробовал спросить о том, где находятся сейчас войска мятежников, но результат был тот же. Мальчик не знал, как поступать дальше, но смерть пришла ему на помощь и разрешила его колебания. Тело, на котором он сидел, несколько раз вздрогнуло, а лицо исказилось. Он встал и, когда всё было кончено, отрезал правую руку мертвеца с надетым на нее браслетом. На левой руке тоже блестел широкий золотой обруч, и мальчик хотел снять его, как вдруг почувствовал страх и отвращение. Закутав страшную ношу в кусок ткани из одежды убитого, он быстро пошел вверх.

Когда он достиг площадки перед ручьем, там не было уже никого. Было довольно поздно. Перейдя вброд ручей, он сел отдохнуть на минуту. Можно было, конечно, подождать заднего отряда и примкнуть к нему... Но если Танини позовет помощника или кто-нибудь другой заметит отсутствие одного из писцов... Не миновать провинившемуся палочных ударов! А самое страшное, что происшествие дойдет до ушей фараона, и всегда имя Нугри будет вызывать в нем воспоминание о ком-то провинившемся и наказанном.

Повинуясь этим мыслям, мальчик встал и побежал. Когда спустилась ночь, под яркими звездами он кое-как находил дорогу на открытом пространстве. Но роща перегородила ему путь, и туда он не смел войти. Никакие заклинания не могли придать ему храбрости. Да и имеют ли заклинания силу здесь, над неизвестными духами неизвестных страшных лесов? Это очень сомнительно. Он отошел в сторону от деревьев и лег спать.

Солнце еще не всходило, когда он снова побежал. Не было полдня, когда он догнал войско. Слав абогам, это было время привала, – можно было хоть отдышаться. Но, желая перед отдыхом показаться Танини, мальчик пробрался вперед, минуя выючных ослов и группы сидящих людей. Вокруг фараона стояли приближенные, среди которых был и Танини. Один юноша, принадлежащий к свите фараона, подошел к Нугри и презрительно спросил:

- Что это ты несешь в синей тряпке?
– Руку, – отвечал мальчик таким же тоном.

Тот рассмеялся.

– Из чего ты сделал эту руку? Из веток и глины? Или из лоскутков, как девочки делают куклы? Заворачивай ее лучше, если ты хочешь, чтоб тебе поверили, что ты убил врага в то время, когда мы не встретили даже вражеской собаки! Ну что ж, играй в войну, мальчик, это тебе по годам; только смотри, как бы тебя не высекли.

Этот юноша, знатный и избалованный, нарочно говорил громко, чтоб привлечь к себе внимание. Он смеялся и делал вид, будто хочет вырвать из рук Нугри синий сверток. Увидев, что фараон заинтересовался происходящим, Танини крикнул: «Подойди сюда, Нугри, и расскажи, в чем дело? что хочет от тебя Бауку?»

Но Нугри не мог говорить. Злость и обида душили его. Молча он стал на колени перед Тутмосом и положил к его ногам потемневшую руку. Этого уже никто не ожидал. Изумление было на лицах придворных, а фараон велел подать себе отвратительный обрубок и внимательно рассмотрел его, а также золотой браслет. Затем он передал их военачальникам. Несомненно, убитый был из числа светлокожих племен, обитающих в окрестности.

Нугри рассказал о случившемся коротко и ясно. Фараон взглянул на него внимательно и сказал:

– Ты, мальчик, первый принес мне руку врага в этот поход. Танини собственноручно занесет это в свои записи. Ты будешь награжден.

Танини, который радовался за своего помощника, весело повторил за мальчиком благословение на голову доброго и справедливого сына Ра. Потом прибавил:

– Я уверен, что этот мальчишка еще покажет себя. Девяти лет от роду он спас мою племянницу из рук разбойников. Год назад убил леопарда, теперь сирийца; что же будет еще через год? Боги любят его.

Слова эти заинтересовали окружающих, и имя Нугри повторялось.

Египтяне шли на север, и из-за гор с моря иногда обвевал их освежающий ветер. Было что-то беспокойное и угрожающее в отсутствии врагов. Никто не знал, где можно их встретить. Старики высказывали свои соображения, молодые воины – свои, но все рекомендовали осторожность. Теперь Тутмос казался гораздо веселее, чем был в начале похода. Правда, он не смеялся и не говорил много, но смотрел бодро и уверенно, в то время как окружающие озирались по сторонам и вни-

мательно всматривался в дали. Нугри вспомнил, как, бывало, в мирное время в Фивах придворные наполняли дворец веселым шумом и суетой, а фараон был скучен и холоден. Нугри чувствовал, как растет в его душе благоговение и восторг перед повелителем. Тутмос был совсем как человек, как обыкновенный человек, и выделялся среди окружающих его только царской диадемой и царственным лицом. Он был маленького роста, и это изумляло Нугри. Мысленно мальчик всегда представлял его высоким, — гораздо выше прочих людей, — таким, каким привык видеть на изображениях. Там он стоял в профиль лицом к врагам, похожий на бога ростом и осанкой, а здесь он был маленький, но все-таки божественный, по крайней мере, в глазах Нугри. Поэтому мальчик старался не терять из виду царскую колесницу во время переходов и подбирался к большому расшитому шатру, когда раскидывали лагерь.

Движение войск было приостановлено до тех пор, пока не выяснятся намерения врагов. Всё чаще высылались и приезжали взволнованные, торопливые разведчики. Царь города Кадеша, стоящий во главе заговора, ушел к северу. Наконец появился посол из вражеского лагеря и сам объявил от лица своего господина:

— Я буду стоять перед царем египетским в Мегиддо.

Это известие было встречено с радостью. Конечно, Мегиддо такая крепость, которую не возьмешь шутя; много царей собралось туда, много людей, много лошадей, да и путь к ней нелегкий — по горам, но все-таки это лучше неизвестности. Притом же жрецы — всегда находящиеся при фараоне с некоторыми святынями — предсказывали удачу.

Войско было выстроено, и вид стройных полков и боевых колесниц вызывал у воинов уверенность в себе и храбрость. Тутмос сделал смотр; весело узнавал старых и подбодрял молодых. При виде его, идущего по лагерю, Нугри чувствовал, что восторг переполняет его душу. Он кричал вместе с другими и вытягивался на цыпочки, чтоб еще раз мельком увидеть затылок фараона среди возбужденных лиц, обнаженных торсов, махающих рук.

На военном совете военачальники сказали фараону:

— Нельзя идти дорогой, ведущей ущельями. Есть сведения, что враги стоят там в засаде, и непроходим путь сразу большому количеству людей. Конь за конем должен идти и человек за человеком. Если там нападут на нас, то войска должны будут бездействовать. Есть другой хороший широкий путь: он не представляет опасности. Прав-

да, он длинен, но прими его во внимание, пойдем по нему. Мы выйдем к северу от Мегиддо. Куда не последует наш победоносный господин, мы пойдем за ним; но да не поведет он нас на непроходимую дорогу.

У Тутмоса были свои сведения о намерениях неприятеля и свои соображения; трусость же всегда возмущала его. Он заговорил горячо:

– Клянусь любовью Ра, призываю в свидетели Амона, я – сын солнечного бога – пойду по кратчайшей дороге. Пусть желающие идут другой дорогой, названной вами, а кто хочет, пусть идет за мной. Пусть не говорят враги, не верящие в бога Ра: «Царь выбрал длинную дорогу, потому что боится нас».

Военачальникам ничего не оставалось, как согласиться. Многим это казалось безрассудным, но никто не решился отделиться и идти другой дорогой. После краткого совещания, где страх перед врагами боролся со страхом перед гневом фараона, – ему был дан такой ответ:

– Да окажет нам отец твой, Амон фиванский, помощь и защиту, когда мы будем следовать за тобой, куда б ты ни пошел, – ибо слуге подобает быть сзади господина своего.

Тутмос слегка улыбнулся; он понял, что каждый из них больше всего боится идти *вперед*. Узкая дорога над пропастью, неизвестные таинственные опасности – это делало совсем трусами людей, таких храбрых перед врагами в открытом поле.

Тутмос собрал свое войско и, став перед ними, сказал так громко, как только позволяли его легкие:

– Да поведет нас Амон хорошими путями. Клянитесь, что никто из вас, воины, не пойдет впереди меня, чтобы защищать меня, – царь пойдет впереди своего войска.

Под неистовые крики восторга он отстранил жестом колесницу, которую подводили ему, и направился пешком мимо волнующихся солдат авангарда. За ним шли телохранители, вооруженные луками, и возница вел на поводу его лошадей. Все, имевшие колесницы, должны были поступить так же, сначала из уважения к фараону, а потом для собственного удобства, так как дорога оказалась ужасной. Легкие экипажи прыгали, как скорлупки, по камням и рывинам, по откосам и на узком карнизе, между отвесной стеной и обрывом, вызывающим головокружение, где лошади фыркали и жались, не желая двигаться.

Это было самое трудное и опасное место. Фараон шел своей красивой, легкой походкой и оглядывался на любимых коней, когда без-

дна была под ногами их. Умные животные узнавали господина, успокаивались и шли доверчивей.

У телохранителей были суровые, внимательные лица, и Нугри не удалось пробраться вперед через их ряды. А он так мечтал об этом! Он мечтал о каком-нибудь сказочном подвиге – спасти господина своего и умереть перед ним! Но ничего такого не случилось, и через три дня пути царская палатка была разложена вблизи города Алуна. До Мегиддо оставался один переход; надо было собрать войско, растянувшееся в трудном пути.

Х. Война. Возвращение на родину и судьба Нугри

Мегиддо стоял на вершине холма, и его то повышавшиеся, то понижавшиеся стены обрисовывали все неровности почвы.

С наступлением ночи сотни огней зажглись по всем направлениям. На востоке египетские солдаты южного фланга чистили свое оружие. Вблизи поток пел свою мирную песню, но они должны были завтра быть впереди всех, прикрывая собой арьергард и фараона. Поэтому солдаты имели серьезные и суровые лица. Тутмос в сопровождении торжественно одетых жрецов и военачальников ходил между рядами полубоженных людей и говорил:

– Будьте наготове, приготовьте оружие, потому что мы сойдемся в битве с презренным врагом рано завтрашним утром.

В другом месте, дальше от крепости и неприятельского лагеря, кипела веселая работа. Там складывался вал из багажа начальников и вещей слуг. У царской палатки воины, поставленные на стражу, перекликались: «Мужайтесь, мужайтесь, стерегите, стерегите, храните жизнь у шатра царя». Поздним вечером гонцы со всех концов лагеря пришли к палатке царя, чтобы сказать: «Египет готов, благородные люди, и воины северной земли, и воины южной земли».

Нугри не мог уснуть. Сначала он ходил, но так как это беспокоило часовых, постоянно окликавших его, то наконец он сел возле одного из них у самого вала. Через минуту подошел еще кто-то. Это был Бауку, тот самый юноша, который недавно издевался над Нугри, принесшим руку убитого врага. Мальчики не раз сталкивались и в пути, и в лагере, так как и тот и другой были в числе писцов Танини. Но Бауку вырос при дворе; ребенком он прислуживал у стола фараона; его принимали как равного – тем более что он и был равен

по рождению самым знатным из придворных. Старше Нугри на два года – он носил уже одежду мужа, т.е. считался взрослым человеком. Нугри же был беден, незнатен и мал, слишком мал для своей должности. Он это чувствовал и гордо отстранял Бауку, делавшего попытки к сближению. Вот и теперь мальчики сидели рядом, но Бауку говорил один, как будто бы черная тень рядом с ним была на самом деле только лишь немая тень.

– Я хотел бы принять участие в битве, – вздыхал он. – Нам с тобой придется пересчитывать добычу и руки, но добычу, принесенную не нами, и руки не нами убитых. Ты, счастливый, уже замечен фараоном. Но если я вернусь с войны, не дотронувшись до оружия, – меня же засмеют товарищи. Чувствовать себя молодым, сильным, смелым и быть в бездействии, в безопасности, когда другие сражаются!..

Нугри не выдержал своего молчания.

– Ведь завтра битва: кто же помешает тебе рассмотреть врагов поближе?

– Мы должны быть здесь, около Танини, готовые приступить к своим обязанностям. Иначе палка прогуляется по нашим спинам, – отвечал Бауку.

– Кто боится палок, тот, вероятно, еще больше боится копий и стрел, – сказал Нугри, – это понятно, – И он засмеялся.

Бауку чувствовал себя обиженным и замолчал, обдумывая что-то.

Наконец он начал снова:

– Если боги не сразу станут на сторону египтян, то сражение дойдет и до нас; если же враги побегут при первом столкновении, то недурно было бы находиться где-нибудь поближе.

Нугри согласился с этим.

– В таком случае, как только завтра можно будет выйти за лагерь, мы побежим к ручью и по течению дойдем до нашего южного фланга. А там видно будет.

Часовой, который слышал их разговор и, по-видимому, сочувствовал им от всей своей воинственной души, посоветовал мальчикам уснуть, обещая разбудить завтра на рассвете. Мальчики легли тут же, рядом, как старые друзья.

Они проснулись от движения, начавшегося вокруг. Гонцы входили и выходили беспрестанно, все имели озабоченный вид. Особенная напряженность этой суеты заражала и волновала. Пройдя мимо стражи, мальчики увидели вражеский лагерь. Ярко блестели позолочен-

ные палки царских палаток под первыми косыми лучами солнца. Через несколько минут мелькание и беспорядок там заменились стройным движением. Это выезжали колесницы, по три человека на каждой: возничий, воин и телохранитель, между тем как в легких колесницах египтян помещалось только по два. Египтяне выехали навстречу несколько позже, но в стройном порядке. Два мальчика, Нугри и Бауку, спешили сбоку. Но они еще были далеко, когда воины обменялись первыми выстрелами из лука. Они видели, что египетские лошади шли ровной линией, голова к голове, между тем как у врагов некоторые колесницы вырвались вперед, другие отстали. Нугри приладил свой лук и прицелился. Стрела с тонким визгом полетела вперед, и возница крайней вражеской колесницы пустил вожжи, схватившись за бок, не прикрытый огромным щитом телохранителя. Он упал, а лошади свернули в сторону от начавшейся свалки, прямо на мальчиков. Тело, опутанное вожжами, било и толкало воина по ногам при каждом ухабе, и этому мальчики были обязаны своим спасением. Стрела прожужжала мимо головы Нугри, а его ответная стрела нашла себе место в горле воина, который упал на возничего, а затем на землю. Единственный, оставшийся живым в колеснице, повернул лошадей к своему лагерю, охраняя себя щитом от метких стрел Нугри. Он присел прямо на тело товарища, который, может быть, был еще жив, и пикой бил лошадей.

Итак, эта добыча была потеряна, но из свалки отделилась еще одна колесница, потерявшая всех своих хозяев, затем другая, управляемая воином. Эти были захвачены мальчиками. Но тут вся масса сражающихся дрогнула, подалась, и началось общее движение в сторону Мегиддо. Две золотые колесницы мелькнули в числе других в общем потоке, и лошади изумительной красоты и силы вынесли их вперед. Враги были охвачены паникой и мчались, не оборачиваясь, думая только о собственном спасении.

С другой стороны к Мегиддо бежали пешие, тоже побежденные, тоже обезумевшие.

Победа была полная, но она могла бы быть еще полней, если б не корыстолюбие египетских солдат, частью оставшихся грабить убитых, частью поспешивших в богатый вражеский лагерь.

Нугри мчался на захваченной колеснице по пятам убежавших. Издали видел он, как золоченые колесницы остановились у городских ворот. Если бы египтян было больше, всё осталось бы в их руках: и колесницы, и лошади, и царь Кадеша, и царь Мегиддо. Но небольшая

группа преследователей не могла пробиться вперед и видела, как поднимали на городские стены царей за одежды их. Ворота не отпирались из страха, но многие были втащены таким образом в город. Голые желтые ноги махали в воздухе, развевались пестрые длинные одежды. С криком бешенства Нугри пустил туда свою смертоносную стрелу, но это было слишком далеко.

По всей линии неприятель был разбит, и гонцы, прибывшие с самых далеких точек поля сражения, возвещали: «Победа, победа». Фараон ехал на своей медной боевой колеснице с окровавленными колесами и не слушал восклицаний, раздававшихся кругом: «О, сын Ра, победитель! Слава, слава всемогущему!» Конечно, вражеское войско было разбито, но цари спаслись, и крепость могла еще держаться. Фараон гневался.

Нугри сидел на земле и записывал добычу, которую приносили воины. Он очень беспокоился за Бауку, так как давно потерял его из виду. Ему представлялось, что между убитыми и ранеными, между конями и колесницами, бившимися как рыбы на суше, мог находиться и его новый друг. Но Бауку явился невредим, ведя за руку желтого ребенка, мальчика лет восьми в богатой одежде. Это был пленник, которого ему посчастливилось взять из разграбленного лагеря, – сын одного из взбунтовавшихся царей. Бауку очень гордился добычей и отвел ребенка к Танини, чтобы тот собственноручно записал его подвиг. Бауку чувствовал себя таким героем, что сам решил представить своего пленника фараону, хотя лицо фараона сегодня не говорило о снисходительности.

Тутмос, желая показать свое пренебрежение военачальникам, начал расспрашивать молодого писца: «Как он очутился на поле сражения? Как попал в лагерь?» – делая вид, будто это его более интересует, чем донесения гонцов.

Один Бауку не замечал грозы и болтал:

– И мне и Нугри удалось захватить по колеснице, но он помчался за убежавшими, а я повернул к лагерю, куда бежали уже многие из наших. В одном из шатров...

Тутмос вдруг прошел мимо говорившего, через несколько шагов повернулся и сказал:

– Ты получишь свою награду. Хотя поистине, не храбростью заслужил ты ее. Кроме того, тебя накажут палкой, так как ты оставил дело, которое назначил я, для другого, которое тебе не по плечу.

Воины приносили добычу, приводили пленных и лошадей в таком количестве, что писцы едва успевали записывать. До вечера Нугри просидел, не выпуская из рук тростникового пера. Изредка он поглядывал на стены Мегиддо, недоумевая – что же будет дальше. Но спешная работа отвлекала его от размышлений.

На другой день с утра Нугри продолжал работу, пока его не позвали к фараону. Не понимая, в чем дело, мальчик ужасно испугался. Это не был еще день наград, а если не награда, то что другое, кроме наказания, могло ожидать его? Бауку был высечен за нарушение обязанностей, но Бауку отчасти искупил свою вину, приведя важного пленника. Что же могло ожидать его, Нугри?

В царской палатке было много народу. Мальчик упал на живот и так пролежал, пока Тутмос слушал других. Наконец, повинувшись приказанию, он поднял голову. Фараон смотрел на него печально, ласково и внимательно.

Нугри чувствовал себя очень скверно: его рассматривали, как диковинку. Отвечая на вопросы, он рассказал, как провел день сражения, как кинулся за убежавшими.

– Почему же ты не пошел грабить лагерь? Ведь мои египтяне больше ценят добычу, чем свою честь? – спросил Тутмос, а придворные приняли самые подобострастные позы и опустили глаза.

Нугри не знал, как нужно отвечать на подобные вопросы, и промолчал. Тогда снова сказал фараон:

– Ты не подходишь к должности писца, и я назначаю тебя в число моих телохранителей. Один из них убит, и ты займешь его место.

Нугри снова упал лицом к земле, восхваляя фараона. Если б всё это происходило в обычное время, в зале царских приемов, в столице, он пропел бы длинный благодарственный гимн, но на войне всё упрощается. Движением руки Тутмос отпустил его, и Нугри вышел почти пьяный от радости. Счастливый Нугри!

Каждый день к фараону приводили людей, желающих отдать себя на его гнев и милость. Это были жители Мегиддо, которые спасались от начавшегося голода.

Через несколько дней крепость сдалась. Испуганные, униженные, льстивые цари ползали у ног фараона, обещая впредь всякую покорность и умоляя оставить им жизнь – «дать дыхание ноздрям их». Они принесли золото, серебро, синие и зеленые драгоценные камни, пшеницу, вино в мехах, плоды для воинов царя – и были прощены. Их дети

пошли в Египет заложниками, чтобы там расти и воспитываться под наблюдением жрецов, а фараон с войском отправился дальше к Ливану, беря один за другим вражеские города.

Нугри старался выказать перед фараоном всю храбрость, на какую был способен, и лез в самые опасные места. Кончилось тем, что он получил серьезнейшую рану. Тутмос заложил крепость в южном Ливане, которая называлась «Минхоперра – победитель врагов», – там и остался больной Нугри. В бреду он воображал себя на войне и шум рабочих на постройках принимал за шум битвы. Ночью же, пугаясь тишины, он кричал, как воины у палатки фараона: «Стерегите, стерегите, мужайтесь, мужайтесь»,

Но смерть все-таки не пришла за Нугри, и он начал медленно поправляться. Сначала его радовала возможность тихо сидеть, не шевелясь, и смотреть на огромные кедровые леса, вдыхать смолистый аромат и греться на солнце. Потом, по мере того, как силы возвращались, бездействие стало тягостным, а тоска по Египту – невыносимой.

И вот через три месяца, выросший и похудевший, он ехал в Газу. У него была собственная колесница, пара хороших лошадей и раб. Кроме того, на шее у него висел золотой лев, данный ему за храбрость. Теперь Нугри чувствовал себя взрослым. Но даже и взрослому могло быть жутко в этом одиноком пути. От города к городу он проезжал по незнакомым местам с опасностью заблудиться, свалиться в пропасть, подвергнуться нападению разбойников и диких зверей. Если в каком-нибудь городе не хотели чинить его колесницу, он брался за нож, и грубость сменялась раболепным послушанием – такое лицо было у этого юноши.

Однажды, заснувши на скалах, он проснулся ограбленным: не было ни коней, ни колесницы. Исчез и его раб, захватив с собою провизию и багаж. У Нугри осталось только то, что было на нем. Дойдя пешком до ближайшего города, он встретил там беглеца в украденной колеснице и хотел остановить его. Но собралась толпа, которая была недружески настроена к одинокому египтянину, без слуг и почти без вооружения. Нугри схватили и привели к наместнику этого города. Они долго объяснялись, плохо понимая друг друга, и наконец Нугри был отпущен. Наместник не посмел задержать слугу фараона, но и не вернул ему вещей. Нугри пришел в бешенство. Самое благоразумное было бы, конечно, удалиться сейчас же, уйти как можно скорей, потому что население было возбуждено против Египта и всегда готово выместить свою ненависть на ком-нибудь. Страх возмездия удерживал их от слиш-

ком резких действий на виду, но в закоулках Нугри грозила большая опасность, и он понимал это. Однако гнев был сильнее благоразумия.

Не уходя далеко от города, он переждал несколько дней и вернулся туда в праздник, переодетый в местную одежду. На шее Нугри не было уже золотого льва храбрости. Продав драгоценность, он купил колесницу и лошадей и поставил их в укромное местечко за городскими стенами. В поисках за убежавшим рабом, переходя от одной группы пьющих к другой, он дошел до храма. Было уже поздно. Пьяные лежали под ногами, как трупы на поле сражения, а те, которые еще держались на ногах, бессвязными речами и смехом походили на сумасшедших. Нугри заметил никем не охраняемую дверь и вошел туда. Во дворе не было никого, а в святилище старый толстый жрец храпел в глубоком сне. Священный запах ладана и других знакомых благовоний привел мальчика в трепет. Поворачиваясь, чтобы уйти, он вдруг подумал, что лишить город его бога — это было б самой страшной мезтью. Поддаваясь то страху, то гневу, он медленно приблизился к идолу и взял его на руки, призывая на помощь Амона, Озириса, Изиду и всех богов египетских. Грубо сделанная статуя была тяжела, разукрашена драгоценностями и намазана душистыми маслами. Нугри нес ее, закутав полوى одежды, чтобы встречные думали, что он несет упившегося на празднике. Выйдя из города, он нашел свою колесницу и лошадей и продолжал прерванный путь при свете полной луны. Идол был у него в ногах. Сначала было страшно; но через несколько дней мальчик привык садиться на этот изукрашенный обрубок дерева и не ощущал никакого трепета даже ночью. Ясно, что ничего не мог сделать этот чужестранный бог — раз он терпел подобное обращение.

В Газе Нугри встретил египетского чиновника, который приехал за данью. Юноша остался с ним, чтоб вместе ехать в Фивы морским путем. Никогда он не испытывал такой тоски, как в этом пути. Дни, часы, минуты казались бесконечными. Он следил за побережьем, а ночью, когда корабль останавливался в каком-нибудь бухте, смотрел в море. Наконец горы сменились плоским болотистым берегом, и судно въехало в зеленую дельту Нила.

С огромной радостью Нугри узнавал милый ландшафт, привычный тип построек, лица, говор.

Он так радовался, так искал знакомого, милого, старого, что не обратил должного внимания на мемфисские пирамиды и на полузаснесенного песками гигантского сфинкса. Душой он был уже в Фивах.

И вот наконец, он прибежал к дому Аменемхиба. Там сначала не узнали мальчика Нугри в юноше Нугри. Но после первых же слов его встретила такая искренняя радость всех домашних, что он почувствовал себя еще более растроганным. Сатати смотрела на него, но не смела подойти и взять его за руку, как делала это раньше. Теперь она уже считалась взрослой девушкой и должна была думать о том, что прилично и что неприлично. Их взгляды встречались – любопытные, нежные и вопросительные. Ведь так много времени они не виделись!

Нугри ушел к Танини, а затем во дворец, чтоб представиться фараону. И везде его встречала радость. Тутмос не назначил ему дня аудиенции, как это было принято, а позвал к себе и расспросил оключениях. Рассказав всё, Нугри положил к его ногам идола, отягощенного драгоценностями, и фараон собственноручно снял с деревянной шеи золотое ожерелье, украшенное огромным изумрудом, и повесил на шею юноши. Нугри снова сделался телохранителем фараона. Кроме того, ему был подарен кусок земли и рабы для ее обработки.

Бауку рассказал ему о торжествах, данных в честь победоносного фараона, а также о своем собственном торжестве – так как он женился.

В его доме Нугри встречался с Сатати, которая была подругой жены Бауку. Однажды, оставшись наедине, Нугри сказал ей:

– Я служу в страже фараона и в свободное время помогаю Танини. Через два года я буду вполне обеспеченным человеком. Хочешь ты ждать это время и сделаться потом моей женой?

Сатати ответила просто:

– Я хочу быть твоей женой, потому что мы знаем друг с друга с детства, и вместе нам будет хорошо.

И им было очень хорошо. Глубокая привязанность, связывавшая их, не страдала нисколько от частых отлучек Нугри. Он возвращался из походов в такой степени украшенный золотыми «львами храбрости» и ожерельями, что Сатати начала считать время по полученным им знакам отличия:

«Это было в тот год, когда ты получил двух золотых львов, двух пленных и четыре лошади...» «Это случилось в тот год, когда ты получил трех золотых львов и восемь ожерелий...» «Это произошло в тот год, когда ты получил пять рабов и дачу на берегу Нила...»

Дети видели его в звании военачальника, а внуки в звании «друга царя». Он заслужил даже позволение не снимать сандалии в присутствии фараона, а это уж высшая милость, которую только может оказать сын Ра простому смертному.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕГИПТЯНИНА

РАССКАЗ ИЗ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Этого никто не знал. Даже сам Синухет не мог объяснить точно причин своего бегства.

Фараон отправил на запад большую армию под начальством своего старшего сына. Война – это такое дело, про которое никогда нельзя сказать, чем оно кончится для каждого отдельного человека. У Синухета были крепкие мышцы, широкие плечи, длинные ноги, и поэтому он рассчитывал благополучно вернуться к исполнению своих обязанностей в царском «доме женщин», где занимал маленькую должность до войны. Он не был трусом. Но жизнь во дворце, где из маленьких причин часто получаются большие последствия, воспитывает в людях излишнюю осторожность. Синухет не имел длинного ряда предков: он был «сын никого», и при какой-нибудь несчастной случайности за него никто бы не заступился. Синухет мог рассчитывать только на себя. А так как он видел не раз, как после дворцовых заговоров слетали самые знатные головы, то очень боялся за свою. Царствование старого фараона, Аменемхета I, не было спокойным. Фараон добыл себе двойной венец Верхнего и Нижнего Египта вооруженной рукой. Но добыть это еще не всё – надо еще сохранить добытое. И вот он умирлял возмущившиеся города и жестоко карал заговоры, пока, наконец, страна не успокоилась под его мудрым владычеством. Теперь постаревший и усталый от жизни фараон сидел в своем дворце, окруженный «друзьями». Здесь находились «единственные друзья», «друзья царского дома женщин», «позолоченные друзья», «юные друзья» – всё это были очень важные люди. Фараон умно и спокойно вел государственное хозяйство, а также строил себе кирпичную пирамиду. Что пирамида была кирпичная, это указывает на дух века, гуманного и человеколюбивого, так как на постройках огромных каменных пирамид гибли тысячи рабочих.

Наследный же принц, Сенусерт, соединял в себе все таланты воина и полководца, так что значение Египта увеличивалось и в глазах соседних племен и народов. Синухет пошел на войну в свите принца и скоро сделался приближенным и доверенным лицом. Оба они были молоды, сильны и храбры, так что тут нет ничего удивительного. И

принц и его свита делали огромные переходы по жаре пешком так же, как и его солдаты.

В западной части дельты Нила произошло первое сражение, и принц взял в плен много светлокожих ливийцев. Но этим он не хотел ограничиться и шел вперед. Пленные быки и коровы вопили, подгоняемые солдатами, это создавало в армии веселое настроение и уверенность в победах.

Однажды ночью, когда потухали костры и была установлена стража, в лагерь пришли с юга усталые, запыленные люди. Всего на несколько секунд раньше их Синухет вошел в палатку принца и, услышав голоса, стал в сторону. За суетой его не заметили, да и было почти темно. Первые же слова разговора заставили беднягу остолбенеть и затаить дыхание. Он не смел уйти, боясь привлечь к себе внимание, и не смел слушать того, что говорилось, того, что было сейчас еще государственной тайной. Старый фараон умер! Это предвещало волнение и мятежи в стране, заговоры во дворце, войны по границам и внутри государства.

Вот что говорили посланные:

– Бог (т.е. старый царь) зашел за свой горизонт, взошел на небо, соединился с Ра... Дворец в молчании, сердца в трауре. Двойная великая дверь храма запечатана... Придворные сидят на корточках... Народ жалуется...

Друзья царского дома женщин послали гонцов, чтоб торопить Селусерта вернуться, пока его братья не знают печальной новости. Замедление может привести к междоусобной войне. Члены свергнутой династии тоже не забыли еще былого величия и ждут подходящего момента, чтобы начать борьбу.

Одна лампа едва-едва освещала середину палатки, но Синухет хорошо видел почтительные силуэты гонцов перед новым царем, их округленные спины и опущенные, немного согнутые в локтях руки. Страх всё более сжимал его сердце; оно почти не билось, когда Селусерт заметил постороннюю фигуру. Возбуждение принца нашло себе исход в гневе.

– Подсматривать за своим повелителем? Подслушивать то, что не должно быть услышано! Это достойно смерти. Вон отсюда!

Синухет вылетел из шатра, а принц тотчас же забыл об этом, так как у него было слишком много такого, о чем надо подумать.

Синухет бежал из лагеря. Сердце его раскололось, руки упали, страх перед царем охватил все члены, и он бежал, бежал, бежал... Впро-

чем, он не мог убежать далеко, так как кусты переграждали ему дорогу; он путался в зарослях, а темнота еще увеличивала страх и растерянность. Он сел и стал слушать. Со стороны лагеря неслись необычные шумы, и на рассвете ему показалось, будто большая толпа людей движется к югу. Скользя между кустами, он приблизился к ним и увидел принца, окруженного отрядом воинов. Он немного проводил их, невидимый и недосягаемый, а потом остановился отдохнуть. Принц прошел, но придворные и вся армия еще должны пройти. А умирать всё равно придется одинаковым способом, кто б ни поймал беглеца, сам принц или слуги принца.

Заря напоминала своим цветом золото и кровь, всё казалось зловещим человеку, который не спал ночь и был напуган. Синухет бежал в пустыню. Он шел на юг, потому что не знал, зачем идти на север. Перейдя через веселые плодородные места дельты, он вышел на пограничную линию между обработанной землей и песками. Днем он боялся людей, ночью хищных зверей. В каналах лежали крокодилы, когда он подходил туда, жаждущий. Ветер дул с запада из пустыни и обжигал горячим, пыльным дыханием. Крестьяне смотрели на Синухета подозрительно и были скупы. Только молодые женщины жалели беглеца. Он разговаривал с ними витиеватым придворным языком, который был в моде. Правда, они плохо понимали красоту слога, но все-таки чувствовали себя растроганными и давали ему хлебные лепешки, твердые, как кожа крокодила, где камешков и золы было больше, чем муки.

Синухет миновал города, расположенные на берегу Нила, и остановился только против Мемфиса. Чудовищные пирамиды, целый город пирамид, больших и маленьких, лежал на песчаном поле, а за ними древний, священный Мемфис. Синухет сел на камень. Дальше идти на юг не имело смысла: там могли поймать его возле большого оаза, куда ушел принц. Возвращаться на север старой дорогой тоже было довольно нелепо. Ни вперед, ни назад — оставалось только переплыть Нил и идти по правому берегу.

Прекрасная родина, величественный Мемфис! Синухет не смеет войти в твои стены, изгнанник не смеет обнять своих родных!

Разве это недостаточная причина для слез? Разве мы не плачем часто по меньшим причинам? Синухет еле передвигал ноги и прислушивался к милым знакомым городским шумам, как будто рассчитывал различить в гуле голоса родных и близких. Из дома бальзамирования неслись звуки гимнов, бормотание и стук. Каждый день было так

в течение тысячелетий. И всё не видно конца, а смерть всё не устает готовить новую и новую работу. Нехорошо становится на душе у человека, когда ветер донесет до него эти звуки и запахи погребальных благовоний. Это скверный признак для человека, который гадал о своей судьбе.

Синухет побежал к Нилу, оставляя город в стороне. Издали увидев дворец, он не послал благословений на его белые стены. Встречный человек назвал его по имени. Беглец вздрогнул и кинулся на врага. После короткой борьбы он повалил несчастного на землю, а затем выпустил его и побежал к реке. Он вел себя как безумный. Этот встречный человек был торговец, у которого он когда-то забирал товары, – самое невинное и безобидное существо в мире.

Лодка, стоявшая на берегу, была без весел, но западный ветер медленно понес Синухета туда, куда ему было нужно. Теперь он благословлял этот ветер: горячий, пыльный, утомительный. Он погружал в воду руки до самого плеча, поливал себе голову и пил, пил, как слон. Это успокаивало лучше всяких лекарств и заклинаний. Лодка уткнулась в берег ниже рощи, которая носила название «место срывания зелени» и наполнялась в праздничные дни толпой нарядных горожан. Женщины обмахивались ветками, как веерами, и рвали цветы. Целые семьи располагались в тени с едой и вином, с детьми и слугами. Но теперь ни один человек не пользовался отдыхом в этом прекрасном месте: город еще был в трауре по причине смерти старого фараона. Синухет радовался уединению. Он лег в узорчатой тени акации и уставил взгляд в одну точку. Всё было как обыкновенно. Тихий, величественный Нил, отдаленный шум города, знакомая роща с потускневшей от пыли зеленью, – а ему все-таки надо было бежать.

Можно было подумать, что боги преследуют какую-то свою цель, толкая вперед Синухета: сердце его было исполнено страха, и он бежал, хотя никто не гнался за ним. И чем больше времени проходило, чем дальше отходил он, тем страшней казалась ему мысль быть пойманным. После стольких скитаний кто поверит теперь в его невинность? Одежда Синухета состояла из куска полотна, обертывавшего его от пояса до колен; понемногу эта повязка превращалась в лохмотья.

Он почти дошел до великого зеленого моря и повернул на восток, желая выйти в пустыню и присоединиться к какому-нибудь кочевому племени арабов. Длинная стена охраняла здесь Египет от вторжения кочевников, и мимо этой сторожевой стены лежал путь. Каждый день

сменялась на башне зоркая стража. Похудевший, истощенный Синухет полз между жидкими кустами, приближаясь к опасному месту. Ночью он оставил за собой сторожевую башню. Египет был позади. Шакалы оплакивали кого-то в темноте тонкими голосами. Одновременно обрадованный и удрученный своим одиночеством человек прислушивался к зловещим шорохам пустыни. Пожалуй, он был несравненно более удручен, чем обрадован. Утром Синухет увидел, как далеко темнела тонкой ниточкой сторожевая стена, и ни одного живого существа не было на всем широком пространстве между ним и ею. Ключья высохшей травы сменялись полями песка, кое-где поднимались пологие холмы. В знойном дрожащем воздухе камни принимали огромные размеры и резали глаз слишком определенными очертаниями. Какое это было нерадостное зрелище!

Запас фиников исчезал быстро, а еще быстрее оказался пустым сосуд, где хранилась вода. Когда в пустыне иссякает вода, то путник начинает думать о смерти. Огромное озеро, синее, неподвижное, как камень, привлекало Синухета, и он дошел до него. Если б бедняга раньше бывал в этих местах, он не тешился бы напрасными надеждами, глядя на источники, вокруг которых не было зеленого венка деревьев. Положим, он знал, что где-то в этих местах находятся соленые озера, из которых нельзя напиться, но гнал от себя ужасную догадку. И вот, зачерпнув горстью прозрачную воду, он поднес руку ко рту. Серое лицо исказилось гримасой и слезы показались на глазах. Синухет упал на песок во всю длину своего большого тела и сказал себе вслух: «Это вкус смерти». Так лежал он часы — отчаявшийся, неподвижный, полумертвый. Иногда прилив энергии, переходящий в бешенство, поднимал его на минуту, но, отбежав несколько шагов, он снова падал и лежал в оцепенении от усталости и жажды. На несколько часов сон прервал пытку, которая после снова началась, — еще более жестокая и мучительная. Далеко на горизонте прошел караван: люди и стада направлялись на запад, чтоб просить гостеприимства у Египта, чтоб вдоволь напиться вкусной нильской воды.

Ночью Синухет слышал рычание льва, но он и сам был готов рычать, как лев. Ночная прохлада несколько освежила его. Когда это рычание послышалось ближе, он поспешил прочитать заклинание от опасности. Своими черными спекшимися губами человек прошептал заклинание против львов, чтоб через день или два в страшных мучениях умереть от жажды. Такова сила, привязывающая нас к жизни. О, ка-

ким прекрасным казалось Синухету его прошлое! Даже в звуках имени, данного ему родителями, слышался шелест зеленых веток, потому что «Синухет» значит «сын смоковницы». Жить на берегу Нила, пить из него, погружать свое тело в его воды, гулять в тени сада, кататься в маленькой лодочке по тихим каналам, устраивать пирушки с товарищами, ловить птиц в тростниковых зарослях – что может быть прекраснее на этом свете и на том? Сначала Синухет вспоминал и плакал. К концу другого дня он перестал плакать и перестал вспоминать. Блеянье стад и человеческие голоса вывели его из оцепенения. Он едва мог приподняться и встать на колени. Начальник маленького племени бедуинов взглянул в лицо умирающему и остановился, припоминая: незначительная случайная встреча в лагере, где Синухет оказал какую-то услугу иностранцу, теперь спасала ему жизнь. Ослабевшего подняли, напоили солоноватой водой из большого сосуда, дали ему молока и взяли с собой.

Так начались странствования Синухета. Он перешел в другое племя и еще в другое. Он был в горах Синая, где бедуины жили в пещерах, как лисы в норе. Он был на севере в горах, покрытых лесом, и в прекрасных плодородных долинах. Он доходил до великого зеленого моря и возвращался в пустыню. Страна передавала его стране. В одном месте он жил день, в другом год. В стране Кедм он прожил полтора года, и оттуда пригласил его к себе князь верхней Сирии, Аммиенши. Аммиенши жил в шатре, но это не мешало ему быть владыкой страны, прекрасной и плодородной, которая восхитила Синухета.

После необходимых приветствий князь сказал ласково:

– Тебе будет хорошо у меня, потому что ты знаешь египетский язык.

Аммиенши слышал о Синухете много хорошего: о его уме, красноречии, быстроте ног, меткости глаза. Почему такой человек бежал из Египта? Любопытство мучило князя, и он спросил:

– Какая причина, что ты пришел сюда? Что там было?

Он думал, что стоявший перед ним был замешан в заговоре на жизнь царя. Синухет понял и ответил на это:

– Не было никого, кто б меня обвинял, я не выслушал никакого преступного плана, докладчик не произносил имени моего перед царем, но душа моя спряталась; ее не было уже в груди, она увлекла меня на путь бегства. Я не знаю, как я прибыл сюда: это божье намерение.

– Так что же будет с египетской землей без этого бога, которого так боялись враги? Что будет с Египтом, когда царь умер?

Синухет ответил длинной и горячей речью.

– Теперь нас спасает его сын. Войдя во дворец, он принял наследство своего отца: он бог, который, конечно, не имеет равного. Никого нет перед ним. Он – господин мудрости, осторожный в своих намерениях. Это он, который подчинил иностранные области в то время, как его отец оставался внутри своего дворца, решая то, что должно совершиться. Это он тот, который делает слабыми руки неприятеля, и враги его более не могут подымать свои щиты. Он – каратель, он разбивает лбы. Он быстрый бегун. Он имеет твердое сердце в момент удара. Он возлюбленный, он очаровательный, и страна любит его больше, чем себя. Он берет земли юга, и не пожелает ли он земель севера? Но он делает добро стране, которая ему подчинена.

Синухет говорил тем более пылко, что среди окружающих Аммиенши находилось несколько египтян. Правда, была прелесть и в этой скитальческой жизни, в звездном небе над пустыней, в оазисах, полных жизни, в море, в горах, но все-таки сердце египтянина никогда не перестанет плакать о родине, потому что нет на земле места прекрасней Египта. А ведь только от фараона зависело – вернется ли туда изгнанник или нет? Князю Аммиенши очень понравились пылкие верноподданнические чувства, выраженные так красиво, и он повторил:

– Я буду делать тебе добро, покамест ты здесь.

Потом сказал еще:

– Конечно, Египет счастлив, потому что он знает силу своего государя.

Синухету никогда и не снилось подобное! За ним ухаживали, его слушались, его ценили очень высоко, и всё это в такой прекрасной стране, которая была только немногим хуже Египта, а местным жителям даже казалась лучше.

Однажды, после удачной охоты, Аммиенши подумал, что этого человека непременно надо удержать в племени. Кто другой мог так хитро задумать и так удачно выполнить план внезапного нападения на хищников пустыни, кочевников-бедуинов? Ум и храбрость – это стоит многих стад. Синухет скоро сделался мужем старшей дочери князя. Девушка была красивая. Впрочем, ничего не изменилось бы, если б она была и безобразная. Для изгнанника, беглеца, бедняка эта партия была слишком блестящей, чтоб разбираться в подробностях. Но, получив кроме всего жену, красивую и стройную, он поблагодарил богов. Он быстро к ней привязался и перестал сравнивать ее с изящными

египетскими дамами, которые жили в царском доме женщин. Их волосы, тяжелые от благовонных масел, были убраны в сложную прическу, но так могла бы сделать и его жена. Если она не делала так, то только потому, что делала иначе, но вовсе не хуже. Она тоже употребляла благовония, украшалась цветами, носила драгоценности. И, кроме этого, она была его жена и поэтому уже лучше других женщин.

По выбору Синухета Аммиенши дал ему землю, в которой росли фиги и виноград, ячмень и пшеница, по пастбищам бродили стада, и вина было больше, чем воды. Все сорта фруктовых деревьев хорошо произрастали здесь. Много было меда и много было масла. Правда, этот зеленый рай, веселый и плодородный, лежал на границе владений Аммиенши, и первый должен был выдерживать натиск хищников пустыни, прикрывая собой внутренние земли. Но Синухет вовсе не боялся, горел желанием поскорей показать племени, на что он способен.

Дети князя, приходя в гости к сестре, относились к египтянину как к равному и старшему. Ни в чем не знал недостатка Синухет: хлеб у него был как обыкновенное кушанье, и вино каждый день, а также вареное мясо, птица на жаркое, дичь этой страны, которую ему дарили сверх того, что приносили его охотничьи собаки. Ему делали пироги и варили молоко разными способами.

Боги благословили его союз с этой женщиной, дочерью Аммиенши, и за несколько лет у них родилось несколько сыновей. Всякий египтянин – прекрасный семьянин, нежный муж и любящий отец. Синухет с удовольствием замечал, как быстро росли дети. Но совершенно незаметно для себя сам перешел в зрелый, солидный возраст. Он жил так же, как другие князья маленьких племен, так же ел, так же спал в шатре, но в душе все-таки оставался египтянином. Природная мягкость характера помогала ему помнить то, что он привык считать хорошим на родине:

«Если ты правитель, не отталкивай просителя. Если ты возвысился из ничтожества или разбогател после бедности – не превозносись и не насильничай, полагаясь на свои сокровища: ведь твоим имуществом распоряжаются боги».

Это поучение было написано как будто нарочно для данного случая, так подходило к положению Синухета, а между тем он еще ребенком переписывал его несколько раз, учась грамоте.

Впрочем, изгнанник не был лишен общения с Египтом. К его гостеприимству прибегали послы, идущие оттуда в Ассирию или Вавилон. Каждому было приятно отдохнуть от трудностей пути под густой

зеленым деревьям, запивая роскошный обед хорошим вином, разговаривая с любезным хозяином. Здесь жили по нескольку дней и, возвращаясь к фараону, хвалили ум и гостеприимство Синухета:

– Он поит жаждущего, выводит на дорогу сбившегося с пути, защищает ограбленного.

И при дворе рос интерес к этому человеку, и неудовольствие заменялось симпатией.

С другой стороны, и земля Иоа оценила своего господина. К врагам Синухет не был добр и мягок. Когда воинственный дух овладевал народом, Аммиенши ставил Синухета во главе всех своих воинов. Куда Синухет устремлялся, там дрожали на пастбищах и на краю колодцев. Страна оставалась разоренной: он брал животных, уводил подданных, похищал рабов, убивал воинов. Своим мечом, своим луком, своими хорошо задуманными планами он приобрел любовь Аммиенши и стал над его детьми.

Однажды обычное течение жизни было нарушено случаем, взволновавшим всё племя. Синухет сидел в своем шатре, когда к нему вошел какой-то незнакомый человек. Действительно, Синухет никогда не видел его, но сразу узнал: это был великан из соседней земли Тону, герой, не имевший себе равного, перед которым все дрожали. Дав осмотреть хорошо свои голые плечи и руки, где переливались огромные мускулы, силач пояснил смысл своего грубого вторжения: он желает бороться с Синухетом и в случае победы возьмет его стада.

Волнение охватило всех, все рты кричали, все глаза блестели. Женщины плакали, рабы побросали работу, и никто не бил их. В шатре Синухета сидел Аммиенши и обсуждал происшествие.

– Этого надо было ожидать. Ничего нет удивительного, если силач уведет их стада, так как страна Тону давно подстрекает его к этому поединку. Разве нельзя было как-нибудь избежать этого?

Старик поглупел от страха. Когда великан из Тону убьет египтянина, то никто не может помешать ему убить самого Аммиенши и его детей, взять имущество и власть над племенем – разве не так стал он над страной Тону?

Синухет чувствовал себя возбужденным. Но разве он виноват в случившемся?

– Я не знаю его. Я никогда не открывал дверь в его шатер и не перелезал через его ограду. Он желает ограбить меня. Может быть, это просто хвастун, любящий чужое добро? Пусть соберут собрание, чтоб

рассудить нас. Если у него есть сердце, чтоб сражаться, пускай громко выскажет намерение своего сердца.

Всё зависит от богов: боги знают всё, что должно случиться. Синухет успокоился быстрее всех, по крайней мере, судя по внешности.

Всю ночь он провел, чистя свое оружие, связывая лук, очищая стрелы, остря кинжал. Мало кто спал из его семьи. Сыновья его показывали зубы, как волки, и не могли от злости сидеть спокойно на месте.

На заре прибежала вся земля Тону. Люди ее были давно на ногах. Пришли также многие из других земель. Силач ходил так, чтоб все его видели, и посматривал гордо по сторонам. Синухет казался перед ним почти маленьким, но зато за него горели все сердца. Женщины кричали, мужчины говорили между собой, боясь за египтянина:

– Есть ли другой силач, который может справиться с этим?

И вот великан взял свой щит, свой топор, свою охапку стрел. Широкое место очистили для поединка. Далеко стоял Аммиенши, хотя он и находился в первом ряду зрителей, далеко друг от друга стояли противники. Синухет, легко вооруженный, не поднимал своего оружия. Он зорко смотрел на врага и ловко избегал стрел, который падали близко то здесь, то там, не нанося никакого вреда. Скоро ни одной стрелы не осталось у силача, зато земля сзади Синухета была украшена ими, и ни одна не лежала рядом с другой. Герой из Тону был слишком тяжеловесен, чтоб быть ловким: он решил переменить оружие и бросился вперед всем своим грузным туловищем, держа в руке топор. Но так как расстояние между врагами было значительное, то Синухет успел взять лук и наладить стрелу. Стрела запела и на четверть вошла в шею великана, который вскрикнул и упал на нос. Синухет покончил с ним его собственным топором. На спине убитого победитель испустил свой крик победы, и все окружающие кричали от радости. Аммиенши первый заключил Синухета в объятия. Даже внуки не могли перегнать старика, так окрылил его восторг. В то время как близкие плакали над мертвецом, египтянин торжественно принес благодарность Монту, фиванскому богу войны.

Синухет взял всё имущество побежденного, взял его стада. То, что хотели сделать с ним, то сделал он со своими врагами. Казна его округлилась, число животных увеличилось. Боги показали себя милостивыми к тому, кто на них опирается.

Кто в стране мог равняться с Синухетом? Сыновья его выросли и сделались героями. Каждый стоял во главе племени, а над всеми Си-

нухет. Но он приближался к тому возрасту, когда человек предпочитает раздумье делам и хорошую беседу – хорошей еде. Не то чтоб сила рук оставила его. Он еще мог потягаться с молодыми людьми своего племени. Не то чтоб все наслаждения жизни для него потускнели. Наоборот, он думал о себе с удовольствием и гордостью, он думал о своем положении так: «Всё это сотворили боги, чтоб помириться с тем, кого они покарали, кого они завели в чужую страну. Теперь их сердца насытились. В свое время я был беглецом, теперь слава моя во дворце. Некогда я ползал от голода, теперь я даю хлеб соседу. Некогда я бегал, не имея посыльного, теперь я богат слугами. Хорош мой дом, и обо мне думают при дворе».

Но сквозь чувство удовлетворения настоящим пробивалось какое-то беспокойство. Хорош его дом, богаты его кладовые, обширны его земли, зелены его поля, здоровы его стада, красивы его дочери, сильны его сыновья. Но сам он, но сам он – разве он тот, что был? Синухет чувствовал, как бежит время, а хотя бы человек и дожил до ста десяти лет, в конце концов он все-таки должен умереть. В этом-то и дело. Для египтянина нет ничего ужаснее, как умереть в чужой земле, быть похороненным по чужим обрядам, потому что такая смерть есть воистину смерть. На родине Синухета умерший как бы переходил только в иное бытие. Даже от земли он не был оторван. Искусно набальзамированное тело не подвергалось ужасному тлению и сохраняло свою форму. Освобожденные особыми заклинаниями душа и двойник могли испытать все ощущения, которые приятны для живого: есть, пить, купаться, кататься в лодке, охотиться – одним словом, всё им было доступно. Даже во мраке, холоде, даже в несчастье человек любит жизнь, – как же было не любить ее Синухету, которому она открыла свою сокровищницу? В его земле росли фруктовые деревья всех сортов. Ячмень и пшеница были в изобилии. Целые рощи финиковых пальм. Вина больше, чем воды, много масла и меда. И всё это он должен был оставить, умирая, потому что его тело истлеет, а душа будет пожрана чудовищами.

С каждым годом эти мысли всё более завладевали Синухетом. Теперь, когда какой-нибудь египтянин останавливался у него, беседа неизменно сводилась на ту же тему: о смерти, о том, как страшно умереть на чужбине, о том, как хотел бы беглец увидеть свою родину и господина. Он громко и горестно высказывал свои желания:

– Что может быть больше того, как быть погребенным там, где родился? Боги оказали мне милость; да продолжат они ее, да будет ко мне

милостив царь Египта. Пусть позовет он меня, пусть послужу я государыне, пусть исполняю поручения ее детей. Ах, пусть члены мои помолодеют, потому что приходит старость, слабость овладевает мной, мои оба глаза не помнят того, что видят, ноги мои отказываются служить, сердце мое останавливается. Кончина приближается ко мне: пусть отнесут меня в град вечный. Да послужу я царице, да побеседует она со мной о красоте своих детей и будет всегда мною довольна!

Только каменное сердце могло не растрогаться такими словами! И всё это доходило до двора фараона и там пускало ростки. Состарившаяся царица давно хотела увидеть слугу, которого помнила молодым в дни, когда она и сама была молода. Царские дети с любопытством думали об этом старике, жизнь которого прошла так необычно и интересно.

И вот однажды посол из Египта прибыл в страну Иоа. Он не ехал на север и не проездом остановился у Синухета, а явился к нему с подарками и письмом от фараона. Подарки были хорошие, какие дают князю чужой страны, письмо же гласило:

«Царский приказ слуге Синухету!

Горус, жизнь рождений, господин венцов севера и юга, жизнь рождений, царь Верхнего и Нижнего Египта, своему слуге.

Тот проект, который подсказало тебе твое сердце, пусть не колеблется твое сердце его исполнить, потому что царица просила за тебя: эта царица твое небо, она продолжает существовать, она процветает еще и сегодня, ее дети во дворце. Оставь богатства, которые тебе принадлежат и от изобилия которых ты жил. Возвращайся в Египет, чтоб вновь увидеть двор, при котором ты вырос, чтоб поцеловать землю у двух великих врат дворца и соединиться с приближенными. Ведь ты начал стареть и думать о дне погребения. Тебе приготовят торжественное шествие, твоя мумия будет в золоте, голова в ляпис-лазури, тебя положат под балдахин. Быки повлекут тебя, музыканты пойдут впереди, у дверей твоей гробницы будет исполнен танец карликов, и плакальщицы будут сидеть на корточках, для тебя возгласят жертвенное заклинание. Ты не умрешь на чужбине, тебя не похоронят азиаты, ты не будешь положен в баранью шкуру. Позаботься о своем теле и вернись».

Синухет находился среди своего племени, когда пришел к нему приказ. Он упал на живот, коснулся праха и посыпал им волосы. Он исполнил эту церемонию нюханья земли, как будто уже находился перед царем Египта – такова была его радость. Потом он долго причитал перед царским гонцом:

– Как могла быть сделана такая вещь слуге, который, мятежный сердцем, бежал в чужие страны – презренный. И, поистине, как это прекрасно и полно доброты – спасти меня от смерти!

Ответ на приказание, которое сделали слуге дворца Синухета:

«Твой дух открыл тебе про бегство и желание слуги твоего Синухета, хороший бог, господин двух Египтов, друг Ра. Пусть Амон фиванский, Совку, бог-крокодил, Ра, Горус, бог-покровитель иностранных земель, и другой Горус, и царская змея Урей, обертывающая твою голову, и богиня неба, и все боги дельты и островов зеленого моря – дают жизнь и силу твоим ноздрям, пусть они снабжают тебя от своих щедрот и дадут тебе время без пределов, вечность без меры, чтоб увеличивался страх, который ты внушаешь странам равнин и гор, чтоб ты укротил всё, освещаемое солнцем в его беге. Таково пожелание слуги, спасенного от смерти, своему господину. Ты знал всё еще в то время, как я боялся говорить. Великий бог, образ Ра, ты всё исследовал, потому что сила твоих рук простирается на все страны. Это бегство было ненамеренное, оно не исходило от моего сердца: я не знаю, что меня оторвало от места. Это было точно сон, как будто житель дельты увидел себя в Элефантине, житель полей – в пустыне. Мне нечего было бояться, за мной не гнались, я не слышал брани, мое имя не было на устах докладчика, – а мои члены тряслись, мои ноги стремились, мое сердце гнало меня. Бог, определивший это бегство, влек меня, ибо я не был смел. Боится человек, знающий гнев фараона. Верни меня в отечество, верни меня туда. Ты – одежда тех мест, ты зала, согревающая замерзших, солнце поднимается по твоей воле, тот, кто нравится тебе, пьет нильскую воду, прохладный ветер обдувает того, с кем ты говоришь. Пусть сделает со мной твое величество так, как тебе понравится».

Синухет назначил день праздника. Никогда еще не было в земле Иоа такого стечения народа. Все ели и пили на счет хозяина. И вот Синухет торжественно передал всё имущество – детей, стада, поля, пальмовые рощи – своему старшему сыну, который и стал во главе племени.

Снова и в последний раз пустыня чаровала Синухета своими миражами. Путь был начат в счастливый для всяких начинаний день и потому благополучно доведен до конца. Ни лев, ни змея, ни сколопендра не могли помешать тому, что должно было случиться, – и вот изгнанник увидел благословенную долину Нила. Только узкая лента земли лежала между голыми возвышенностями ливийской и аравийской пустынь, но она была поистине изумительна своим плодородием.

В первом египетском городе Синухета остановил начальник пограничной стражи и, не зная, как поступить с новоприбывшим, послал гонца к фараону за приказаниями. Несколько дней Синухет прожил, имея с одной стороны песчаные холмы, тянущиеся к горизонту, с другой – тихий канал, заросли папируса, пышные поля, широкое дыхание недалекого Нила. Это замедление на рубеже двух различных стран как бы вводило Синухета в новую жизнь. И всё казалось здесь прекрасным и радостным тому, кто только что сделал переход по пустыне: источник, обсаженный деревьями, которые разрослись в целую рощу; болтовня женщин, замедляющих в тени свои шаги, и веселые крики детей; скрип ведер на подъемных машинах, беспрерывно поднимающих воду в сады и огороды; эта мирная трудовая жизнь, не знающая случайностей: сегодня как вчера, завтра как сегодня; этот добродушный народ, веселый до того, что самая тяжелая работа не могла убить его веселости; этот милый пейзаж, бесконечно спокойный и радостный.

Через несколько дней прибыл посланец фараона, превосходный человек из свиты, и с ним несколько грузовых кораблей, полных подарками для бедуинов, сопровождавших Синухета по пустыне. Он привез также разрешение Синухету брать на счет фараона у местных торговцев всё, что может понадобиться, до тех пор пока они не прибудут в крепость Итауи («Владение обоими землями»), резиденцию фараона.

Матросы с любопытством смотрели на длинные волосы Синухета, но он не замечал общего внимания: сначала Нил, потом берега, храмы, города, поля, сады, гробницы – всё это всецело занимало его мысли. Слезы показались на глазах старика, когда корабль проходил мимо Мемфиса и гигантский раскрашенный сфинкс перед полем пирамид показал изгнаннику свое священное лицо.

В Итауи прибыли к вечеру. Когда на следующее утро земля просветлела, за Синухетом пришли четыре человека из дворца, чтоб отвести его к фараону. Старик ослабел от волнения. Он был уверен в прощении, и не страх мешал ему идти, но сердце колотилось так же быстро и неровно, как в ту минуту, когда он выбежал из шатра разгневанного принца, чтоб начать долгие скитания.

Подойдя к дворцу, он опустился и коснулся лбом порога. Царские дети стоя ожидали его в ложе первого зала, «друзья» встретили в другой зале, и все вместе отвели его к фараону. Фараон ожидал Синухета, сидя на высокой эстраде в Золотой зале. Не поднимая глаз на господина, старик упал на живот и почти потерял сознание. Это было необходимо по этикету, но помимо этикета он был как застигнутый тьмой:

дыханье останавливалось, сердце переставало биться. Его величество сказал одному из «друзей»:

– Подыми его, и пусть он говорит.

Синухет увидел босые ноги придворных, он не поднимал глаз и молчал. Его величество сказал еще:

– Вот ты пришел наконец. После того, как топтал землю чужих стран, после длинного путешествия, ты теперь состарился, твоё тело потерто, но не бедуины тебя похоронят, когда придет твоё кончина. Чего же ты молчишь? Говори!

Синухет отвечал голосом испуганного человека:

– Нет моей вины, это рука божия, это сделал страх, который был в моей груди. Вот я перед тобой; ты жизнь, ты сила, поступай со мной как хочешь.

Царь был вполне удовлетворен. В сущности он сам был очень рад такому исходу дела, так как Синухет мог быть очень полезным человеком для внешней политики. Царь весело сказал царице:

– Вот явился Синухет, он сделался настоящим азиатом, не меньше, чем те бедуины, у которых он жил.

Царица засмеялась очень громко, а за ней и царские дети. Один из них, младший брат фараона, заметил смеясь:

– Да это поистине не он, мой господин.

Его величество ответил:

– Поистине, это он.

Церемония царских приемов была сложной, как богослужение. Царские дети приближались и удалялись, снимали знаки отличий и вновь брали их, наконец они запели, отбивая такт звонкими систрами:

– Пусть твои две руки будут счастливы, о царь, пусть боги дают жизнь твоим ноздрям. Ра к тебе благосклонен, о господин двух Египтов, и одобряет тебя. Дай дыхание тому, кто был стеснен. Окажи нам милость, сделай то, что мы просим для этого князя бедуинов, рожденного в Египте. Если он бежал, то это из страха перед тобой. Если он удалился из родной страны – это от ужаса перед тобой. Не бледнеет ли лицо, которое видит тебя? Не пугаются ли глаза, которые созерцают тебя?

Царь отвечал милостиво:

– Пусть он больше не боится, пусть он больше не кричит от ужаса, он будет приближенным среди князей и придворных. Ступайте в придворную залу и научите его занять его место.

Ну, что же сказать еще об этом счастливце Синухете? Боги умеют награждать человека, когда захотят. Синухета отвели в богатый дом

с киосками для отдыха, с живописью, с мебелью из дворца, с материями и избранными благовониями в каждой комнате, с слугами, знающими свое дело. Его омыли, одели в тонкое египетское платье, надушили хорошими благовониями, обрили отращенные в знак печали на чужбине волосы. Он стал спать на постели, оставил песок его обитателям, деревянное масло – тем, кто им натирается.

Затем он получил и собственный дом, который приличествует иметь царскому другу. Три раза, четыре раза в день фараон посылал туда лакомства, а царские дети делали это еще чаще. И главное, самое важное, самое прекрасное – ему была построена небольшая пирамида среди других погребальных пирамид. Что такое все прочие милости перед этой? То же, что час перед вечностью. Новый дом перейдет к другому владельцу после смерти Синухета, деревья сада погибнут в свое время, истлеют нарядные материи, умрут рабы, позже, быть может, разрушится и город, падут стены, опустеют храмы, остынут жертвенники. Но крепко устроенная пирамида простоит вечность, храня мумию и двойник Синухета. Рисунки на стенах обеспечат ему безбедное существование: тут и поле с зрелой рожью, которую убирают жнецы, и виноград, выжимаемый над чанами, и мясник, убивающий быка, и уже готовый обед с многочисленными кушаньями в разнообразных чашках, и охота на зверей пустыни, и игра в шашки – хорошее развлечение для того, кто скучает, и катанье на озерах в легком челноке из вязанок папируса, и много чего другого, необходимого или приятного для человека, желающего жить вечно.

Расположением фараона Синухет пользовался исключительно для того, чтобы лучше устроить свое погребальное хозяйство. Главный царский землемер выбрал место для пирамиды. Главный живописец разрисовал ее. Главный скульптор украсил изображениями. Начальник всех погребальных работ выискивал лучшие предметы, необходимые для погребения. А сам Синухет отдал пирамиде землю, которой владел, чтоб из доходов ее жрецы приносили богатые жертвы во все праздничные дни. Конечно, двойник может жить и рисунками, но свежая пища и дым настоящих благовоний всё же приятней.

Наконец, статуя Синухета была сделана из золота, и это велел сделать фараон.

Так в милости господина своего прожил Синухет, наследственный князь, начальник бедуинов, друг царя, воистину любимый им до дня переселения в свое вечное жилище.

ХИТРЫЙ АЗИРУ

РАССКАЗ ИЗ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Жадность Азиру едва не погубила его самого и его семейство. Это был хитрый финикиянин, царского рода, умевший под египетским владычеством жить так, как хотел этого он сам, а не его повелитель фараон Аменхотеп IV.

Египет так далек, а фараон так снисходителен, что Азиру решил не исполнять и того малого что требовалось от него, не вступая, однако, во враждебные отношения с Аменхотепом. Для этого он писал письма царю и посылал подарки в его канцелярию.

Азиру имел много жен, много детей, много быков, много коров, много лошадей, много овец, много садов и много золота. Его город в северной Сирии процветал, его купцы торговали, его рабы умирали за работой. Одним словом, Азиру, по-видимому, был награждаем и своими богами и чужеземными, египетскими. Но царь соседнего города имел столько же, другой царь столько же, и все цари городов, поддерживающие дружеские или вассальные отношения с Египтом, имели хорошие поля и сады, и рабов, и скот, а также и князья страны, жившие в своих горных замках как маленькие цари.

Азиру убил одного из них и взял себе его имущество – это не задело никого: мало ли чего не бывает между соседями! Азиру убил другого: в его колесницу стали впрягать золотистых лошадей божественной красоты, составлявших гордость убитого. По лошадям должна быть и упряжь, а такой упряжи, как у третьего вельможи, не было ни у кого: бляхи и цепи вавилонской работы годились бы и царице при ее праздничном костюме. Когда упряжь была пригнана к лошадям – понадобилась колесница, после колесницы какие-то ткани, голубые, вышитые красными цветами и фигурами крылатых быков, потом блюдо тончайшей работы. А попутно и дворец Азиру наполнялся рабами и рабынями, и конюшни его лошадьми, и кладовые его золотом.

Когда вельмож в стране осталось мало, оставшиеся забеспокоились, но Азиру убил и их. Это было уже вроде маленькой войны. Царь соседнего города вмешался в нее и разделил участь вельмож: теперь у Азиру было два города. Он подождал, что из этого выйдет – ведь убитый был подданным Египта, и сам Аменхотеп III, отец фараона,

полил его голову священным маслом в знак утверждения на престоле отцов.

Ничего не случилось, – напрасно Азиру ждал. Тогда он убил второго царя – его город был так богат и красив. Третьему царю подали какое-то вкусное блюдо с медом и пряностями, поевши которого он и умер, а город опять-таки перешел Азиру, совершенно возгордившемуся. Далекий Египет, прост фараон, нерадивы его слуги!

Только легкое беспокойство проникнуло в сердце финикиянина, когда беглец из Библа сказал ему:

– Царь Библа Рабимур – не друг тебе. Большой донос отправлен им к фараону в Египет, и жалуется он на твое самоуправство в стране Амури.

Беглый из Библа остался при дворе Азиру в ожидании награды за известие. Наградить никогда не поздно, а если он соврал, то лучшей наградой будет медленная мучительная казнь. Азиру любил видеть головы своих врагов с выколотыми глазами, подвешенные к веткам в царском саду: это его радовало.

Далекий и мудрый фараон, завоевав Сирию, не мог держать в ней постоянного войска. Поэтому с одними из городов он заключил союз, оставив там прежних царей, другие – обложил какими-нибудь повинностями и посадил своих наместников. Обязанные своей властью только фараону, наместники и держались за фараона, если не из благодарности, так из расчета. Фараон издали судил их, мирил и наказывал, не давая никому слишком возвышаться, а по мере надобности и мудро ссорил между собой, когда родственные или торговые союзы очень усиливали ту или иную область. Так процветал край, когда Азиру получил неблагоприятное для себя известие.

Египетский чиновник Дуду сидел в лучшем городе страны. Нет сомнения, что этот важный и могущественный человек, присланный фараоном для надзора за краем, знал многое, а от него и многое зависело; Азиру думал, глядя на свои толстые пальцы, унизанные кольцами: «Ведь Дуду не простой пищик, его нельзя подкупить. Но ведь и он – человек, а кроме того египтянин, а все египтяне любят лести, и хорошиими словами с ними можно сделать больше, чем золотом».

Азиру написал послание Дуду, а на всякий случай и приложил хороший подарок. Такое заверение покорности и преданности смело мог прочесть и фараон: столько было в нем лестных для адресата сравнений, пожеланий и похвал. Что такое слово, написанное на папиру-

се или кирпиче? Это – талисман, который умный человек умеет обратить в свою пользу:

«Я – твой слуга, Азиру, я повергаю себя к стопам моего владыки. Я твой слуга, я прах ног твоих».

После таких слов, отправленных к Дуду, финикиянин успокоился. Он уболагодворял своих богов, ходил к своим женам, ласкал своего сына – наследника, умевшего хитро улыбааться большим ртом, и брат главной жены, Милькили, уже предлагал ему вырвать пальцы у беглеца из Библа, когда прибыл гонец с исписанным кирпичом, заткнутом за пояс. Это было формальное обвинение в убийстве трех царей и всех вельмож страны с целью присоединения их имущества к своей области.

Дело принимало нешуточный оборот, и Азиру смутился. Милькили ходил по пятам, поддерживая в нем тревогу: свояк сам провел три года в Египте, так что лучше других знал нравы при дворе фараона. Милькили боялся.

И вот главный писец опять вооружился кирпичом и палочкой, чтоб писать под диктовку самого Азиру.

Страна Амури была хорошая страна, плодородная и веселая: жители ее могли не жалеть ни вина, ни масла, потому что оливковые деревья образовывали здесь целые рощи, а виноград рос в изобилии. Прекрасный лес покрывал горные склоны, хвойные деревья наполняли воздух своими благовонными испарениями, что было очень здорово и приятно. Азиру переселился в горы: он решил, что горный воздух здоровей, чем воздух во дворце, над которым скопляются тучи фараонова гнева. В самом недоступном из горных замков, которых было немало разбросано по стране, поселился Азиру, готовый каждый день покинуть и это убежище и по опасным тропинкам зайти в такую глушь, где его не найдет карающая рука. Стены замка имели неровные очертания, отражающие неровности почвы. Они не были похожи на правильные четырехугольники египетских крепостей и казались каким-то фантастическим зверем, присевшим на скалу.

Азиру забирался в комнату, расположенную в самой толще стены, и смотрел оттуда на открывающийся горный пейзаж: всё это принадлежит ему, вся эта красота глубокого неба, темных лесов, живописных скал – принадлежат ему. Эти виноградники внизу, эта далекая деревушка, эти сильные солдаты с хорошим оружием – всё это принадле-

жит ему и многое, многое другое. Он царь, он могучий, так пели ему духи гордости, обитающие на высотах. Азиру развлекался охотой и чувствовал себя очень недурно: далек фараон, а важный Дуду расположен к нему и принимает подарки. По-видимому, боги гор и долин, дубов и кедров, ручьев и камней, боги свои и чужие, получающие масло, вино и мясо – бодрствуют над финикиянином. Азиру чувствовал себя всё более и более недоступным и страшным.

Напрасное тщеславие.

Прибывший гонец принес письмо не от Дуду, а передавшее ответ самого фараона: тон сухой и решительный, слова горькие, как морская трава:

«Именем царя, твоего владыки, управителю страны Амури. Если ты хочешь продолжать действовать таким образом, если мятеж в сердце твоём – ты умрешь вместе с твоим семейством. Подчинись царю, твоему владыке, и ты останешься в живых. Я говорю тебе: покинь вершину горы и явись перед лицом царя, твоего владыки, или же пошли сына твоего к царю. Разве нет у тебя детей, которые могут явиться сюда? Знай, что царь могущественен, как солнце на небе, и что отряды его и колесницы многочисленны в Верхней и в Нижней стране, от востока и до запада».

Азиру послал за Шипти-Ваалом. Это был жрец, искусный в тайных заклинаниях и умный человек, у которого имелись хорошие советы на все случаи жизни. Шипти-Ваал явился, увешанный амулетами, и выслушал своего царя.

– Ах, много воинов у фараона, – сказал жрец, – много быстрых лошадей, которые переносятся через пустыню подобно ветру, много крепких колесниц. Когда войско разгневанного фараона дойдет до страны Амури, что станет с нашими домами, полями, стадами, женами и сокровищами? Солдаты выпьют наше вино и елей, уведут наших жен, снимут урожай с наших полей, разрушат наши дома. А что будет с тобой? а что будет со мной? а что будет со всеми нами? Нехорошо, если войско фараона придет в нашу страну. Не надо раздражать фараона, когда не можешь бороться с ним.

Милькили сказал:

– Крепки тюремные комнаты в Фивах, – не убежишь из крепости: всю жизнь просидишь впотьмах, и не увидишь солнца, и не вздохнешь вольным воздухом. А работы на медных рудниках! На собственной спине раб узнает тяжесть Синая; в полдень, жалея ослов, на него нагру-

зят двойной, тройной груз, и он идет, не имея глотка воды, обгорелый, обожженный жестоким солнцем, израненный бичами надсмотрщиков и голодный, как шакал. Впрочем, немилость фараона может выразиться и иначе. Большим ножом тебе отрубят голову и выставят на высоком шесте, а тело кинут собакам.

Азиру не понравилось ни то, что говорил Шипти-Ваал, ни то, что говорил Милькили.

Зачем повторять известное всем? Чего надо избегать – это ясно, а вот что надо делать?.. Послать сына, плоть от плоти, кровь от крови его, послать сына как заложника, отказаться от своего ребенка? Это так больно, как вырвать собственный глаз.

Но Азиру понимал очень хорошо, что нельзя отказывать фараону.

«Царю, моему господину, моему богу, моему солнцу, царю-владыке моему, – писал он: – я – царь страны Амури, твой слуга, земля, которую ты попираешь, доска твоего сиденья, скамейка для твоих ног, копыто твоих коней, я семикратно припадаю животом и спиной к пыли у ног царя, моего владыки, солнца неба. Я и сын мой, мы верные слуги царя; итак, я и он, мы немедленно пускаемся в путь».

Так как Дуду уже вернулся в Египет, ко двору, то и ему был отправлен с тем же гонцом ценный подарок с просьбой: «Отнеси хорошие слова за меня во дворец».

Итак, он едет. Азиру спустился в свой город: он исполнил приказание, и гнев фараона не на нем и не на его семействе. Он едет; он готовится в путь.

Женщины завопили, когда узнали о принятом решении, как будто увидели своего владыку лишенным головы, разрываемым собаками. И сына – наследника не останется в утешение народу. Ведь даже фараон не ставил такого требования, чтобы явились они оба?!

Азиру хитро улыбался. Он всегда рад дать в десять раз больше, чем просит его владыка, но пусть не плачут женщины: он едет, конечно, но он еще не выехал, он пока еще не имеет благоприятных знаков от богов.

Время шло и шло, и жизнь текла обычным порядком. Он судил, казнил, ел, пил, охотился. Когда в страну Амури прибыли люди от хеттского царя, врага фараона, Азиру принял их как послов могучей державы. Еще недавно никто не знал хеттов, а теперь на них смотрят все народы. Боятся их двуглавого орла и чтут богиню, стоящую на льве. Но всё же можно ли сравнивать могущество молодой державы с вековой славой Египта.

Азиру не давал определенного ответа хеттам, но принимал их как друзей. Одновременно с этим он написал еще письмо фараону, что он едет, он выезжает.

Через год у него родилась дочь. Он подарил молодой матери много красивых вещей, золотых и серебряных и из синего тирского стекла, потому что был рад этому событию. Тогда он снова послал в Египет гонца с извещением о своем близком приезде: «Я еду, я скоро прибуду». Послал и подарки: Дуду и царской кормилице. Разное говорят про эту особу: дурное и хорошее; но во всяком случае она играет не последнюю роль во дворце. С ней разговаривает царица, а как было бы хорошо расположить царицу в свою пользу.

Религиозные раздоры потрясали в это время долину Нила, и Азиру мог рассчитывать, что со временем он будет забыт. Фараон предавался новому культу единого бога солнца, фиванские жрецы Амона подерживали в народе прежние верования — это не могло не отразиться на внешней политике.

Азиру начал строить новый дворец. Лучший в мире строевой лес рос в его стране, а награбленных богатств было достаточно, чтоб возвести здание, достойное царя.

Боги не открывают своих решений смертным, пока не настает час. Может быть, наказание придет через год, может быть, через два года, а может быть, и через десять лет. В ожидании этого Азиру стал возить материал для постройки. В сущности, он был уверен, что наказание не придет никогда.

Когда в страну Амури прибыл египетский чиновник, финикиянин услышал слова гнева:

— Чего он ожидает? Разве не должен он явиться перед светлым лицом фараона и там принять награду или наказание, которые заслужил! Не хочет ли он, чтоб военные колесницы были посланы в страну Амури!

Нет, он этого не хочет; ведь он же едет. Отчего гневается его господин, зачем говорит нехорошие слова! Он, Азиру, верный слуга фараона и умеет чтить своего господина и его представителей.

Пирьы шли за пирами, праздники за праздниками. Египтянин похвалил красивых лошадей золотистой масти и тотчас получил их в подарок. Это не был подкуп, но подарок без всяких условий, просто дружеский подарок. Египтянин любил охоту, и Азиру устроил большую облаву, целый поход на несколько дней: были привезены многочисленные трупы тигров, кабанов и коз. Сам финикиянин с гостем сидел

в большой крепкой клетке и стрелял оттуда загоняемых охотниками зверей. Это было безопасно и весело. Притом же вино много помогло в поддержании веселья, а всем известно, что золотистое вино Финикии не имеет равного на всем свете и пьется легче нильской воды.

Конечно, один египетский чиновник ничего не мог сделать царю страны Амури, но не мешало быть с ним в хороших отношениях. Фараону же Азиру написал:

...«Я и сын мой, мы верные слуги царя. Итак, я и он, мы немедленно пускаемся в путь, пусть знает мой повелитель, что я спешу повиноваться. Но царь поручил мне защищать его владения, а теперь царь хеттов близко, я боюсь за владения моего хозяина».

Это был ловкий шаг, Азиру радовался. И разве это не правда? Египетский чиновник не мог отрицать того, что владения хеттов близко подходят к стране Амури; всякий знает это, и фараон не хуже других. Что случается, если начальник в военное время покинет свою область? Она попадает в руки врагов. Понятны поэтому опасение и промедление Азиру.

Время между тем шло, и постройка дворца была кончена, а никакой резкой перемены в деле финикиянина не замечалось.

По тем же законам, по каким заброшенные дорожки сада, предоставленные самим себе, зарастают травой, пока не заглохнут, и история Азиру тускнела и сглаживалась в памяти фараона. Благочестивый царь Египта задался целью унижить и отодвинуть на задний план всех богов нильской долины, кроме единого бога – солнечного диска, которому поклонялся. Труд нелегкий, и все приближенные были завалены работой, которой фиванские жрецы всячески противодействовали. В народе жила память о старых тысячелетних богах. Преследование идолопоклонников тоже отнимало силу и время у царского двора. Где тут было помнить о далекой Азии, покамест дела там шли не совсем дурно! Дуду получал подарки и не напоминал своему господину о том, о чем не следовало напоминать.

Азиру рассчитал верно. Ни он, ни его сын не являлись перед светлым лицом фараона, но известия о скором выезде и уверения в верно-подданных чувствах останавливали карающую руку, пока она наконец сама не опустилась бессильно на смертное ложе. Преемнику же фараона, утвердившемуся на престоле после трех незаконных кратковременных царей, не было расчета вспоминать всех провинившихся когда-то в далекие времена религиозных смут и неурядиц. Это был умный че-

ловек: он поддерживал хорошие отношения с жрецами, вернулся к старым богам, не забытым народом, и устанавливал порядок в стране.

Азиру хозяйничал в стране Амури. Он округлял свои владения и сводил счета с врагами, а страна его подпадала под влияние новых господ, хеттов, где уже некому было вспоминать ни старых, ни новых прегрешений Азиру.

ЗОЛОТО ЕГИПТА

РАССКАЗ ИЗ ДРЕВНЕВАВИЛОНСКОЙ ЖИЗНИ

Подарки приходили скупые, золото неполновесное, переписка шла вяло.

Буррабуриаш, царь Вавилонии, чувствовал себя оскорбленным. Давно ли его отец получал бесчисленные, как морской песок, дары от отца теперешнего фараона, – и вот всё переменилось почему-то.

Буррабуриаш чувствовал свое личное и государственное достоинство: он уже не употреблял в письмах льстивых и унижительных выражений, как это делал его отец. Вавилония не ниже Египта, и обе могущественные страны, не завися одна от другой, должны обмениваться дарами для взаимной пользы. Вавилону нужно золото, а разве это не про Египет пословица, что там даже придорожная пыль золотая? И самородное, и добытое путем промывки – всякое золото есть у фараона в большом количестве. А вот он шлет плохое, негодное своему другу в Вавилоне.

Однажды Буррабуриаш заболел. Дворец был новый, хорошо построенный, при освящении жрецы изгнали «богов кирпича» и призвали благословение могучего бога: «Шамаш, владыка неба и земли, основатель города и дома, в руках которого полагать и определять судьбы, благослови дом сей и определи ему благую судьбу. Да будет кирпич приносящим благо своему строителю, и дом приносящим благо своему строителю, да будет он для хозяина домом жизни и спасения». И все-таки Буррабуриаш заболел.

Он лежал тяжелый и горячий, как камень, раскаленный солнцем. Какой-то демон болезни овладел телом царя: может быть, это женское существо Лабарту, имевшее голову львицы, тело осла, голос шакала, изрыгавшего серу в горах или тростниковых зарослях, которое уже при рождении человека выхватывает его у матери, чтоб мучить всю жизнь; может быть, кто-нибудь из скверных духов, которые шатаются в пустыне по семи штук вместе, как добрые товарищи, и вредят человеку по своей воле или по требованию ведьм.

Жрецы-заклинатели спустились со своих многоэтажных башен, пришли для магической церемонии изгнания демонов и принесли очистительную курильницу – не помогло. Пришли жрецы-ученые со мно-

жеством лекарств, которые надо было хорошенько перетереть и перемешать. На четвертый день они ждали результата: если лицо пациента побелеет, то сердце его исцелено; если потемнеет – оно всё еще пожираемо пламенем; если пожелтеет, то в течение дня наступит улучшение; если почернеет – смерть неизбежна. Лицо царя оставалось красным и горячим, сердце билось быстро и неравномерно. По-видимому, какая-нибудь ведьма приготовила изображение царя и мучила его. Тогда, в свою очередь, жрецы сделали изображение ведьмы и сожгли его с разными обрядами. Буррабуриашу полегчало.

Он уже сидел на своем пышном ложе из черного дерева и наслаждался свежими ароматами вечера. Он уже молился своим богам, сияющим на небе. Он уже ел и пил с удовольствием и выслушивал донесения своего министра.

Все в стране ликовали, послы от соседних держав приходили справляться о здоровье Буррабуриаша и выражали свою радость. Только фараон не передавал ничего, не говорил ничего, так, как будто царю Вавилонна не грозила опасность спуститься в преисподнюю, окруженную семью стенами, в страну, откуда нет возврата, в место, где пищей служит прах, где прах лежит на дверях и засовах, где нет света.

Буррабуриаш чувствовал себя глубоко обиженным. Все – здесь, все пришли, все поздравляют друг друга и радуются, а фараон хотя бы из простой вежливости прислал гонца узнать о больном, не говоря уже о том, что египетские врачи – самые лучшие врачи, и если Аменхотеп друг вавилонского царя, то он мог бы прислать одного из них к страждущему.

– Приведите египетского посла, живущего в моей стране; пусть он предстанет немедленно.

Египтянин, лежа перед царским троном, восхвалил всех богов, родных и чужеземных, за выздоровление Буррабуриаша – он был умный человек.

– Далека страна египетская, много дней надо ехать, и опасны пути, – сказал он. – Фараон, мой владыка, может быть, и не знает о твоей болезни, а если уже узнал, то приказал жрецам произносить хорошие заклинания против болезней, могущественные заклинания. Верно, гонец от его величества уже скачет в медной колеснице, спешит к твоему величеству узнать о том, помогли ли хорошие заклинания.

Но гонец не спешил. Однако не порывать же сношения с Египтом! Главный писец вооружился кирпичом из мягкой глины и палочкой, чтобы писать под диктовку царя.

«...Я не был здоров. Во время моего нездоровья брат мой не подбодрял меня. Я сердился на брата моего, говоря: “Не слышал разве брат мой, что я болен? Почему не шлет он своего гонца и не заботится обо мне?” Посланник брата моего ответил: “Страна не настолько близка, чтобы брат твой успел узнать об этом и мог отправить к тебе посланника справиться о тебе...” Действительно, и мои люди сказали мне: “Это очень далекое путешествие”. С тех пор я перестал сердиться на брата моего...»

С письмом Буррабуриаш послал и подарки, хотя немного: лазоревый камень да пять упряжек для лошадей, прекрасной работы. А самому ему нужно золото для построек; пусть брат его пришлет золото, но сам, не доверяя чиновникам, так как получка, последняя запечатанная не в присутствии царя, не выдержала испытания, оказалась неполновесной.

Время шло, приходили послы, но они не приносили с собой подарков. Три раза уже царь обманывался в своих ожиданиях и наконец сам решил поступать так же. Три посланника пришли с пустыми руками, и дверь в новом дворце, которую рассчитывали сделать из египетского золота, всё еще не была поставлена; пусть же и фараон не получает подарков из Вавилона. Это не понравилось фараону, и он прислал двадцать мин благородного металла.

Дворцовые постройки занимали огромное пространство, целый городок, с толстыми стенами вокруг, похожими на стены крепости, с крылатыми человеколицыми быками, охраняющими вход. Здесь, в своем дворце, на троне чудесной работы, царь ожидал посла. Небольшое государство можно было купить за ткани и драгоценности, надетые на нем, а у первого друга и советника царя, у его министра, одежда была почти такая же, только тиара на голове низкая, гораздо ниже царской тиары.

Завитые бороды, длинные локоны, драгоценные тяжелые ткани, расшитые фигурами гениев и целыми сценками на религиозные темы, — красным по голубому полю, — пестрота и блеск; всё это украдкой и с интересом рассматривал стройный полуобнаженный египтянин, привезший золото. Первый раз прибыл он в эту любопытную страну и तो ропился уехать назад.

Двадцать мин золота привез он, но когда положили в печь для проверки — не оказалось и пяти благородного металла.

Буррабуриаш так рассердился, что рабы разбежались, слышав его голос, и попрятались, чтобы не попасться на глаза. Жрец, не угодивший чем-то владыке, был убит; несколько слуг посажено на кол; но

не успела смерть еще успокоить страдальцев, как Буррабуриаш опомнился. Шамас-Ники, жрец, подошел к нему и сказал:

– Хорошо наказывать провинившихся, но карать тех, кто не виноват, заставляют нас демоны. Добрые боги-охранители уже не окружают тебя со всех сторон, они отошли, а за твоим плечом я вижу семерых, которым место в пустыне. Не ешь мяса, испеченного на золе, не меняй одежды, не одевай чистого, не всходи на колесницу, пока не принесешь жертвенных даров. Заколи ягненка, успокой сердце разгневанных богов, и твой бог-хранитель да подымет твою голову ко всему доброму.

После поста и очищения Буррабуриаш снова написал фараону.

Никто не умел делать таких изящных безделушек из драгоценных камней и простой глины, как вавилоняне. Всевозможные украшения для мебели и одежды, металлические работы, резьба по дереву и кости, ткани необыкновенной красоты и ценности – во всем этом не было соперников у Вавилона; но в стране не хватало собственного сырого материала. Драгоценные камни, хорошие породы деревьев, благовонные травы, слоновая кость привозились издалека. Золото шло из Египта.

«Если ты не можешь быть столь щедрым, как твой отец, то дай хоть половину», – писал Буррабуриаш Аменхотепу и ждал.

Наконец он получил несколько хороших подарков и нечто еще более приятное, чем подарки. Посол фараона заговорил о его дочерях.

– Сын бога, владыка Египта, хочет иметь женой вавилонскую принцессу. Эти присланные подарки – ничто; если ты дашь ему жену, которую он желает, подарки последуют в большом количестве.

– Моя дочь – я отдаю ее сразу, – ответил Буррабуриаш, и посол понес радостную весть Аменхотепу, а весь двор взволновался, как перед большим праздником. Невеста не спала по ночам и думала о своей судьбе, не зная, радоваться ей или печалиться. Сделаться женой фараона в стране, которую все называют прекрасной, в стране золота, – это было пределом мечтаний вавилонянки; но уехать далеко от родных мест, от матери, от своих богов, жить с людьми, говорящими на непонятном языке, жить среди насмешливых женщин, которые одеваются в прозрачный газ, иначе причесывают свои волосы, иначе двигаются, – это страшно.

Костюмы принцессы были сложны и изысканны, в приданое она получала много тяжелых красивых материй, колец, браслетов, ожерелий, разной утвари, мебели, рабынь, служанок – сотни строк перечисляли это богатство.

Буррабуриаш одарял дочь – ведь и обратные подарки от жениха будут не менее щедрые. Празднично настроенный двор готовился к прибытию свиты, которую должен прислать фараон за своей невестой. Дворец велик, но ведь их может прибыть несколько тысяч. Обо всем надо подумать: где им отдохнуть, как накормить и напоить.

Буррабуриаш помнил, как много лет назад отправляли его сестру. Египетские колесницы заполнили дворцовые дворы, худошавые гибкие люди ходили по царским садам, наполняя воздух звуками чуждого языка. Многие говорили по-вавилонски, но слова произносили странно, не так, как люди, выросшие между Тигром и Евфратом. Они восхищались плодородием страны, удивлялись реке, которая несет свои воды на юг, «течет против течения». Так как единственная река их страны, священный Нил, текла на север, то «по течению» и «на север» – это было одно и то же на их языке.

Многие женщины собрались в дорогу с принцессой, чтобы она не чувствовала себя одинокой в чужой стране. Всё, к чему привыкла девушка, окружит ее и в Египте: ее вещи, ее служанки. Даже богиню Истар хочет отправить царь с ее жрецами на некоторое время в Египет; этой богине вавилонянка всегда молилась и приносила жертвенные дары.

И вот день настал.

– Приехали, пять колесниц приехали с чужеземными людьми, за нашей царевной приехали послы от фараона! – взволнованно сообщала служанка-подросток, влетая в помещение царицы, матери невесты. Звонкая пощечина оглушила ее и прервала поток слов. Сама толстая, белая царица стояла, разгневанная, перед вестовщицей.

– Пять тысяч колесниц или пять сотен колесниц хочешь ты сказать? Ну, пойдی, узнай лучше, сколько их.

В приемном зале сидел царь Вавилона в темно-синем платье, расшитом так, что материи почти не было видно. Радость свою он затаил, и величественное, неподвижное лицо между золотыми серьгами не выражало ничего до тех пор, пока не вошли послы. Пять колесниц приехало за его дочерью, за дочерью Буррабуриаша!? За вавилонской принцессой?!

Лица придворных, стоявших в несколько рядов у стен, были бледны, никто не смотрел на царя, боясь вызвать его гнев.

Запасы, приготовленные для дороги, поедались во дворце, потому что отъезд принцессы был отложен.

Главный писец писал под диктовку Буррабуриаша:

«...Пять колесниц! Что скажут соседние цари: дочь великого царя конвоируют пять колесниц! Когда мой отец отправлял мою сестру к твоему отцу, ее сопровождало три тысячи человек».

Этот далекий фараон или смеется над ним, или ничего не понимает в правилах международной вежливости.

Буррабуриаш был совсем готов отказать царственному жениху, но послы-вавилоняне писали из Египта, что подарки, предназначенные за царевну, действительно хороши и многочисленны. Тут не таилось обмана — они видели собственными глазами.

Когда по прошествии многих дней прибыло достаточное количество египетских колесниц, вавилонская принцесса отправилась в путь, сопровождаемая изображением богини Истар. Но ведь и эта последняя утешительница недолго пробудет в долине Нила; она вернется домой в маленькое верхнее святилище гигантской башни, а девушка останется одна в чужой стране.

Еще долго в вавилонском дворце говорили о судьбе принцессы: это интересовало всех — от черной рабыни до главной царицы. Рабыни болтали за работой, а царицы ходили друг к другу в гости, подкрашиваясь и наряжаясь для этого в свои сложные платья, делающие их совсем бесформенными и неуклюжими, как деревянные куклы.

А Буррабуриаш ждал подарков: когда-то придут! Далекий путь до Египта, а охранять сокровища трудно, тем более что мелкие царьки горной страны, отделяющей Вавилонию от моря, разбойничали на дорогах. Уже не один караван вавилонского посла был разграблен. Неужели Египет так ослабел, что не может усмирить этих своих непокорных подданных? Неужели Египет ищет союзников из числа врагов Вавилона?

Вот что сказал своему владыке гонец, вернувшийся от фараона:

— Твой вассал, ассирийский царь, шлет послов к египетскому двору. Послов твоего вассала принимают там с таким же почетом, как и твоих послов!

Ассирия — это было самое больное место Буррабуриаша! Эта страна совсем забыла, что она страна зависимая, что она только вассальная страна, так себе, маленькая страна под суверенитетом Вавилона. И вот значение ее растет и при далеком дворе фараона. Сильный гнев охватил царя, и снова пищик взял кирпич и палочку, чтоб писать Аменхотепу:

«...При моем отце все ханanei просили его: “Мы собираемся пойти к границе Египта и вторгнуться, соединимся с тобой”. Отец мой так ответил им: “Не думайте соединиться со мною. Если вы замышляе-

те войну против царя Египта, моего брата, и заключите с кем-нибудь союз, то я не поеду с вами, а разгромлю вас, потому что он в союзе со мною”. Итак, мой отец не послушал их ради твоего отца. А теперь ведь я не посылал к тебе ассириян, моих подданных? Зачем же они прибыли в твою страну? Если ты любишь меня, они не должны ничего достигнуть: отпусти их ни с чем!»

На этот раз горечь обиды была слишком сильна и не забывалась, не смывалась течением дней. Всё можно забыть: и напрасные ожидания, когда послы приходили с пустыми руками; недоброкачественность металла, который не хотели принимать купцы, и пять колесниц, присланных за вавилонской принцессой, как за какой-нибудь красивой рабыней, но оскорбление, нанесенное теперь, незабываемо. Что говорят эти подлые, неверные слуги Вавилона – ассирияне? Как радуются! Ведь их послов принимают с таким же почетом, как и послов самого великого владыки Вавилонии. Эта мысль была острее дротика, которым Буррабуриаш выкалывал глаза пленным, и мучительней болезни.

Впрочем, ожидаемые подарки должны быть получены, да и вообще, не время еще показывать Египту свои истинные к нему чувства. Слаб ли он или только притаился в своей долине? Вот недавно опять приходили купцы и жаловались, что их караваны разграблены по пути к морю. Это становится слишком частым, слишком неудобным для торговой страны. Буррабуриаш уже не раз писал фараону о подобных случаях и теперь снова решил написать.

«Царю Египта, моему брату, Буррабуриаш, царь Вавилонии, твой брат! Тебе, твоей стране, твоему дому, твоим женам, твоим сыновьям, твоим вельможам, твоим коням, твоим колесницам – привет. Я и мой брат заключили дружбу и сказали взаимно: “Как наши отцы, будем и мы друзьями”. А вот когда мои купцы задержались в Ханаане, Шумадда и Шатутна, сыны князя города Акко, выслали своих людей, убили моих купцов и похитили их деньги. Я послал к тебе, спроси посла: он расскажет всё. Ханаан – твоя страна; ее цари – твои слуги. Я оскорблен в твоей стране. Накажи их, возврати деньги, казни людей, убивших моих слуг, отомсти за кровь их. Если ты не казнишь этих людей, они еще раз перебьют мои караваны, а то и твоих послов, и между нами будет отрезано сообщение, а твои люди от тебя отпадут».

Но что может сделать фараон в стране анархии и разбоя! Поставленные там царские города его разрушаются, богам жертвоприношения не приносятся, жрецы убиты или бежали.

Если Буррабуриаш захватит земли, близкие к его границе, то фараон не может и гневаться: надо же кому-нибудь позаботиться о порядке, и если этого не делает Египет, то почему бы этого не делать Вавилону? Страна не может существовать без торговли, а торговля – без путей сообщения.

Слаб Египет, а может быть, и беден? Послы рассказывают о новом прекрасном городе фараона с широкими улицами, большими парками, богатым дворцом, величественным храмом, но ведь это все-таки только рассказы, а подарки, присылаемые оттуда, жалки. Или скуп Аменхотеп? или он не друг Буррабуриаша?

Вот, однако, пришло то, что фараон посылал отцу своей новой жены. Это превзошло все ожидания. Длинные списки были проверены чиновниками, и всё оказалось в порядке. Столько золота, слоновой кости, рабов, драгоценностей!.. Партия врагов Египта, которая становилась всё сильнее при дворе, теперь с беспокойством следила за владыкой: как он радуется! как веселится! Или Аменхотеп снова стал для него братом? И снова земли, готовые попасть в его руки, останутся вне власти Вавилонии?

Но опасения их оказались напрасными: в конце концов настало время, когда Буррабуриаш открыто стал на сторону врагов фараона, а принятые прекрасные подарки только увеличили блеск его славы.

АМОН И АТОН

Фараон решил вступить в открытую борьбу с богами.

Конечно, такие решения не принимаются сразу: слишком они чреваты последствиями и опасны; но всё возрастающее влияние жрецов, огромные земельные пространства, скапливающиеся вокруг храмов – приношения благочестивых египтян в вечное владение богу для вечных жертв по покойнике, – кладовые, полные золота и драгоценностей, суеверный народ, готовый следовать за жрецами, – всё это с давних пор беспокоило Аменхотепа IV.

– Уничтожить имя Амона, высеченное на камне в храмах и гробницах, написанное чернилами на папирусе и коже, чтобы, не имея более имени, бог перестал существовать, отнять земли, принадлежащие храму, унести сокровища, разбить жертвенники, запретить жертвоприношения мясом, вином, благовониями и иные, разогнать жрецов – вот что хочу я сделать, – сказал Аменхотеп своему другу Мери-Ра.

Мери-Ра, жрец, отступившийся от своего бога, соглашался с этим; он сидел рядом с царем не как подчиненный, а как друг. Никого больше не было в комнате, и разговор тек свободно, не стесненный церемониалом.

Фараон был человек худощавый; глядя на его тощие ноги, слабую длинную шею и длинный подбородок, Мери-Ра почувствовал себя сильным и храбрым. Нежный овал лица фараона и линия губ говорили о доброте, а постоянно возбужденный блеск глаз – о болезни или душевном подъеме. Вступая в борьбу с Амоном, он не хотел опустошить души верующих, но открыть им одного истинного светового бога, Атона – солнечный диск, – равно справедливо рассыпающего лучи всем странам и народам.

– Пусть будет так, – сказал Мери-Ра, первый последователь Атона, друг царя. – Об этом узнают жрецы и сановники. Завтра пойду я от твоего имени в храм с мастерами и воинами; крепкими молотками уничтожим мы имена бога и супруги его.

На другой день город имел необычный вид. Толпы народа собирались на площадках, рабочие кидали работы и передавали друг другу странные и страшные вести; суеверный страх переходил в возмущение: своим нечестием фараон навлечет несчастье и на их голову. Набожные люди несли плоды, вещи, вели животных для умиловле-

ния божества, но храмы уже не принимали этих жертв, что еще более увеличивало панику.

Бледные озлобленные жрецы собирались в храмовых комнатах, в портиках, на больших дворах, недоступных народу, и отступали при приближении Мери-Ра со свитой и воинами.

Они не станут противиться, потому что они не могут противиться. Старый Аменти опирался на руку жреца. Он был потрясен, он еле держался на ногах, а внимательная толпа жрецов ждала слов, почтительная, сплоченная, как камни векового здания.

– Вот, – начал Аменти, – боги выбрали Египет, чтоб царствовать в нем, потому что нет на свете места прекраснее. От богов произошли те, которые вели страну к могуществу и богатству, фараоны с божественной кровью в жилах, и пока все святыя законы старины соблюдались, благословение богов не оставляло нас. Но мы забыли наше первенство; чужие женщины стали входить в гарем фараона, подлые азиаты стали пользоваться милостями фараона, и вот случилось: еретик на престоле богов, имя Амона, дававшее нам победы, опозорено нечестивыми молотками, мы, служители истины и справедливости, в опале, а страна идет к гибели, и ничего, кроме гибели, не может принести нам будущее.

Аменти замолчал и тяжело сел в кресло с львиными лапками, пододвинутое ему.

Привычная сдержанность жрецов не позволяла им выразить своих чувств так, как делал это народ. Их чисто выбритые лица, парики, белые одежды и теперь казались сделанными из камня; но глухой ропот перекачивался, как далекий гром, по всему двору. Один из низших жрецов, совсем юноша, подошел к Аменти и, став в позу почтения, сказал ему что-то; не было слышно, какое предложение сделал он, но все услышали, что старик ответил:

– Нет, наша борьба будет иная, без оружия в руках, но с тем же гневом в сердце и с большим успехом, потому что народ на нашей стороне. Пусть фараон распространяет свое учение во дворце, – мы свое будем укреплять в народе, и время покажет, кто сильнее, кто прав.

Между тем волнение росло, и не только в народе, а и в самом дворце, среди приближенных.

В саду, который окружал комнаты царицы Нофертити, жены Аменхотепа IV, молодой фараон играл с женой и дочерью в мяч. Тоненькая, смуглая девочка трех лет пронзительно кричала от радости, когда отец

пропускал нечаянно мимо рук игрушку и потом бегал искать ее между стройными стеблями водяных растений или даже в самом бассейне, который был за его спиной. Кормилица царя, очень важная во дворце персона, держала на руках его младшую девочку. Сюда часто оглядывалась Нофертити и наконец, закинув мяч далеко за бассейн, схватила девочку на руки и прижала к себе. Аменхотеп подошел к ней, и оба сели на две табуретки, покрытые подушками, а ребенка положили к себе на сближенные колени, поддерживая его четырьмя заботливыми руками.

Какое это было нежное супружество! Аменхотеп всегда чувствовал себя счастливым в этом саду. Красивая жена, обладательница многочисленных кос, продуренных благовониями, жена-друг, понимающая религиозные искания фараона, здоровые дети с маленькими пальчиками, прикосновение которых есть радость для отца, – что еще нужно человеку?

Мери-Ра быстро подошел к фараону и, сделав знаки почтения Нофертити и кормилице, сказал:

– По важному делу гонец приехал из Мемфиса; выслушай его скорей: неблагоприятно в стране.

Аменхотеп почувствовал приступ раздражения; опять эти докучные дела прерывают короткий миг отдыха. Эти дела врываются в уединение фараона, когда он любит своими детьми и когда молится великому, единому, светлому богу, который призвал его, Аменхотепа, для святого дела своего утверждения в стране.

Пока в кабинете царя создавалось это прекрасное новое учение, военная аристократия страны, помнившая великих завоевателей и великие завоевания, роптала на бесславные времена, роптали жрецы Амона и жрецы Озириса. Только илиопольское жречество помогало молодому царю, потому что новое учение возрождало и развивало культ древнего Ра, бога солнца, бога илиопольского. Часть из окружающих царя лиц искренно прониклась величием единобожия, но большинство отрекалось от привычных богов только затем, чтоб быть ближе к трону, власти и золоту.

Аменхотеп был щедр к уверовавшим. Со своей семьей и последователями он совершал служения Атону в новом храме, выстроенном в Фивах. Он переименовал свое имя Аменхотеп, в состав которого входило имя Амона, на другое в честь Атона – Ехнатон («угодный Атону»).

Ехнатон решил выстроить новый город. Не руководствуясь преданиями, благочестивыми приметами, не советуясь с жрецами, он вы-

брал место в центре государства на восточном берегу Нила, на равнине, похожей на равнину западной части Фив. Крутые горы поднимались сзади, высокие холмы ограждали долину с севера и юга; Нил замыкал ее с запада, и только два узких прохода в горах открывали выход на восток.

Все художники, каменщики, рабочие страны, от порогов до болотистых мест дельты, были призваны на работу, а талантливый архитектор Бек, составивший планы, сам поехал в Ассуан, в каменоломни Красной горы, следить за ломкой твердого прекрасного камня. В несколько месяцев город был воздвигнут там, где недавно еще зеленели поля и, надвигаясь на них, угрожали пески пустыни.

Храм солнечного диска не должен был походить на иные египетские храмы, как и сам город Яхт-Атон со своими широкими улицами и парками не строился по образцу Фив. Обширные храмовые дворы, с жертвенниками посередине, вмещали большую толпу последователей.

Отталкивая всё, что исходило из Фив, Ехнатон отказался и от лучших столичных художников с их застывшим условным искусством. Он смеялся над своими портретами, передающими божественную окоченелость членов, торжественную важность, которой он совсем не обладал. Художники провинции, жадно ищущие правды в искусстве, гораздо больше нравились фараону; они-то и украшали храм и дворец своими статуями и рисунками. Искусство их было солнечное, радостное, молодое и уверенное в себе, поэтому и дворец казался храмом Атона – так всё напоминало здесь о солнце. На полу были изображены птицы, весело вспорхнувшие из тростниковых зарослей навстречу первым лучам солнца, скот, скачущий на лугах, и рыбы, потому что лучи проникают даже до глубины морей. Большие красивые залы и дворцовые дворы с балконами для царского семейства собирали толпу приближенных, так как царь любил общество, любил праздники и не очень стеснялся этикетом. Он часто показывался с женой друзьям и народу, а на его неофициальных пирах беседы велись так же непринужденно, как на пирах у простых смертных.

Покинув со всем двором Фивы, Ехнатон почувствовал себя победителем; далеко остались хитрые жрецы и непонятный, ропщущий народ. Только последователи Атона окружали царя в новой столице: верный Мери-Ра, генерал Май, носитель опахала справа, возвышенный им из ничтожества, архитектор Бек, Аи, сочинитель гимнов Атону, который женился на кормилице царя и таким образом вошел во дворец,

Аамес, управляющий дворцом, и Харемхеб, происходивший из знатной семьи. Этот Харемхеб сразу очаровал царя; через самое короткое время не было в стране человека, равного Харемхебу по силе и значению. Его награждали золотом в присутствии всех сановников и иностранных послов; он сопровождал царя в путешествиях, собирал подати юга и севера, стоял во главе войска, был царским послом во все страны, где светит Атон, и военачальником над военачальниками; он присутствовал на трапезах царя и помогал ему советами.

Это был человек умный, добрый и энергичный, но религиозные искания царя не находили в нем слишком большого отклика. Ехнатон как верховный жрец Атона гораздо больше занимался храмом, чем государством, и это не казалось правильным вельможе. Следуя его осторожным, но настойчивым советам, царь решил наконец облечь в сан первосвященника Мери-Ра, верного друга и последователя.

— Пусть жрец будет только жрецом, — сказал царь, — это не грозит стране и престолу. Жрецы были не только жрецами, но легко соединяли это звание с придворными должностями, что удваивало их силу.

На обширном храмовом дворе состоялся этот праздник назначения Мери-Ра главным жрецом Атона. Перед изображением солнечного диска, который испускает лучи, оканчивающиеся руками, царь обратился к нему с речью:

— Здесь я лично присутствую, чтобы возвести тебя в звание «верховного созерцателя солнечного диска» в храме солнца города Яхт-Атона. Да будешь ты таковым согласно твоему желанию, потому что ты был слугой моим, был послушен этому новому учению. Сердце мое полно удовольствия, поэтому я даю тебе это высокое звание, говоря: ешь от пищи фараона, господина твоего, в храме солнца.

Но в час щедрости это казалось недостаточным; позвав казнохранителя, Ехнатон сказал ему:

— Ты, хранитель палаты серебра и золота, награди «верховного созерцателя солнечного диска» в городе Яхт-Атоне, положи золотое драгоценное ожерелье на шею его кругом; положи золото к ногам его, потому что он был послушен новому учению во всем.

Харемхеб, которому обыкновенно присылали пищу из дворца, нередко был приглашаем к обеду фараона. Они ели и разговаривали, потому что умение интересно говорить ценилось высоко, а вельможа обладал им до некоторой степени; во всяком случае, слова его были содержательны и умны.

– Я победил, – сказал Ехнатон. – Разве не все вокруг меня вняли новому учению?

Это так и было. Все во дворце и вокруг него простирали руки к солнечному диску, переменяли имена в честь его, следуя примеру фараона, и строили гробницы в горах за городом солнца Яхт-Атоном.

Но Харемхебу было известно иное. Жизнь свою он проводил, переезжая с места на место, вникая в государственные нужды и соприкасаясь с народом: народ не знал Атона. Народ крепко держался за свои суеверия, талисманы, заклинания, за загробную жизнь в таком виде, в каком преподносили ее жрецы, своих жрецов, своих звероподобных богов и священных животных.

Фараон не хотел знать этого; он награждал тех, которые следовали «учению жизни». Конечно, многих больше привлекала эта награда, чем учение, и даже самого Харемхеба: единый светлый бог Атон не исключал из его сердца единого бога Амона – он примирял их, как истый египтянин. Звон систров, волны благовоний, прекрасные слова гимна – всё это волновало его в священные минуты солнечного восхода, но и молчание Амоновых храмов в Фивах казалось живым и вещим.

– Я победил, – сказал царь. – Из крепкого камня выстроены города Атона, храмы его вечны; везде восхваляют бога благого, жизнедателя, все народы преклоняются перед ним.

Харемхеб пил вкусное вино из собственных виноградников Ехнатона и молчал. Фараон прост в обращении и милостив, но всё же это фараон; в минуты радости нельзя ему напоминать того, что разрушает веселье. Вавилония недовольна, потому что Ехнатон, сам нуждаясь в золоте для построек, не посылает больше ее царю хороших подарков; что же касается до Сирии, то напрасно города ее вызывают о помощи – фараон не пошлет туда войска. Ближе то время, когда призрачная египетская власть потеряет там свое устрашающее значение, и – тогда настанет анархия...

Однажды, когда луна стояла над уснувшими Фивами, чья-то осторожная тень подошла к громадам величественно молчавшего запечатанного храма Амона. Это Харемхеб шел на условленное свидание с жрецами. Старый больной Аменти пожелал увидеть могущественного вельможу, которого знал еще ребенком. Харемхеб преклонился перед постелью почтительно, но молчаливо. Старый Аменти не мог уже сидеть от слабости, но ненависть его к еретическому царю не ослабе-

ла. Напрасно Харемхеб пытался защищать своего владыку: «Он добр, друзья любят его, его счастье в кругу семьи».

Ядовитый смех умирающего жреца был неожидан и страшен в тишине ночи. Толпа жрецов молчала, как умеют молчать только служители бога, находящегося в опале, даже дыхания этих тридцати чело-
век не было слышно.

Аменти спросил зло и насмешливо:

– Так он наслаждается счастьем в кругу семьи? А народ? думает он о народе? наслаждается ли его народ? А азиаты, которых он упоминает в молитвах раньше, чем детей Египта, – разве не угрожает долине Нила их нашествие? Разве не полон гарем еретика азиатскими принцессами? Разве боится нас Вавилон? Или ты хочешь, чтоб Египет снова постигла кара богов, чтоб снова наши города приняли их начальников и солдат, их богов и жрецов, как это было много лет тому назад? Амон дал силу слабым фиванским князьям одолеть могучего врага. Он – единственный, истинный, великий бог, ведущий своих сыновей к могуществу и славе, он доказал свою силу тысячу и тысячу раз, имя его значит «сокровенный», и тайны его не дано знать простым смертным. Горе, горе стране, отказавшейся от него, но горе и тебе, если ты продаешь ее за царскую милость.

Харемхебу показалось, что голосу старика вторят иные какие-то голоса, далекие, угрожающие, многочисленные, и он упал на колени.

Он не бежал перед воинственными полчищами азиатов, вооруженных луками, и не трепетал перед бунтующими неграми, но здесь в полутемной комнате, где у стены белели фигуры неподвижных жрецов – быть может, и не жрецов вовсе, а теней, – перед этим длинным высохшим стариком, предсказывающим ему несчастье, ужас овладел им.

– Что же ты хочешь от меня, – прошептал Харемхеб, – зачем позвал меня? Что могу я сделать? Говори.

Фитиль в масляном светильнике зашипел, свет поколебался, и тени, как волны, пробежали по потолку и стенам. Вместо ожидаемого ответа откуда-то донесся странный, глухой шум: это гоготали священные гуси Амонова храма, содержимые втайне жрецами. Что-то потревожило покой птиц, и их крики долго не смолкали, как будто настаивая на чем-то. Аменти приподнялся на своей постели, прислушиваясь, и друзья поддерживали худое тело, дрожащее от напряжения.

– Это – пророчество, сам бог вещает тебе; слушай, великий бог говорит тебе в тишине ночи, – сказал Аменти, – он простит тебя, ког-

да ты вернешься к нему, и наградит, как любимого сына, — народы падут перед тобой, вельможи падут перед тобой, и на твоей голове утвердятся двойной венец, так как ты будешь царем Верхнего и Нижнего Египта. Настанет время, когда из поругания и мрака бог выйдет ослепительным и мощным, как солнце утром, потому что Амон есть единый, истинный и могучий.

После горячей речи старик упал на постель и замолчал. Он не отвечал на тихие вопросы вельможи и, казалось, не дышал. Еще больший ужас овладел Харемхебом, и он направился к выходу. Какая-то фигура отделилась от стены и пошла, указывая ему путь, молча, неслышно, ступая босыми ногами по теплым еще камням. Очутившись на улице, один перед гигантскими башнями входных ворот, Харемхеб немного успокоился. Бараньи сфинксы, охранявшие дорогу к храму Мут, опальной жены опального бога, казались прислушивающимися и понимающими. Шакалы плакали на другом берегу, там, где расположен город мертвых, и наводили тоску своим плачем.

А между тем эта ночь, казавшаяся такой зловещей Харемхебу в Фивах, прошла очень весело для его господина в Яхт-Атоне. Охота в пустыне при лунном свете собрала вокруг царя почти всех его друзей. Хотя небогатую добычу принесли они во дворец, но много зато было веселья. После короткого сна фараон вышел, чтоб встретить восход солнца, потому что никогда не пропускал он этого часа. Три раза в день клались жертвы на четырехугольные каменные жертвенники и сжигались благовония в честь Атона — утром, в полдень и вечером, в три важнейшие момента жизни божества. Иногда жрец или министры заменяли царя днем и вечером, но на утренней заре священные обряды всегда проделывал он лично; Нофертити шла за ним и две старшие дочери. В сумраке стены храма казались мрачными и тяжелыми, яркие краски и позолота не оживляли их; но после короткой зари огненный глаз показался на краю горизонта, и навстречу ему понеслись звуки священной музыки, сistrы зазвенели в руках женщин, облака благовоний поднялись к прозрачному, засиневшему небу. Свита, согнувшись, протягивала руки к солнцу, а Ехнатон с глазами, горящими вдохновением, говорил слова священного гимна Атону:

«Как прекрасен твой восход на горизонте, о Атон, предвечный! Ты наполняешь мир своими красотами. Лучи твои обнимают все страны, которые ты сотворил. Ты далек, а лучи твои на земле. Заходишь ты на горизонте — и земля в мраке, как мертвая. Люди спят в своих жили-

щах, закрыв головы; один не видит другого. Имущество их расхищается из-под головы, а они не замечают этого; львы выходят из своих логовищ, и змеи все кусаются. Утром ты озаряешь землю, прогоняешь мрак, посылаешь лучи твои. Люди вскакивают на ноги – ты поднял их; они омывают члены свои, берут одежды; руки их воздеваются, прославляя восход твой. Вся земля принимается за работу. Животные удовлетворяются своими злаками; деревья и травы зеленеют; птицы летают в своих болотах, крылья их величают дух твой; скот ликует, скача, – всё живет, когда ты смотришь. Корабли плывут вверх и вниз. Как многочисленны творения твои! Ты создал землю по воле твоей, единый: людей, животных, всё, что на земле и ходит ногами, всё, что в воздухе и летает на крыльях, Сирию, Нубию и землю Египетскую. Каждый имеет свое питание, исчислено время жизни его. Ты создал Нил. Ты создал времена года для рождения всего, что ты сотворил. Ты сотворил небо пространное, чтобы сиять на нем и обозревать всё. Ты сияешь в виде Атона; все глаза обращены к тебе, ибо ты – дневное солнце над землей».

Нофертити дотронулась до руки мужа: она не могла иначе выразить своего восторга и понимания. Ехнатон обернулся к вельможам и сказал:

– Пусть будет называться с этого дня город мой городом благоволения солнечного диска, потому что поистине благоволение бога на мне и на моем семействе.

Харемхеб, ездивший в Нубию, вернулся с победой и запоздавшей данью; он привез золото и пленных, а также клятвы в вечной верности усмиренного племени. Много раз вельможа подвергался опасности и много перенес лишений, но зато во дворце его наградили золотом перед лицом послов всех стран. Фараона офицеры носили на изукрашенных носилках при обвевании больших вееров, а приближенные восхваляли, как победителя. Празднично настроенные жители Яхт-Атона в новых париках с цветами и ветвями в руках вышли на улицу, чтобы полюбоваться процессией, своим владыкой в полном парадном одеянии с двойным венцом на голове, добычей, которую несли и вели перед ним, и сановниками.

В этом Аменхотеп видел благоволение бога. Разве не прекрасна жизнь, не процветает новый роскошный город, не благочестивы и не верны друзья, окружающие престол!

Впрочем, с годами праздники становились всё реже, а религиозное настроение фараона всё усиливалось; у него не было сына-наследника,

любимейшая из дочерей умерла в Яхт-Атоне, дела в Сирии шли скверно; всё пламенной измученная душа фараона обращалась к светлому богу, неизменному и благому; но разогнанная и разрушенная жреческая корпорация собиралась с силами и давала знать о себе так или иначе.

Эта глухая борьба истощала Ехнатона. Отдыхал ли он в одном из своих имений, окруженный семейством, праздновал ли прибытие новой жены из далекой Азии в свой гарем, устраивал ли торжества в честь Харемхеба или другого верного слуги – царь не был уверен в том, что неожиданный гонец не принесет ему нехороших известий: там разбита царская статуя, там народное волнение против культа Атона, там убит чиновник, выискивающий и уничтожающий имя Амона.

Это озлобляло; так текли дни и года. Выросла старшая дочь царя и была выдана замуж за знатного человека. Ехнатон узнал счастье быть дедом. Могущественный Харемхеб управлял страной, мудрый и скромный, как истинный владыка. Он имел всевозможные награды: землями, рабами и золотом и назывался «начальник над всей землей» – титул, придуманный фараоном, чтоб отличить и возвысить его над всеми другими начальниками: над начальником города, начальником царских погребов, начальником женщин царского дома. Харемхеб уехал в Азию умирять жителей пустыни. Там получил он известие о смерти Ехнатона на восемнадцатом году царствования, о странной смерти, внезапной, как молния, как кара богов. Погребли царя так, как он этого хотел: не по обрядам, установленным жрецами...

Наследник престола, муж его старшей дочери, жил еще в новой столице, в городе солнца, но уже при следующем царе всё изменилось. Муж третьей дочери, фараон Тут-анх-Атон переделал свое имя в Тут-анх-Амона и жил попеременно то в Фивах, то в Яхт-Атоне. Аи, муж кормилицы, наследовавший ему, забросил свою прекрасную гробницу вблизи города Атона и сделал себе новую вблизи Фив.

Все эти цари, быстро сменяющие друг друга, повергли Египет в упадок и были преданы проклятию следующими поколениями как незаконные, как узурпаторы, как осквернители престола.

Пятнадцать лет спустя после смерти Ехнатона разукрашенная царская барка медленно плыла из Фив вниз по Нилу.

Народ выходил к берегу, чтоб встретить ее громкими криками радости. Жрецы в священных процессиях выносили изваяние бога и наполняли воздух звуками гимнов и звяканьем систров; их жены приветствовали царицу. Барка ехала медленно на веслах, как

жук, перебирающий длинными лапками, как золотой, пестро раскрашенный жук, ползущий по неподвижной синей стали. Сзади оставались поля спеющего хлеба, дачи, окруженные садами, жалкие хижинны крестьян, грандиозные храмы и гробницы в скалах. Когда на правом берегу реки, в глубокой долине, показались развалины бывшего здесь недавно города, фараон вышел из разукрашенной палатки, стоявшей на палубе, и стал вглядываться в эти места. Он узнавал: вон там был прекрасный храм, тут дворец – кирпичи и гранитные глыбы в беспорядке раскиданы повсюду; тут зеленел парк, окружавший палаты женщин царского дома, – он вырублен и засыпан песком. Только время умеет разрушать красиво, но безобразно и печально то, что разрушено рукой человека.

Царь Харемхеб не отвернулся от развалин Яхт-Атона, но глаза его стали печальными. Город разрушен, камни увезены для построек в честь Амона; фараон-еретик проклят и забыт. Сам великий бог Амон указал на Харемхеба в то время, когда страна осталась без царя: жрецы поддержали его и утвердили. Но всё же разве не красиво было то, что разрушено? И разве не было частицы истины в проклятом жрецами учении о боге, едином для всех народов?

Харемхеб, принявший власть в пожилом возрасте, знал лучше, чем фараоны от рождения, все нужды народа. Харемхеб поставил целью своего царствования облегчить его гнет, уменьшить злоупотребления чиновничества, поднять страну из упадка, в который она впадала во время религиозных смут. Жена его, жрица Амона, поддерживала мужа-царя. Оба они восстановили храмы и их имущества, назначали праздники, жертвовали храмовую утварь, золотую, серебряную и из хороших каменных пород, и не только в Фивах, а по всей земле. И жрецы Пта в Мемфисе, и жрецы Озириса в Абидосе не возражали ничего против нового фараона. Впрочем, и протестующие их голоса почти не были бы слышны, так как восстановленная сила Амона не имела равной. Вновь и вновь доказанное его могущество сияло, как солнце, по всей земле, подчиняя и принимая в себя иные, меньшие силы. Никто не сомневался, что последняя борьба была действительно последней и теперь ничто не поколеблет славы Амона, египетского бога на вечные времена. Так предсказывали жрецы; но, глядя на эти безобразные развалины города, который тоже строился, чтоб стоять вечно, Харемхеб думал о том, что будущее скрыто от глаз человека и нельзя предугадать путей божества.

Забыт и проклят Ехнатон, имя его не произносится, именем его стало «враг из Яхт-Атона». Где обитает теперь его мятежная пылкая душа, сгоревшая, как утреннее благовоние перед священным диском солнца? Принял ли ее светonosный Ра в свою золотую ладью, перевозящую души умерших в иные, лучшие страны?

Кто был он – еретик, порождение ада, как говорят жрецы, или пророк?..

Старый, умный первосвященник Амона, стоявший рядом с царем и наблюдавший игру его печального лица, сказал:

– Истинная жизнь человека есть то воспоминание о нем, которое сохраняется в устах потомства на вечные времена.

КАК ТОТКАРА ОБЕСПЕЧИЛ СЕБЕ БЕССМЕРТИЕ

ИЗ ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Больше всего он боялся смерти. И правда, если полуголодный крестьянин, обрабатывающий землю своего господина, и каторжник, изнемогающий в каменоломнях, любят жизнь и хватаются за нее до последнего мгновения, то насколько же дороже она для фараона, владыки могущественной и прекрасной страны, самой могущественной и самой прекрасной из всех, находящихся на земле, – страны, почти не знающей дождя, страны богатой и плодородной, обвеваемой нежным северным ветром с моря, заключающей в своих недрах прекрасные каменные породы, золото и драгоценные камни? Царь Тоткара любил жизнь.

Многие тысячи военнопленных работали на постройке царской пирамиды, земледельцы отрывались от своих полей, хорошенькие, прилежные ослы умирали под непосильной тяжестью наваленной на них работы, страна напрягала силы, как во время большой войны, и всё это для того, чтобы за порогом смерти фараон мог навеки иметь то, что любил при жизни.

Тоткара не очень мечтал об обществе богов, о солнечной барке, которая перевезет его в рай, об иных странах, о неведомых блаженствах. Он хотел удержать милые земные радости. Покамест не разрушена телесная оболочка, двойник и душа продолжают существовать; поэтому главная, первая задача заключается в том, чтоб положить на-бальзамированный труп в место, не доступное ни сырости, ни огню, ни ветру, ни дерзкой руке человека. Для этого высекались гранитные глыбы, для этого полноводная река несла гигантские плоты с камнем к месту постройки, для этого умирали пленники и приводились новые.

Египтяне ликовали, завидев острие всё увеличивающегося уступчатого треугольника царской гробницы, и в религиозном экстазе падали на землю.

«Кто мог сделать это – тот сам бог; ничего подобного не было с сотворения мира», – говорили приближенные Тоткара, хотя другие, гораздо большие пирамиды уже возвышались на первом уступе Ливийского плоскогорья, на великом песчаном поле. Фараон молод, и каменная

оболочка еще не одним слоем покроет пирамиду. Великое дело требует времени и жертв.

Тоткара сам часто присутствовал на постройке, всходил на катки и валы, по которым доставлялся материал, слушал пение рабочих, в ритм песни втаскивающих пестро разукрашенные камни, следил за коробкой легких подъемных машин, похожей на люльку, и радовался.

Мудрость, знание и тысячи тысяч рук нужны для того, чтобы сделать постройку, а для того, чтобы разрушить камни, скрепленные временем и волшебными заклинаниями, — что нужно для этого? Фараон ликовал. За целость гробницы он был спокоен. Но было и другое, не менее важное, что заставляло сходиться черные брови царя и делало из его величественного лица просто жалкое и смешное лицо испуганного человека. Боги, боги — вот в ком он не был уверен.

Когда Хапу, жрец и великий чародей, попросил себе в жены одну из обительниц царского дома женщин, он получил ее легко и с многочисленными подарками, соответствующими ее достоинству как родственницы фараона.

Хапу был великий человек. Он умел прогонять злых духов, делающих человека больным; он понимал значение неподвижных звезд и таинственно идущих планет и их влияние на человеческую судьбу; он рекомендовал хорошие дни и часы и предупреждал против дурных; он предсказывал будущее и знал прошлое; он имел хорошие амулеты для ношения на теле против дурных влияний, и он знал заклинания, влияющие на богов. Это было главное. До некоторой степени он держал богов в своих руках — силой или хитростью, потому что был и очень хитрый человек.

Поэтому-то большие куски пахотной земли, и стада нубийского скота, и золото — жертвовались храму, где служил Хапу, в то время когда страна была истощена до крайности, и поэтому в дом Хапу вошла хорошенькая Катча, тоненькая и стройная, как пальма, с глазами, подведенными по моде зеленой краской, и волосами, до такой степени пропитанными благовонными маслами, что ее красивый головной платок сразу покрывался пятнами.

Сам Хапу не целовал земли у ног фараона, как делали это другие, он целовал ноги царя. Он получал собственноручно написанные письма от Тоткара. Он принимал в своем прекрасном саду сына солнца.

Однажды в час, хороший для отдыха, царь и жрец сидели в легкой пестрой беседке и играли в шахматы. Катча ходила по саду, напевая народную песенку:

Я смотрю на сладкие пироги
Так, как будто я смотрю на соль.
Сладкий виноградный сок
В моем рту – как птичья желчь.
Только дыхание твоего носа
Есть то, что дает жизнь моему сердцу.

От ее одежды расходилась струя ароматов, лоб был украшен цветком лотоса, и широкое ожерелье покрывало плечи по случаю прибытия знатного гостя, фараона. В обыкновенные дни зачастую тоненькая цепочка с амулетом вокруг бедер и браслеты составляли всю ее несложную одежду: что может быть красивей и легче!?

Казалось, Тоткара был всецело поглощен игрой: по крайней мере, он часто и подолгу замирал над какой-нибудь фигуркой, но лицо его не прояснялось и от удачного хода. Наконец он сказал то, что не имело никакого отношения к шахматной доске:

– И всякий будет вписан в книгу мира запредельного, чтоб жить вечно, всякий, кто сохранит свое тело от разрушения и снабдит душу нужными заклинаниями?

Жрец ответил:

– Не думай об этом, сын богов, я думаю за тебя. Живи и наслаждайся тем, что дает жизнь, а я приготовлю амулеты особой силы и заклинания неотразимые, чтоб двойник твой мог существовать вечно, а душа свободно прошла туда, где обитают боги, или переселилась в цветок лотоса, в ястреба, феникса, ласточку, голубую цаплю, гадюку, во что захочется ей. Не тревожься о будущем, пока я думаю за тебя.

– И всякий, кто предстанет перед Озирисом, исполнив предписанное правилами погребения, – будет оправдан на суде?

– Всякий, кто вооружен достаточно сильно.

Тоткара отодвинул шахматную доску, он не думал об игре, он не хотел играть.

Разве не может произойти ошибка? Всякий, достаточно богатый, чтоб сделать хорошую гробницу и заплатить жрецам за необходимые обряды, получит то же, что и фараон, сын солнца, и фараон рискует так же, как и они, если произойдет какая-нибудь ошибка в судилище мертвых, где восседают сорок два бога под председательством Озири-са. Пожирательница, чудовище, наполовину гиппопотам, наполовину крокодил, съедает души тех, кто не имел достаточно сильной защиты,

кто не сумел заставить богов поверить в свою силу и добродетель, обмануть их, если понадобится, — она может уничтожить и Тоткара по ошибке, потому что боги мало чем отличаются от людей и едва ли недоступны ошибкам. Хорошо похороненный, представший во всеоружии амулетов и заклинаний, мертвый говорит богам: «Я дал хлеб голодному, одежду нагому, я был кормильцем сироте, мужем вдове, костылем старику, я ежедневно говорил правду», и они должны верить ему, хотя бы говоривший был злодей и насильник. Нечто подобное есть и в человеческом суде, где богатый большей частью оказывается и правым; почему же богам и не ошибиться, как людям, если они живут по тем же законам? Тысячи и тысячи мертвых никогда не оканчивающейся вереницей проходят перед Озирисом, и одна ошибка затеряется, пройдет никем не замеченной...

По знаку Хапу Катча поднесла к носу царя душистый цветок лотоса и сказала мелодичным голосом:

— Не желает ли мой божественный родственник, сын Ра, сесть в лодку? Наши рабы пойдут по берегу и повлекут ее за бечеву, чтоб сидящий мог наслаждаться ветерком. Или не позвать ли сюда певца и арфиста? Не пригласить ли красивую танцовщицу, а мы сами ударами ладоней будем отбивать такт? Или, может быть, интереснее заняться ужением рыбы из этого канала? Сейчас принесут удобное кресло, удочки и опахала, чтоб разгонять зной, и мы посмотрим, кто из нас первый поймает рыбу. А то отправимся в тростниковые заросли за дичью — слуга поведет охотничьего кота и понесет бумеранги, а рабы будут криками и ударами по стеблям поднимать птиц... Пусть мой господин улыбнется и отгонит скверные мысли.

Тоткара улыбнулся. Смерть была далека, Хапу бодрствовал над ним и сам следил за тем, чтоб все самые сильные заклинания были выбиты в крепком камне его вечного жилища. А бесконечное бытие в веках должно быть продолжением тех праздников, какими царь наслаждался здесь. Тоткара любил жизнь в песнях, забавах, прогулках, разговорах, пирах и смехе.

Для праздников, для пирамиды и для ведения государственного хозяйства нужны были золото и пленные. Бурдид, казначей и главнокомандующий, пошел в Нубию — поплыл на длинных египетских кораблях далеко за первые пороги и за вторые, вверх по течению, в неведомые чудесные страны, таинственные и опасные. Может быть, кое-что было и преувеличено в тех рассказах, которыми моряки поражали во-

ображение слушателей, но все-таки эта страна таила в себе много таинственного и страшного. Глядя на огромные слоновьи клыки, букеты страусовых перьев, зловещее и странное оружие, звериные шкуры, чучела ярких незнакомых птиц, ожерелья из леопардовых зубов, какие-то диковинные растения и черных людей, говорящих на неведомом языке, – египтяне легко верили и во всё остальное, о чем упоминали рассказы: в злых духов, открыто являющихся путешественникам, в животных, противоестественно соединяющих в своем теле члены различных зверей – головы крокодила, тела змей, птичьи ноги, в царство обезьян, в царство карликов, воюющих с обезьянами, и многие другие вещи, о которых даже страшно говорить.

Однажды утром, когда после омовений и молитв настал час для занятий государственными делами, Тоткара узнал приятную новость.

– Всё хорошо в стране, – сказал казначей, – от порогов до Дельты. Всё хорошо. Презренные враги дрожат и падают на землю, когда слышат твое имя, могущественный небесный бык. Бурдид прислал из неведомых стран, которых достиг, один корабль с добычей. Там есть золото, слоновья кость, пленные, много мешков зерна, много звериных шкур и один маленький человечек племени Данга в подарок от Бурдида, чтобы великий фараон смотрел и смеялся. Когда сын солнца назначит аудиенцию гонцу от военачальника и посмотрит добычу?

Упоминание о карлике возбудило любопытство Тоткара, так как он любил необычайное и был любознателен, как истый египтянин.

В тот же день гонец предстал перед царем. Тоткара сидел на балконе, окруженный семейством. Нельзя же лишить детей такого необычайного и интересного зрелища, как этот чудесный человек величиной с два локтя. Главная жена, официальная супруга фараона, сидела в красивом кресле рядом с мужем.

Гонец, введенный сановниками, упал на землю лицом вниз и так лежал долго, не поднимая головы.

– Царь ослепил этого бедного человека своим блеском, так как он есть солнце, сияющее на небе, – сказал казначей, стоящий в позе почтения очень близко к балкону.

– Пускай прибывший встанет и говорит, – повелел фараон.

Гонец поднялся, передал письмо от военачальника и рассказал в кратких словах путешествие Бурдида до той минуты, когда один из кораблей повернул назад с добычей. Свою речь он кончил так:

– Прекрасный бог повелел – и вот сделано. Сын солнца приказал – и вот исполнено, потому что сами боги слушаются его голоса. Презренные враги сметены с лица земли; народы восхваляют своего владыку.

Тоткара остался доволен и добычей, пронесенной перед ним. Он наградил гонца золотым ожерельем, но отсутствие карлика вызвало досаду и нетерпение во всем царском семействе.

Наконец ввели и его. Это было крошечное существо неопределенных лет, с сморщенным личиком. Темная сероватая кожа, большой живот, тоненькие ножки – всё это было отвратительно и смешно, а бегающие глаза могли испугать своим диким выражением. Рядом с ним шла обезьяна, такая же дикая и нелепая со своими длинными руками и полузвериным, получеловеческим грустным лицом. Ради шутки на обоих пленниках была одинаковая одежда: яркий передник вокруг бедер и фантастическое ожерелье из зубов на шее.

Это вызвало общий восторг. Глядя на фараона, и придворные смеялись, стараясь делать это как можно громче, потому что веселье порождает веселье. В конце концов поднялся такой шум, что маленькую царевну пришлось унести на руках. Тоткара со слезами на глазах, задыхаясь от смеха, собственноручно прицепил к золотому ожерелью на шее гонца еще два других – так он был доволен, когда карлик, напуганный шумом и блеском, кинулся к тонкой колонке балкона и быстро влез по ней на крышу. Это было необыкновенно забавное зрелище!

Человечка поймали и немного посекали.

Карлик Данг, выросший в тропических лесах Африки, где солнечные лучи не освещают почвы между гигантскими голыми стволами, потому что высокий потолок зелени непроницаем, – этот дикарь был все-таки человеком, и очень хитрым к тому же. Через несколько дней он усвоил себе правила поведения и понял, чего хотят от него эти большие люди. Естественную гримасу своего лица Данг еще усиливал и разнообразил, телодвижениями напоминал то обезьяну, то птицу, то змею, и фараон, услышав издали его голос, уже заранее начинал смеяться. Его танцы и исковерканная речь собирали весь двор, как на праздник, а когда занимались делом сановники и фараон – потешались слуги. Маленькое существо скоро оказалось всесильным.

Катча не могла прийти посмотреть на новую забаву двора: она подарила мужу своему наследника и теперь лежала, принимая подарки и поздравления. Фараон тоже пришел и положил на постель своей хо-

рошенькой родственнице баночку с драгоценными благовониями. Посмотрев на младенца, похвалив мать, он сказал:

– Ты знаешь, что Бурдид прислал мне карлика Данга? Нет ничего более смешного на свете, чем пляска этого животного.

Глаза Катчи заискрились любопытством – ведь она была еще так молода и так любила смеяться. О карлике она слыхала от подруг и мечтала скорей посмотреть на танцы.

– Так вот: ты увидишь его здесь, ты увидишь его сейчас – я привел его, чтоб порадовать тебя, – сказал Тоткара торжествующе.

На зов карлик вбежал так быстро и бесшумно, как будто вырос у изголовья Катчи. Морщинистые щеки раздулись пузырем, рот сжался в узкую линию, а глазки совсем спрятались, так что только черненькие точки мерцали где-то в складках кожи, – и Катча расхохоталась. Бывают же такие уроды! На всякий случай она велела унести новорожденного и оцупала на себе сильный амулет против дурного глаза и тогда уже, успокоенная, могла смеяться сколько угодно.

Фараон, как влюбленный, повсюду брал с собой карлика. Но даже самая сильная любовь слабеет со временем. Тоткара смеялся, но однажды, при закате солнца, снова в его голову пришли темные и печальные мысли:

«Вот я наслаждаюсь, а что будет после, когда придется покинуть этот веселый мир? Будут ли за гробом потешаться плясками Данга, который умеет прогнать самые грустные мысли? Что если боги не обратят на него особого внимания и произойдет какая-нибудь ошибка, несмотря на чудесные заклинания Хапу? Правда, изображения гробницы обеспечивают его двойнику всё любимое им при жизни: там есть и пиры, и охота, и рыбная ловля, и катанье в лодке, и игра в шахматы, и арфисты, и танцовщицы; там есть посев и жатва хлеба, и сбор винограда, и разливание вина по бутылкам, и солка дичи, и приготовление обеда, начиная с мясника, занесшего свой нож над быком, кончая столиком, уставленным чашками всевозможных форм; там есть его главная супруга, его другие молоденькие жены, его наследник, его любимая дочка, его казначей, его друг Хапу, его хорошенькая родственница Катча, его приближенные, его слуги, его рабы, музыканты, его повара.

И тексты заботятся о том же: меню обеда записано на стенах гробницы, надписи гласят: “Голод, не подступайся к этому новому Озирису: он питает отвращение к голоду и не вкушает его; он питает отвращение к жажде и не пьет ее”. Чтобы обмануть и утратить богов, умерший

называется Озирисом: ведь Озирису не может быть ни в чем отказа. Он называется всеми богами: он Гор, он Тот, он творец вселенной во всем ее многообразии, он – жрец разных храмов, чистота его очевидна; даже отдельные члены его боги: его нельзя схватить за локоть, удерживать за руку, ни люди, ни боги, ни тени, ни мертвые – никто не может произвести над ним насилия. Боги должны поверить и устрашиться.

Но ведь всё это – только в меньших размерах – есть и у других богатых египтян. Сотни их умирают каждый год – при таком наплыве возможна ошибка. Разве не так? Пусть Хапу – могучий чародей, его талисманы чудесны, но если на них не обратят должного внимания?»

Карлик подбежал своими неслышными шагами; увидев лицо господина темным и грустным, он захлопал в ладоши и начал дикий танец, всегда смешивший царя до слез. Действительно, Тоткара рассмеялся, но вдруг лицо его выразило какое-то радостное изумление: он встал и кликнул отрока, всегда находящегося неподалеку:

– Беги в дом Хапу и скажи, чтоб он пришел.

Карлик хотел удалиться, но Тоткара воротил его и, сняв с своего пальца перстень, дал Дангу.

Когда пришел Хапу, царь сказал весело:

– Боги не откажут мне ни в чем, боги будут радоваться, еще никем не было сказано подобное. Вот что ты прикажешь выбить между другими хорошими надписями моей гробницы, чтоб обеспечить внимание и благосклонность богов, чтоб они веселились и смеялись: «Царь Тоткара есть данг танцующий, он радость богов, танцующая перед их троном».

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИСТАР

Первый раз Истар приехала из далекой Ниневии в Фивы тогда, когда злые духи поселились в животе и голове фараона Аменхотепа III.

Случилось это так: после нескольких дней недомогания фараон заболел какой-то мучительной, неведомой болезнью, и никто не мог помочь ему. Ни боли в голове, ни боли в желудке не уменьшались от самых сильных заклинаний. Напрасно бритые жрецы со свитками папируса в руках совершали нужные обряды, без ошибки, без колебания, без дрожи рук, именно таким голосом и такими интонациями, как это предписывалось, — злые духи не покидали больного. Прекрасные заговоры не оказывали действия. Напрасно живот фараона назывался животом бога Гора, а голова его — головой владыки царства запредельного Озириса, напрасно сам больной получал имя бога Ра, и бога Пта, и бога Амона — эти хитрости не оказывали ожидаемого действия. Злые духи-мучители продолжали терзать внутренности человека так, как они, конечно, не посмели бы терзать внутренности могущественного бога.

Тогда Тия пришла в отчаянье.

Тия была главная жена фараона, царица Египта. Недаром Аменхотеп обошел княжеские семьи и женился на ней, не обращая внимания на низкое происхождение. Тия была умна и энергична, а что касается до благородства, то у Аменхотепа его могло хватить на двоих: сам он происходил по прямой линии от бога солнца Ра. В конце концов, он не думал вовсе о происхождении, потому что любил ее.

Перепробовав всевозможные средства, Тия пришла в отчаянье.

Кажется, не оставалось в стране жреца-заклинателя, жреца-врача, мало-мальски известного, который не побывал бы во дворце и не ушел бы оттуда разочарованный: злые духи крепко засели в животе фараона, сына солнца, и не хотели удаляться.

Посол Сатарны, царя Митанни, собирался возвращаться к своему владыке. В Египте он получил хорошие подарки от щедрого фараона, от Тии, от царских родственников. Его благодарное сердце опечалилось, когда опечалился весь дворец. И этой печали не изгладила длинная дорога.

По прибытии в свою страну посол рассказал своему владыке правду о дворе фараона, об отчаянии царицы, о муках могущественного,

щедрого сына Солнца, о болезни, держащей его между жизнью и смертью, прикованным к постели.

Сатарна задумался. Он любил повелителя Египта. Во-первых, этот храбрый человек просто внушал симпатию. Недаром же он всем иным удовольствиям предпочитал охоту на львов: сам он был как лев пустыни. Во-вторых, подарки, присылаемые Сатарне, были прекрасны. Золото, много золота, много красивых и дорогих вещей подарил уже Аменхотеп. Говорят о Египте, что там даже придорожная пыль золотая. Если это и не так, то, во всяком случае, богатства страны неисчерпаемы, и верные друзья еще на многое могут надеяться, пока жив щедрый владыка.

И кроме всего этого, хорошие отношения с могущественным Египтом были необходимы из политических соображений: с севера наступали хетты, южная соседка Вавилония оспаривала власть Сатарны над маленькой воинственной Ассирией, и без поддержки Египта царь Митанни не спал бы так спокойно на своей роскошной постели.

Сатарна был человек очень религиозный. Он верил не только в своих богов, но и в богов подвластной Ассирии. Богов далекого Египта и своего врага Вавилонии он чтил тоже, но Истар, ассирийская богиня, казалась самой уместной в данном случае. Он решил отправить богиню в Египет своему больному другу, потому что сила ее несомненна, а чудеса многочисленны. Немало числится за ней и исцелений от разных болезней, как в древние времена, так и теперь, и всегда.

Так как дело было важное, то Сатарна сам лично отправился в Ниневию, город, где стоял храм Истар. Там, в верхнем этаже башни, в маленьком темном святилище, жила богиня.

Внизу были расположены помещения жрецов, библиотека, кладовые, конюшни, на большом дворе росли священные деревья и стояли жертвенники; приходили богомольцы, одни с просьбами, другие с благодарностью, одни радующиеся, другие плачущие, но в маленькой темной камерке богиня была далека от тех и от других, неподвижная под драгоценными украшениями.

Важные жрецы не сразу согласились отпустить владычицу. Если она и доберется благополучно до далеких Фив, то ведь никому не известно, вернется ли она назад? Если повелительница неба и земли изгонит из фараона злых духов-мучителей, то не пожелает ли он задержать исцелительницу навсегда, чтоб и впредь пользоваться ее милостями? А лишенный священного изображения храм придет в ветхость, бого-

мольцы перестанут приносить жертвы. Без мяса жертвенных животных, без золота, без зерна, без оливкового масла, без фруктов, без вина – что станется с многочисленными служителями, живущими вокруг храма?

Но царь всегда царь, а особенно когда он повелевает. Сатарна непременно хотел излечить своего друга, владыку Египта, и в конце концов главный жрец счел за лучшее увидеть пророческий сон, в котором богиня сама высказывала желание совершить путешествие.

Это разрешило вопрос.

В сопровождении приличного числа своих служителей, посла с письмом от царя Митанни и военной охраны Истар отправилась в путь, запертая в крепком ковчеге.

Предупрежденный гонцом двор ожидал необычную гостью с волнением. Не только иностранцы, выходцы из Вавилонии, Митанни и Сирии, жаждали поклониться ей, но и многие египтяне уже слыхали об чудесной силе ниневийской богини.

Тия верила, быть может, менее всех в грядущее исцеление, но ведь остальные средства не помогли, – почему бы не попробовать этого? Она заготовила хорошие помещения для гостей и послала им навстречу своих людей.

Больной имел ужасный вид. Он был худ, как колос, иссушенный ветром пустыни.

Никто не мог уловить момента перелома болезни, но всем казалось, что он наступил именно тогда, когда сверкающую драгоценностями статую внесли в спальню царя. Жрецы говорили на неизвестном языке заклинания. Никто не понимал их, но тем значительнее и страшнее они казались. Одним словом, не прошло и месяца по водворении Истар в Фивах, как боли в желудке Аменхотепа уменьшились и появился аппетит. Правда, иным казалось, что улучшение замечалось гораздо раньше прибытия азиатской богини, но общая вера была так сильна, что они скоро позабыли это и присоединили свои голоса к хвалебному хору. Сама Тия повесила на шею идола ожерелье, не имеющее равного во всем мире по тонкости работы и красоте синих и зеленых камней.

После больших торжеств и щедрых подарков Истар отправилась домой, сделав свое дело.

Фараон поправлялся с каждым днем. Он уже слушал по утрам донесения визиря и казначея, внимательно читал документы, ждущие его подписи, и в свободное время просматривал дела, решенные в дни его болезни Тией. Конечно, другая женщина не могла бы поступать столь

же умно, как эта. И не ей ли, пожелавшей приезда Истар, обязан фараон своим спасением?

Итак, ассирийская богиня уехала, осыпанная подарками, да и из ее свиты не было ни одного, ропщущего на судьбу.

Этот случай произвел большое впечатление на умы фиванских горожан. Чудесное исцеление жило в памяти людей, как будто только вчера случившееся. Когда болел или умирал кто-нибудь, тотчас окружающие повторяли имя Истар, которая могла бы спасти умершего.

Между тем к Аменхотепу вернулись силы. Тогда он и совершил свой единственный поход на юг. Воинственные предки царя поселили такой страх в соседних народах, что Аменхотепу оставалось только пользоваться его плодами. Когда же беспокойное черное племя безрассудно преступило присягу в верности, то царь в быстром походе показал свою воинственную мощь. Далеко вверх по течению Нила победные надписи перечисляли покоренные племена и взятую добычу, так что это занимало много строк.

С точностью и любовью к порядку, свойственными египтянину, на надписях этих отмечалось число пленных и убитых, которых считали по отрубленным рукам:

Живых негров	150	голов
Мальчиков	110	«
Негритянок	250	«
Старых негров.....	55	«
Детей.....	175	«
Всего вместе	740	голов
Число отрубленных рук	312	«
Всего с живыми головами.....	1052	«

Но больше походов фараона занимала строительная деятельность. Храмы его, прекрасные по замыслу и художественно исполненные, по всему Египту прославляли богов и своего строителя. В Фивах, на острове Филэ, в Нубии, повсюду росли эти роскошные здания. Особенным уважением пользовался фиванский бог Амон: большая часть черного дерева и зерна, получаемых с юга, поступала в руки его жрецов, увеличивая их силу.

Хотя Тия, которая была родом из Илиополя, и принесла ко двору культ бога солнца, древнее учение, возрожденное в тишине кабинетов илиопольскими жрецами, но всё же она не могла бороться с могущественными жрецами Амона. Фараон охотно слушал новое учение о едином боге, равно для всех стран и народов посылающем свой свет с высоты неба, но всё же не отказывался от Амона.

Государственная казна пополнялась податями покоренных племен. Жрецы же Амона становились всё богаче и влиятельнее.

Главный царский архитектор, мудрец и чародей, обладавший большой силой, задумывал фантастически красивые постройки, предназначенные стоять вовеки. Так, перед новым храмом Амону он поставил два изображения царя из красно-коричневого песчаника высотой в сорок локтей. Вырезанные из цельного камня, эти статуи были доставлены в Фивы на восьми судах, и прибытие праздновал весь город. Поставленные же, они подавляли величиной весь храм и башни перед его входом – так были тяжелы и громадны. Недалеко в этой же местности зодчий выстроил здание из белого алебастра, розового гранита и черного камня, похожее на неведомый огромный цветок.

Блестящий и могущественный фараон запечатлел свое царствование в этой красивой стране, которой повелевал.

Года проходили незаметно. Давно сын солнца отпраздновал свой тридцатилетний юбилей.

Сатарна умер, и ему наследовал его сын Тушратта, также полный симпатиями к Египту. Он писал:

«Царю Египетскому, моему брату – Тушратта, царь Митанни. Мои дела идут хорошо. Привет тебе, привет моей сестре, привет твоему дому, твоим женам, твоим сыновьям, твоим вельможам, твоим воинам, твоим коням, твоим колесницам и твоей стране большой привет. Мой отец был в дружбе с тобой, и ты, вероятно, любил его еще больше. И мой отец во имя этой любви отдал тебе мою сестру. И кто другой был так близок к моему отцу, как ты? А я подношу еще больше, чем мой отец, – всю страну хеттов. Когда враги вторглись в мою страну, бог предал их в мои руки, и я разбил их; никого не было среди них, кто бы возвратился домой. Посылаю тебе боевую колесницу, двух коней, мальчика и девочку из военной хеттской добычи. В подарок моей сестре – пару золотых ожерелий, пару золотых серег, каменный сосуд с благовонным маслом. Пусть мой брат поддерживает дружбу со мной и направит ко мне послов, чтобы те принесли мне привет моего брата».

Аменхотеп посылал и ему подарки. Может быть, не так щедро, как его отцу, потому что фараон старел и не мог уже так хорошо вести государственное хозяйство, но, однако, это были все-таки хорошие подарки.

Фараон старел.

Сначала это была просто усталость после долгой ходьбы и езды в тряской колеснице. Он переменял образ жизни, больше сидел в своем прохладном кабинете и в легких пестрых беседках царских садов.

Но, несмотря на это, годы проводили по его лицу тонкие морщинки, сила рук исчезала куда-то, память слабела.

Умная и энергичная Тия помогала мужу в делах и зачастую слушала вместо него донесения визиря и казначея о том, что всё хорошо в стране. Она даже принимала самостоятельное участие в переписке с соседними державами.

Аменхотеп же прислушивался к своим старческим недомоганиям и печалился. Нос его не наслаждался благовонием лотосов, плававших в прудах. Язык не различал нежного вкуса свежего пива и сладких густых ликеров. Глаза потеряли зоркость. Слух не воспринимал, как прежде, криков ястребов, парящих над нильской долиной, и веселого пенья певцов, которых звали для развлечения царя. Красивые танцовщицы тоже нисколько не занимали его. Усталая сонливость обволакивала члены повелителя Египта, так что целые дни он лежал неподвижно.

Как ни энергична была Тия и ее помощники, отсутствие сильной руки Аменхотепа сказывалось во всем. Кроме того, дряхлость царя, которого помнили еще недавно таким могущественным, как лев пустыни, — печалила всех его друзей.

Был ли другой фараон, равный этому в деяниях? Разве не при нем, широко раздвинутая в своих пределах, страна пользовалась таким ненарушимым покоем и благоденствием? Много ли во всем мире есть зданий, равных по величию и красоте тем, которыми украсил он Египет от вод зеленого моря до дальних южных земель, населенных чернокожими племенами? И вот рука строителя и завоевателя лежит, как веревка, бессильная держать даже легкую тростниковую палочку, которой подписывают решения на делах.

Сановники ходили с грустными лицами, родственники царя вздыхали.

Тогда Тия собрала вокруг себя самых мудрых людей страны на совет. Пусть ей скажут, что это такое случилось с божественным сыном

солнца? Почему дрожат его руки? Почему слезятся глаза? Что грозит ему дальше?

Самые мудрые люди страны знали, что за старостью следует обыкновенно смерть. Но что же такое сама смерть? Разве не может человек существовать вечно?

Египетская мудрость учила, что человек не умирает сам, что смерть не естественна, а приходит всегда от посторонних причин: от колдунов, насылающих порчу, от злых духов, от голодных и раздраженных душ тех мертвецов, которых не погребли или лишили заупокойных даров, — не будь этого, человек жил бы вечно. Старческая дряхлость тоже объясняется чьей-то злой волей. Несомненно, что царя мучат какие-то злые духи. Может быть, мертвецы приходят к нему по ночам и терзают, поэтому днем он такой слабый и сонный. Поэтому он теряет силы.

Что же делать?

Один предлагал вылепить восковую фигурку колдуна, исколоть ее иглою и сжечь с заклинаниями. Если злой человек наслал болезнь на царя, то зло обратится на него самого и он умрет. Другой советовал повесить у дверей комнаты больного разные страшные изображения — отвратительных чудовищ из глины и дерева, чтобы мертвецы, приходящие ночью, увидели, испугались и не посмели войти. Третий, жрец Амона, отвергал эти колдовства и просто рекомендовал обратиться к богам с щедрыми вкладами и многими жертвами. Четвертый, старый ученый, предлагал поехать в Мемфис, древнюю столицу, и там в покинутых гробницах поискать особенно сильных заклинаний против духов.

Тия слыхала всё это уже давно. Все средства были использованы и ничего не принесли. Больной засыпал, слушая могущественные заклинания, и просыпался таким же старым и слабым, как и засыпал. Истар! Вот к кому следовало обратиться. Ведь и прошлый раз, давно — десятки лет тому назад — египетские боги оказались бессильными перед болезнью, которую изгнала она, азиатская богиня. Тия позвала посла Тушратты и переговорила с ним.

Когда в столице узнали, что Истар Ниневийская снова едет к ним, то ликованию не было конца. Сама она, исцелительница, прибудет сюда! Одни радовались за фараона и за Египет, для которого с исцелением владыки снова настанут дни славы; другие рассчитывали излечить свои собственные недуги или недуги своих близких.

Если эта вера и не была всеобщей, то, во всяком случае, мудрецы, настроенные недоверчиво, молчали. Народ же, среди которого ходили

преувеличенные рассказы о первом исцелении владыки, теперь готов был слепо верить всему. Шепотом на ухо передавались такие подробности, о которых никогда и не слыхали при дворе; уже не одно чудо, а целые десятки чудес возникали вокруг ниневийского идола и иноземных жрецов. Поэтому в день прибытия долгожданной гостьи рабочие кинули свои работы, как в праздник, древние старики повылезли из темных лачуг, женщины принесли младенцев – все вышли на встречу процессии.

Тушратта писал в письме, отправленном при статуе.

«Так говорит Истар Ниневийская, владычица всех стран: «В Египет, в страну, которую я люблю, иду я!» Я посылаю ее тебе, она отпавилась. Уже в дни моего отца владычица ходила в эту землю, и как тогда ее чтили, так да почитит ее теперь мой брат в десять крат больше и да отошлет и вернет ее в радости. Да сохранит Истар, владычица небесная, моего брата и меня на сто тысяч лет и да подаст она нам обоим великую радость. Да живем мы в добром согласии, – Истар для меня – моя богиня, а для моего брата она не его божество».

Последняя фраза должна была предостеречь Аменхотепа от присвоения им чужеземной богини после того, как чудо совершится.

Жрецы, окружающие Истар, были новые, не те, которые привозили ее прошлый раз. Быть может, они не знали таких хороших заклинаний или что-нибудь другое, но, во всяком случае, исцеление замедлялось. Конечно, болезнь была слишком долгой и тяжелой, чтобы сразу исчезнуть, но дни шли за днями, а никакой, даже маленькой перемены в здоровье Аменхотепа не приходило, хотя все следили с напряженным вниманием.

Однажды вечером больной забеспокоился. Он стонал и бормотал что-то. Пришли жрецы и обнесли вокруг постели статую богини. Когда он заснул тихо и крепко, они сказали, что всё идет хорошо, что богиня поборет болезнь, изгонит злых духов, и царь станет снова бодрым и молодым.

Однако наутро Аменхотеп оказался мертвым. Он лежал в той же позе, как лежал с вечера, и спокойное лицо не выражало страданий: злые духи-мучители, действительно, покинули царя.

Через несколько минут дворец наполнился стонами и криками. Сначала закричали в главном здании, затем в павильонах, в женских помещениях, в службах. Жившие вблизи дворца сановники подхватили крик, ближайшие городские кварталы услышали его и мгновенно

разнесли новость по городу: все выбегали на улицу и присоединяли свои голоса к хору жалоб:

– Умер, умер великий, добрый, прекрасный господин земли! Умер, закатился за свой горизонт, подобно тому, как закатывается ввечеру его божественный отец солнце! Оставил страну во мраке и печали! Умер, ушел в страны преисподние, присоединился к богам, оставил сиротой свой народ.

Женщины распустили волосы, мужчины жестами выражали отчаяние. Скоро весь Египет узнал печальную новость, и там, куда являлись царские гонцы, люди одевались в траурные одежды.

Во дворце же все ходили с красными от слез глазами, которые казались еще красней от выбритых в знак траура ресниц.

Приехавшие из города мертвых жрецы увезли неподвижное тело царя на другую сторону реки в дом бальзамирования, а ассирийские жрецы скоро отправились в обратный путь с богиней, которую никто не старался задерживать.

Семьдесят дней лежал царственный труп в соляном растворе, приобретая себе бессмертие. Плоть, пропитавшаяся этим раствором, не подлежала тлению, а пока не разрушена оболочка, душа может вернуться в нее или существовать самостоятельно, но не умирать; так учила египетская мудрость.

Когда после благочестивых церемоний, после погребального пира покрытая золотом и драгоценностями мумия царя была положена в саркофаг и вход в гробницу заделан, когда Тия и сын ее, наследник отцовского престола, вернулись во дворец – жизнь потекла прежним порядком.

Люди набожно хранили память о блестящем царе, от которого остались только прекрасные храмы по всей египетской земле, только многочисленные статуи и победные надписи в далеких странах. Тушратта прислал новому царю письмо, трогательно выражая свою печаль:

«Когда брат мой последовал своей судьбе, мне объявили об этом, я узнал. Я плакал в этот день, сидел ночью, ничего не ел и сокрушался. О, если бы мой брат, любимый мною и любивший меня, был жив».

ХИТРОСТЬ МУДРОГО СЕМ-НОФЕРА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ (Из древнеегипетской жизни)

Хуфу родился в хороший день. Было большим счастьем для человека родиться в этот день, обещавший богатую, спокойную жизнь и тихую смерть в старости. Конечно, это никого не удивило, так как Хуфу был старшим сыном могущественного фараона, происходившего от бога солнца Ра: кому же, как не ему, предстояло прожить жизнь в довольстве и радости и тихо умереть на ложе, окруженном детьми и внуками?

Однако вышло иначе. Боги решают и изменяют свои решения, не спрашиваясь у людей.

Однажды Ускаф, великий фараон, повелитель Верхнего и Нижнего Египтов, сын солнца, отправился на ту сторону реки к равнине, прорезанной тут и там треугольниками пирамид. На границе пустыни он воздвигал и свое вечное жилище, достойное принять бога. Ведь всякий фараон после смерти делался богом и получал жреца, служившего новому богу. Для этого с восточной стороны к строящейся пирамиде примыкал храм.

Большая пирамида предназначалась самому Ускафу, а две маленькие, стоявшие возле нее за той же стеной, — его жене и детям, тем, которых он хотел сохранить вблизи себя после смерти.

Везде кипела работа. Обнаженные рабочие таскали камни, надсмотрщики с палками в руках бегали с места на место, показывая свое внимание и усердие, царские скульпторы выбивали в стенах храма по рисунку, сделанному красным карандашом, фигуры богов и людей, а над всем этим царил маленький сухой старичок Сем-Нофер, царский родственник, зодчий и мудрец. Он смотрел вокруг спокойными маленькими глазами, и пирамида росла: каменные массы не заваливали погребальных комнат и подземных галерей, плиты плотно приходились одна к другой, так что даже лезвие кинжала не вошло бы между ними. И всё это делалось для сохранения жизни фараону на веки веков.

Глядя на гигантское сооружение, Ускаф проникался уважением к себе. Было ли где за пределами Египта что-нибудь подобное? Конечно,

но, нет. Впрочем, он сомневался даже, было ли вообще что-нибудь по ту сторону гор, окружающих Нильскую долину. Там не росли финиковые пальмы, не колосились поля, оттуда вечно надвигались злые пещеры и дышал иссушающий зной. По мнению придворных, быть владыкою Египта значило быть владыкой вселенной. Ускаф не сомневался в расположении богов к себе и своему семейству.

Он стоял на высоком мощеном валу, по которому перетаскивались глыбы гранита от реки к постройке. Вокруг двигались и шумели рабочие, кричали надсмотрщики, а за ними, тут же совсем рядом, лежала пустыня. Она молчала торжественно, как будто наперекор фараону, и обжигала своим раскаленным дыханием спины рабочим. Казалось, она не любила шума и требовала уважения к себе.

На другой стороне Нила, против поля пирамид, стояли дома и храмы Мемфиса, зеленели сады, окружающие дворец.

Несмотря на движение, на сотни легких тростниковых лодок и изукрашенных барок, как будто ползущих своими длинными лапами-веслами по реке, фараон сразу заметил большую лодку, отделившуюся от пристани. Сильные гребцы отчаянно подымали и опускали весла, как будто спасаясь от погони. Лодка опередила все другие судна, идущие в том же направлении, — значит, немалая причина гнала ее. Уже все заметили ее и следили с интересом, стараясь угадать причину такой поспешности. Но ни малейшее беспокойство не проникло в сердце фараона.

Когда гребцы подняли весла и толстый Ти выскочил на землю так, как будто толчок лодки о берег выбил его, он побежал с тою же скоростью вперед, вверх по уклону вала, задыхаясь и вопя:

— Несчастье, несчастье, мой господин!

Милостью фараона Ти, управляющий женской половиной двorca, был избавлен от необходимости целовать прах у ног царя. Но сейчас он упал перед владыкой, принял лицом к горячей пыли и посыпал ею свой парик.

— Что случилось, говори, — приказал Ускаф.

Ти причитал громко:

— О, случилось большое несчастье! Как мог допустить это великий Ра, плавающий по небу в своей золотой барке! Почему Пта, повелитель Мемфиса, отец богов, не охранил ребенка! Большое несчастье случилось с первенцем царя, с Хуфу, который отправился сегодня играть с сыном презренного ремесленника. Никто не заметил, как

вышел божественный ребенок, и вот его достали из пруда лишенным дыхания. Умер первенец фараона, присоединился к богам!

Ускаф почувствовал, что с его сердцем стало делаться что-то необычное. Он стоял, как подобает владыке, принимающему подданных, с руками, вытянутыми вдоль тела, и ногой, выставленной вперед. Но все линии перед ним стали дрожать и мутнеть, наконец крупная слеза потекла по его щеке. Он понял: Хуфу больше не существовал для живущих, мальчик не будет больше играть у ног отца, не вырастет, не украсит голову двойной короной Египта. Мрак подземелья примет его маленькое тело, а душа улетит в виде птицы с человеческим лицом.

Вельможи, окружавшие владыку, присоединили свои голоса к плачу Ти. Рабочие побросали работы, палки надсмотрщиков застыли в их руках над спинами провинившихся, художники и их ученики выскочили из внутренних покоев. Все спрашивали друг друга, и когда узнавали, то подхватывали причитание. Рабочие кричали и посыпали голову песком: для них это был всё же отдых, и никто не смел прервать плача, затянутого по царственному ребенку.

Когда фараон вернулся во дворец, там еще лежал маленький холодный труп. Жрецы должны были приехать за ним немедленно после оплакивания и увезти в дом бальзамирования. Мать, полуобнаженная, с распущенными волосами, спешила нагладиться на сына; но темная страшная желтизна покрывала его маленькое тельце, ноги застыли, странно согнутые в коленях, неподвижные тяжелые ресницы таили тень, которой не суждено никогда рассеяться.

На следующий день Ускаф приступил к расследованию дела, спросив предварительно на это позволения у богов. Так как Пта Мемфисский не возразил ничего и даже сам через жреца указал час, в который лучше всего произвести допрос, то все свидетели по этому печальному делу и были собраны в большой зале дворца. Их лица были бледны, а члены дрожали. Они лежали на земле у ног владыки, как стадо баранов, и ждали вопросов. Сапожник Уну почти касался головой возвышения, на котором стоял золотой трон фараона.

Когда Уну приказали говорить всё, что он знает, бедный человек рассказал, заикаясь, что живет он недалеко от дворца, что сын его – ровесник принца – неоднократно бывал в саду царского дома женщин и там играл с детьми. В этот раз сам принц зашел к ним, никто не со-

проводил божественного ребенка. Мальчики убежали вдвоем, а через некоторое время крики соседей известили о несчастье: какие-то дети подрались на берегу пруда и упали в воду. Помощь прибыла слишком поздно: оба они были вытасканы бездыханными. Один оказался божественным первенцем фараона, другой – собственным сыном Уну. Больше он ничего не знает.

Свидетели подтвердили это. Но рассказ бедняка еще усилил печаль и гнев Ускафа. Из-за мальчишки нищего, каких тысячи бегают по улицам Мемфиса, погиб тот, в чьих жилах текла божественная кровь. А этот человек, беспечно отпустивший детей, недоглядевший за сыном владыки, жив и наслаждается солнечным светом. Смерть и ему, посмевавшему спокойно заниматься своим делом в то время, когда погибал божественный ребенок.

Уну с покорностью выслушал эти слова. Он не стал умолять о прощении, а только сказал тихо, как бы оправдываясь:

– Мои родители-старика живут со мной. Всех надо прокормить. Я не мог кинуть работу – заказчики не любят ждать, и если бы я пошел искать детей, семья голодала бы два дня.

Это тоже было справедливо, но сердце фараона болело и легко поддавалось гневу.

Он подумал о несчастной царице, рыдающей над маленьким трупиком, и сказал:

– Для всех твоих было бы лучше голодать не только два дня, но и два года... К несчастью, и твоя смерть не вернет дыхания тому, кто умер.

Приговоренного отвели в темницу, где содержались узники царя, и поместили там в ожидании казни. О семействе же его забыли.

Весь дворец облекся в траур. Из женской половины часто слышался громкий плач, крики и причитания. Женщины собирались вокруг рыдающей матери и говорили о маленьком покойнике. В знак траура они не причесывали волос, не белились, не красили бровей.

Но дни проходили, и вот царь снова принялся за дела. Послушный приказанию богов, он вышел из внутренних комнат и сел на трон у больших ворот дворца. Сюда приходили люди, не нашедшие справедливости у судей в провинции, и спорящие граждане Мемфиса за разрешением своих тяжб. Здесь фараон был равно доступен всем – богатым и бедным.

С умом, ничем не омраченным, и сердцем спокойным фараон выслушивал внимательно обе стороны и давал приговоры. Как боги благи и справедливы, так и сын солнца должен быть благим и справедливым. Ни богатство, ни заслуги, ни родственные связи – ничто не спасало виновных. Истина и справедливость – вот что должно было быть начертано в сердце божественного судьи.

В числе других, ищущих суда, предстало двое – два человека, очень различных по виду. Один из них был Сем-Нофер, великий мудрец, царский зодчий. Широкое золотое ожерелье покрывало его плечи, а от тонких одежд и искусно завитого парика исходило нежнейшее благовоние. Он выступил вперед и, указав на изнуренного трудом, спаленного зноем, полуголого рабочего, сказал:

– Я хочу, чтоб владыка здесь всенародно рассудил нас по справедливости и определил должную меру наказания для этого негодяя. Сын солнца не ошибается, слова его правильны, решения мудры, сами боги прислушиваются к речам фараона. Так вот: этот презренный, который дрожит и не может смотреть на свет от страха, был нанят мною, чтоб помогать главному садовнику. В саду гуляет моя жена и дочери, там и сам я отдыхаю в легкой беседке, и друзья приходят полюбоваться редкостными деревьями. Хорошее, тенистое дерево – гордость хозяина, и в моем саду много деревьев, которыми можно гордиться. Но лучше всех и дороже моему сердцу было там дерево смоковницы. Что за листья украшали его, что за плоды, достойные стола богов! Я дал ему имя «Радостный отдых», потому что оно росло у самой беседки и простирало ветки к отдыхающему на скамье.

Новый работник старался и работал хорошо. Лучше моих рабов он чистил дорожки, посыпал их красным песком, вырывал сорные травы, следил за поливкой, а иногда и сам черпал воду в тяжелые бадьи из канала, потому что он бедный человек и не боится труда. У него семеро детей и больная жена – не каждый день им всем приходится есть. Я скоро стал доверять сад усердному работнику. Он и в отсутствие старшего садовника следил за всем хорошо: возвращаясь, я всё находил в порядке, листья зеленели, плоды созревали. Но недавно случилось страшное несчастье: зайцы или кабаны обгрызли внизу «Радостный отдых», и дерево засохло. Презренный, нерадивый, подлый слуга не присмотрел за садом, не поставил сторожей, не позвал охотников, не убил меткой стрелой зверя. Теперь кора вокруг смоковницы объедена, большие листья опустились, как при засухе, сморщились недозревшие

плоды, дерево погибло. Прекрасное, любимое дерево! Что сделать с подлым рабом, которому был поручен сад? Пусть накажет его божественный повелитель достойно. Пусть все семеро детей – если голод на задушит их – помнят до глубокой старости о вине отца. Пусть жена его, истощенная нуждой, проклянет свою судьбу за встречу с этим человеком. Я был почтен сыном солнца и приближен, пусть же повелит божественный судья дать три сотни сильных палочных ударов этому негодяю за его ужасную вину.

Ускаф слушал с некоторым изумлением. Отчего же разгневанный Сем-Нофер, ежедневно бывающий во дворце, ничего не говорил об этом деле раньше? Впрочем, печальные события последних дней могли помешать ему. Еще изумила фараона необычная жестокость старого мудреца.

Триста сильных палочных ударов – это почти верная смерть для такого слабого, немощного тела. И правда, какой жалкий вид у провинившегося, как он худ! Как только мудрый Сем-Нофер мог взять такого рабочего! А ведь и он нужен семи детям, семи маленьким существам, которые, наверно, еще ни в чем не провинились перед богами. Если это жалкое тело лишится дыхания, то дети погибнут от голода. И за что карать его? За прекрасное дерево: за дерево, каких сотни в богатом Египте? Да и виноват ли он в гибели? Можно ли уследить за зайцем, поймать кабана, забежавшего из пустыни...

После некоторых раздумий фараон сказал:

– Двадцать палочных ударов этому человеку, – он не заслужил большей кары, Сем-Нофер. А ты пойди в мои сады и выбери себе любое растение, которое можно пересадить. Возьми его себе как возмещение понесенного убытка.

Вельможа начал благодарить владыку, и радость его была так велика, как будто фараон исполнил его просьбу, его горячее желание. Ликующим голосом Сем-Нофер затянул хвалебный гимн царю, и придворные подхватили его.

Особенная радость мудреца осталась в памяти Ускафа, и когда суд был кончен, а день пришел к вечеру, – на своей пышной постели царь вдруг вспомнил о ней.

«Как обрадовался Сем-Нофер! Ведь не ничтожному же подарку он обрадовался так сильно, а другому – *справедливости* обрадовался он. И тот, бедняга, просветлел лицом – жалкий и голодный. Разве не преступлением было бы убить человека из-за простой небрежности.

Ведь не злая воля руководила им; он не мог знать, когда настанет час несчастья, а если бы знал, то и не допустил бы...»

И вдруг внезапная, как молния, мысль осенила голову фараона. Словно кто-то рядом, незримый, сказал ему:

«А тот, другой, провинившийся, который томится теперь в тюрьме, ожидая казни, – Уну, – разве больше виноват, чем этот, оправданный им самим, фараоном, перед народом и богами?»

Но скорбь о сыне возмущалась против навертывающегося ответа. Нет, виновный должен, должен быть наказан. Возможно ли, чтобы сын солнца страдал в то время, когда нищий останется ничем не наказанным за свой проступок...

Ускаф засыпал и просыпался. Сны ему снились странные, вещие и пророческие, но наутро в памяти не осталось ничего. Осталось только беспокойство.

Сем-Нофер стоял в толпе сановников и вместе с ними приветствовал выход царя гимном.

Как сами боги требуют почитания и благоговения, так и сын богов – фараон. Особый ритуал был для его одевания, для трапез, для выходов. Все действия его были священны. Золотая змея, украшающая лоб фараона, была священна. Даже коронам его пелись гимны, – разве не бог был он сам? И, как боги, разве мог он ошибаться?

Ускаф отправился в храм и снял печати с запечатанной с вечера двери. Он один имел общение с божеством, затворенным в темном святилище, поил, кормил, умащал деревянную статую Пта, покровителя Мемфиса, отца богов. Когда это делали жрецы, они делали от имени фараона, они были слугами; настоящим же, единственным посредником между людьми и богами был только он, Ускаф.

Итак, он вошел в храм, служил своему богу и благоговейными руками прикасался к источнику силы и мудрости.

Но на этот раз царь не проникался радостью и успокоением. Он знал отчего: богиня истины и справедливости тревожила сердце Ускафа.

Размышляющий, он пошел в женскую половину дворца, во флигель, окруженный садами. Главная царица держала на коленях маленькую дочь, но глаза ее смотрели бездушно куда-то вдаль. Когда кончатся дни бальзамирования, маленький труп принца опустят в колодезь гробницы на вечные времена. Что же из того, что, оживленный погре-

бальным ритуалом, он будет жить призрачной жизнью умерших? Для матери потеряны навеки его теплые руки и звонкий голос. А душа его улетит куда-то далеко на птичьих крыльях или переселится в лотос, в ястреба, в гуся, в барана или в голубую цаплю...

Усаф заплакал, глядя на царицу, и погладил по голове дочь. Нет, он не может простить преступника, который был причиной такого горя. Правда, и сам преступник потерял сына, но печаль простолюдина ведь не бывает такою, как печаль сына богов, и слезы простой женщины не так солены, как слезы царицы Египта.

Но беспокойные мысли тревожили царя всю ночь, и на следующий день он тихо вышел из дворца, не сказав ни слова сановникам. Привратник склонился перед проходящим и поглядел изумленно вслед.

Очень многие в городе знали своего повелителя и удивлялись, встретив его одного, без свиты, идущего по улице, как простой смертный. Но в предместье, куда он свернул, народу было мало. Мужчины ушли на работу, женщины занимались хозяйством. Только малые, совсем голые детишки играли на дороге да курицы рылись в пыли, разыскивая пищу.

Фараон спросил у детей:

— Где тут живет сапожник Уну, у которого утонул сын вместе с сыном фараона?

Детвора пошла проводить повелителя египетской земли и, указав место, вернулась к играм. Хижина преступника ничем не отличалась от других жилищ бедняков, где люди живут вместе со своими свиньями, телятами и домашней птицей. Стены, слепленные из нильского ила, заключали одну комнату, освещавшуюся от дверей. Внутри на низком земляном прилавке лежала женщина, а около порога сидел в полудремоте старик. Никто не обратил внимания на вошедшего. Наконец фараон спросил у старика:

— Что с этой женщиной, она больна?

— Горе сделало ее больной, — отвечал старик и спросил в свою очередь: — Что тебе нужно? Зачем ты пришел сюда? Разве ты не знаешь, что гнев фараона на нас?

Усаф ответил:

— Нет, я не знаю ничего. Расскажи мне, что случилось с этой женщиной и почему сын богов разгневался на тебя? Я не из этого города и никого тут не знаю. Я подарю тебе что-нибудь за рассказ, если он будет обстоятелен и разумен.

Фараон сел на корточки рядом со стариком, который начал печально:

– Слушай, чужестранец, и учись, чтобы знать, какие несчастья посылаются богами на людей. Эта женщина – моя дочь, она имела мужа и сына. Хотя нам и не приходилось есть каждый день досыта, но всё же мы жили не хуже соседей и давали богам что могли: связку лотосов, пирожок или птицу. Мой внук был ровесником божественному сыну нашего повелителя. Они познакомились в дворцовом саду, потому что один из привратников пускал внука поиграть к своим детям. Так сына фараона свел с ним знакомство. Мы не ожидали худа, а только радовались. Ведь не раз уже бывало, что сын незнатных родителей возвышался таким образом через знакомство, попадал во дворец, воспитывался с царскими детьми, получал должность и женился на женщине знатного происхождения.

Мы все радовались и мечтали о будущем, как случилось это несчастье. Маленький царевич сам зашел в нашу хижину. Всё осветилось в ней, чужестранец, как будто солнце глянуло через потолок – такая редкая честь выпала на нашу долю. Но как только он ступил на порог, сразу же у соседа замычал теленок: мы думали – это добрый знак, а оказалось – худой. Божественный ребенок оглядел всё и сказал: «Как у вас здесь гадко пахнет». Потом он позвал моего внука, и они куда-то убежали, а мы со старухой начали раздумывать, что предвещают его слова.

Дочь растирала зерна. Уну же вовсе не было дома, он пришел после того, как дети убежали неизвестно куда. Вскоре донесся к нам плач женщин и крики мужчин, вытащивших из ближайшего пруда трупы. Внук поссорился из-за чего-то с наследником престола, и дети затеяли драку. Вцепившись друг в друга, они упали в воду, и в таком виде их вытащили, но только уже лишенными дыхания. Оба были горячими в драке. Бедняку надо уметь гнуть спину, и мы не жалели палок и прутьев для обучения внука, но всё оказалось недостаточным. Теперь сын фараона готовится к новой жизни, а мой бедный внук лишен погребения. Тяжела гневная рука фараона, да даруют ему боги жизнь, здоровье и силу. Уну заточен в темницу, где и ожидает казни. Конечно, сын Ра знает, когда нужно карать, а когда миловать, но эта женщина потеряла сразу мужа и сына, поэтому она не рассуждает, и горе ее велико.

Как будто в ответ фигура, лежавшая на прилавке, зашевелилась, и из полутьмы глянуло худое, страшное лицо. Женщина подняла руки и закричала пронзительно:

— Почему боги не дали мне десяти сыновей, как другим, счастливым женщинам? Умер мой единственный сын и лишен погребения. Умер навсегда. Бедняки и на том свете беззащитны. Чудовища пожрут душу ребенка, а черви — его тело. Зачем пришел к нам этот мальчик, сын повелителя Египта? Мы его не звали, и он принес несчастье. Ах, умер мой единственный сын, и душа его умирает без погребальных даров, без молитв, без бальзамирования, сохраняющего тело на вечные времена! Такая же участь постигнет бедного, невинного мужа моего, и всех нас, и всех бедняков. Но днем и ночью я думаю о ребенке и не могу забыть... Отчего у меня нет маленькой дочери, как у царицы Египта? Я бы прижимали девочку к груди и, может быть, нашла бы покой...

Старик опасливо оглянулся на Ускафа и сказал:

— Горе этой женщины велико; не слушай ее слов и уйди, оставь нас печалиться и иди своей дорогой.

Фараон снял с пальца золотое кольцо и подал старику как обещанную плату за рассказ. Сопровождаемый словами благодарности и льстивого удивления, он вышел, вернулся в свой дворец и посла гонца за Сем-Нофером.

Сановник вошел улыбающийся, потому что каждый, видящий светлое лицо фараона, должен радоваться. Умное лицо его было, как маской, закрыто этой улыбкой. В позе почтения он молча ожидал вопроса; но, видя задумчивость повелителя, спросил сам:

— Чего желает от меня божественный, любимый богами? Работы ли интересуют его? Я несу хорошую весть: мой подчиненный нашел прекрасный камень, твердый, вечный, красивого рисунка и в достаточном количестве. Если сделать такую облицовку пирамиды, то она будет сверкать, как серебряная пластинка. Я имею отполированные образчики этого камня — красного с черными пятнами. Также и в поминальном храме работы идут хорошо: скоро все стены покроются надписями и рисунками. Пусть веселится сын Ра. И на том свете ему обеспечено всё в изобилии, как и на этом. Что же касается до сына фараона, недавно умершего, то и об этом он не должен беспокоиться: готово его вечное жилище, в назначенный срок быки повлекут туда погребальную барку. Не будет недостатка и в жертвах, в быках, гусях, масле, вине, благовониях.

Фараон плохо слушал слова вельможи и наконец сказал:

— Я не о том хотел поговорить с тобой. Ты мудрый человек, ты знаешь вес и меру вещей, умеешь поднимать на высоту огромные камни,

на должном расстоянии расставляешь колонны, толкуешь сны и разные приметы, ниспосылаемые богами, чертишь рисунки, тебе открыто многое такое, чего не знают обыкновенные смертные. Скажи мне, тот человек, Уну, заслужил смерть?

Сем-Нофер ответил:

— Зачем сыну Ра нужен мой совет? Ведь он как бог, решения его справедливы, поступки безошибочны.

Ускаф посмотрел в его непроницаемые глаза и сказал решительно:

— Да, я знаю, что такое справедливость, и отпущу того бедного человека. Он получит много палочных ударов, чтоб был вперед осматрительнее, но большего он не заслужил.

Тогда лицо придворного осветилось радостной, настоящей улыбкой, не похожей на обычную улыбающуюся маску.

— Я же сказал, что сын богов не ошибается. Как солнце никого не лишает своего света, так и тот, в чьих жилах течет кровь Ра, не обидит даже ничтожнейшего из своих подданных. Боги да пошлют владыке бесконечное количество тридцатилетних юбилеев, да живет он тысячу лет! Этот бедный человек не заслужил смертной казни.

Ускаф почувствовал облегчение. Но всё же сердце его не ликовало. Было ли это потому, что приблизился печальный день похорон сына, или по другой причине — этого царь не понимал.

Но он не был спокоен.

Вот, наконец, жрецы принесли тяжелый продолговатый сверток, заключающий в себе набальзамированное тело принца. Его только затем и внесли в комнату, чтоб взять оттуда и переправить на погребальной барке через реку, на границу пустыни — туда, откуда никто не возвращается.

Жрецы разных рангов, носильщики даров, жертвенные животные, рабы, родственники, приближенные, плакальщицы, танцовщицы, музыканты — всё это кричало, двигалось, волновалось... Народ, глазевший на процессию, кричал вслед:

— С миром, с миром идите на запад!

Это было печальное и великолепное зрелище, но не оно вызвало тревогу в сердце фараона.

Еще много дней прошло, пока он разгадал. Случилось это так:

Однажды Ускаф с царицей и друзьями пошел навестить маленького покойника. В то время, пока жена его рыдала и причитала перед статуей ребенка, он отозвал Сем-Нофера и направился к своему храму у пирамиды: там стены были изукрашены рельефами, изображающими его самого в обществе богов, его жену, детей, слуг. Здесь было всё: сцены обыденной жизни обеспечивали двойнику фараона существование за гробом такое же, к какому фараон привык в жизни: обед, катанье в лодках по каналам, пляски танцовщиц, беседы с женой, охоту в пустыне. Здесь были изображения богинь, обнимающих фараона как брата, потому что после смерти каждый фараон делается богом. Здесь было изображено будущее его погребение, запеленатая мумия, окруженная плакальщицами, жрецы, совершающие нужные обряды: вот открывание рта, чтоб он мог говорить и есть в будущей жизни; вот окуривание священным ладаном, дающим дыхание. Вот прикосновение талисманом, возвращающее способность движения всем его членам. Вот жертвенник, на котором сжигают мясо, чтоб воскрешенный мог насладиться вкусным дымом.

Всё было правильно, всё было хорошо. На стенах вырисовывались надписи, заклинания против змей и скорпионов, против загробных чудовищ, угрожающих душе, чтоб душа свободно прошла в бобовые поля, где растёт пшеница в семь локтей вышиною, или поля приношений, где на вечно зеленеющей траве расставлены вкусные блюда.

Сем-Нофер, ходивший за царем, сказал:

– Сын Ра и в той жизни будет так же счастлив, как в этой. Мы же все, его близкие, ляжем поближе к нему, когда он станет богом. Но горе тем беднякам, у которых нет средств, чтоб удержать тело от тления: душу их пожрут чудовища. Жившие в бедности и труде не смогут никогда отдохнуть на полях блаженных.

Фараон подумал о недавно умершей от горя жене Уну и об его сыне, беззащитная душа которого, наверно, уже перестала существовать, и о самом преступнике, никогда не евшем досыта, у которого злой случай отнял последнюю радость: семью.

И Ускаф сказал, чувствуя, как с каждым словом тяжесть с души его спадает и сын Ра снова получает божественное спокойствие:

– Я подарю этому бедному человеку гробницу – хороший гроб из твердого камня и дам всю утварь, когда час его погребения настанет. Также пусть и женщину, его жену, набальзамируют хорошим способом – я заплачу за всё. Если никому, кроме сына солнца, и нельзя при-

соединиться к богам, то пусть же он получит то, что возможно для простого смертного: вкусную еду, развлечения и отдых за гробом, потому что ведь если он виновен в гибели царевича, то и царевич виновен в гибели его сына. А ты возьми от меня этот драгоценный талисман, он предохраняет от опасностей и продолжает жизнь на несколько сот лет. Я даю его тебе, потому что ты помог мне в трудном деле, когда сердце мое подсказывало злое.

Сем-Нофер слегка улыбнулся:

– Сын богов никогда не ошибается, сердце его знает правду...

Но фараон остановил его и продолжал:

– Напрасно ты думаешь играть мной, как девочка своей куклой. Я знаю твои мысли и разгадываю поступки. Эта история с погибшим деревом была придумана тобой, чтоб заставить меня подумать о справедливости. И она просветила мой разум, затуманенный гневом и горем. Возьми талисман; ты получишь еще много подарков, чтоб все знали, как награждает фараон тех, кто помогает ему идти путями справедливости.

УТЕРЯННОЕ НАСЛЕДСТВО

ИЗ ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

За обедом Май подавались соленые гуси, мясо и рыба, а также вареный горох, огурцы и много вкусного луку; Нахи же макал свою твердую лепешку в оливковое масло и размышлял о том, съесть ли одному горсть фиников, припрятанную в кувшине, или отдать половину детям. Но и богач Май, и бедный Нахи были сыновья одних родителей – родные братья. Нельзя даже сказать, чтоб Май был умней, а Нахи глупее, Май честней, а Нахи более склонен к нехорошим поступкам, Май сильнее и красивей, а Нахи слабей и уродливей. Ничего подобного. Братья очень походили друг на друга, но боги послали им совсем не равную судьбу.

Хи, самый младший сын Нахи, седьмой по счету, всего только четыре года изучал окружающий его мир, но, несмотря на молодость, пользовался в своей семье некоторым авторитетом.

– Голубой цветок лотоса! Прекраснейший изумруд из сокровищ фараона! – говорила мать, любуясь им в минуты, когда она чувствовала себя сытой и отдохнувшей. В иные минуты она его била, и это бывало чаще.

Мальчик рос таким смышленным и красивым, таким любимцем всей улицы, что Нахи сказал однажды в трудную минуту:

– Так как у нас нет больше ни масла, ни муки, то придется голодать до начала месяца, когда я получу жалованье. Пусть Хи пойдет к богатому дяде, у которого каждый день подают к обеду мясо, и попросит чего-нибудь. Мы сильно поссорились, и моей просьбы он не исполнит, но ведь соседки в один голос твердят, что красивей нашего сына – нет на свете ребенка, и отказать ему невозможно ни в чем, когда он глядит в глаза своими черными глазенками.

Мать ответила:

– Пусть идет.

Мальчик вернулся с пустыми руками, но сытый.

В четыре года еще не разбираешься толком в людях и событиях. Ребенок очень радовался удовлетворенному аппетиту, а о пустых желудках родителей и братьев он не думал.

– У меня хороший дядя – толстый! – рассказывал он своим маленьким голым приятелям. – Слуга у дяди негр и всё время готовит обед:

жарит мясо, печет пирожки с изюмом, варит горох, месит хлеб. Я был у него в гостях и всё это ел.

На следующий день ребенок снова пошел к дяде, теперь уже никем не посланный, но вернулся оттуда в слезах: его прогнали и запретили приходить так часто, а для большей убедительности слова были подкреплены несколькими шлепками.

Злая от голода мать воздымала руки к небу, посылая проклятья на голову Май, отец пошел за черенками пальмовых листьев, чтобы посечь Хи, и с этого дня ссора между Май и Нахи перешла в жестокую вражду.

Боги же всё увеличивали богатства одного и всё уменьшали порции за скудным столом другого.

Уже не на девять частей делился обед Нахи, а на десять, потому что на коленях матери сидел еще новый мальчик, на пять лет моложе шестилетнего Хи. Правда, сейчас его часть была очень маленькая, потому что главную пищу составляло молоко, всегда готовое в груди матери, но ведь дети растут так быстро.

Нахи с горечью высчитывал доходы богатого брата и свои расходы. Много ли зарабатывает каменщик, проводящий свои дни на постройках под горячим солнцем и зорким взглядом надсмотрщика? Гроши! А ведь на это надо прокормить десять ртов, из которых каждый нуждается и в хлебе, и в масле, и в финиках, и в луке, и в сушеной рыбе. Почему боги так немилостивы к бедному Нахи?!

Конечно, он не был прав в своих жалобах: дети – это божье благословение; у кого растут восемь сыновей, тот не может жаловаться на немилость богов. Так говорили ему и соседи, ругая богатого Май. Золото у него есть, но золото посылается не благостными богами, а злым Сутехом, мерзостным, чье имя лучше не произносить к вечеру. Почему нет детей у Май? Он здоров, жена его здорова, – почему же нет у них детей?

– Всякому ясно почему! – говорили соседки, собираясь у пруда, и делали испуганные лица.

Внезапная смерть жены богача вызвала большое оживление: оказалось, что многие женщины предчувствовали это и даже предсказывали когда-то при ком-то. Да и как могло быть иначе? Все решили, что иначе и быть не могло.

Повздыхав о покойнице, поспорив о том, каким разрядом будет хоронить богач Май свою жену, соседи стали успокаиваться, как вдруг кто-то сказал:

– Теперь всё достанется Нахи и его детям. Других наследников нет у Майи.

Дом в городе и дача в предместье, коровы, быки, ослы, рабы, золото, серебро, одежды, утварь, драгоценности – всё, всё со временем достанется Нахи.

Об этом говорили так много, что он стал считать себя обладателем богатств. Через год или через пять лет, но имущество перейдет к нему. Так уж лучше скорей. И чего ждет еще этот Майи?

Но Майи совсем не заботился о наследниках, ел, пил, толстел, так что Нахи наконец почувствовал беспокойство. Еще неизвестно, кто из них будет жить дольше.

Так как только боги знают грядущее, то Нахи и решил обратиться к ним с вопросом. Что может быть проще? Во всех затруднительных случаях люди отправлялись в храм и там через жрецов получали ответы, пророчества, приказания. И для самых крупных государственных дел, и для семейных дряг – у богов хватало времени для всего.

И вот Нахи отправился в храм. Конечно, будь он богат – газель или баран умерли бы под ножом жреца перед огненным жертвенником, и обрadowанный бог обратил бы особенное внимание на вопросы щедрого смертного. Но Нахи беден – он несет с собой только связку луку и не может рассчитывать на исключительную благосклонность небожителей. Вот когда он получит наследство Майи, тогда и газель, и баран, и бык прольют свою кровь на дворе храма.

Но боги привыкли к обещаниям и не обращали внимания на просьбы Нахи. А ответы, даваемые ими, были крайне неопределенны.

Ах, прекрасные толстые коровы, большие быки с извилистыми рогами, затененная акациями дача, искусные слуги, сытные обеды – всё, в сущности, принадлежит Нахи, только он не может пользоваться этим, пока жив Майи.

Теперь всё внимание Нахи и его семьи было занято этим наследством. Рассчитывали доходы от стад, в праздники ходили любоваться дачей. И все приметы, все сны, все мелкие случайности каждодневной жизни толковались как имеющие отношение к богатству Майи.

Встречал ли каменщик крысу в поле, потухал ли огонь очага или разгорался внезапно, заползала ли змея в дом или на стене находили скорпиона – Нахи тотчас бежал в храм, где за свитками папирусов сидел жрец, толкователь примет. Это стоило хлопот и расходов, но ничуть не приближало желанного часа.

Обычно толкования жреца даже не имели никакого отношения к золоту Майи: болезнь, неудача, ночная опасность, предостережение от огня, от воды – разве всё это могло интересовать Нахи? Он аккуратно соблюдал постановленное религией, справлялся о хороших и неудачных днях, двадцать третьего числа месяца Тота не ел яиц, одиннадцатого Тоби не приближался к очагу, двенадцатого Тоби не смотрел на крыс, а если уж и взглядывал случайно, то держался на большом расстоянии, – одним словом, он вел себя по отношению к богам безупречно и всё же оставался бедным.

Однажды сосед сказал ему:

– Колдун Сети изгнал злых духов из моей жены. Это очень сильный колдун. Жрецы не могли ничего сделать, и целых два месяца женщина лежала в циновке, горячая, как мясо на вертеле. Но пришел Сети, пошептал хорошие заклинания, дал мазь, и вот она здорова.

На следующий день, возвращаясь с работы, Нахи встретил собаку, которая жалобно выла, как будто от боли. Он сразу понял, что это неспроста, но вместо того, чтобы идти в храм, где расхаживали важные жрецы, он отправился к лачуге колдуна Сети.

– Недолго мне пришлось тебя ждать! – сказал Сети. – Только этой ночью я повелел моим слугам – духам, блуждающим в пустыне, прислать тебя ко мне.

Нахи очень испугался и протянул две сушеные рыбы, которые принес с собой как плату.

Сети не дал ему ничего спросить и сказал важно:

– Я знаю, что тебя интересует. Ты хочешь знать, скоро ли наступит время, когда богатства твоего брата Майи перейдут в твои руки.

Нахи испугался еще сильнее и начал кланяться колдуну, приподнимая в знак почтения руки.

Ах, что это за мудрый человек! Он знает всё раньше, чем успеешь открыть рот.

Рассказав о воющей собаке, да, кстати, и о других странных явлениях, наблюдаемых за последнее время, Нахи трепетно выслушал объяснение: Майи торопится куда-то, он уезжает и вернется назад, получив подарки, которые в свое время, вместе с другим добром, достанутся наследникам.

Правда, тут не было указания на время, не обозначался срок, когда имущество перейдет в новые руки, но всё же это касалось Майи, а не толковало о посторонних вещах, как случалось в храме.

Когда через несколько дней Хи рассказал, что дядя Май уехал на прекрасно изукрашенном корабле, Нахи проникся к колдуну, предсказавшему отъезд, таким уважением и доверием, которых ничто не могло поколебать. Дорога к лачуге Сети скоро стала для него знакомой так хорошо, что и с закрытыми глазами он прошел бы туда, не споткнувшись, хотя камни и мусор покрывали дорогу в изобилии.

На руке жены и на шеях детей красовались купленные у колдуна амулеты, за силу которых он ручался: веревочки, завязанные узелками, плоские камешки с нарисованной рукой, пальцы которой были плотно прижаты один к другому, глиняные жуки красивого зелено-голубого цвета, — это предохраняло от всевозможных опасностей.

Нахи расплавился маслом, мукой, овощами или дичью, если сыновья приносили что-нибудь из тростниковых зарослей на прудах. Сначала оба они, и колдун и Нахи, были довольны друг другом, но в конце концов отношения начали портиться.

Нахи было известно, когда Май уезжал и когда приезжал, какие подарки получал он от друзей, каким опасностям подвергался, каких избегал, — всё это было очень интересно, но ведь самым интересным всё же оставалось наследство. О наследстве же он ничего не узнавал и выражал неудовольствие. С своей стороны, Сети тоже сердился.

Конечно, он может показать будущее, точно указать тот день и час, когда богач Май отправится в свое последнее путешествие на запад, через реку, туда, где высятся гробницы богатых людей. Он может узнать даже дальнейшую судьбу души и двойника, их блуждания по странам, населенным гадами, и успокоение на Полях Приношений, где на зеленой траве расставлены разные вкусные блюда и между ними гуляют покойники с золотыми палками в руках. Но не так легко открыть тайны будущего: иногда вызываемые духи бывают жестоки, и Сети не станет подвергать свою жизнь опасности из-за пары яиц или щепотки муки. Напрасно Нахи ходит к нему: он не добьется многого, если расчитывает всегда платить сухой рыбой или утками.

Эти недоразумения могли бы повести к полному разрыву, если бы Нахи не мечтал так горячо о золоте брата. А кто другой, кроме Сети, мог открыть ему, близок ли срок?

Однажды Нахи явился к Сети и таинственно улыбнулся, показывая пальцем на ладонь левой руки, где лежало серебряное кольцо. Оно не обладало большой ценностью, но всё же стоило гораздо больше, чем всё, что он приносил раньше.

Сети расцвел.

Вот это другое дело! Теперь он расскажет всё будущее и прошлое, если того пожелает каменщик.

Нахи с трепетом следил за сложными приготовлениями. Правда, Сети недаром взял серебро: много хлопот требовало предсказание будущего.

Первым делом Сети кликнул кого-то из темноты, и на зов вышел мальчик лет десяти, совсем голый, со странно блестящими глазами. Взгляд ребенка был настойчив и угрюм, так что Нахи отодвинулся. Впрочем, он нисколько не удивился: не спокойными же и не веселыми глазами должен обладать тот, кто встречается с духами! Ребенок служил посредником между духами и колдуном, который, благодаря своей греховности, сам уже не мог их видеть, но должен был поручать это мальчику не старше двенадцати лет: перед ребенком они не считали нужным скрываться.

Сети достал из темной ниши чистое масло, а из плетеного короба новый светильник и вправил туда еще не обожженный фитиль. Он ходил из угла в угол, что-то переставлял, что-то доставал, внимательно разглядывал, прятал и всё время говорил заклинания, по большей части малопонятные.

Потом оба, Сети и мальчик, вышли в темную каморку, позади той комнаты, где сидел Нахи. Скоро оттуда донесся странный голос мальчика, как будто разговаривающего с кем-то. Речь текла, повышаясь и понижаясь, то возбужденно, то совсем замирая.

Это продолжалось очень долго и прервалось внезапным острым криком. Сети выскочил из каморки, держа на руках неподвижное тело ребенка, и сладкий одуряющий запах наполнил комнату.

– Что это? – спросил Нахи.

– Я не знаю! – ответил серый от страха Сети. – Я думаю, они кинулись на мальчика. Хорошо, что не тронули меня. Впрочем, твое дело сделано: я узнал всё, что нужно. Не знаю только, не опасно ли сейчас говорить об этом.

Нахи схватился за амулет, отгоняющий злых духов, который висел у него на шее. Собственно, ему было страшно тут оставаться, но желание узнать свою судьбу превозмогло.

– Ты получил серебряное кольцо. Теперь я хочу узнать, когда богатства Май перейдут в мои руки. Что говорил мальчик?

– Мальчик говорил многое, чего ты не поймешь. Но я истолковал его слова, я знаю всё. Вот! Май умрет на юге, в маленьком городе, где поклоняются крокодилу. После долгой, мучительной болезни он умрет

на руках друзей, окруженный богатствами. Ты получишь дом, и дачу, и рабов, и стада, и поля, и финиковые пальмы, и тонкие одежды, и драгоценные украшения – всё.

– Да, но когда же это будет? – почти застонал Нахи, жадно вслушиваясь в перечисление богатств. – Неужели еще целый год мне придется ждать?

– Ты должен вооружиться терпением. Тебе придется ждать не год, а восемнадцать лет, и на исходе восемнадцатого года, когда будет снята жатва, ты станешь богатым господином и заплатишь мне за верное предсказание.

Нахи чуть не кинулся с кулаками на колдуна. Вот за что он отдал серебро! Раньше была надежда, теперь нет и надежды! Разве ему не всё равно, что будет через восемнадцать лет, когда зубы его сотрутся до десен от твердых лепешек и нос перестанет слышать запахи вкусных блюд...

Нахи заплакал и хотел идти, но Сети сказал ему:

– Этому можно помочь. Май имеет хорошую гробницу, он имеет и деньги, чтобы заплатить жрецам за погребение по второму разряду и за долгие заупокойные жертвы. Его душе будет хорошо, лучше, чем здесь, когда она попадет на Поля Приношений. Можно помочь ему скорей переселиться в другой мир. Если у тебя найдутся два кольца такой же стоимости, как это, то я сделаю так, что ты получишь наследство раньше, чем кончится месяц.

Нахи остановился в раздумье.

Май был ему давно чужим, притом же он поступил нехорошо, не помогая бедному брату. Конечно, Нахи всё же не решился бы сделать какое-нибудь ужасное преступление: он не оставил бы брата без погребения, потому что ненабальзамированное тело разрушается и умирает навеки, а душа, лишенная нужных амулетов и не защищенная заклинаниями, подвергается опасности быть съеденной чудовищами. Этого бы он не сделал, конечно, но ведь совсем другое и предлагает Сети.

Довольно он, Май, хорошо пожил на этом свете – пусть хорошо поживет на том и уступит свое место Нахи.

– Я достану тебе еще два серебряных кольца, но чтобы это было уже наверное! – деловито сказал Нахи, обдумывая, как ему прожить это время, когда он отдаст все свои заработки и еще влезет в долги.

– Ты можешь не беспокоиться. Всё будет сделано хорошо, только принеси мне волосы от головы или бороды Май. Без этого все мои знания окажутся бессильными и я не смогу известить Май.

Нахи легко согласился принести всё необходимое, но когда дома начал обсуждать, как достать волосы Майи, это уже не показалось ему таким простым делом. Всё, что он ни придумывал, оказывалось неисполнимым или опасным.

Действительно, прошло много дней до тех пор, пока маленький Хи вбежал на огромный двор строящегося храма, где работал Нахи. Ребенок показал ему свой маленький кулачок, в котором было зажато что-то, и сказал:

– Есть! Я достал! Его домашний цирюльник заболел, и он зашел к уличному, а я вертелся вблизи. Вот что я достал.

Хи тайно разогнул ладонь и показал черную пыль.

Отец долго всматривался и наконец сказал:

– Правда, тут волосы. Я думаю, этого достаточно. Да и где же взять больше, когда Майи так часто бреется и они не отрастают? Отнеси домой и спрячь.

Сети покачал головой, но не отказался от серебра. Конечно, лучше было бы иметь что-нибудь более определенное, чем эти пылинки, но всё же он сделает то, что обещал.

Эта торжественная минута настала, когда солнце село и ночь завладела землей. Нахи чувствовал, как страх заползает в его ноги, которые отказываются бежать, в его руки, которые не хотят двигаться. Он смотрел на Сети, ходящего по комнате при трепетном свете свечей. Темные пальцы колдуна мяти кусочек воска, который как будто сам собой принимал форму человеческого туловища. Когда фигурка была готова, Сети достал иглу и, говоря заклинания, пронзил ее с левой стороны, там, где у человека находится сердце. Потом куколка была положена в огонь, и воск растаял, а волосы Майи, замешанные в массу, сгорели.

– Теперь Майи быстро зачахнет! – сказал Сети, когда церемония окончилась и оба вышли на улицу.

Звезды давали света достаточно, чтобы не наткнуться ни на что, и дорога была очень знакомая, но всё же Нахи часто оглядывался и останавливался, прислушиваясь к плачу шакалов и к усиленному биению собственного сердца.

Кто знает, шакалы ли это или души умерших плачут, скитаясь по ночным дорогам? Быть может, в ту минуту, когда пронзенное иглой восковое изображение Майи растаяло в пламени, сам Майи умер? Душа его отделилась от тела и теперь ищет своего врага, виновника внезап-

ной смерти, чтобы отомстить. Что если она вцепится и задушит холодными руками?

Нахи зашептал заклинания и стал перебирать пальцами амулеты, навязанные на шее и руках. Из предусмотрительности, идя к колдуну, он отобрал эти предохраняющие от злого вещицы у жены и старших детей и навязал на себя.

Придя домой, где жена ожидала его, он сказал:

– Всё сделано. Теперь уже наверно Маи нет в живых.

Жена испуганно посмотрела в темноту и тоже сказала заклинание. Потом она спросила:

– Ты уверен, что он умер?

Нахи ответил:

– Конечно, уверен. Но если он и не умер еще, то скоро зачахнет. Мы получим деньги, и дачу, и рабов, и стада.

Потом, подумав, что душа брата может блуждать где-нибудь вблизи и найдет эту радость совсем неприличной, он прибавил:

– Я не хотел зла Маи. Ему будет очень хорошо: заупокойные жертвы не прекратятся, пока я и мои дети живы.

Когда на следующее утро вместе с темнотой исчезли и страхи, Нахи почувствовал такую радость и нетерпение скорей завладеть долгожданным богатством, что решил не идти на работу, а отправиться в город, к дому брата, чтобы узнать новости.

Он ожидал, подходя, услышать вопли соседей, извещающие о несчастье, но всё было спокойно. Хороший двухэтажный дом Маи выставил на улицу свой фасад, лишенный окон. Из-за стены виднелся купол зернохранилища и три пальмы. Хозяйственный шум доносился оттуда вместе с запахами мяса, лука и чечевицы, – ничто решительно не говорило о беде.

Значит, он не умер. Болен, наверно. Быть может, лежит, а слуги уже побежали в храм за жрецами, изгоняющими болезни. Но на этот раз жрецы окажутся бессильными.

Нахи очень долго бродил по улице, чего-то ожидая, пока наконец дверь дома не отворилась, пропуская толстого слугу с бритой головой и надутым лицом. Он презрительно посмотрел на приблизившегося рабочего и спросил:

– Тебе что-нибудь нужно от меня?

– Нет, ничего! – ответил Нахи, кланяясь, но не отходя от него и придумывая, как бы лучше заговорить об интересующем его деле.

– Если тебе ничего не нужно, зачем же ты загораживаешь мне дорогу, грязный оборванец? От тебя идет такая вонь, как из пасти крокодила, а я не привык разговаривать с крокодилами.

Нахи сделал вид, что его очень насмешила нелюбезная шутка, и он сказал:

– Видишь ли, я разыскиваю своего господина. Он ушел к какому-то больному, к знатному человеку, заболевшему этой ночью, и мне показалось, что, по описанию, это тот самый дом.

– Нет, ты ошибся, мой господин здоров. Слышишь запах мяса и овощей? Если бы ты ел вполовину столько, сколько ест он, ты не был бы похож на вяленую щуку. Теперь прощай, ищи в другом месте, а сюда больше не заходи.

Немного озадаченный, Нахи подумал: «Значит, придется еще подождать. Но Сети сказал: не больше месяца, – это не так трудно!»

И он пошел домой, где жена накинулась на него с руганью за прогульный день.

– Вот видишь, он жив и здоров, а нам скоро нечего будет есть! Весь этот месяц мы должны питаться не мечтами о будущем, а хлебом и финиками.

Работа не шла на ум Нахи. Если бы не увещанья жены, он предпочел бы прожить кое-как впроголодь, занимая понемногу у соседей. Хи проводил дни в городе, вертясь на улицах, прилегающих к дому дяди. Каждый вечер его спрашивали родители:

– Болен дядя?

– Нет, здоров!

– Ты видел его?

– Да, я видел, когда он шел на базар в сопровождении слуги. У него толстые щеки и веселые глаза, а когда он выбирает себе фрукты и пирожки, то прищелкивает языком, как будто желая проглотить и торговца.

Через три недели сделалось ясно, что Маи не зачахнет к концу месяца. Конечно, какое-нибудь внезапное несчастье поможет исполниться колдовству. Сети подвластны злые духи, а для них нетрудно в одну ночь задушить человека или как-нибудь на прогулке затянуть в пруд, где крокодил уже скоро покончит с ним.

Прошел месяц, начался другой, а ожидаемое не свершилось.

Сети только пожимал плечами и говорил, что всё было сделано правильно и человек должен умереть.

Прошли еще месяцы, а положение не изменилось. Припертый к стене взбешенным рабочим, Сети как-то сказал:

– Мои заклинания могучи и всегда исполнялись. Но почему я знаю, чьи волосы ты принес, а я сжег, обрекая их обладателя на смерть. Ты не сам подбирал их, а поручил Хи, несмышленому ребенку, как будто это незначительное дело, о котором не стоит много заботиться. Вот недавно умер внезапной смертью жрец Амона, важный господин. Чем ты можешь поручиться, что волосы принадлежали именно Май? У жреца они не были менее черны. Если ошибка откроется, мне придется плохо, но и тебе несдобровать! Тебя будут судить и подвергнут наказанию плетьюми, а потом сошлют на каменоломни, и это в том случае, если не казнят сразу. Ты знаешь, что к уличному цирюльнику заходят иногда и важные люди, – ты должен был бы сам сделать то, что поручил сыну. Извести жреца Амона – это не пустяк: тебя казнят наверное, если ты будешь продолжать ходить ко мне и это откроется. Тело казненного пожрут собаки, а душу – страшные чудовища. Жена твоя умрет от горя, дети умрут от голода, никто из твоего семейства не сохранится...

Нахи убежал от колдуна в страхе и решил больше не возвращаться к нему. Лучше не иметь золота Май, но дышать, есть хлебные лепешки, купаться в Ниле, двигаться, говорить и, просыпаясь, неизменно встречать тепло и блеск солнца, благостного Ра, который не светит мертвецам.

Нахи не перестал верить в силу колдовства и все неудачи свалил на бедного Хи, которому и досталось сильно: не одну палку сломал Нахи о спину сына, да ведь и стоило того: какое прекрасное наследство прошло мимо пальцев из-за небрежности мальчика, не сумевшего отличить волос дяди от волос Амонова жреца!..

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ФАРАОНА

РАССКАЗ ИЗ ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

*Имя мое вершина обелиска,
и имя мое озеро...*

Сенусерт I чувствовал себя царем вселенной. Никакие гордые слова не были достаточно сильны, чтобы выразить его могущество: никогда еще Египет не процветал так и не захватывал такой обширной территории. Войска фараона зашли уже за вторые пороги, и Сенусерт ждал донесений о победах и богатой добыче от талантливого военачальника над южными войсками – Ментухотепа.

Однажды в час, вовсе не предназначенный для дел, в его частный кабинет вошли двое.

Казначей Себекху, пользовавшийся расположением господина, нагнулся и приподнял руки, согнутые в локтях, в знак почтения. Другой же, не знакомый царю, упал на пол лицом вниз, «нюхая землю», потому что простой смертный не может вынести блеска вида фараона и должен потерять сознание хоть на несколько минут.

Себекху сказал, изображая на своем лице сильнейшую тревогу:

– Это офицер из войска Ментухотепа. Он убежал, чтобы принести сыну Ра ужасные вести. Говори, Амени, и Расскажи всё, что ты знаешь.

– Говори, – приказал Сенусерт.

Призвав благословение всех богов на голову владыки, Амени начал рассказ:

– Я командовал своим отрядом, и всё шло хорошо. Мы не трогали тех, кто добровольно покорялся, но врагамнесли смерть и разорение. Поля их были сожжены, пальмы вырублены. Военачальник Ментухотеп обращал в бегство храбрецов, рассеивал отряды. Он, как молодой бык, нападал на врагов, и всё наше войско полюбило его. Ему радовались, его восхваляли, как бога. Тогда я стал следить за военачальником, потому что такие почести приличны одному только истинному сыну Ра. Мы зашли за вторые пороги, покорили страну Куш и заставили начальников чернокожих племен разрабатывать золотые рудники. Войско праздновало победы. Не было солдата, который бы мечтал о возвращении. Они пили густое пиво и умащали себя маслом, а военачаль-

ник ходил между ними и спрашивал дружески, не терпят ли в чем недостатка, нет ли обиженных. Он щедро награждал солдат, и за это его полюбили еще более. Я знаю, что иные между ними говорят: «Это не простой человек, наш военачальник, в его жилах течет несколько капель священной крови, он сродни прошлым фараонам и имеет более прав на престол, чем наш нынешний владыка...»

И вот выше вторых порогов мастера, сопровождающие Ментухотепа, выбили резцами на каменной плите надпись о победах, перечисление покоренных стран и городов и тут же изображение победителя Ментухотепа, военачальника, величиной и видом подобного фараону. О, господин, я испугался! Ноги мои задрожали, я ослабел и долго лежал на песке, ничего не различая. Спрашивал ли Ментухотеп разрешение на такой поступок? Он становился под плитой, прикрепленной на скалах, и войско, видя его, кричало от радости. Благодетельные люди шептались между собой, но они боялись громко выразить свое неодобрение. А я всё думал о том, что добрый бог, сын Ра, господин правосудия, спит спокойно во дворце, не подозревая, какая опасность готовится на юге. И я решил бежать. Набрал маленький отряд верных людей, и когда меня отправили с поручением по направлению к северу, я не вернулся обратно к начальнику, а всё плыл по течению. Мои солдаты гребли без усталости. Вот, наконец, мы прибыли, и я всё рассказал господину, ничего не утаивая. Господин может расспросить людей, которые прибыли со мною.

— Я уже сделал допрос, — поспешил подтвердить Себекху. — Этот человек говорит одну правду, он ничего не прибавил и ничего не искал. Поистине подлый, коварный Ментухотеп — изменник. Лучшее войско с ним, другое в походе на востоке, пески пустыни отделяют нас от него. А велика ли стража дворца? Что сделает отряд в сто человек, хотя бы самых преданных? Конечно, все мы умрем за владыку, трупы наши усеют двор, о, что будет! Пусть справедливые боги накажут изменника, пусть в день смерти он не найдет погребения...

— Замолчи, — сказал фараон, — и вели молчать этим людям, прибывшим с Амени. Я сам расспрошу их, но пусть ни одна живая душа, кроме нас, пока не знает о случившемся.

Когда казначей и офицер вышли, пятясь, из комнаты, — они не смели поворачиваться к царю спиной, — Сенусерт дал волю своим чувствам.

Он не заразился преувеличенными опасениями Себекху, но всё же сильнейшее беспокойство овладело душой царя. Так велика была нео-

жиданность известия, что он долго сидел, не двигаясь, и старался обдумать все возможные последствия измены Ментухотепа.

Отец Сенусерта, Аменемхет, бывший некогда визирем фараона, сумел отстранить слабого владыку и сам сел на престол. Это было большим счастьем для страны, обессиленной долгими смутами, когда власть переходила из рук в руки. Благосостояние Египта с тех пор увеличивалось день ото дня, торговля процветала, как никогда раньше.

Но можно ли было рассчитывать на благодарность современников? И те, которые помогали некогда его отцу свергнуть ничтожного, но законного владыку, не помогут ли теперь изменнику против могущественного, но недавнего рода, захватившего трон? Можно ли было вполне положиться на вельмож, так щедро награждаемых, на подчиненных, к которым владыка был неизменно справедлив, не поддаваясь гневным минутам, на всех тех, кто ел хлеб во дворце и восхвалял милости фараона?

Сенусерт вынул и осторожно развернул свиток папируса, который должен был ответить на его вопросы. Он прочел:

Внимай тому, что я говорю тебе,
Чтобы ты мог быть царем над землей,
Чтобы ты мог быть правителем стран,
Чтобы ты мог умножать добро:
Будь черствым в отношении ко всем подчиненным:
Люди остерегаются тех, кто держит их в страхе;
Не приближайся к ним один.
Не заполняй своего сердца братьями,
Не знай друзей.
И да не будет у тебя доверенных лиц –
В этом нет никакого смысла.
Когда ты спишь, принимай сам предосторожности,
Ибо не находится людей
В злой день.
Я давал нищему,
Я кормил сироту,
Я был доступен для простолюдина,
Как и для человека с положением.
Но евшие мой хлеб восстали на меня,
Те, которым я подавал руку, поднялись против меня.

Великий и мудрый Аменемхет, сделавший столько добра для своей родины, подвергся ночному нападению и с трудом отбился от рук убийц. С тех пор он стал мрачен и подозрителен и, умирая, оставил сыну этот папирус как завещание. Но до сегодняшнего дня счастье улыбалось Сенусерту, и сердце его было закрыто для опасений. Теперь впервые слова ожили и зазвучали, как будто сказанные родным голосом.

Всё, всё напрасно, и нет смысла делать добро! Можно выстроить сотни прекрасных храмов, победить окружающие народы, выкопать колодцы в пустыне, провести каналы по бесплодной земле и засадить ее деревьями, можно наполнить казнохранилища золотом и серебром покоренных племен, облегчить подати народа, украсить страну своими изображениями, устроить школы, открыть торговые пути к самым далеким странам – и всё же в какую-нибудь ночь явится убийца и отнимет жизнь у того, кто хотел бы сделать свой народ самым счастливым на земле.

Сенусерт выбежал из кабинета; гнев душил его. Владыка миновал большую залу, которая в часы его выходов бывала наполнена блестящей толпой придворных. Здесь он давал аудиенции своим подчиненным и послам иностранных держав. В ней же находился отряд дворцовой стражи, но теперь это не успокоило владыку, а только сильнее взволновало его.

Разве можно прочесть то, что делается в сердце солдата? Конечно, Сенусерт был добр и мог рассчитывать на любовь приближенных. Но в минуту опасности возле его отца не нашлось никого, кто заградил бы убийце вход в спальню, а разве не был он и добр, и мудр, и справедлив, как боги?

Сенусерт вышел в сад, окружающий флигель, помещение царских жен. Это была самая недоступная часть дворца, царство женщин и детей, которое обслуживал и охранял целый штат рабов, слуг и чиновников. Но, глядя на кирпичные стены и на рабелепные лица женщин, фараон не успокаивался: разве не могла измена проникнуть и сюда и скрываться под сладкими улыбками жен? Если Ментухотеп придет как победитель – не ему ли будут они улыбаться?

Уже приближался час обеда, и фараон должен был встретиться со своими придворными, а он не мог овладеть собой. В таком состоянии его решения не были бы правильными, слова – мудрыми, а несправедливость унижает сына богов. Кроме того, чтобы заслужить уважение

низших, нужно было скрывать свои слабости и не выдавать лицом волнений и страстей, раздирающих душу.

Легкий северный ветер приласкал разгоряченные щеки фараона.

«Сами боги хотят влить успокоение в мою душу, это они дают знак», – подумал Сенусерт. Он шел по дорожке, усыпанной красным песком, и старался сосредоточить внимание на редкостных деревьях и голубых цветах лотоса, плавающих в бассейне.

На некотором расстоянии за ним шел юноша, его слуга, обязанный всюду следовать за господином. Сенусерт забыл удалить его, и тот шел бледный от страха, видя волнение сына богов.

– Беги и скажи, пусть придут сюда в беседку умастить меня, – приказал фараон, и слуга помчался, как ветер.

Через несколько минут искусные рабы терли священную спину фараона под надзором особого чиновника, который приговаривал: «тише» или «сильнее», «к плечу» или «к пояснице». Он был очень серьезен и важен, потому что всякое дело, соприкасающееся с особой фараона, требовало серьезности. Заведывающий его платьем был серьезен, и заведывающий драгоценностями, и заведывающий косметикой. Слуга, носивший сандалии за своим господином, был так важен, что даже придворные писцы не решались спорить с ним.

Чудное благовоние разлилось в воздухе, и ветер донес его до женских комнат, обитательницы которых подумали, что какой-нибудь бог незримо посетил их. Сильные и ловкие руки царских массажистов насквозь пропитались этим запахом, так что даже купанье в чистых водах Нила не могло уничтожить его. Для успокоения самое лучшее – это массировать спину. Под сильным разглаживанием и равномерными легкими ударами бодрость проникает в тело, а в душе вливается божественное спокойствие.

Когда Сенусерт встал на ноги и вышел на порог пестрой беседки, в которой происходило умощение, он чувствовал себя так, как это и полагалось сыну Ра.

Приближенные смотрели на неподвижное лицо владыки, и даже внимательный Себекху не мог различить на нем следы волнения или страха.

Однако на следующее утро, когда он пришел к царю с докладом, Сенусерт выразил желание увидеть солдат, прибывших с Амени. Эти простые люди подтвердили рассказ офицера, и не было между ними ни одного, который бы собственными глазами не видел картины, где

кошунственный резец изобразил военачальника в величии, подобающем лишь фараону.

Теперь Сенусерт уже мог владеть собой, но тем не менее беспокойство его всё увеличивалось. Надо было решить что-нибудь и принять меры. Но, помня наставление отца о недоверии к окружающим, фараон не хотел собрать совета, как делал это обыкновенно в затруднительных случаях. Он должен был решить это дело сам, потому что, привлекая вельмож, он только увеличивал опасность измены.

Себекху торопил царя и заражал своим волнением. Казначей не жалел проклятий для военачальника и говорил о нем так, как будто его измена и бунт войска уже осуществились, гибель совсем близка.

– Солдаты придут сюда, – фантазировал он, – со своим страшным оружием, они разграбят город, сожгут дворец, уведут женщин и детей – о горе! Могущественные князья страны восстанут против власти фараона, каждый захочет быть господином и повелевать, никто не хочет повиноваться. Египет снова впадет в нищету и разорение, как это было уже перед тем, когда великий бог, отец владыки, Аменемхет занял трон и сильной рукой водворил порядок в стране. Теперь снова дороги наполнятся разбойниками, храмы будут разграблены, пески засыплют плодороднейшие поля, потому что никому будет думать о порядке, расчищать каналы, отворять шлюзы, строить плотины, Египет придет в упадок, и подлые дикари разграбят его города.

– Что же могу я сделать? – спросил Сенусерт.

Он, действительно, не принял еще никакого решения и не знал, с кем посоветоваться. Посвящать в дело вельмож казалось опасным – это понимал и Себекху.

– Я сделаю всё, если только позволит сын Ра, – сказал казначей вкрадчиво, – Никто ничего не узнает. У меня есть верный человек, силач, который сможет проникнуть в палатку военачальника и скрыться, сделав свое дело. Пусть господин положится на меня, никто ничего не узнает, а Ментухотеп перестанет дышать, и злые замыслы никогда не осуществятся.

– Нет, – ответил Сенусерт так определенно, что Себекху поспешил вспомнить, что его ждут безотлагательные дела, и выйти из комнаты.

Сын богов не может поступать несправедливо, а ведь это еще вопрос, заслужил ли Ментухотеп смерти? Правда, выход, предложенный вельможей, был очень соблазнителен. Все планы, которые стро-

ил царь, отличались неопределенностью: один были трудновыполнимы, другие не вполне обезвреживали опасного слугу, способ же казачея удовлетворял всем требованиям.

Фараону раньше и самому приходила в голову эта мысль, но он гнал ее как недостойную. Теперь же, так просто предложенная Себекху, она сделалась еще настойчивее.

Не имея иного плана, который можно было бы противопоставить этому, Сенусерту было трудно бороться со злыми мыслями. Он решил посоветоваться с богами и колебался только в том, к которому из них обратиться. Пта, бог Мемфиса, строитель вселенной, имел в древней столице обширные храмы и много жрецов. Ра, гелиопольский бог солнца, считался отцом фараонов и был популярен не менее Пта. Но в маленьком южном селеньи Фивах, откуда происходил род Сенусерта, почитался свой местный бог Амон. Не следовало ли обратиться именно к своему богу, еще мало известному в стране, но доказавшему свою силу тем, что царский трон, стоявший как над Верхним Египтом, так и над Нижним, занимали именно его почитатели? Кроме них, вблизи от резиденции, на земле, отвоеванной у Нила, был храм Собка. Там в священном озере жило воплощение этого бога – безобразный крокодил, носивший на лапах золотые браслеты, а в ушах драгоценные серьги. Жрецы кормили его мясом, вливали в зловонную пасть лучшее вино и делали предсказания, угадывая скрытое по поведению и движениям крокодила.

Туда-то и отправился Сенусерт, сопровождаемый блестящей свитой вельмож.

На неопределенный вопрос фараона, который не хотел говорить прямо, божество дало – через своего жреца – столь же неопределенный ответ.

– Будь осторожен в решениях и помни о справедливости, – ответил бог.

Сенусерт вышел, в первую минуту довольный. Но на обратном пути он снова поддался сомнениям: «Что же делать?»

Он призвал Себекху и передал ему свой вопрос и ответ богов.

– Я не смею отнимать жизнь у человека, который, может быть, более легкомыслен, чем коварен; бог сказал: «Справедливость».

Но Себекху возразил своему господину:

– Ментухотеп не маленький мальчик, которого можно простить из-за его глупости. Он понимает силу и смысл своих поступков. Ког-

да он пройдет по стране с оружием, то пострадает ни в чем не повинный народ, женщины и дети. Посевы будут сожжены, каналы засыпаны песком, оружие унесет сотни людей, а голод – тысячи. Можно ли подвергать свою родину таким опасностям из-за одного человека? Боги сказали: «Справедливость».

– Уходи, – приказал Сенусерт, потому что чувствовал неправоту слов вельможи и не мог ему возразить.

«Как много зла может принести дурной советчик», – думал он и решил поискать иного.

На совете, когда собрались все приближенные, носившие громкие титулы, царь спросил:

– Кто считается самым справедливым человеком в государстве?

Вельможи в один голос сказали, что никто не может равняться с сыном богов, с ним самим, и в звучных гимнах стали прославлять его добродетели. После настойчивых вопросов Сенусерт получил в ответ несколько имен известных людей. Одно имя: Юфни, судьи в Мемфисе, раздавалось чаще других.

Так как вельможами могли руководить иные цели, далекие от торжества истины, то фараону захотелось посоветоваться с низшими. Это было нелегко, так как сложный ритуал сопровождал его выходы из дворца. Целый штат блестящих вельмож, которые ретиво исполняли все предписанные церемонии, отделял царя от народа.

Сенусерт спросил у дворцовой стражи, и простые люди ответили:

– Юфни, судья в Мемфисе, самый справедливый человек на свете. Нет дела, которое он решил бы неправильно, даже наказываемые по его повелению не жалуются, не кричат под палкой. Никакими подарками нельзя подкупать Юфни: бедный и богатый, свой и чужой равны в его глазах, и каждый желающий имеет к нему свободный доступ, помимо всех чиновников.

Слушая это, фараон чувствовал радость и гордость. Конечно, все судьи государства должны были быть именно такими, но он знал, что не все они таковы, и, слушая об этом, вполне безупречном, царь радовался.

Юфни был близок к старости, и приятная полнота его радовала окружающих, но всё же на зов Сенусерта он явился так быстро, как только это было возможно.

Царь не дал никакого объяснения своему приказу, и по невозможному спокойствию судьи он понял, что говорившие о справедливо-

сти Юфни были правы: кто не испугался внезапного зова господина, у того за душой нет темных дел.

После торжественного приема, где он выслушал доклад о положении судебных дел в палате Юфни, царь приказал старику явиться к себе частным образом.

Он повел судью на башню, охранявшую ворота дворца, и сказал, указывая на расстилавшиеся вдаль зеленые поля:

– Всё это было покрыто болотом. Там, где выстроен новый город, там, где плодородная почва кормит сотни людей, было обширное болото, образуемое водами Нила, когда он разливался. Мой отец и я, мы выстроили с помощью великих богов плотины, вырыли каналы, отводили землю. Но это не всё: работа далеко не кончена, мои дети и дети моих детей будут продолжать ее для блага страны. Сама вечность испугается этого и не посмеет разрушить сделанного нами. Когда мельчает Нил, то несколько месяцев поля бывают лишены орошения. Колосцы высыхают, каналы пустеют, сады, расположенные над ними, пропадают, огороды гибнут, люди и стада страдают. С другой стороны, когда наводнение бывает слишком сильным, воды поднимаются к пескам пустыни и остаются так долго, что поля превращаются в болота, – голод тоже грозит стране. И вот инженеры сделали по моему приказанию план, как отвести излишек воды в огромное озеро, чтобы в месяцы засухи выпускать оттуда обратно в Нил – по мере надобности поднимая его уровень. Это гигантское дело, – оно начато, и дети моих детей закончат его. Но и это не всё. Я прорыл туннель через пороги в наиболее трудном месте, в гранитной скале: теперь военные корабли могут идти на юг без затруднения.

Ты знаешь также, что я поднял благосостояние Египта, открыл гавани для чужеземцев, привозящих нужные нам вещи, отправил своих купцов на острова зеленого моря, где охотно покупают наши товары, войска мои победоносны на юге и на востоке, народ не голодает, и никогда еще купцы и ремесленники не жили так зажиточно, как при мне. Ты мудр и справедлив, оцени всё это.

Если бы нашелся человек, который пожелал бы отстранить меня и мой род от трона, – скажи, что принесло бы это стране? Скажи, чего заслуживает изменник, восставший на своего господина, на избранника и сына богов?

Юфни подумал и затем начал свою речь с того, что напомнил фараону о его божественном происхождении, как это и было принято при разговоре с такой особой. Он сказал:

— Наказание должно быть равным проступку. Если государь позвал меня сюда за советом, значит, доверяет мне, а если доверяет, то пусть расскажет всё, всё до мельчайших подробностей. Я привык вникать в запутанные дела и, может быть, увижу то, чего не видят другие. Я рассужу по справедливости и не испугаюсь гнева своего господина, если нужно будет сказать слова правды. Но ведь сын Ра и не ищет лести, иначе он не послал бы за мной: вокруг трона всегда достаточно льстецов...

Сенусерт пригласил старика сесть и рассказал ему всё, что знал о Ментухотепе.

Юфни сидел на подушке с закрытыми глазами и думал. Он чувствовал всю важность порученного ему дела и размышлял. Фараон не смел прервать молчания.

Наконец, Юфни сказал тоном судьи, произносящего приговор, таким тоном, каким он говорил с крестьянами и ремесленниками, своими обычными клиентами:

— Этот человек не заслужил смертной казни.

Сенусерту стало легко от этих решительных слов, с которыми, казалось, невозможно было спорить, но он спросил:

— Как же карается измена?

— Явной измены еще нет, — ответил Юфни, — и от тебя зависит не допустить ее. Ты спасешь себя от опасности, государство от междоусобной войны, а Ментухотепа от ужасного преступления, если отзовешь его тотчас, без промедления, в столицу. Он еще ни на что не решился определенно и не посмеет ослушаться приказа — только нужно торопиться. Недели прошли, пока прибыл сюда офицер, и еще пройдут недели, пока твой гонец достигнет южного лагеря, а дурные мысли быстро прокладывают свои пути. Пусть военачальник не знает ничего о гневном господина. Отзови его без объяснения, даже милостиво, но настойчиво, не допуская промедления. Он придет, так как он еще не решился. Новый начальник поведет солдат к победам — в тяжелом походе они забудут праздные мысли. А без войска Ментухотеп безвреден, как малый ребенок.

— Пусть будет так, — ответил фараон, но вдруг лицо его снова омрачилось и выразило беспокойство: — А картина над Нилом, на высоких скалах, изображающая недостойного слугу величиной и видом, подobaющими лишь фараону?

– Ты пошлел своих мастеров, они оставят надпись, но переделают изображение военачальника на изображение бога. Так ты уничтожишь следы злого замысла и прославишь всемогущих богов Египта.

РАССКАЗЫ

РАНЕННЫХ ПРИВЕЗЛИ

Мы сидели у шалаша и перебирали крепкие желтые яблоки. Переполненные желудки приглашали нас к самым непринужденным, удобным позам на соломе, рядом с кучами яблок. Их сильный аромат, подогретый августовским, еще горячим солнцем, одурял и усыплял. Пальцы разжимались, левая ладонь как-то сама лезла под щеку, исколотую соломинками, и я готова была уже поддаться дремоте, когда Ина сказала мечтательно:

– Марья Николаевна, пойдемте к сливам.

От удивления я совсем проснулась.

– Неужели ты еще способна есть что-нибудь?!

Ине недавно исполнилось четырнадцать лет, но она была больше меня ростом и весом. За два года, которые я безвыездно жила у Голубевых в их прекрасном большом имении, моя ученица не могла отучить меня удивляться ее деревенскому аппетиту.

– Если тебе хочется слив, то иди за ними одна, а я полежу здесь.

Ина положительно не могла поверить, что возможно «не хотеть» фруктов. Не допуская этого, она искала иных мотивов отказа.

– Марья Николаевна, право, вы от этого не заболаете... теперь же после обеда хорошо поесть какой-нибудь зелени. Может быть, вы устали, так я принесу сюда?.. Нет? В таком случае пойдемте, я покажу одно дерево с круглыми розовыми плодами, такими ароматными и сладкими, как ананас. Ничего подобного вы никогда не ели.

– Но я вовсе не хочу...

– Захотите, вы только попробуйте, тогда захотите.

Она взяла меня за руку и без труда приподняла. Смеясь, я уступила.

Маленькая великанша в своем полудлинном платье шла впереди и оглядывалась на меня.

Ее белые зубы, загорелая кожа, плотно ступающие, крепкие ноги в туфлях без каблуков, спокойные уверенные движения – всё это говорило об избытке здоровья.

Потрясши дерево, мы начали собирать маленькие нежные плоды, душистые и такие вкусные, что даже в моем желудке нашлось местечко для них. За этим занятием застала нас Дуня. Девочка, вероятно, бежала от самого дома, потому что запыхалась и крикнула с дорожки:

– К нам раненых везут!..

Сливы посыпались из моих рук.

– Когда? сейчас?

– Завтра...

В деревенской школе, не более версты от нас, устраивался лазарет на семьдесят кроватей, но там ничего еще не было готово, так как раненых ждали не раньше как через неделю. Дуня ничего не могла объяснить толком, и мы побежали домой: впереди всех Ина, за ней Дуня, а сзади я. Алексей Михайлович сидел на столе у телефона и, когда мы вошли, переложил трубку из левой руки в правую: должно быть, слушал уже давно. Мы все стали у стенки и старались разобрать что-нибудь в шипении, доносящемся из трубки, и догадаться, на что он отвечал: «Да, да, постараюсь сделать». Ина полезла к самому уху отца и слушала тихо, как мышь, не смея вмешаться, как это делала зачастую.

Когда разговор окончился, мы молча ждали разъяснений.

Так это, значит, правда, что есть война! Когда бабы с плачем провозжали запасных, когда широкие листки газет приносили известия о раненых и убитых, о разрушенных городах, сожженных деревнях, расстрелянных жителях, то чувство страха уступало какому-то недоверию, фантазия отказывалась работать. Слишком далеко было это всё, слишком страшно, слишком несовместимо с нашим осенним садом, полным яблок и слив, тихими скошенными полями и всем строем мирной деревенской жизни; но вот завтра, в час дня, к нам привезут людей, смотривших в холодные глаза смерти, – это уже не газета, это настоящее!

Хотя не было еще раненых, настоящее чувствовалось во всем: в растрепанном учителе, прибежавшем из деревни и не севшем за стол, в постоянных телефонных звонках, вызывающих Алексея Михайловича, в железных кроватях, выставленных перед школой, где бабы мыли их сулемой.

– Прислано всего пятьдесят три кровати. Где взять остальные семнадцать? – волновался учитель. Новые обязанности при школе, где он был назначен надзирателем над лазаретом, вовсе не походили на его старые обязанности, и, так внезапно приступая к ним, он растерялся.

Где взять недостающие кровати, откуда достать сено для матрацев, куда девать лишние из присланных ему одеял, как принимать белье? А обед? При школе нет ни кухни, ни кухарки. Откуда достать припасов и посуды на эти дни, пока все еще не наладилось?

За ужином разговор не сходил с этих тем. И даже те, кто раньше ничуть не интересовались хозяйством – хоть сгори всё, – теперь с го-

рячим интересом спрашивали, сколько ложек можно собрать в доме, сколько хлеба напечено у нас для рабочих, сколько бочек кислой капусты и помидоров готовится для долгой зимы, по каким ценам земство закупает продукты для лазарета и хватит ли их до весны?

Дворовая собака, Пальма, забралась в столовую и ткнулась носом в мою руку. Выгоняя ее, я увидела две какие-то фигуры у балкона. Это бабы пришли спросить, не привезут ли их мужей, взятых полтора месяца назад.

– Еще нет списков, милые. Приходите завтра, сами посмотрите!

В столовой всё еще говорили о капусте и хлебе. Я с интересом приглядывалась к моим обычным сотрапезникам. И те, и как будто не те.

Серьезная Ина, не заглядывающая в блюда раньше, чем они поставлены на стол, – разве это моя обычная Ина? Бойкая тринадцатилетняя Дуня испуганно пожимается, когда говорят о ранах и докторях. Хозяйка, Варвара Степановна, забывает разливать суп, – а какая это прекрасная, предупредительная хозяйка! Сын ее, Инин старший брат, Степан Алексеевич, в белом костюме для тенниса, предлагает свою помощь при переноске раненых, как и его товарищи-студенты, гостиющие у нас. Сам Алексей Михайлович не критикует подаваемых блюд, и это необычно и удивительно. Он вскакивает к телефону и не доедает, а Варвара Степановна не замечает этого.

Я испытываю странное чувство: немного радости, что и мои силы понадобятся для общего дела, стыд, что я даю так мало, и страх, что не всё будет сделано как следует. Так чувствуем мы все, но в разных пропорциях. У кого преобладает радостная гордость, у кого страх, у кого неловкость.

Вечером Ина и Дуня приходят в мою комнату. Они садятся с ногами на диван и долго молчат, прижавшись друг к другу. Наконец Дуня спрашивает:

– Марья Николаевна, а они будут кричать?

– Не знаю право, не думаю: ведь мы постараемся не делать им больно.

– А где они будут есть, кто им будет готовить?

– Я думаю, вмажут большие котлы в школьной кухне или приедет походная кухня, а пока это всё еще не готово, завтра обед приготовится у нас. И обедать будут у нас на дворе.

На следующий день я проснулась рано и прежде всего переложилла простыни, одеяло и подушку на диван, потому что вчера решено

было отдать возможно большее количество кроватей из дома под раненых. В это число входила и моя, и Дунина. Дорогую нарядную постель Ины оставили в ее комнате, несмотря на ее просьбы отдать и ее кровать раненым. Ей так хочется сделать хоть что-нибудь.

– Успокойся, Ина, хоть что-нибудь мы всегда сделаем, а положить одного солдата на твой прекрасный матрац, в то время когда другие будут спать на сенниках, – это не годится.

В людской кухне с утра кипела работа. Сама Варвара Степановна спустилась туда посмотреть да и осталась там, во главе своих растерявшихся кухарок, как полководец на поле битвы в опасную минуту. Бабы ничего не соображали. Даже те, которые недурно сварили бы обед на десять человек, опускали руки. Сколько капусты надо на пятнадцать ведер борща, сколько помидоров, картошки, сала, уксуса – не соображали. Хозяйка сама стояла у котла, окутанная клубами пара, и распоряжалась.

– Долить!.. доложить!.. принести!.. отнести!.. – командовала она.

В полдень мы пошли в школу. Матрацы еще не все были набиты, постели стояли незастланными. Молоденькие сиделки и фельдшерицы метались по классам, зашивая и раскладывая по местам сенники. Учитель принимал по записке белье. Жена его помогала ему считать.

Я с моими девочками энергично принялась за работу. Набрав простынь и одеял, мы пошли в комнату, где двадцать кроватей уже были покрыты матрацами.

Пододеяльников не хватило на всех, и учитель снова бегал растерянный и несчастный.

«Что если бы Алексей Михайлович не принял на себя всех забот по прокормлению раненых, – подумала я. – Учитель, наверное, захворал бы от горя, а больные ждали бы двое-трое суток, когда будут вмазаны новые котлы».

Мне доставляло большое удовольствие смотреть на крепкие Инины руки, уверенные и простые движения. Казалось, будто она только и делала всю жизнь, что застилала постели. Тринадцатилетняя Дуня и я, тридцатилетняя Мария Николаевна, не поспевали за ней.

В половине второго за нами приехала бричка. Мы не заметили, как пролетело время, и опоздали к обеду. Степан Алексеевич уже сидел за столом в своей белой фланелевой рубашке. Кажется, для одного него этим утром не нашлось работы ни в кухне, ни в больнице. Он с товарищами играл в теннис и теперь чувствовал себя несколько неловко.

И когда я шутя предложила ему принять участие после обеда в шитье красных крестов для санитаров, он неожиданно ответил:

– Я ведь, собственно, не умею шить, но если могу быть чем-нибудь полезным...

– Отчего же нет? вы будете выкраивать и наметывать. Можете и ваших друзей привлечь к этому, для всех найдется дело.

Часы показывали два, когда наконец вошел хозяин и сообщил, что нам пришлют только легко раненых и что их нельзя ждать раньше пяти часов.

– А борщ и каша уже готовы! – ужаснулась Варвара Степановна.

– Ничего им не сделается.

Горничная внесла две мисочки с солдатским кушаньем, и мы наперерыв стали пробовать его, так что скоро показалось дно: борщ был мастерски сварен, да и каша не хуже.

– Кашу будут давать с салом или с молоком, как кто захочет, – с гордостью объяснила хозяйка.

После обеда мы принялись за шитье повязок с красными крестами и через каждые полчаса посылали кого-нибудь в беседку, стоящую на искусственном холмике, откуда видна далеко дорога в город. Уже десять повязок было сделано и отнесено в школу, уже столы, собранные отовсюду и составленные вместе в один длинный стол, были уложены ложками и большими ломтями хлеба, когда кто-то крикнул: «Едут!»

Мы все побежали к беседке. Действительно, далеко по дороге двигались телеги, штук семь-восемь, и ехал какой-то всадник. Народ, прогуливающийся там уже с двенадцати часов дня, пропустил печальный поезд и пошел следом.

Значит, действительно это раненые. Кто-то смотрел в полевой бинокль и, отстраняя наши жадные руки, пояснял:

– Серые шинели... сидят человек по восемь. Теперь и лица можно разглядеть.

Когда первая телега поравнялась с нашими воротами, Алексей Михайлович крикнул кучеру: «Заворачивай сюда!»

С какой жадностью в эти первые минуты мы вглядывались в измученные лица солдат, с каким чувством жалости и стыда перед собственным благополучием; но очень скоро это чувство рассеялось или, может быть, только спряталось куда-то в глубину, уступив место другим, более нужным в эту минуту.

Солдаты ловко соскакивали с больших телег, и никого не приходилось нести, к чему готовились наши студенты. Большая часть были ранены в руку, кое-кто в ногу и голову.

Лица серые от грязи и усталости. Узнав, что они не приехали еще к месту и после обеда должны двигаться дальше, один молодой сероглазый солдатик сказал:

– Скорей бы доехать до места и лечь, и лежать, лежать.

– Тут уже близко, версты нет, за три минуты доедете! – постаралась я их успокоить. – Только пообедаете здесь, и через пять минут будете отдыхать в лазарете.

Когда длинный стол по обе стороны был унизан стриженными солдатскими головами – школьные скамьи оказались очень низки, и из-за стола выставлялись одни головы, – мы начали подавать.

Что это была за работа!..

Солдаты быстро съедали свою порцию, требовали еще и раздражались, если мы не успевали это сделать скоро.

Впрочем, борщ им понравился, и через несколько минут настроение как-то сразу изменилось.

– Вот борщ так борщ – генеральский! – сказал кто-то весело с конца стола.

Я, Ина, Дуня, студенты и поденщицы летали с мисками, обжигая себе пальцы.

– Эй, тетка, сюда борщу! – крикнул какой-то смуглый солдат с забинтованной головой. Я поставила миску, из которой сразу стали черпать трое.

Я остановилась на полминуты поглядеть на здоровый солдатский аппетит. После каши мы разнесли арбузы и с особенною радостью встречали веселые солдатские взгляды, не измученные, не недоверчивые, не равнодушные, а задорные глаза наслаждающихся отдыхом и сытостью людей.

Милые, как вам мало надо! Были, впрочем, и такие, которые стремились к постели, слишком измученные усталостью или раной.

Теперь, когда они вставали из-за стола, благодаря Варвару Степановну, вышедшую из кухни с большой ложкой: «Спасибо, мать, за обед!», я разглядывала их более внимательно.

Уже когда один из них сидел на возу – со страхом сделать что-нибудь неловкое, – я подала ему арбуз «на ужин», и ничего неловкого не вышло, наоборот, вышло очень хорошо. Здоровой рукой он схватил

арбуз и весело рассмеялся, показав белые зубы. Ина и Дуня, наполнив фартуки арбузами, оделяли ими отъезжающие телеги.

Вот и последняя серая солдатская шинель скрылась за белой церковью. Бабы собирали со стола миски и ложки. Деревенские зрители разошлись. Собаки подбирали под лавкой оброненные куски хлеба...

Ина и Дуня жались ко мне с двух сторон.

– Марья Николаевна, пойдемте в школу!

– Подождите, мои девочки, теперь наша помощь не нужна там, и мы только помешаем. Потом, когда их распределят по комнатам, можно будет сходить...

Но в этот день нам уже не пришлось видеть раненых.

Ужин запоздал и затянулся. Делились впечатлениями, передавали солдатские рассказы. Борщ и каша пришлись по вкусу солдатам, и это подняло настроение у всех. Большое впечатление произвело сообщение Алексея Михайловича, что он отдает восемь комнат своего дома под раненых и уже сделал заявление куда следует.

– Стеснимся немного; Дуня и Ина перейдут к Марье Николаевне... Ведь вы трое ничего не имеете против того, чтоб жить вместе?

– Конечно, нет!

Ина радовалась больше всех; она хотела сегодня же вечером переносить свои вещи ко мне и огорчилась, когда ее остановили.

– Но где же им будут делать перевязки? – заинтересовалась я.

– Они могут ходить в школу, где устроена хирургическая комната, а к более тяжелым будет приходить фельдшерица. Я отдам одну лошадь специально для нужд раненых и медицинского персонала, будем их возить, если надо.

К концу ужина пришел учитель. Он только что кое-как напоил чаем своих больных – кипятком и хлеб были взяты у нас – и теперь, измученный, присел к столу.

Я заснула поздно, с головой, отягощенной впечатлениями.

Следующий день принес новую работу. Утром, еще до прихода доктора, молоденькие фельдшерицы должны были сделать перевязки. Я пошла помогать им. Ина и Дуня несли яблоки, которые и роздали веселому медицинскому персоналу. В большой комнате нас собралось восемь женщин, от тринадцати до тридцати лет, и пока готовился материал, мы шутили над маленькими помощницами. Дуня, видимо, трусила, но храбрилась, а Ина смотрела, как всегда, серьезно и спокойно.

Солдаты входили по очереди.

«Боже мой, и это легко раненые?! — думала я, глядя на ужасную почерневшую руку с раздробленной кистью. — А что же там в городе, в больших госпиталях?!»

Стонов не было слышно, хотя большинство солдат боялись боли и просили быть поосторожней. Один, уже пожилой, повернув голову в сторону, чтобы не видеть своей раны, здоровой рукой бил себя по колену, и этот нетерпеливый, лихорадочный жест говорил красноречивее слов о боли, испытываемой им.

Мы вышли из перевязочной разбитые, как после бессонной ночи. Дуня убежала домой уже давно, не выдержав вида ран. Ина, немного бледная, сказала:

— Как им должно быть страшно, что это именно они ранены и страдают, а другие в это время живут спокойно. Ведь они сражались за нас, правда? Они мучаются за нас. Если мы не сделаем, чтоб они выздоровели и отдохнули, то это будет с нашей стороны ужасно подло и стыдно, правда?

Вместо ответа мне захотелось поцеловать девочку, но я удержалась.

Мы принесли в палаты газеты и кое-какие книги и собирались уже идти домой, когда вошел доктор. Его тотчас обступили сиделки и раненые. Солдаты более всего интересовались узнать, когда приедет комиссия, устанавливающая, кто вернется в войско, кто пойдет домой навсегда, а кто для отдыха, до полного выздоровления.

И опять с чувством стыда и благодарности я оглядела большую школьную комнату, тесно уставленную кроватями людей, глядевших в холодные глаза смерти.

Как хорошо, что я могу сделать для них что-нибудь! и как жаль, что я так мало могу сделать для них!

НАДЯ

Открывающаяся дверь хлопнула меня по лбу.

Открыла ее тетка и, конечно, сразу начала читать нотацию: как скверно подслушивать! нехороших девочек всегда наказывает Бог, тех, которые постоянно огорчают родителей и родственников.

На лбу, как раз посередине, начала вздуться шишка, а она всё говорила. Мама и дядя тоже вышли на голоса и удивились:

— В чем дело? отчего Надя сидит на полу?

— Вот полюбуйтесь на свою любимицу: она подслушивала под дверьми, и я ее толкнула, выходя. Я всегда говорила, что это совсем испорченный ребенок и нужны особые меры...

Тетка торжествовала. Странное дело, отчего это ее всегда радует мое скверное поведение. Она говорит, что это ее огорчает, но я прекрасно вижу, как ей скучно и досадно, если я веду себя хорошо несколько дней подряд и ей нельзя прочесть нотацию. Ну да уж пускай: когда я вырасту, тетя не будет жить с нами. Я выйду замуж за богача, заведу белых лошадей в позолоченной сбруе и карету, обитую внутри золотистым атласом. Она будет завидовать, а я гордо проеду мимо и только кивну головой.

А шишка вздулась пребольшая. Дядя старался придать своему голосу суровость и бормотал: «Как это ты в самом деле, что же это такое... подслушивать...» Только он напрасно старался и кончил тем, что спросил: «А лоб очень болит?»

От его доброго голоса мне сделалось грустно и жаль себя, но, взглянув на тетку, я мужественно ответила:

— Чутьочку, даже почти не болит.

Хуже всего, конечно, с мамой. Она ничего не выговаривает, а посмотрит только, и стыдно.

— Вставай, я тебе сделаю холодный компресс ко лбу.

Я посмотрела на нее исподлобья и нехотя встала. Не надо мне компресса, и вообще, лучше бы она рассердилась.

Вот тетя говорит, что я огорчаю родных, а они меня разве не огорчают? Из-за чего произошла вся эта история? Меня хотят отдать в гимназию. Может быть, вы думаете, что сначала спросили мое мнение на этот счет? Ничуть не бывало. Но когда я узнала об этом, я сказала «нет». Даже не просто сказала «нет», а кричала, бранилась, пла-

кала. Плакала – вот до чего дошло! Сидела на чердаке, не приходила к обеду, и вот сегодня был семейный совет, на котором я присутствовала, сидя в соседней комнате под дверью. Ничего не помогло. Теперь хоть беги в Америку.

Мама возится у аптечки, достает марлю и йод; сбоку оказалась царапина, и вот мой лоб украшен большим коричневым пятном, а рядом другое, сине-багровое, – шишка.

– Хороша, нечего сказать, – говорит мама и качает головой. Преодолевая свой стыд, я стараюсь обидеться и выхожу из комнаты букой. Навстречу тетка. Ее-то как раз и недоставало, о Господи!

– Покажись, покажись, – поет тетка и заказывает глаза: – Красавица! Как только тебя увидит богач, так и пленится.

Мои мечты о богаче известны всем, но вовсе необязательно, чтоб он видел меня с двумя пятнами на лбу, коричневым и лиловым. Через неделю от шишек не останется и следа, а я не собираюсь выходить замуж раньше шестнадцати лет, так что тетка напрасно радуется.

В сад я вхожу даже с некоторой гордостью. Там моя младшая сестра Нина и брат Миша; это только взрослые смеются над тем, над чем не надо, а Нина и Миша отнесутся с должным уважением. Правда, Миша – это самый зловредный ребенок из всех существующих в Европе. Но я знаю, что мне десять, а ему шесть лет, и я могу посадить его в яму, из которой ему самому не выбраться, что и он хорошо понимает; к тому же сегодня мы друзья: это случается приблизительно через день.

Целая куча белоголовых деревенских ребятишек столпилась под высокой грушей и что-то разглядывает. Впереди Нина, тоненькая и хорошенькая, как принцесса, с двумя темными косичками, заканчивающимися красными бантиками. Косички – это ее гордость; она всё переносит кротко, но как львица защищает их. Что бы там могло быть под грушей? На всякий случай делаю грозный оклик.

– Босоногая команда, расступись!

Прохожу, как военачальник, и щиплю Мотьку за красную и упругую щеку. Мотька видит, что со мной сейчас нельзя шутить, и молчит, вытаращив темные глаза. Там просто ежик. Миша сидит перед ним на корточках, так что видна только его большая коротко остриженная голова. Пыхтит еж, и сопит Миша, почти прильнув лицом к колючкам. Узнав историю поимки этого зверя, кое-что одоблив, кое-кого поругав, я предлагаю компании идти в малину; за малинником, по ту сторону забора, наше царство. Упрямые прутья вытянулись из-под досок и

кое-где образовали уже целую чащу, привлекательную и опасную, откуда мы не возвращаемся иначе как покрытые царапинами и усаженные занозами. Скоро обед, и я как старшая должна была бы следить за Мишей, а не толкать его на это безумное предприятие, но сегодня мне море по колено. Нельзя, нехорошо, ну и пускай. Вот когда буду в гимназии, так уже придется слушаться и подчиняться. Вся внешняя гряда кустов уже очищена: ни одной ягодки. Я знаю: надо поднять опустившиеся ветки, и там еще можно найти кое-что; но и это придется оставить детишкам, которые лезть в глубину не могут.

Какие крепкие эти колючки: как железные крючья, они впиваются в платье, и с той стороны и с этой, разрывают материю и до крови царапают кожу. Если говорить правду, сердце мое беспокойно и ягоды не очень радуют: все-таки не надо было водить сюда Мишу; это мои счета со взрослыми, а Миша ни при чем. Нина стоит в отдалении, как живой укор. Она не протестует против моих глупостей, но сама не желает принимать в них участия и стоит так, чтобы все видели, как она не ест малины.

От дома доносится крик: «Обедать, Миша, Нина, Надя, обедать!»

Это Варвара старается. Мотья – кухаркина дочь и идет с нами к дому, а крестьянские ребяташки в другую сторону. Деревня от нас недалеко, за прудом, минут восемь ходьбы. Мы с трудом высвободили Мишу, который совсем запутался в колючках. Какой милый мальчишка – и не пикнул, а у самого руки до крови исцарапаны. На обратном пути он стал искать ежа.

– Миша, скорей.

– Я ежика хочу найти.

– Да он давно убежал.

– Куда?

– В лес.

– А там забор.

– А он под забор.

– Я пойду посмотрю, есть ли под забором дырка.

Приходится ему пообещать поймать другого ежика, и пока мы идем к дому, он доказывает мне, как ему необходим этот зверь. Надо положить наконец основание его будущему зоологическому саду. Зоологический сад, или зверинец – это самая главная цель Мишиной жизни, самая лучшая мечта его, но медленное ее осуществление начинает его тревожить.

– Зверинец, зверинец, а ни одного зверя еще нет; обязательно поймай ежика. Ты меня увела в малину, а он и убежал, значит – кто виноват?

Все уже сидят за столом на балконе, и Нина на своем месте, как будто ее ветер донес.

Тетя заявляет:

– Явилась наконец сестрица с братцем.

А мы ведь почти не опоздали. Она всегда говорит, что у меня «характерец», а по-моему, у нее самой «характерец». Опоздали на какую-нибудь минуту, выговоров будет на полчаса. Я не могу, наконец, терпеть и говорю точнехонько как она: «Ну-у, характерец».

Боже, что из этого вышло. Ложка в тетиной руке остановилась на полдороге ко рту, рот открылся, глаза сделались круглыми и злыми, как у курицы; она закричала: «Это ты мне... это ты мне... я не могу перенести... не могу... не могу!!»

Я даже испугалась. Тетка встала, взяла тарелку и хотела уйти, но мама схватила ее за юбку и сказала:

– Не ты уйдешь, а уйдет Надя.

Миша поинтересовался, дадут ли мне сладкого, а меня это уже не интересовало: пускай мучают, сами пожалеют. Вместо того чтоб идти в нашу детскую комнату и там получить обед, я побежала в кухню и сказала Варваре:

– Меня опять наказали, дай мне хлеба с солью.

Я пользовалась особенной симпатией прислуги за частые ссоры с теткой. Поэтому в тяжелые дни у Варвары обыкновенно находилось для меня то яблоко, то мед, то миндаль или чернослив. Сделав запасы, я шла на чердак, а оттуда на крышу. К дому примыкал сарай, можно было перебраться и туда. Босые ноги не скользили на железных листах, но снизу смотреть было жутко, – и я это знала. Только этим летом я добилась разрешения гулять по крышам, раньше я делала это тайком и один раз, торопясь спрятаться от мамы, чуть не оборвалась. Тогда за мной долго следили и запирали двери чердака, но так как я все-таки лазила, то вот этим летом дано наконец разрешение с условием, чтобы ни Нина, ни Миша не знали хода на крышу. За этим уже я слежу, а сама буду ходить. По узкой и крутой лестнице, спотыкаясь в темноте, перелезаю через какие-то бревна и вот достигаю цели.

Слуховое окно из шести стекол, два уже выбиты, железная крыша раскалилась и печет ноги. Бегу к трубе и устраиваюсь в ее тени.

Блюдечко с вишнями на сказках Андерсена, а на вишнях кусок хлеба, сверху белый от соли – Варвара постаралась.

В душе моей горечь, которую не заешь вишнями. Кому это понадобилось отдавать меня в гимназию? Наша жизнь текла так мирно и приятно; немного ученья по утрам и весь остальной день в саду, на воздухе, в играх. Не знаешь, когда лучше – зимой или летом. Занималась я раньше с теткой, а теперь с репетитором Алексеем Михайловичем и не могу сказать, чтобы занятия шли слишком плохо. Конечно, бывали случаи... но эти случаи, которые раньше казались неприятными, теперь вызывают только умиление. Какое это наказание – просидеть часа три в нашей комнате за приготовлением урока, который я могу сделать в десять минут! Это почти не наказание, а если и наказание, то я его заслуживала своим упрямством... Ах, если бы не ехать в гимназию, то как хорошо учила бы я уроки! Тем более, что это так нетрудно. Позднее раскаяние: через полтора месяца меня повезут в Н... – это наш ближайший город – и отдадут в гимназию на полный пансион.

Гимназия мне представляется приблизительно так. Длинное серое двухэтажное здание, ряд окон, за которыми мелькают бледные лица учениц-узниц, тяжелые двери, сверху полукруглые, которые захлопываются за входящими с таким гулом, что слышно в самых отдаленных углах, и никогда не открываются для выходящих. Как оттуда выходят, не знаю, но наверно эти двери не отпираются для выходящих. В гостиной сидит татап, желтая и сухая, похожая на китайца. Она не разговаривает, а только кивает головой и улыбается; это очень страшно и противно. По бесконечному коридору ходят классные дамы и ловят бедных девочек, которым захотелось поглядеть в окно. Полутемные дортуары уставлены одинаковыми кроватями и шкафами, так что никогда сразу не узнаешь своих. Девочки в одинаковых платьях и передниках, может быть, одинакового роста и на одно лицо, говорят одинаковым голосом одинаковые слова. По звонку встают, по звонку едят, по звонку ложатся.

По всей вероятности, тут много правды, в моей фантазии. Катя Орлова, поступившая в прошлом году, не раз передавала мне свои гимназические впечатления, и оттуда я вынесла татап, похожую на китайца, серый дом, бесконечный коридор, дортуары, установленные одинаковыми кроватями и шкафами. Правда, у Кати всё это получалось иначе и не казалось страшным, по крайней мере, ей самой: «Ну так что ж, что одинаковые, ну так что ж, что по звонку...»

У нас совсем разные характеры. Она боится лошадей; она не может сесть без седла даже на самую смирную водовозку и не ходит в конюшню, а для меня нет большего удовольствия, как вертеться возле Василия, кучера, и помогать ему. Теперь, правда, не то что раньше: с тех пор как землю отдали арендатору, у нас осталось только две лошади: Соколик и Стрела. По-моему, они не так уж стары, как говорит дядя, и в упряжи даже красивы: обе серые, обе большие. Василий, толстый и важный, – в своем кучерском костюме; в другое время он худой и не важный; экипаж на рессорах; вожжи зеленые, одним словом, всё первый сорт. На Стреле можно ездить и верхом, только надо брать прутик, а то она останавливается и начинает щипать траву. Сиди, как на башне, и хоть плачь – такое полено. У Соколика очень широкие бока; на нем труднее сидеть, но зато он идет лучше. Зимой, если запретить одного Соколика в легкие санки и ехать не с Василием, а с дядей, то не всякая лошадь нас перегонит. Хорошо! Такое удовольствие очень нечасто выпадало на мою долю; нельзя же Нину и Мишу обижать, а они тоже любят кататься, особенно Миша. Теперь, когда я буду в гимназии, их будут брать чаще.

Эта мысль колет меня, как иголка. С одной стороны – полутемные дортуары, душные классы, страшная тапан, несносные классные дамы, строгие учителя, скучные уроки, вставать по звонку, гулять по звонку; с другой стороны – наш милый тихий дом с одним только стареньким звонком в передней, лежанка в дядиной комнате, покрытая ковром, куда можно стащить и подушку, чтоб удобней свернуться клубком и поджаривать то один бок, то другой. Нина и Миша налезут на ноги и стараются столкнуть, а потом пристроятся как-нибудь и задремлют. Милый дядя, который не меньше меня любит фантазировать о далеких странах. Мама, тихая и озабоченная, с шитьем в руках, раза три за вечер заглянет к нам и наконец унесет на руках уснувшего Мишу. Тетя – и та в конце концов милая женщина: если кто-нибудь болен, она непременно ухаживает, ночей не спит и забывает сердиться.

Внезапно я вспоминаю случай сегодня за обедом, приведший меня к изгнанию на крышу, и улыбаюсь. Нехорошо было с моей стороны так дерзить, но за это я и поплатилась. А какое смешное лицо сделала тетка: и глаза круглые, как пули, – она, наверное, застрелила бы меня в ту минуту, если б могла.

II

Я всегда это предчувствовала: сегодня воскресенье, наши уехали к Орловым, а я в наказание за вчерашнюю выходку осталась дома. Если бы я и на самом деле была непослушная и своенравная девочка, то никто бы не мешал мне пойти за ними пешком: три версты – пустяки, а там и Катя, и Лева, и старшие Орловы стали бы просить маму и тетю за меня. Целый день прошел бы в играх, а за обедом, может быть, было бы мороженое; но я этого не сделаю, я просижу послушно за уроками, а потом пойду в наш сад, пустой и грустный.

По крашеному полу, как раз возле стола, где я сижу, бегают солнечные зайчики. Ах, как трудно заниматься! Глаза невольно останавливаются на предметах, не имеющих отношения к французской грамматике: вот две постели, моя и Нинина, еще аккуратненькие, как куколки; сразу видно, что никого нет дома: я не в счет, когда мне так грустно. Ящик с игрушками: какой там кавардак! Чьи-то ноги высываются из груды всякого хлама, где беспечно мешаются мои, Нины и Мишины вещи; впрочем, у Нины есть три куклы, которые она бережет, заплетает им косы и кланчит у мамы лоскутки для приданого; они живут, отдельно.

Нет, так заниматься невозможно! Отворачиваюсь к стене и твержу с большим выражением: «*Imperatif present: aïe, ayons, ayez*».

Представляю себе какого-то врага, с которым мы деремся на шпагах: удар, еще и еще: «*aïe, ayons, ayez*» – получай!

По-моему, в прошлом году я знала французский язык лучше, чем теперь. Тогда тетя читала нам французские сказки из большой красной книги с картинками. Потом мы всё изображали с Ниной, очень любили играть в эти сказки, особенно в старого бедного отца, пришедшего под осенним дождем к порогу разбогатевшей дочери за подаянием. Мы постоянно спорили из-за того, кому быть дочерью и спускаться с фонарем с высокой башни под дождем и ветром к нищему с куском хлеба; потом надо было с криком кинуться в объятия друг другу и разрыдаться. Теперь нам этих сказок не читают, и французский язык потерял всякую привлекательность. «*Conditionnel, imperatif*»... Говорят, что я способная, но ленивая, а по-моему, как раз наоборот: вот сколько времени сижу, а всё ничего не выходит.

Надо взять себя в руки. Какое смешное выражение, если вдуматься: взять себя в руки. Я переkreщаю руки на груди и стараюсь заки-

нуть их на спину, как можно подальше, потом ловлю себя на этом занятии и громко смеюсь.

В саду какие-то голоса. Дядя и Алексей Михайловича не уехали, они пойдут пешком после обеда, но я ясно различаю какой-то мужской голос, не принадлежащий ни одному из обитателей нашего дома; подбегаю к окну, вытягиваю шею и вижу шевелящиеся листья старого клена, а за ними светлую дорожку – и больше ничего. Голоса удаляются, и я выбегаю из нашей комнаты в столовую, оттуда на балкон, в сад, и на дорожку к пруду...

Это Лева Орлов. Он в высоких сапогах и с хлыстиком; значит, приехал верхом на своей великолепной Грации. Грация – это не лошадь, это мечта, это молния, это ветер: рыженькая, с ножками тоненькими, как стрелки, с шеей лебединой... Внезапно мне приходит в голову блестящая мысль; вы уже знаете, какая? Ну да, конечно: покататься на Грации, если Лева останется у нас до обеда; это мне удастся так редко.

Леве шестнадцать лет, он носит очень узкие брюки, лайковые перчатки и всё старается помнить, что он уже взрослый. Я его называю на «вы», а он меня на «ты»; не знаю, почему это, так уже сложилось.

– Здравствуйте, Лева, – говорю я смиренно, помня о Грации.

– А, опальная, здравствуй, – приветствует меня Лева. – Что ты напроказила?

Лева не любит моей тетки, и на этом я хочу сыграть игру, которая хоть на десять минут даст в мое обладание прекрасную Грацию. Я описываю случай за обедом; «ну-у, характерец» – и делаю круглые злые глаза: «это ты мне... это она мне», потом хватаю воображаемую тарелку и гордо выплываю за ближайшую грушу.

Лева хохочет, Алексей Михайлович тоже, а дядя старается сдержаться и бормочет: «проказница... проказница...»

Алексей Михайлович милый человек, но он портит все мои планы.

– Как ваши уроки, Надя?

Я мнусь.

– Ничего, так себе, довольно скверно.

– Пойдемте, я вам помогу.

Вот тебе и Грация! А кто виноват? Сама и виновата. Я покорно иду за студентом, а Лева кричит жалобно: «Что же я буду делать без вас, мне скучно».

– Карасей ловите, – отвечает шутя Алексей Михайлович.

Этот пруд, который в саду, маленький, покрыт наполовину ряской и запущен; говорят, будто там водятся караси, только мы их никогда не видели.

— А что, и в самом деле, — говорит Лева: — сегодня воскресенье, арендатор ваш свободен, невода есть; Тимофей Ильич, давайте устроим!..

Я уже не слышу, что отвечает дядя, но отчего бы ему не согласиться: мама давно просит очистить пруд от ряски и водорослей.

На этот раз занятия идут иначе: весь глагол повторен за десять минут, география тоже не больше получаса, и я свободна. Алексей Михайлович умеет заниматься: он не раздражается, не кричит, не сердится, как тетка, и поэтому я тоже не раздражаюсь, а слежу внимательно за уроком; притом же он как будто мне товарищ, и перед ним гораздо стыдней казаться глупой и несообразительной.

Кончив урок, мы оба бежим к пруду. Я бегаю хорошо, но ведь у него ноги длинные, как жерди, так что он первый подбегает к мостику. На берегу целая куча народа: тут арендаторовы сыновья, его зять, еще какие-то мужички, вероятно, гости, и детишки из деревни. Лева и дядя что-то им говорили, когда мы подошли, и мой репетитор сразу вмешался: он самый толковый. Расставил людей и детей, которые постарше, на двух противоположных берегах, перетянули сетку поперек пруда, и он скомандовал: «Тяни!»

На шум прибежала Варвара и стала, открыв рот:

— Что это вы делаете?

— Лягушек ловим тебе на обед.

— Да на что же вы это делаете?

Тут уже я почти рассердилась:

— Карасей ловим, разве не видишь сама? Тащи ведро, чтоб было куда складывать рыбу.

Сетка сразу сделалась тяжелая, так что уже и дядя, и Лева, и я взылись за веревку. Я думала, что это всё рыба, но когда подошли к противоположному концу и стянули всю сетку в угол, оказалось, что она полным-полна водорослей и грязи. Мужики смеялись, а больше всех смеялся Лева, осторожно, двумя пальцами вытаскивая клоки какой-то рыжей мочалы, откуда выскакивали лягушки.

Однако поймалась и рыба. Еще когда вытаскивали сетку, я видела что-то сверкавшее, как серебро, а когда грязь стекла и водоросли были выкинуты, мы нашли штук двадцать большой рыбы и много мелочи, которую и посадили в ведро с водой.

Какие красивые создания эти рыбы! как цветы! Где можно найти более красивую окраску, чем их серебряная, перламутровая чешуя и коралловые плавники? Не знаю, почему смеются надо мной? это глупо: каждый пусть любит то, что ему нравится! Алексей Михайлович сразу согласился со мной, а Лева еще долго спустя дразнил меня тем, что рыбы похожи на цветы. Ну, да я тоже не оставалась у него в долгу. Сейчас расскажу, как это вышло, что важный Лева попал в самое смешное положение, какое только можно себе представить. Закинули во второй и в третий раз. Рыбы наловили много, а грязи и травы еще больше, так что совсем очистили пруд. Арендатор говорит: «Давайте еще один раз, последний; авось поймем пятифунтового карася». Мы обещали поделиться с ним рыбой, вот он и жадничал, тем более что маленькую рыбешку решили пустить обратно.

Закинули еще. Теперь уже сетка шла легко, но как раз на полдороге, посредине пруда, за что-то зацепилась; потянули вперед, в одну сторону, в другую – держит. Арендатор очень взволновался, как бы не порвали его невод. Алексей Михайлович и дядя тоже испугались, как бы не испортить чужую вещь, и перестали тянуть. Попробовали дно – вязкое; дойдешь до середины пруда – по пояс увязнешь в иле, а лодки никакой нет; плот бы сколотить из досок – досок подходящих не найдешь долго. Кто-то предложил попробовать наше большое корыто: оно не меньше рыбацкого челна и выдержит человека. Мужики сбегали за корытом и спустили его в воду – важный корабль вышел, только сесть в него нельзя. Одну ногу поставишь туда и едва упрешься, корыто начинает вертеться на воде, как бешеная кошка: никакой устойчивости в нем нет. Издали всем казалось это легким делом, а испробовав, все должны были отказаться: сесть так и не удалось ни одному из многочисленных претендентов. Само собой разумеется, я одна из первых стала добиваться испробовать свои силы, но меня отстраняли. Я кричала, подняла страшный шум, так что в конце концов Лева и Алексей Михайлович согласились:

– Пускай попробует.

Дядя запротестовал:

– Перекинется.

– Да ей ведь и сесть не удастся, а если бы и опрокинулась – не большая беда: здесь неглубоко и погода жаркая.

Я не люблю, когда надо мной смеются: подумаешь, труд какой – сесть в корыто. И сяду. Я босиком, в капоте, надетом прямо на рубаш-

ку, так что крушение не грозит особыми последствиями: переоденусь, и всё тут. Алексей Михайлович стал у самой воды, готовый броситься мне на помощь.

Я пробую сначала ногой, как все, и чувствую, что корыто не дает никакой опоры: оно извивается, кружится, ложится на один бок и моментально на другой, — стоять в нем невозможно даже секунды.

Моя неудачная попытка возбуждает общий смех. При таких условиях гордость не позволяет мне отказаться от начатого. Вплотную притягиваю корыто, сажусь на землю и медленно переползаю в него, грудью и руками опираясь о берег. Удалось: я сижу! Но при первой попытке выпрямиться скверное корыто начинает беситься, и я опять хватаюсь за землю. Медленно, медленно, ища равновесие, я выпрямляюсь; почти не дышу, руки по воздуху, глаза устремлены в одну точку. На берегу тоже молчат, понимая важность момента; наконец дядя говорит:

— Молодец, молодец, ну теперь уже показала себя, вылезай.

Нет, я еще не показала себя: надо доехать до середины пруда и потянуть кверху зацепившуюся сетку. Хорошо понимая, что это мне не удастся, я все-таки храбрюсь:

— Дайте мне палочку, и я буду грести.

Вот палочка в моей руке; стараясь не шевелиться, я ковыряю воду, и корыто движется вдоль берега, не удаляясь особенно от него; совершенно помимо моего желания оно вдруг поворачивает, начинает кружиться и грозит меня выкинуть в мутную воду; теряю палочку, ловлю равновесие и застываю в нелепой позе с испуганным лицом. Нет, лучше не подвергать себя новому риску и выйти с честью из предприятия; гребу ладонями, подъезжаю, обнимаю берег и ползком вылезаю на землю. Я горжусь; меня хвалят. Одному Леве мои лавры не дают покоя; он кричит:

— Она не доехала до невода. Сейчас я поеду, отцеплю его — это пустьяковое дело.

Пускай, пускай, попробуй. Тем более что он в сапогах.

Я смеюсь и еще более подзадориваю Леву, так что он быстро подходит к корыту, делает прыжок в него, моментально садится, протягивает впереди себя ноги и — медленно идет ко дну. От толчка легкое суденышко отошло на сажень от берега, и Лева на виду у всех напрасно барахтался, стараясь встать на ноги или уцепиться за берег. Удобно сидя в корыте, он торжественно пошел ко дну. Это редкое, необыкновенное зрелище потрясло меня так, что я первые секунды не мог-

ла даже смеяться; потом такой оглушительный хохот встретил вылезшего из воды Леву, что он моментально направился к дому, крикнув: «Надо переодеться».

Он натянуто улыбался и говорил, что купанье очень приятно в такую жару, а мы все искренно веселились и просили повторить номер. Лева в чужих брюках и рубашке уже одним своим видом мог вызвать веселость; воспоминание об его крушении в корыте не оставляло нас весь обед и еще долго спустя служило темой для шуток.

III

Если бы как-нибудь можно было задержать время: машину какую-нибудь такую придумать, чтоб она его держала за хвост; но машины нет, хвоста у времени тоже нет, и оно бежит как угорелое. Я усиленно занимаюсь, хотя и говорю еще «нет», когда меня спрашивают о гимназии. В этом «нет» не слышно прежней уверенности; ну, гимназия так гимназия. Я не могу бежать в Америку, потому что полиция ловит бегущих детей и возвращает их родителям, да, может быть, еще и наказывает, — не знаю; дома держать меня не хотят; значит, выхода нет. Миша уже спрашивал, не могу ли я ему привезти из города пятьдесят слонов. Конечно, могу, отчего нет? Может быть, нужно пятьдесят тигров? Да, они ему тоже нужны. А пятьдесят крокодилов? Он в восторге. А пятьдесят медведей? Это он всегда хотел.

Бедная я. Миша уже радуется моему отъезду и спрашивает: «Ну, когда же ты уедешь в город?» Нина сначала жалась ко мне и жалела, а теперь уже несколько не думает о моем будущем, о поездке; впрочем, ей только восемь лет — беспечный ребенок. Мама спокойна и ласкова, как всегда, пожалуй, немного ласковей — вот и всё; но меня это не трогает — ведь от нее зависело и вовсе не отдавать меня в гимназию.

Скоро день моего рождения; мы его отпразднуем очень торжественно, а там придется заниматься вплоть до ужасного пятнадцатого августа, когда меня повезут в серый, отвратительный дом с тяжелыми дверьми.

Покуда не стукнуло десяти лет, я всё еще считаю, что мне девять. Девяти лет готовлюсь во второй класс, это не так дурно. И к тому же некоторые предметы у меня поставлены превосходно, даже Алексей Михайлович меня ободряет, а он строгий учитель и никогда даром не похвалит. Вот французский язык хромает. Практически я его могу

изучать только с теткой – репетитор тоже не большой знаток в языках, – а с теткой занятия никогда не кончаются добром. Может быть, у нее в институте и были очень хорошие учителя, охотно верю, только ей они не передали своих талантов. Я начинаю злиться, если мне говорят, хотя бы и по-французски, что самое подходящее занятие для меня – это чистить сапоги на улице. В самом занятии нет ничего унижительного и неприятного, но теткин тон может взбесить хоть кого, и я отвечаю прямо по-русски:

– И очень рада; конечно, приятней чистить сапоги, чем заниматься с вами французским языком.

Ах, эти вечные истории! Кинуть бы все книги под кровать и сбегать в сад или еще дальше, в поле, через поле к Орловым в их парк, полный грибов. Зачем мне кончать гимназию? Конечно, хорошо быть врачом, но и чистильщиком сапог тоже недурно. Здесь я ради удовольствия помогаю прислуге и всегда еще жалею, что мало туфель. Чем плохо – сидеть в крошечной лавчонке, где помещается только один стул, продавать шнурки и чистить разнообразную обувь: черную, красную, желтую, коричневую? Я давно мечтала почистить когда-нибудь красные башмаки; но у нас ни у кого нет красных, а это должно быть так приятно, и неустомительная работа, сил в руках хватит; но что-то мешает все-таки сделать такое решение и закинуть книжки под кровать. Может быть, это самолюбие, желание доказать, что я могу заниматься; не хочу, но не могу; может быть, боязнь слишком огорчить маму и близких. Одним словом, я отвлекаюсь от прекрасных фантазий и снова начинаю зубрить. Закон Божий – легко; Катя говорит, что батюшка очень добрый и нестрогий. История тоже идет хорошо. А вот география – похуже. Ну, какое мне дело, где какие фабрики и заводы? Всё названия и названия. И кому это нужно знать наизусть и зачем?..

Мама говорит, чтобы быть образованным человеком... А что-то мне не верится, чтоб образованный человек всё это помнил; разве специалист. А я вовсе не думаю особенно заниматься географией. Непременно спрошу у Орлова, он ведь профессор, значит, образованный.

Вчера я долго не могла заснуть и думала, подарят ли мне краски. Сегодня проснулась ни свет ни заря, а краски стоят на стуле у моей постели. Когда это мама успела положить их? Удивляюсь!

Солнце еще не высоко. Нина спит, в саду на траве роса, а в доме тихо, как зимой, но я уже не могу спать. Торопясь, отодвигаю крышечку и жадно считаю: двадцать красок, а кроме того, золотая и серебряная

в блюдечках. Я в восторге. Тут же и кисточки, четыре кисточки, даже пять, одна большая, деревянная, с хвостиками на обоих концах; тут же беленькие блюдечки. Мне очень хочется попробовать краски, хотя бы некоторые, но воды нет. Босиком, в рубашке я бегу в столовую за водой. Какие странные комнаты по утрам, когда еще все спят! И всё как будто обычно: стол на своем месте, покрытый с вечера чистой узорчатой скатертью; двери буфета аккуратно закрыты; неполный графин; букет увядающих колокольчиков на окне, всё такое же, как было вчера вечером, когда мы пили чай, – и не такое. Как будто без людей комната застывает, а не живет обычной жизнью.

Набрав воды, я быстро возвращаюсь. Теперь можно испробовать все краски. Красная особенно хороша. В прежних моих красках – маленький ящик – не было такой. И все ложатся ровно, без комков. Не разбудить ли Нину, чтоб и она полюбовалась?

Сказано – сделано. Нина мычит и трет глаза, но, сообразив в чем дело, быстро вскакивает со своей постельки и перебирается на мою. Она любит краски, но предлагает открыть и другие пакеты, на которые я не обратила внимание. Тут конфеты, книга «Маленькие женщины» Олькот, хороший черный мяч – твердый как железо – и маленькая перламутровая ручка, о которой я давно мечтала. Вообще, все подарки показывают, как внимательно относятся ко мне близкие.

Дверь тихонько отворяется, и оттуда сначала высовывается блюдо с красными яблоками, а затем красное лицо Варвары. Она думает, что я еще сплю, и хочет тихонько поставить свой подарок возле моей постели. Она сопит, обхватила блюдо и смотрит прямо перед собой, занятая одной мыслью, как бы не нашуметь и не обронить яблок.

Только подойдя вплотную, Варвара замечает меня и Нину. Объятия, поцелуи, и я делаюсь обладательницей блюда яблок, первых яблок – надо помнить это, чтоб понять мои восторги.

Горничная Глаша расчесывает Нинины косы, заплетает их и насаживает на концы голубые ленты. Мы обе в голубых батистовых платьях, голубеньких носках и желтых туфлях. Обыкновенно я не люблю нарядных костюмов, потому что их надо беречь, но сегодня мне всё простят, я знаю. Миша в белом костюмчике, мама в хорошенькой блузочке с широкими прошивками, самовар сияет как зеркало, на тарелке печенья – ну, просто Светлый праздник.

Дядя как-то особенно сияет. На нем пикейная рубаша и галстук красного цвета. Всем известно, что я дядина любимица, как Миша – ма-

мин, и поэтому, конечно, он приготовил мне какой-нибудь особенный подарок. Садимся за стол, пьем чай, но я все-таки знаю, что подарок будет, и не удивляюсь, когда он таинственно зовет меня:

– Иди сюда, Надя, я тебе что-то покажу.

В его комнате под лежанкой стоит узкий длинный ящик, похожий на гроб, из которого высовываются крокетные молотки и дужки. О, дядя, ведь именно этого мне недоставало для полного счастья! В этом году меня необыкновенно балуют. Я знаю, почему так, но гоню печальные мысли о гимназии и хочу веселиться. К завтраку приезжает Катя Орлова с большой коробкой конфет, а к обеду мы ждем Леву и стариков Орловых, а также батюшку со всем семейством.

Катя вся беленькая с бантиком на голове, а я и Нина – голубые.

Бежим к беседке, обычному месту игр. Во что же играть сегодня? Нетрудно найти: всякая игра пойдет в такой день хорошо! Разве не прекрасный дремучий бор эта заросль, кусты орешника и сирени? Разве не могучий замок эта наша беседка на холмике с красными деревянными колоннами, правда подгнившими, правда потрескавшимися, но всё еще довольно внушительными? А мы сами не храбрые ли рыцари без страха и упрека? Мы делаем подвиги, чудеса храбрости и благородства. Но судьба неодинаково благосклонна ко всем, и я уже готова умереть в плену, прикованная цепями к красным колоннам, когда чьи-то веселые крики выводят меня из предсмертного оцепенения.

К ним мчится Миша, а за ним всё батюшкино семейство: Мишин приятель Шура, двенадцатилетняя Тоня, Соня и Лиза, уже взрослые барышни в белых платьях, и сама матушка. Поднимается крик, как на ярмарке, меня поздравляют, суют какие-то пакетики, я благодарю и забываю умереть. Потом мы все идем на площадку устанавливать крокет.

За обедом присутствует так много народу, что наш стол не вмещает всех, и меня с Ниной, Катей и Тоней отсаживают на другой, маленький. Нам даже приятней вести свое хозяйство, и мы не скушаем вчетвером. Старый Орлов сидит с краю большого стола, и нам удобно переговариваться. Он спрашивает:

– Ну что, ты уже соглашаешься ехать в пансион?

Я пожимаю плечами: что же мне остается, как не согласиться?

Этот разговор напомнил мне кое-что, и я спрашиваю старика так громко, что все оборачиваются:

– Скажите, вы знаете, как называется второй правый приток Амазонки?

– Второй справа приток Амазонки? Не помню, забыл. Зачем это тебе понадобилось?

Я торжествую и смотрю на маму, она тоже смотрит на меня и, видно, ужасно боится, как бы я не выпалила чего-нибудь, но я уже не могу удержаться и говорю профессору:

– Значит, вы необразованный; мама говорит, что учиться в гимназии нужно для того, чтоб быть образованным, а вы хоть и учились, а всё равно – всё забыли.

Все смеются, а он отвечает:

– Нет, я не всё забыл, кое-что осталось в памяти.

Мама сконфужена, но ведь она сама виновата, по-моему.

Я тоже всё равно всё забуду; зачем же меня заставляют учиться?

IV

Холод такой, как будто осенью, а еще июль, конец июля. В первых числах августа меня повезут держать экзамены, а с шестнадцатого начинаются занятия. Лучше не думать об этом. Беру себе с блюда самую старую пшеничку, на которую давно уже смотрят Миша и Нина. И пускай: меня мучат, а я еще должна уступать другим? Нет уж. Нина капризничает, идет дождь, и хочется ссориться. Щенок Тузик лезет под балкон, потому что его прогоняют отсюда и запрещают кормить со стола. Я думаю, что никто из старших не видит, как я кидаю ему куски хлеба, но Миша выдает меня. Он внезапно срывается со стула и кидается к перилам, указывая куда-то рукой и крича:

– Не бросай в кусты, Тузик не видит! Там, там, Тузик, ищи там!..

Мишу водворяют на место, а я должна прекратить забаву. Когда начинает темнеть и дождь всё идет, я стучусь в дверь дядиной комнаты.

– Войдите, – говорит дядя.

Я вхожу почему-то на цыпочках. Все окна заперты, сад шумит, а в доме тихо и не похоже на лето. Дядя рад моему приходу, мы с ним друзья и всегда найдем о чем говорить. Сеттер Лорд спит на боку и во сне перебирает ногами и повизгивает: ему снится охота.

– Лорд, проснись и покажи нам всё, что ты умеешь делать! В кармане у меня есть два кусочка сахара, до которого ты большой охотник.

Но и Лорд не может разогнать грустного настроения, воцарившегося в доме непогодой.

– Дядя, вы будете скучать обо мне, когда я уеду?

– Ну, конечно, буду.

Я и сама знаю это, но приятно спросить и получить ответ, не оставляющий сомнений.

– Я тоже буду.

Мы оба растроганы.

Ни у кого у нас в доме нет такой хорошенькой чернильницы, как у дяди, и таких безделушек на столе. Лампа с низеньким медным резервуаром на львиных ножках похожа на добрую фею – такой у нее приятный, мягкий свет. Когда зимой, бывало, мы заиграемся на дворе до темноты и во всех окнах зажжется свет, то два дядина окна обещают такую теплоту и уют, что, скинув валенки и шубу, я бегу сразу туда и не выхожу, пока не позовут ужинать, а после ужина пристраиваюсь на лежанку. Теперь лежанка холодная; на ней лежат яблоки. «Для запаха», – говорит дядя, но это не мешает ему и есть их в большом количестве. По стенам разные гравюры в деревянных рамках. Тут Мадонны и еще какие-то женщины, очень красивые. Мне нравится Лина Кавальери, я хотела бы быть такой, когда вырасту, а Нина предпочитает белокурую Мадонну, полную и здоровую, как яблочко, у которой волосы падают до колен; но Нина никогда не будет такой, потому что глаза у нее почти черные, а волосы каштановые, и неизвестно, вырастут ли они до колен.

Кто-то меня зовет. В нашей комнате Нина разложила всех своих кукол и переодевает их в более теплые платья. Бедные куклы! Летом Нина совсем забывает их, и вот разве только в дождь пробуждается в ней материнская нежность, чтоб снова заглохнуть до следующей непогоды.

– Ты брала зачем-то Матильдино осеннее пальто, я видела, – говорит Нина. – Где оно?

Я, действительно, брала какую-то черную вещь из кукольного гардероба, чтоб затереть чернильное пятно на подоконнике, но решительно не могу вспомнить, куда сунула ее потом.

– Найдется, – утешала я Нину, – а покамест завернем ее в одеяло, я думаю, что она серьезно простудилась; посмотри, какой лихорадочный румянец.

Кукла лежит в постели со спичкой под мышкой вместо градусника, но Нина не прекращает поиски пальто. Чтоб отвлечь ее внимание, я предлагаю играть в старого нищего отца и разбогатевшую дочь. Старшие сидят по комнатам; Миша с мамой; значит, столовый стол свобо-

ден, и можно устроить чудесную башню. Так как Нина еще колеблется, то я говорю самоотверженно:

– Ты будешь дочерью.

Против этого она не может устоять и соглашается.

Мы тащим в столовую наш маленький игровой столик (он ниже столового и очень хорош для изображения башенной лестницы), приставляем к нему еще табуретку, а к табуретке скамеечку. Иногда зимой на большой стол ставился еще стул, но это нам запретили делать с тех пор, как я упала и расшибла себе лоб. Я скидываю платье и остаюсь в одних панталонах; сверху мамин старый вязаный платок изображает рубище нищего. Мы наделали в нем дырок и прячем в кукольный ящик, потому что тетя давно собирается его выкинуть. Старую дядину шляпу на голову – и мой несложный костюм готов.

Другое дело с Ниной: она вышла замуж за барона-богача, и ее туалет должен соответствовать положению, занимаемому ею в обществе. На баронессе мамин белый капот, спереди подколотый тремя английскими булавками; ноги ее путаются в длинном шлейфе; мамино розовое матине наброшено сверху; желтый шелковый шарф в лиловых яблоках охватывает талию; бусы от малороссийского костюма на шее; серебряная бахрома с елки обвивает косы, а стеклянные шары привязаны к ушам; так как они плохо прикреплены, то Нина старается не шевелиться и держится как настоящая баронесса. Кружевное покрывало с подушки дополняет туалет, а чулки впереди на пальцах обвязаны шелковыми тряпочками – получается как туфли; всё равно, пятки не видно за шлейфом.

Нина лезет на стол, я подаю ей зажженную свечу и начинаю стонать. Вдруг дверь отворяется и входит мама. Она разводит руками и говорит:

– Боже мой, какие уроды! Чего ты стонешь, Надя, живот у тебя болит?

– Ничего у меня не болит, это старый замерзающий отец у порога дочери, ты же знаешь сама...

Маму это не трогает. Она берет свечу и тушит, потом подводит меня к часам и спрашивает:

– В котором часу мы ужинаем?

– В шесть часов.

Сейчас половина шестого, и, пожалуй, мы это не вовремя загромождали стол.

Нина еще не успела сойти, как входит Глаша со столбом тарелок в руках. Приходится тарелки ставить на буфет, натягивать скатерть, уносить принесенную нами мебель – и она ворчит. Мы стараемся помочь, но баронесса, разбогатевшая дочь, путается в капоте и теряет с уха один стеклянный шар, который и разбивается на полу. Вот уж не везет!

Последний день – завтра едем. Завтра тетка облечется в черное платье и будет выглядеть торжественной. Она повезет меня, а мама приедет потом.

На этот день я освобождена от занятий: всё равно, чего не знаю, то уж не выучу за один день. Я стараюсь и не могу вообразить завтрашний день. Восемь верст на лошадях до станции, потом полтора часа в поезде, а дальше... Фантазия моя отказывается работать. Одно только я знаю, что завтра будет хуже, чем сегодня.

Как нарочно, последние дни такие жаркие и спокойные, что не вышла бы из сада. Между яблонями невысокая трава подсохла, и упавшие в нее яблоки лежат на солнце, подогревают один бок, а другой – прохладный. Ранние сливы тугие, как мячи, переливаются то красным, то синим цветом. Груши желтые, как лимоны, выглядывают из-за листьев, как на какой-нибудь японской картинке. Вишни отошли, но кое-где в невысоких зарослях можно найти еще вялые ягоды, необыкновенно вкусные, по-моему. А малина вздумала в этом году расти на молодых ветках и дала второй урожай теперь к осени; хотя немного, но такие крупные, здоровые ягоды, что каждая просится в рот. Какая тоска уезжать от всего этого! Несколько раз мама брала меня в город, и я радовалась повидать новые места, но всегда очень скоро начинала проситься домой. Что может сравниться с нашим садом, нашим домом? В городе пыль и духота – неужели старшие не понимают этого? Я уже не протестую, а только грущу. Ничего не поделаешь...

Когда раздается шум подъезжающего экипажа, я вяло иду навстречу. Это приехала Катя утешить меня и ободрить. Но что она может?..

– К шестнадцатому августа приду и я, – говорит Катя, – мы будем вместе готовить уроки и сядем на одной парте; ты увидишь, что не страшно, а наоборот – превесело.

Я и не боюсь уроков, а то, чего я боюсь, не перестанет быть страшным оттого, что Катя сядет со мной на одной парте.

Я предлагаю Кате идти на чердак, но она не хочет: там пыльно и душно, и паутина висит по темным углам. До чего не сходятся наши вкусы! Слишком большие окна только мешают мне, порядок в комна-

тах наводит скуку, а на темном душном чердаке мечтается хорошо, как нигде в другом месте.

Катя, крупная для своих лет, светловолосая, белая, с кругленьким носиком – очень подходит, по-моему, для гимназической обстановки: руки у нее чистые, ногти аккуратно подстрижены, на платье ни пятнышка, волосы лежат гладко, носовой платок в кармане.

А я куда похожу? Только для дома и похожу. И здесь мне придется выслушивать разные нотации за разорванное платье, трепанные волосы и грязные руки, а что же будет там!

Мы ходим с Катей и Ниной по саду. Грусть не отбивает аппетита, и мы набираем яблок, самых красивых, и несем в беседку. Вот это, с прямыми полосами, переходящими в сплошной густой румянец, такое крепкое и гладкое, без пятнышка, оно так красиво, что хочется дать ему имя.

– Вот это мое яблоко зовется Изольда, – говорю я. Катя тотчас выбирает себе из оставшихся самое красивое, нежное и бледное, как будто разрисованное розовыми черточками:

– А мое Миньона.

Нина вытаскивает себе красную Лауру с большим пятном.

Лаура червива, но зато у нее дивный цвет.

Изольда, Миньона и Лаура – сестры-красавицы, которые живут в стране, подвластной великанам. Раз в год великаны приходят за данью; они людоеды и берут самых красивых девушек себе на обед.

Изольда, Миньона и Лаура спят в своей богатой спальне, как вдруг слышен страшный шум и молодецкий посвист: это прибыли великаны.

– Сгоняйте всех на площадь, – кричат они грубыми голосами, – мы выберем себе лучших на обед.

Сестры плачут: нет сомнения, – им придется погибнуть, потому что они самые красивые в стране. У Лауры делается припадок сердечной болезни – она вообще не отличается здоровьем.

– Неужели мы отдадим эту малютку на съедение? – стонет Миньона.

Умереть самим – это еще ничего, но скормить великану больную сестру – это чудовищно. Сестры решают спрятаться. Они лезут под скамейку, и великаны должны выбрать себе жертвы из оставшихся. Оставшиеся тоже красивые, румяные, сладкие, сочные. Великаны едят, восхищаются и улетают снова на год.

Изольда и Миньона вытаскивают больную Лауру и идут искать своих подруг: трех красивейших недостает. Какой ужас – их пожрали великаны! Из немногих оставшихся – две зеленые, а две зимнего сорта – твердые и кислые, так что в следующий свой приезд великаны начинают бунтовать:

– Разве у вас нет более красивых девушек? – и лезут сами искать спрятавшихся. – А, вот где вы, красавицы! Ну, вылезайте, вылезайте, сейчас мы вас скушаем.

– О, пощадите, пощадите нас! – пищит Лаура.

Нине жалко ее есть. Мне тоже немного жалко мою Изольду, но Катя смеется и отгрызает бок у Миньоны и так аппетитно жует, что я не могу выдержать и тоже откусываю кусочек.

– Лучше будем есть другие, а их положим на окно, – уговаривает нас Нина и, действительно, несет свою Лауру домой.

Нет, что их жалеть, ведь остается так много других! Для Кати и Нины, по крайней мере, потому что они никуда не уезжают завтра.

Мне дадут в город целую корзину фруктов, но если их не подбираешь собственной рукой с горячей земли, то и вкус у них не тот.

Я грустно хожу по дому и грустно встречаю вечер. В детской стоит чемодан с моими вещами; Нина туда сует между бельем свою Лауру, чтоб я не чувствовала себя слишком одинокой в городе. Она предлагает мне взять одну из ее трех кукол – мои все давно в ужасном виде, – но в городе будет не до игр; благодарю и отказываюсь.

Вечер. Катя уехала. Надо раньше ложиться спать, потому что завтра вставать в шесть часов. Иду желать спокойной ночи дяде в его комнату. Здесь я прощаюсь не только с ним, но и со всем дорогим сердцу; с лампой, низенькой и толстой, с Лордом, с лежанкой, с диваном, с гравюрами; с открытками на стене, с циновкой, которая не раз изображала корабль в наших играх, с чернильницей!..

В сердце какая-то пустота, даже плакать не хочется. Прощайте, милые...

Алексей Михайлович входит с какими-то книжками.

Он завтра едет с нами, он совсем уезжает и возвращается в свою Москву далеко, далеко, даже на карте далеко от нас.

Он говорит:

– Вы совсем приуныли, Надя. А вась еще не выдержите экзаменов и вернетесь.

Нет, этого я не хочу, он знает. Экзамен я выдержу и не вернусь...

– До Рождества, – подсказывает дядя.

– До Рождества, – повторяю я, и голос мой жалобно срывается.

Алексей Михайлович делает вид, что он не замечает моей слабости, и говорит:

– Я уверен, что вы найдете себе там друзей и быстро освоитесь с обстановкой. Неприятно только первое впечатление, но оно пройдет, и вы сами будете со смехом вспоминать свои страхи. Напишите мне об этом непременно.

Смогу ли я написать ему когда-нибудь? Может быть, страхи и пройдут, но никогда над ними смеяться я не буду, потому что между этими страхами есть страх потерять самое милое, самое дорогое, что есть у меня в жизни, – наш сад, наш дом с его обитателями, тихие вечера с дядей, игры с Ниной и Мишей, прогулки, разговоры и долгие размышления на крыше или на чердаке, ссоры и трогательные примирения, – одним словом, всё, что составляло мою жизнь до сих пор и что я буду вспоминать с глубокой нежностью всегда и везде...

ОСТОРОЖНАЯ ДУША

1

Татьяна Петровна Ефименко погибла в декабре 1918 г., когда ей еще не было тридцати. Ее творческая жизнь была совсем короткой: самые ранние стихи написаны в 1907 г.; первая поэтическая публикация (в «Вестнике Европы») появилась в 1911-м; первая и единственная поэтическая премия (имени Надсона) была получена в 1913-м; первая проза (повесть «Нугри» в «Семье и школе») опубликована в 1914-м; первый и единственный сборник стихотворений «Жадное сердце» увидел свет в 1916-м; единственная престижная публикация (в антологии Зинаиды Гиппиус «Восемьдесят восемь современных стихотворений») – в 1917-м, за год до смерти. В период между первой публикацией и концом жизненного пути Ефименко ее стихи и проза появлялись в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Семье и школе», «Русском богатстве», «Роднике», «Ниве», «Всходах», «Маяке» – круг печатных изданий, не самый типичный для петербургского поэта и вполне закрепляющий бытование Ефименко «на полях поэзии тех лет», по выражению литературоведа Ирины Гитович¹. Круг литературного общения Ефименко был ничуть не шире: известны ее письма к А.Г. Горнфельду, занимавшемуся в журнале «Русское богатство» отделом беллетристики; некоторые ее стихи, подразумевающие личное знакомство, посвящены поэтам Алексею Лозина-Лозинскому и Алексею Масаинову, искусствоведу Борису Грифцову; Ефименко была знакома с Сергеем Есениным, который посвятил ей шуточную частушку; дружила с Кларой Арсеновой. Вот, кажется, и все литературные знакомства.

По этой причине, за исключением некоторых единичных свидетельств, личность Татьяны Ефименко не отразилась в обычных зеркалах своего века – отзывах современников, их переписке, дневниках, воспоминаниях. Ее архив в РГАЛИ почти не содержит документов биографического характера. Основные события ее жизни изложены в некрологе, опубликованном филологом Александром Александровичем Смирновым², который в 1918–1919 гг. жил в Харькове и близко знал семью Ефименко.

¹ Гитович И. Необходимы уточнения // Новый мир. 1990. № 6. С. 177.

² Смирнов А.А. Татьяна Петровна Ефименко: [Некролог] // Новая Россия (Харьков). 1918. 25 декабря. № 13. С. 2.

Родители Татьяны были люди незаурядные. Отец, Петр Саввич Ефименко (1835–1908), – этнограф, исследователь русского Севера и знаток украинского фольклора, – был сыном городничего, выходца из крестьян села Большой Токмак Бердянского уезда. Как засвидетельствовал сам Петр Ефименко в автобиографии¹, «отец мой добровольно пошел за брата в солдаты, проявил храбрость в кампанию 1812 г., под Бородином был ранен пулею навывлет, участвовал во взятии Парижа; обучился грамоте настолько, что по выходе за ранами в отставку мог поступить на службу в полицию сначала писцом, потом становым приставом, заседателем земского суда и, наконец, городничим г. Ногайска. Был в свое время очень известен в Таврической губернии по неутомимой энергии и суровости, с какой он преследовал степных разбойников и духоворческий самосуд, обусловливавший тайные убийства».

У городничего города Ногайска Саввы Ефименко вырос очень свободолюбивый сын. Учась в Харьковском и Киевском университетах, Петр участвовал в тайных кружках, переписывался с Герценом и был известен под кличкой «Царедавленко»². 1 февраля 1860 г. он был арестован в Киеве по делу об участии в Харьковском тайном студенческом обществе и с 26 февраля по 24 июня содержался в заключении в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. В июне был выслан в Пермский край, где принял участие в организации Пермского тайного общества, что повлекло очередную ссылку – на этот раз в Архангельскую область. Здесь, в Холмогорах, он познакомился с Александрой Яковлевной Ставровской, дочерью мелкого чиновника, выходца из бедной польской шляхты³. В семье Ставровских было шестеро детей, и после ранней смерти отца вся тяжесть их содержания и воспитания легла на плечи матери, в житейских делах совершенно беспомощной. Тяжелое материальное положение семьи заставило 15-летнюю Александру в 1863 г., после окончания гимназии и получения звания домашней учительницы, поступить на учительскую службу в Холмогорское двухклассное училище. Стремясь помочь больной матери, Алексан-

¹ *Стариков Г.* Матеріали до біографій Петра та Олександри Єфименків // Сумський історико-архівний журнал. 2009. № VI–VII. С. 36–61.

² *Формозов А.А.* О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М., 2002. С. 75.

³ *Никишенков А.А.* Встреча на родине М.В. Ломоносова: творческий союз двух замечательных этнографов – Петра Саввича и Александры Яковлевны Ефименко // Прошлое и настоящее этнологических исследований: Сб. научных статей, посвященный 300-летию М. В. Ломоносова. М., 2011. С. 37.

дра регулярно высылала ей деньги из своего жалованья (200 рублей в год) и взяла на воспитание младшего брата.

Петр Ефименко и 16-летняя Александра Ставровская познакомились в апреле 1865 г. на торжествах по случаю 100-летней годовщины со дня смерти Ломоносова. Еще в пермской ссылке Петр Ефименко занимался собиранием этнографического материала о Тобольском казачьем войске. В Холмогорах он поступил на службу в губернский статистический комитет в Архангельске, что открыло ему богатые возможности для сбора этнографических данных. Ко времени знакомства с Сашей Ставровской Петр Ефименко был уже известным ученым в кругах архангельской интеллигенции, автором статей по истории Двинского края. Интерес к истории и этнографии сблизил их. «Мне он тотчас же дал составлять словарь местного наречия, – рассказывала Александра Ефименко в 1903 г. – Но он скоро увидел, что меня можно приспособить не только к механическому научному труду: у меня обнаружились научные вкусы и склонность к научному обобщению вместе со способностями к литературному изложению своих мыслей. А так как нам нужны были и средства к жизни, то я начала писать корреспонденцию в местную газету, рассказы в детские журналы и рискнула даже написать статью в большой журнал о правовом положении крестьянской женщины по материалам моего мужа. Все мои попытки мне удавались: редакции очень радушно принимали мои работы. Таким образом определилось мое будущее»¹. Они поженились в 1870 г., а в 1872-м закончился срок ссылки Петра Ефименко, и ему разрешили выехать в Воронежскую губернию.

Семья переехала сначала в Воронеж, где, как пишет Петр Ефименко, управляющий местной Казенной Палатой пригласил его «на должность чиновника особых поручений исключительно для собрания и разработки местных торговых юридических обычаев»². С 1876 г. он мог уже сам выбирать место жительства и, прожив год в Самаре, окончательно поселился на Украине – сначала в Чернигове, потом в Харькове, где служил при земских статистических бюро. Постепенно, из-за подорванного в ссылке здоровья и служебных обязанностей, Петр Ефименко оставил научную деятельность, передав эстафету жене. С 1879 г., когда семья переехала в Харьков, и до 1907 г., когда Александру Яковлевну

¹ *Стариков Г.* Матеріали до біографій Петра та Олександри Єфименків. С. 52–53.

² Там же. С. 42.

пригласили в Петербург преподавать на Бестужевских курсах, она постепенно переключилась с этнографии народов русского Севера на изыскания в области истории и этнографии Украины. Ее статьи, опубликованные в 1880-е гг., – «Копные суды в Левобережной Украине» (1885), «Архиерейский подарок» (1888), «Двенадцать пунктов Вельяминова» (1888), «Бедствия евреев в Южной Руси XIX века» (1889), «Малорусское дворянство и его судьба» (1891), «Очерки истории Правобережной Украины» (1894–1895), – впоследствии явились основой для подготовки ее знаменитого учебника по истории Украины¹. Александра Ефименко быстро и органично вошла в круг крупнейших ученых-историков, работавших в то время при Харьковском университете, стала активным членом университетского Историко-филологического общества, издательского комитета Общества грамотности. В 1902 г. Московское археологическое общество избрало ее своим почетным членом. Она приняла деятельное участие в организации Харьковского исторического кружка и городской библиотеки².

2

Татьяна Ефименко родилась в Харькове³ в 1890 г.⁴ (точная дата рождения не установлена)⁵, младшей из пятерых детей. Самый старший, Тарас (ум. 1943), в юности увлекался этнографией, затем работал юрисконсультантом в Малом Совнаркоме, украинском постпредстве в Мо-

¹ Ефименко А.Я. История украинского народа. СПб., 1906.

² Никишенков А.А. Встреча на родине М.В. Ломоносова... С. 40.

³ Биографическая статья в словаре «Русские писатели» (Гельперин Ю.М. Ефименко Татьяна Петровна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 247–248) ошибочно утверждает, что в Петербурге.

⁴ По некоторым сведениям – в 1897, ср.: «В ближайшее время исполняется 5 лет со дня трагической смерти на 22-ом году жизни от руки бандитов в окрестностях Харькова поэта Татьяны Ефименко, дочери известной на Украине женщины-историка Александры Ефименко» (Крачковский Дм. Поэзия вечной женственности (Татьяна Ефименко) // Художественная жизнь. 1923. № 5. С. 13).

⁵ По сохранившимся письмам (Стариков Г. Матеріали до біографій Петра та Олександри Єфименків. С. 47–60) известны харьковские адреса семьи Ефименко в 1890 и 1895 гг. – Черноглазовская улица, д. 13 (письмо П.С. Ефименко Е.А. Кивлицкому от 1 февраля 1890 г.) и Каплуновская улица, дом Павлова 18 (письмо А.Я. Ефименко М.Ф. Владимирскому-Буданову от 4 октября 1895 г.), – возможно, в будущем удастся по этим адресам определить церковный приход и обнаружить метрическую книгу с записями о рождении Татьяны.

ске¹, кодификационной комиссии Народного комиссариата юстиции УССР², в 1925 году выпустил монографию «Труд и собственность»³. Второй брат, Петр (1884–1969), стал известным археологом, исследователем палеолита, в 1945–1954 гг. – директор Института археологии АН УССР. Две старших сестры, Александра и Вера, умерли молодыми в психиатрической лечебнице (ок. 1906).

Татьяна была болезненным ребенком и потому получила домашнее образование под руководством матери – намного более основательное, чем то, которое дала бы обычная гимназия. Поворотным стал для Татьяны 1907 год: как свидетельствует тетрадь с самыми ранними сохранившимися ее стихотворениями⁴, первые свои стихи она написала именно в этом году. Лето 1907 г. она проводит в Крыму, и крымские впечатления вызывают целый всплеск стихов, собранных в подобие цикла («Крымские этюды»). Одно из стихотворений, помеченных 1907 г., – «Мертвый залив», – поразительно зрелое и своей тональностью, отсылками к античной древности напоминает более поздние стихотворения, впоследствии так тщательно отобранные автором для сборника «Жадное сердце». Можно с уверенностью сказать, что античные мотивы в более поздних стихах Ефименко берут начало здесь, в Крыму.

В том же 1907 г. Александру Яковлевну приглашают в Петербург читать лекции по истории Украины и крестьянского землевладения на Высших женских (Бестужевских) курсах. Семья переезжает в Петербург и поселяется по адресу Ординарная улица, 18. Имена Александры Яковлевны и ее детей – Тараса и Петра – появляются в адресных книгах «Весь Петербург» с 1909 г., когда их адресом указана Малая Разночинная улица, 7. На 1910 г. их адрес – Газовая, 12. В 1912–1915 гг. семья проживает на Гатчинской, 29. Последний петербургский адрес семьи Ефименко (в 1916–1917 гг.) – Малый проспект, 47–49. Отдельно имя Татьяны Ефименко единственный раз указано в справочнике «Весь Петроград» за 1917 г. именно по этому адресу.

¹ *Алексеевский М.Д.* «Самодельный этнограф»: жизнь и научная деятельность Петра Саввича Ефименко // Ефименко П.С. Обычаи и верования крестьян Архангельской губернии. М., 2009.

² *Саєнко В.М.* Токмацькі витоки родини Єфименків. (До 170-літньої річниці П.С. Єфименка) // Музейний вісник, Вип. 4. Запоріжжя, 2004. С. 88–92.

³ *Ефименко Т.П.* Труд и собственность. (Критический обзор учения о спецификации). Харьков, 1925. 104 с.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 2.

Первый год на новом месте был сложным: незадолго до переезда чета Ефименко потеряла двух дочерей, сам Петр Саввич тяжело болел и нуждался в постоянном уходе. Его смерть 7 мая 1908 г. стала ударом для Александры Яковлевны, но не сломила ее и не остановила ее научных трудов – она продолжала читать лекции по истории Юго-Западной Руси, вести курсы по палеографии, создала один из наиболее популярных в свое время учебников гимназии по отечественной истории¹. В 1910 г. по ходатайству профессуры Бестужевских курсов Харьковский университет присвоил ей ученую степень доктора наук, а ученый совет Бестужевских курсов – звание профессора.

О жизни Татьяны в этот период нам ничего не известно. Ее стихи, которые, по наблюдению М.Л. Гаспарова, писались как лирический дневник², дают лишь относительное представление о ее жизненных обстоятельствах. С 1908 г. стихотворений становится больше, отныне они идут сплошным и уверенным потоком, по много стихотворений каждый месяц и иногда по несколько в день. Некоторые поездки между 1908 и 1911 гг. (кроме 1910 г. – стихи за этот период не сохранились) можно восстановить по редким пометам под стихотворениями. Так, апрель-август 1908 г. Татьяна встретила в Белом Дворе (деревня Владимирского уезда? Дисненского уезда в Белоруссии? – это еще предстоит установить) и, следовательно, не присутствовала при смерти отца. Это событие никак не отображается в ее стихотворном «дневнике» 1908 года.

В мае следующего года (и в июле 1911-го) она снова в Крыму. На этот раз под стихотворениями указано более точное местоположение – Мисхор. Здесь в 1903 г. на территории имения Шуваловых был устроен дачный курорт Новый Мисхор. Александра Ефименко могла снимать здесь для себя с дочерью комнату на одной из дач или даже останавливаться у знакомых – хотя бы на даче адвоката М.Ф. Кульчицкого, чья дочь, «бестужевка» Софья Кульчицкая, фактическая владелица дачи, была замужем за коллегой Александры Ефименко по Бестужевским курсам, историком-античником Михаилом Ростовцевым. С 1902 вплоть до 1913 г. Ростовцевы приезжали на отдых в Новый Мисхор почти каждый год – и у них постоянно гостили многочисленные

¹ *Ефименко А.Я.* Учебник русской истории для старших классов средне-учебных заведений. СПб., 1909.

² *Гаспаров М.Л.* Татьяна Ефименко // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. М., 1993. С. 752–754.

родственники, друзья, коллеги Михаила Ростовцева¹, среди которых, вполне вероятно, могли быть и Александра Ефименко с дочерью. Впрочем, в старых знакомцах недостатка не было: здесь же, в Мисхоре, находилась дача Марии Павловны Чеховой, сестры писателя. Известно, что Александра Ефименко близко знала семью Чеховых с 1889 г., когда она часто гостила на Луке, усадьбе помещиков Линтваревых, близ Сум, где семейство Чеховых снимало дачу².

Память об этих крымских поездках внезапно проступает в двух более поздних стихотворениях Татьяны Ефименко, написанных друг за другом:

Как те, которые клялись любить до гроба,
В зеленом домике мы заживем вдвоем,
Пусть на один сезон и пусть не любим оба,
Из неживых цветов венок любви сошьем...
Наш домик обнесен высокою решеткой,
Как символом, что мы совсем одни.
О, как мы счастливы! – И на сезон короткий,
Пока теплы в Крыму октябрьские дни.

7 ноября 1914

У Вас нет дачи
Своей в Крыму,
Вы бедны, потому
Я часто плачу...

8 <ноября> 1914

Под одним из июньских стихотворений 1911 г. стоит пометка «Затышек». В то время хутор Затышок в сотне километров к юго-востоку от Харькова был именем Марка Кропивницкого, знаменитого украинского актера, драматурга, режиссера, зачинателя украинского народного театра. Свою усадьбу Кропивницкий превратил в настоящий куль-

¹ Карагодин А.В., Петрова М.М. Новый Мисхор – первый дачный курорт на Южном берегу Крыма (1898–1920): реконструкция социокультурной истории // Человек и культура. 2020. № 4. С.103–127.

² Чехов М.П. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления. М.; Л., 1933. Цит. по: Вокруг Чехова / Сост., вступ. ст. и примеч. Е.М. Сахаровой. М., 1990. С. 258.

турный центр Слобожанщины, где бывали многие выдающиеся деятели науки и культуры, в том числе историк Дмитрий Багалей¹, близкий друг семьи Ефименко. Выходит, бывала здесь и Александра Яковлевна с дочерью – и, без сомнения, видела прекрасный сад, разбитый Кропивницким в его имении, и выступления устроенного им знаменитого детского театра.

Два стихотворения, написанные одно за другим в начале декабря 1911 г. (второе – «Мы полюбили друг друга, встречаясь при храме...» – включено в сборник «Жадное сердце»), были созданы в Финляндии (под стихотворениями нет указания точного места). Это не последняя поездка Татьяны в Суоми – сюда она еще приедет в марте 1913 г., а память об этих поездках, как и в случае с Крымом, всплывет еще позже, в 1915 г.:

Мы могли бы уехать в провинциальный
Маленький город,
Где веселая аптека окном зеркальным
Смотрит в горы.
Это в Финляндии. И мы могли бы
Ходить на дюны.
В неводах рыбы, как жемчуг, рыбы,
Как ущербные луны...

В 1911 г. стихи Татьяны Ефименко (за подписью «Т. Е–ко») впервые появляются в печати: в июньском номере журнала «Вестник Европы» опубликована подборка из трех стихотворений – «На тихом берегу», «О да, я тебе далека...» и «Пойдем к плетню за старый сад...» (все три впоследствии войдут в сборник «Жадное сердце»). С этого момента Ефименко печатается в «Вестнике Европы» ежегодно (с перерывом в 1915 г.) вплоть до января 1917-го – здесь впервые публикуются лучшие стихотворения из будущего сборника: «Я хлеб и мед носила Пану в лес...», «Веселый фавн, изваянный убого...», «Тихий дом наш боги посетили...», «Свой дом у черных ив открыл мне старый мельник...»

С февраля 1912 г. под стихами начинает появляться название «Писаревка». Здесь, в деревне Писаревка Волчанского уезда Харьковской

¹ Новиков А. «...Зветься мій хутір Затишок»: останні роки життя Марка Кропивницького // Літератури світу: поетика, ментальність і духовність : збірник наукових праць. 2018. № 11. С. 166–177.

губернии, находилась усадьба председателя Волчанской земской управы Василия Григорьевича Колокольцова, позднее – министра земледелия в правительстве Украинской державы. Его жена, Александра Васильевна Савич, была директором Волчанской женской гимназии, в которой по передовым методикам образования бесплатно обучались крестьянские дети. Савич приятельствовала с Александрой и Татьяной Ефименко, любила и знала на память стихи Татьяны. Мать и дочь гостили в усадьбе Колокольцовых каждый год, а в 1917 г. Савич пригласила Александру Яковлевну преподавать в своей гимназии. Но об этом чуть позже.

3

21 апреля 1913 г. «Московская газета» сообщала:

2-го апреля с.г. состоялось второе, окончательное собрание членов жюри конкурса русской лирики имени С.Я.Надсона.

Присутствовали все находящиеся в Москве члены жюри: В.Я. Брюсов, И.А.Белоусов, В.В.Вересаев, М.П.Гальперин, С.А.Кречетов и А.А.Чумаченко.

Всего было прислано на конкурс 782 рукописи, заключавших 5,026 стихотворений. Из этих рукописей 84 оставлены без рассмотрения за несоблюдение правил конкурса.

Художественный уровень присланных стихотворений оказался очень невысоким. Жюри не сочло возможным присудить кому-либо 1-ю премию в 100 руб. Вторые премии по 50 рублей присуждены четырем авторам; хотя произведения их имеют много недостатков, но из всех присланных они, по мнению жюри, наилучшие.

Авторами премированных произведений по вскрытии конвертов с девизами оказались:

Г-жи: Т.П. Ефименко (С.-Петербург), М.Б. Вериге (Одесса) и гг. Г. Анфилов (Москва) и А. Диесперов (Москва).

Кроме того, присуждены одобрительные отзывы гг. Н.С. Ашукину (Москва), П.С. Лебединскому (Саратов), С.О. Губер-Гриц (Бердянск), Э.Я. Герману (Одесса) и неизвестному автору стихотворений «Олоферн», «Зибелю» и др., не приложившему к рукописи конверта с девизом и именем.

Рукописи и конверты с именами авторов, не удостоенных премий, подвергнуты уничтожению в присутствии членов жюри.

Вторая премия на всероссийском поэтическом конкурсе была для молодой малоизвестной поэтессы большим успехом. Известно, что на конкурс подавал стихотворения Сергей Есенин, однако отмечен не был. Впрочем, в лирическом дневнике Татьяны – ее стихах – и это событие не отразилось: мы не знаем, какое именно из ее стихотворений было отмечено премией.

Вообще в небогатой событиями жизни Татьяны Ефименко 1913 год оказался весьма насыщенным. Помимо трех публикаций в «Вестнике Европы» выходят два стихотворения в апрельской и майской книжках «Русского богатства» и подборка стихов в сентябрьской «Русской мысли». В этом году, похоже, возникло и новое ее увлечение – египтология. Ефименко была усердной слушательницей лекций основоположника русской египтологии Бориса Тураева в Петербургском университете. С известной точностью можно датировать начало посещения лекций – под «Неферт», первым ее стихотворением на древнеегипетские мотивы, стоит дата «31 марта 1913 г.». В том же году, по-видимому, была написана повесть «из древнеегипетской жизни» «Нугри» – начало появилось уже в первом номере журнала «Семья и школа» за 1914 г., далее повесть печаталась из номера в номер вплоть до июня 1914 г. В январе 1914 г. Татьяна Ефименко получает письмо от Владимира Львова, издателя «Семьи и школы»:

Многоуважаемая Татьяна Петровна!

В январской книжке «Семьи и Школы», которую Вы получите вслед за этим письмом, напечатано начало Вашей повести «Нугри», и теперь она будет продолжаться в последующих NN. Надеюсь, Вы не посетуете на меня, что я разделил 1ую часть на главы и каждой дал название – так детям легче справляться и интереснее читать. Не знаю также, насколько удовлетворяют Вас рисунки. При подборе их я встретил огромное затруднение. Французского издания, напр<имер>, Массперо, на которое Вы указывали, со штриховыми рисунками, мне не удалось достать. Под руками у меня немецкое и русское издание и другие книги. Для окончания 1ой части повести рисунки уже подобраны. Для 2ой и 3ей части Вы, м<ожет> б<ыть>, поможете мне еще раз Вашими указаниями.

В последнем письме, полученном мною от Александры Яковлевны, та предлагала мне издать потом Вашу повесть отдельно. Я принципиально ничего не имел бы выпустить ее в небольшом количестве,

пользуясь набором журнала и прибавив к ней предисловие. Но мои издания, кроме естественно-исторических брошюр, идут тихо, и я мог бы уплатить Вам за него лишь очень скромный гонорар.

За напечатание Вашей повести в журнале я буду платить Вам, как и многим другим сотрудникам, постранично – по 1 р. 50 к. за полную страницу текста. Если бы Вы захотели и дали мне право издать ее потом отдельными оттисками в количестве 1500–2000 экз., то общий гонорар за то и другое я мог бы увеличить до 2 р. 50 к. за журнальную страницу. Это, конечно, небольшой гонорар, но большего не выдержат ни журналу при его небольшом количестве подписчиков, ни моему изданию.

Я нарочно теперь же сообщаю Вам эти условия, чтобы Вы заранее знали, на что можете рассчитывать, сотрудничая в моем издании, так как это не может же не иметь для Вас значения. Рассчитайте сами, наведите справки в каком-либо петербургском издательстве и если согласитесь с кем-ниб<удь> другим на отдельное издание, пожалуйста, уведомяте меня. Я пока сохраню журнальный набор; когда же узнаю, что Вы передали отдельное издание в другие руки, велю его разобрать. Мне только хочется сказать Вам, что повесть Ваша, в общем, мне нравится, и увидеть ее потом в серии книжек моего издания мне было бы приятно. Но вместе с тем я думаю, что Вам выгоднее будет отдать ее другому издателю, который в силу иного положения дел сможет лучше оплатить Ваш труд.

Вы просите вернуть Ваши стихотворения, которые не пойдут в «Семье и Школе». Простите, что задержал их. Мне особенно понравились Египетская и Греч<еская> эпитафии, и не хотелось возвращать Вам, не оставив у себя копии, т<ак> к<ак> уже несколько раз я с удовольствием прочитывал их некоторым из своих знакомых. Если Вы их еще не передали кому-ниб<удь>, то «Царевну Неферт» я напечатал бы в том N, где будут описываться погребальные обряды – во 2ой части Нугри. Пожалуйста, относительно этого сообщите – после чего я вышлю их Вам.

Что касается детских стихотворений, то они менее понравились мне. Лучшее из них, по моему мнению, «Отшельник». Одно же, как Вы увидите, я уже напечатал. Как только получу Ваш ответ, можно ли еще воспользоваться «Царевной Неферт», так вышлю Вам все, которые для «Семьи и Школы» не подходят, и сообщу, какие из них оставляю.

Пока же буду ожидать Вашего ответа и Ваших указаний относительно рисунков для следующих частей «Нугри».

С уважением

В. Львов

23 января 1914 г.¹

«Неферт» напечатана в апрельском номере «Семьи и школы» за 1914 г. Другое стихотворение, о котором говорит Львов, – «Луна ко мне глядится...», – опубликовано в одном номере с первыми главами «Нугри». Ответ Ефименко Львову (как и дальнейшая их переписка) не сохранился, и нам неизвестно ее решение насчет книжного издания «Нугри». Однако отдельной книжкой повесть так и не вышла, и больше в «Семье и школе» Ефименко не печаталась.

По свидетельству А.А. Смирнова, Татьяна отлучалась из дома редко, и самой продолжительной ее отлучкой были почти полтора года, проведенные ею в Париже (Ю. Гельперин уточняет – перед Первой мировой войной, а в Париже Татьяна знакомилась с «литературно-художественной жизнью»). В ее стихотворном дневнике нет указаний на то, что она когда-либо проживала во Франции. Пометы под стихотворениями 1913 г. говорят о том, что первую половину года она прожила в Петербурге и окрестностях (если называть так указанную ею условную «Финляндию»). Под стихотворениями второй половины года стоят только даты – можем ли мы поместить парижскую поездку сюда? В феврале следующего года она уже в Писаревке, а в апреле – снова в Петербурге. Либо это были не «почти полтора года», а гораздо меньше, либо поездка состоялась в более ранние годы. В любом случае таких воспоминаний, как Крым, Украина или Финляндия, она не оставила.

В 1914 г. начинается сотрудничество Татьяны Ефименко с петербургским детским журналом «Всходы» – вероятно, опять с подачи Александры Яковлевны. Как явствует из вышеприведенного письма Львова, стихотворения и проза Татьяны были, скорее всего, изначально предложены в редакцию «Семьи и школы» ее матерью, у которой к тому времени был уже довольно обширный опыт публикации в российских детских журналах (той же «Семье и школе» и «Детском чтении»). Неудивительно поэтому, что мать выступала своеобразным литератур-

¹ РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 15.

ным агентом дочери, круг литературных знакомств которой был весьма ограничен.

Во «Всходах» в 1914–1915 гг. напечатана большая часть исторической прозы Татьяны Ефименко, а также два ее реалистических рассказа – «Раненых привезли» и «Надя». С 1915 г. она становится постоянным автором еще двух детских журналов – «Родник» и «Маяк». Если бы не эти публикации, проза Ефименко была бы безвозвратно утрачена – рукописей рассказов в ее фонде в РГАЛИ нет¹.

4

В 1916 г. выходит сборник стихотворений «Жадное сердце». Как отмечает М.Л. Гаспаров, Татьяна Ефименко «сделала для печати строгий отбор наиболее “безличных”, чуть архаизированных по стилю, печально-идиллических по тематике стихотворений». По стилистике книга получилась неоклассической, построенной на образах условной античной идиллии, с характерной меланхолической интонацией:

К могилам радостей на острове забвенья
Ладью свою причаль
И слушай голоса и чувствуй откровенья
Сквозь трепет и печаль.

Но если вновь зацвести душа уже не в силах,
Взрадив печаль свою,
Ты бытия венок оставь на тех могилах
И утопи ладью.

В рецензии на сборник поэт Алексей Лозина-Лозинский отмечает эту интонацию и почти нарочитую безыскусность стихов: «Мне не приходилось до сих пор встречать имя поэтессы; кажется, Т. Ефименко дебютирует книгой “Жадное сердце”, и, по-моему, стихи ее стоят того, чтобы поставить на полку любимых книг... Всего 43 небольших стихотворения, скромных по форме; ничего разительно-нового и исключительно большого в них. Но нет и ничего крикливого: поэтесса изящ-

¹ За исключением недописанного фрагмента, озаглавленного в описи по первой строке: «Оставив Нафрит, Аменемлет быстро направился домой...» (РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 8); в наст. изд. не включен.

на и малословна... нет ни одной пошлой строки, чужой мысли, избытого сравнения: все ее слова – ее собственные... Такая искренняя и серьезная книга пишется для себя, без мысли о печати, и часто это единственная за всю жизнь книга человека... Мы видим сквозь эти строки осторожную человеческую душу и то маленькое царство, в котором она живет, и мы можем сказать об авторе много больше, чем она сама сказала нам о себе... От этих спокойных стихов иногда немного холодно, иногда очень грустно. Это очень изящные, очень продуманные стихи»¹.

Вскоре они познакомились, дальнейшие детали проступают в их стихах. Получилась странная переключка – через Ахерон. Обоим оставалось жить совсем недолго. Лозина-Лозинский в своем отзыве точно предсказал судьбу и Ефименко, и ее поэзии – и тихим подтверждающим откликом звучит посвященное ему стихотворение, датированное 7 марта 1917 г. (до гибели Ефименко оставалось чуть больше полутора лет):

Я прислонилась к двери и слушаю без грусти
Тот легкий, легкий шелест шагов и нежных рук.
Как быстры реки жизни. И вот я в тихом устье.
А завтра я не буду. Ни лиц, ни дней, ни мук...

Послание это Лозина-Лозинский получить уже не мог – 18 ноября 1916 г. он покончил с собой. Но перед этим успел нарисовать портрет Ефименко – в его последнем прижизненном сборнике «Троттуар» (август 1916) есть обращенное к ней стихотворение «Над трупом прадеда колдует троглодит...», в целом очень характерное для образа отверженного, проклятого поэта, который культивировал автор:

Есть лебеди в пруду, как черные загадки,
Точено-стройные, с изгибом хищных шей...
Так гордо в трауре молчат аристократки...
Так могут сфинксы быть пленительны и гадки!..
Здесь некогда бродил и говорил я с ней,
С ней, ясноглазою, тончайшей из людей...
Она боялась снов и черных лебедей...

¹ Любяр Я. [Лозина-Лозинский А.]. Т. Ефименко. «Жадное сердце». Петроград, 1916 // Ежемесячный журнал. 1916. № 5. С. 306.

Прочла ли это стихотворение Татьяна Ефименко? Вполне вероятно. Интересно, что о ней и Лозина-Лозинском хотел писать еще один поэт, Дмитрий Крачковский (Кленовский). В 1922 г. в разделе «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г.» берлинской «Новой русской книги» мелькнула краткая информация: «Дм. Крачковский, поэт, живет в Харькове (Пушкинская 54)... В настоящее время работает над “Динамикой современного русского стиха” и над книгой “Трое ушедших (Лозино-Лозинский <так! – В.В.>, Татьяна Ефименко и Н. Гумилев)”»¹. Лозина-Лозинский и Ефименко были в числе самых любимых поэтов Кленовского, как явствует из его письма к Страннику от 17 июля 1969 г.: «Вы словно удивляетесь, что в русских условиях я “имел десятка два испытанных друзей”. Неужели Вы не заметили, что речь идет не о людях, а о книгах стихов? А 20 поэтов насчитать не трудно: Пушкин, Лермонтов, Ал. Толстой, Фет, Полонский, Бунин, Анненский, Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Кузмин, Ходасевич, французы Henri de Regnier, Sully Prudhomme, Corpee, Rostand, Albert Samain, Mallarme, Charles Guerin; а из тех, что полюбились за 2–3 страницы: Ефименко (погибшая на Украине от руки бандитов), “Лейтенант С” (погиб в Цусиму), Лозина-Лозинский, Менгелян, Нарбут и др. (эти имена Вам наверное совершенно незнакомы). Как видите, можно было назвать не 20, а 30 заочных друзей-поэтов!»²

Кленовский жил в Харькове с 1921 г. до самой войны, однако книгу о трех ушедших поэтах так и не закончил. Единственным его текстом о Ефименко остается заметка о ее творчестве, опубликованная в 1923 г.³ Можно предположить, что этот небольшой очерк изначально был задуман как часть книги. Отмечая тот самый тон стихотворений «Жадного сердца», спокойный, простой и строгий, Кленовский противопоставляет поэзию Ефименко стихам Анны Ахматовой: «Сравнивая Т.Е. с ее современниками, я сказал бы, что горькое зернышко Ахматовой острее, терпче, но не так благословенно, как творчество Т.Е... Свой мир и свою задачу Т.Е. сознавала малыми, но горящими светом чистейшей, истинной женственности».

Кленовский был не первым, кто начал противопоставлять поэзию Ахматовой стихам Ефименко, – это произошло уже в первых рецен-

¹ Новая русская книга. 1922. № 8. С. 36.

² Странник (архиепископ Иоанн Шаховской). Переписка с Кленовским. Париж, 1981. С. 244.

³ См. примеч. 11.

зиях на «Жадное сердце»: «<...> воцаряется в женской душе тоска, и одиночество, и разочарование. В этих мотивах есть у Ефименко нечто общее с А. Ахматовой, но со значительной все-таки разницей в оттенках и в том основном отношении, что первая из названных поэтесс в своей женщине показывает коренное, непреодолимое тяготение к материнству и священнослужению дома, к Рахили и античным ларам»¹; «...иногда хочется сопоставить стихи Ефименко с лучшими, наиболее простыми строками Анны Ахматовой»². Намечавшийся вывод о влиянии Ахматовой на Ефименко веско опроверг А. Смирнов в некрологе: «Что касается душевной строгости и сердечной непосредственности, сближающих стихи Ефименко с поэзией А. Ахматовой, то это – внутреннее родство, а не влияние второй на первую».

В отзыве на «Жадное сердце», напечатанном уже после смерти Ефименко, Сергей Городецкий причислил ее к акмеистам на том основании, что она остается верной «живому миру природы и вещей во всем, в цветах и в плодах, в домашней утвари, в обстановке комнат находя язык для выражения душевной жизни»³.

Кроме выхода так тщательно собиравшегося сборника, других больших событий 1916 год, если судить по темам стихотворений и пометам под ними, не принес. Из новых мест, посещенных в течение года, – Архиреевка (Иркутской губернии?). Из новых имен – Алексей Масаинов (1889–1968), поэт-эгофутурист круга Игоря Северянина, летчик, журналист, путешественник, в эмиграции живший на Таити и умерший в США. Ему посвящено любовное стихотворение, датированное 3 мая:

А пока лишь черным с белым – выразительность эстампа,
Выразительность ночная – нарисую без прикрас.
Я одна, и ночь над миром, и моя над ночью лампа,
И любовь ярче лампы, и она горит для Вас.

Обстоятельства их знакомства и дальнейшие подробности, вероятно, найдутся в американском архиве Масаинова, если он когда-нибудь будет обнаружен.

¹ Айхенвальд Ю. Литературные наброски // Речь. 1916, 25 февраля.

² Любяр Я. [Лозина-Лозинский А.]. Т. Ефименко. «Жадное сердце». Петроград, 1916. С. 306.

³ С.Г. [Городецкий С.] Две книги: [Арсенева К. Стихи о жизни. Пг., 1916; Ефименко Т. Жадное сердце. Пг., 1916] // Ars, 1919. № 1. С. 86.

А потом настал 1917-й. Позднее, в 1928 г., Владимир Пяст запишет: «А.А. Кондратьев был постоянным посетителем Федора Сологуба. От его, Кондратьевских, стихов веяло почти столь же подлинным чутьем пражской культуры, как от Городецкого – праславянской. Только по форме они значительно стояли ниже: форма эта была слишком прилизанной, очень “зависимой” от литературных традиций. Его последовательницей, ближе к нашим дням, была молодая, пожалуй, более талантливая, чем ее ближайший предшественник на этом пути, поэтесса Татьяна Ефименко. Ее книга стихов вышла во время войны. Спасаясь от туберкулеза, она путешествовала на лошадях по башкирским степям в течение одного лета. К сожалению, целебный воздух Башкирии не помог через два года после этого против руки убийц, покончивших с нею и ее матерью, известным историком А.Я. Ефименко...»¹

Это ценное свидетельство, пусть даже фигура Ефименко уволена, по выражению Р. Тименчика, «боковым зрением»² очевидца. В отличие от зыбкого отражения в черном зеркале стихотворения Лозина-Лозинского, беглый очерк Пяста дает сразу несколько важных подробностей. Кажется, Пяст первым провел сравнение поэзии Ефименко и мифологических стихотворений Александра Кондратьева, – а ведь в самом первом сборнике Кондратьева «Стихи А.К.» (1905) среди стилизаций на античные темы есть несколько «древнеегипетских» стихотворений, которые наверняка привлекли внимание Ефименко. От Пяста мы также узнаем, что Татьяна Ефименко страдала от туберкулеза и в попытке исцелиться предприняла летнюю поездку в жаркие степи Башкирии. Помета под стихотворением «Ни суеты, ни безразличья...» помогает точно восстановить дату и место этой поездки и откорректировать свидетельство Пяста: не лето 1916 г., как он утверждает, а ноябрь 1917-го, Белорецк. Это последнее известное нам стихотворение Ефименко – в декабре им с матерью предстоял переезд в Украину. Е. Витковский предположил, что должна была быть еще одна тетрадь со стихами, которую поэтесса взяла с собой в дорогу³. Так или иначе, стихотворения 1918 г. не сохранились. Ее последнее стихотво-

¹ Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М., 1997. С. 65–66.

² Там же. С. 256.

³ Витковский Е. Жадное сердце // Новый мир. 1989. № 11. С. 179.

рение – всё в зареве революционных пожаров – оказалось, как часто бывает у поэтов, предчувствием близкой гибели:

Ни суеты, ни безразличья,
Ни безобразия, ни зла
Не испугалась Беатриче
И в город северный сошла. <...>
Но слишком много зла и сора,
И глаз в слезах, и душ в тоске,
И проклял Бог холодный город
Гранитноликий на реке <...>
Пожар, как божия немилость,
Уже венчал дома вдали.
А тень за мною волочилась
По окровавленной пыли.

Той же осенью – вероятно, еще во время пребывания Ефименко в Оренбургской губернии – вышла в свет составленная Зинаидой Гиппиус антология «Восемьдесят восемь современных стихотворений». Сборник отразил прежде всего поэтические пристрастия составительницы – при отборе («не слишком строгом», как сказано в предисловии) преимущество было отдано стихотворениям, в которых наиболее сильно звучал лирический голос автора. Это было отмечено Владиславом Ходасевичем в рецензии на сборник: «И в самом деле, по предлагаемой книге узнаем, что раздумье ближе ей (З. Гиппиус. – *В.В.*), чем описание, что чистой лирике отдает она преимущество перед стихами, в которых есть элемент эпический»¹. Неудивительно, что Гиппиус заметила стихи Ефименко, чистого лирика, и включила их в сборник. Ходасевич этот выбор не одобрил: «...по данному сборнику нельзя составить сколько-нибудь верного представления ни о современной поэзии вообще, ни об отдельных поэтах в частности. Как на пример укажу на то, что в книгу вошло шесть стихотворений Ахматовой и по три стихотворения Вяч. Иванова, Брюсова, Бунина. И рядом – тоже по три пьесы таких слабых авторов, как Ястребов, Злобин, Маслов, Ефименко». Несмотря на мнение такого пристрастного критика, соседство

¹ Русские ведомости. 1917. 6 декабря. № 269. С. 2. Цит по.: Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2: Критика и публицистика, 1905–1927. М., 2010. С. 240.

стихотворений Ефименко в престижной антологии с именами Анненского, Блока, Брюсова, Сологуба, Бальмонта, Ахматовой, самой Гиппиус, было для нее несомненным признанием.

В конце 1917 г. Александра Ефименко получила письмо от давней приятельницы, Александры Савич. Та звала Александру Яковлевну к себе в Волчанск переждать смутное время, обещала обеспечить жильем и предлагала место учительницы в своей гимназии. В декабре 1917 г. мать и дочь Ефименко перебираются на хутор Любочка, неподалеку от Писаревки, и поселяются в небольшом доме, которым владела семья Колокольцевых, на левом берегу Северского Донца, напротив села Рубежное. Однако почти сразу же это тихое место и вся Слобожанщина оказываются в вихре начавшейся гражданской войны. Власть стремительно менялась: Украинскую народную республику Советов и Донецко-Криворожскую республику сменил гетманат Скоропадского и немецкая оккупация Харькова, а уже в ноябре 1918-го здесь установилась власть Директории, которой суждено было продержаться до прихода большевиков всего месяц с небольшим. На фоне постоянных столкновений разных сил Харьковщину накрыла волна бандитизма.

Ефименко жили скудно. Об их жизни той поры лучше всего говорят недавно опубликованные письма Александры Яковлевны сыну Тарасу в Киев¹. 25 октября 1918 г. она пишет: «Посылаю тебе прошение в Палату и на всяк случай бланку... Надо бы выхлопотать эти деньги, чтобы не остаться на мели. У меня есть кое-что, но приходится платить за содержание: вдвоем дороже, чем в начале и то будь освещение и отопление, которых пока не имеем почти... Никогда не думала, что может быть так тягостен недостаток освещения – с ужасом думаешь о приближении вечера, хотя, чтоб продлить свет встаешь в 6 час[ов] к рассвету. Мы надеялись было на электричество, кот[орое] заведено в Писаревк[е], но проводка страшно дорога, да и мало материала для энергии...» Письмо от 4 декабря 1918 г.: «Нас пока петлюровцы нисколько не беспокоили, хотя соседям нашим досталось. Вообще не страшно; разве уголовные какие-нибудь, выпущенные из печенежской тюрьмы, разошлись попытать счастья у нас. Больше комического, чем иного, во всем этом петлюровском нацидиоте. Но обидно, что внося кавардак, он все-таки стоит поперек дороги делу успокоения и

¹ *Стариков Г.* На згадку про Олександр та Тетяну Єфименків. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/607-hryhorii-starykov-na-zhadku-pro-oleksandru-ta-tetianu-yefymenkiv>

порядка.» Последнее письмо не датировано: «Мы зябнем изрядно, но вчера истопили и жить можно. Мрак тоже донимает, хотя есть впереди некоторые светлые надежды».

Этим надеждам не суждено было сбыться. На Харьков наступали красные. 19 декабря 1918 г. Волчанск был захвачен отрядами Саблина и Сахарова, которые хотели сделать Восточную Украину центром нового украинского государства под руководством левых эсеров. Повстанцы призывали население сопротивляться большевикам и продотрядам. По уезду прокатилась волна грабежей и расстрелов.

В ночь на 18 декабря 1918 г. Александра и Татьяна Ефименко были убиты в своем доме. Это убийство никогда и никем не было расследовано. Основные версии изложены в некрологах. Принято ссылаться на некролог историка Сергея Платонова: «Принимая на себя ответственность за точность сообщения, некто Б. Элькин сообщал в 1919 году в газетах, что убийство А.Я. Ефименко произошло в Харькове во второй половине декабря 1918 г. или в самом начале января 1919 г. вскоре после занятия Харькова войсками Петлюры: “ее убили солдаты Петлюровского войска – убили за то, что она не хотела выдать солдатам спрятавшихся в ее квартире двух дочерей Харьковского губернского старосты (представителя гетманской власти) Неклюдова... донос привел солдат к квартире Ефименко, где спрятались две дочери Неклюдова; Ефименко отказалась выдать их, заявив, что у нее никто не спрятан; был произведен обыск, девушки были обнаружены, убиты, и их участь тут же, на месте, разделила А.Я. Ефименко”»¹.

Личность этого Элькина и саму первую публикацию в харьковских газетах нам установить не удалось. Сведения Платонова пестрят неточностями. Войска Украинской народной республики в декабре 1918-го Харьков не занимали – в этот период город уже находился под властью УНР. Дочери Петра Неклюдова (члена Государственной думы от Харьковской губернии, во времена УНР – уездного старосты Волчанского уезда), Александра и Елизавета, не были убиты вместе с Ефименко. В своем некрологе археолог Василий Данилевич, хорошо знавший Александру Ефименко, наметил более правдоподобную версию убийства: «Это увлечение Украиной и украинским делом она сохраняла всю жизнь и за него была убита северными каннибалами. Не могу не согласиться с мыслью д. С. Ефремова, что преступники “убивали

¹ Платонов С. Ф. А.Я. Ефименко: [некролог] // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 617–619.

не просто какую-то госпожу ‘буржуйку’, не просто Ефименко, а украинского историка Ефименко. Бессмысленный нож направляла в живое тело рука, понимающая, что делает”»¹. Сам Сергей Ефремов, чьи слова цитирует Данилевич, не сомневался, кто именно убил мать и дочь Ефименко: «Сделали это всё те же адепты новой религии (большевики. – В.В.)».

Историк Игорь Шундалов, комментируя свидетельство Данилевича, прямо ставит под сомнение достоверность информации, приведенной Платоновым: «В общем, вопрос о ее (А.Я. Ефименко. – В.В.) смерти можно считать закрытым. Данилевич был все-таки ее другом и ему, скажем так, больше доверия, чем какому-то корреспонденту Элькину, на которого ссылается С.Ф. Платонов... Всё это требует, конечно, проверки. Симон Петлюра, например, согласно украинским источникам, в период своего революционерства в 1902 году приглашал Александру Яковлевну “для читання циклу лекцій з історії України та української літератури” в Екатеринодар. Странно было бы ему не позаботиться о том, чтобы ее не трогали...”² Не сомневался в том, кто убил Александру и Татьяну Ефименко, и автор краткой заметки-некролога в тифлисском журнале *Ars*: «В Тифлисе получено известие о трагической смерти молодой талантливой поэтессы Татьяны Ефименко, вместе с матерью своей, известной писательницей, зарезанной большевиками в имении Колокольцева (Харьковской г<убернии>) в декабре п<рошлого> г<ода>»³.

В последующие годы преступление традиционно сваливали если не на петлюровцев, то на условных «бандитов». Ныне это чуть ли не общепринятая версия, хотя в областной прессе называли и других предполагаемых виновников – местную банду Капиноса⁴. При этом сведения, пусть искаженные, о том, что у Ефименко прятались чьи-то дочери – не то губернского старосты, не то местного помещика, – до современников доходили. Писательница Александра Судовщикова-Косач (1867–1924), публиковавшаяся под псевдонимом «Грицько Григоренко», писала в

¹ Данилевич В.С. Некролог: О.Я. Ефименкова // Наше минуле. 1918. Кн. 3. С. 105–111. Цитируются слова из некролога А.Я. Ефименко: *Ефремов С. Світоч єднання* // Нова Рада. 1919. № 3. С. 4. Здесь и далее пер. с укр. ред.

² URL: <https://qwercus.livejournal.com/228275.html>

³ Б.п. Т. Ефименко: [Некролог] // *Ars*. 1919. № 1. С. 89–90.

⁴ Перша жінка – почесний доктор історії. Хлібороб, 11 серпня 2011; Верхній Салтів: Геній Місця (А. Бражник, Н. Бражник, С. Бражник). Харків, 2004. С. 178.

своем некрологе: «Только и умерла Алекс<андра> Яковл<евна> как жила – героически, ибо убита была нарочно за то, что приютила у себя каких-то несчастных помещичьих дочерей, бежавших от большевиков и не имевших, конечно, ничего общего с Ал<ександрой> Яковл<евной>, а не пожелала выдать их с головой...»¹ Известно, что тогда на хуторе Любочка было убито семь человек². Всех их захоронили в общей могиле. А весной 1919 г. большевики расстреляют покровительницу Александры Ефименко, Александру Васильевну Савич³.

Годом позже Клара Арсенева напишет стихотворение «Памяти Татьяны Ефименко», которое, при определенной художественной ценности, звучит скорее попыткой сохранить, записать какие-то очень личные воспоминания, связанные с поэтессой:

Пускай погибшею отметят
Для здешней суши и воды,
Прими меня в Твой сад, где светят
Такие желтые плоды.

И новым голосом окликнут...
О, что тяжелые года!..
Лишь слабо в памяти возникнут
Земных скитаний города.

Ялта, 1920⁴

6

Долгое время о поэзии Ефименко можно было судить только по стихам, вошедшим в сборник «Жадное сердце», – считалось, что все ее рукописи погибли. Однако в декабре 1963 г. в ЦГАЛИ (нынешний РГАЛИ) были переданы практически все уцелевшие тетради стихов, а также фотографии, письмо о награждении премией Надсона, другое письмо – от редактора «Семьи и школы» Владимира Львова (пол-

¹ Григоренко Гр. [Косач Ол.]. Памяти О.Я. Ефименко // Нова Рада. 1919. № 19. С. 3.

² Станкевич Ал. Жадное сердце: [Некролог]. Декабрь 1918. Источник публикации не установлен. Вырезка из газеты: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 10.

³ Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 290.

⁴ Арсенева К. Стихи: Кн. вторая (1916–1920). Тифлис, 1920. С. 39.

ностью приведено выше), вырезки из газет. Еще в 1990 г., публикуя в «Новом мире» вторую большую подборку стихотворений Ефименко, Ирина Гитович задавалась вопросами о происхождении архива: «Когда... архив Т.П. Ефименко ее родственница передавала в ЦГАЛИ, никто не догадался выяснить, каким образом он сохранился. Может быть, это часть того, что было оставлено в Петрограде, в квартире Ефименко на Гатчинской улице, или передано кому-то на сохранение. А может быть, как раз то, что Татьяна взяла с собой...»¹

Думается, второе предположение вернее, особенно если знать, что именно передал архив поэтессы в ЦГАЛИ. Это была Анаида Сергеевна Ефименко (Бекназарян), вдова Тараса Ефименко. По свидетельству Элеоноры Соловей, украинской исследовательницы жизни и творчества Татьяны Ефименко, Анаида была очень дружна с Татьяной и заботливо сохранила все ее рукописи, которые, по всей вероятности, были вывезены из Любочки Тарасом после гибели матери и сестры. О самой Анаиде Бекназарян-Ефименко известно немного. В РГАЛИ отложились ее письма к К.Г. Паустовскому (Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 753) и Ф.Г. Раневской (Ф. 2788. Оп. 1. Ед. хр. 250). В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится ее письмо к Анне Ахматовой от 14 октября 1959 г., в котором она сообщает «на всякий случай свои ориентиры»². В Москве проживала по адресу: ул. Чайковского, 27, к. 6, кв. 2.

Элеонора Соловей, навестившая ее по этому адресу 13 декабря 1968 г., описывает встречу так: «Она была армянка, девичья фамилия Бекназарян, год рождения 1892. Кажется, актриса или балерина, сухонькая, очень прямая, очень живая, несмотря на преклонный возраст... Даже телефон ее тогдашний есть на записи нашей беседы: 25–2–12–96... Это был маленький флигель в глубине дворов, очень старомосковский, типа тогдашних староарбатских (уже шла “раз-арбатизация”, но многое еще было...). Я тогда взяла у нее переснять два фото Татьяны... пересняла дома, у родителей, в Черновцах, куда поехала на каникулы, оттуда по почте вернула оригиналы Анаиде Сергеевне и получила подтверждение, что они дошли по назначению...»³

¹ Гитович И. Необходимы уточнения. С. 176.

² Тименчик Р. «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «именного указателя» // Эткиндовские чтения II–III: Сб. статей по материалам чтений памяти Е.Г. Эткинда. СПб., 2006. С. 234.

³ Электронное письмо В. Вотрину, 21 декабря 2021 г.

После передачи большей части архива Т. Ефименко в ЦГАЛИ часть рукописей, по-видимому, оставалась в семье Тараса Ефименко. Этот остаток архива передан в ЦГАЛИ в 1983 г. Марией Ефименко, дочерью Тараса и Анаиды¹.

Почти все известные нам фотографии Татьяны Ефименко, ныне хранящиеся в РГАЛИ, впервые опубликованы Элеонорой Соловей². Вот как описывает исследовательница внешность Татьяны: «У нее простое юное лицо, и на всех фотографиях – очень внимательный, испытующий взгляд: в нем словно какой-то невысказанный вопрос. Округлый детский подбородок, и всегда одинаковое особенное выражение лица: возможно, всё дело в губах, чуть сжатых и одновременно будто бы улыбающихся. Выражение робости, мягкости – но одновременно и определенного упорства»³ – та самая осторожная душа, которую когда-то узнал в стихах Татьяны Ефименко А.К. Лозина-Лозинский.

* * *

В 2014 г., когда эта книга только начала складываться, я задался вопросом местонахождения могилы Татьяны Ефименко. Хутор Любочка ныне входит в границы села Верхняя Писаревка Волчанского района Харьковской области. Общая могила, в которой, по сохранившимся свидетельствам, были захоронены тела Александры и Татьяны Ефименко, должна была находиться где-то здесь. Я предположил, что она не могла не быть известна местным жителям.

Эта гипотеза подтвердилась после обращения в Волчанский историко-краеведческий музей. В разговоре с директором музея Ольгой Алексеевой, состоявшемся 15 мая 2014 г., выяснилось, что захоронение находится на территории села Шоповка. В 1978 г. по инициативе Максима Шульги, директора колхоза «Маяк», останки Александры Ефименко были перезахоронены на территории школы в селе Революци-

¹ Мария Тарасовна Ефименко (1929 – после 2010), в 1957–1990 гг. работала старшим корректором в издательстве «Советский композитор»; личное дело: РГАЛИ. Ф. 2929. Оп. 4. Ед. хр. 520.

² Соловей Э. Забуте ім'я: [про поетесу Тетяну Єфименко] // Літературна Україна. 1982. № 29. С. 8. Расшир. изд.: Соловей Э. «Земля станет снова приветливым маем»: (о поэтессе Татьяне Ефименко) // Радуга. 1992. Октябрь. С. 155–162. Кн. изд.: «Земля стане знову усміхненим травнем...» (Тетяна Єфименко) // Соловей Э. Притча про поетів. Ще чотири маленькі евристичні повісті. Трохи спогадів. Київ, 2014. С. 5–34

³ Соловей Э. Притча про поетів. С. 26.

онное. Останки других людей, в том числе Татьяны Ефименко, так и не были опознаны и перезахоронены.

Конкретное местоположение могилы Ольга Николаевна не знала, но дала мне контакты жителей Писаревки, которые могли указать координаты захоронения. Так, через третьи или четвертые руки, я вышел на Алексея Кириченко, бывшего директора писаревской школы. Разговор с ним состоялся 18 сентября 2014 г.

Мне повезло: Алексей Владимирович знал подробности перезахоронения останков А.Я. Ефименко. Ее опознали по черному платью, шитому золотой нитью, зубному протезу и пулевому отверстию в лобной кости – следу смертельного выстрела. По свидетельству А.В. Кириченко, убито было действительно семеро – Александра Ефименко, Татьяна Ефименко, трое местных, прислуживавших по дому (сторож, конюх и кухарка), и двое малолетних детей, видимо, кого-то из прислуги. Прислугу и детей убивали, похоже, просто как свидетелей. Село Шоповка превратилось сейчас в частный поселок с загородными домами. Место захоронения никак не было отмечено, так что сейчас на могиле вместо памятника установлен чей-то забор.

Там сейчас и лежит Татьяна Ефименко. Провидела ли она такую посмертную судьбу? Несомненно, она что-то чувствовала, иначе не написала бы еще в 1912 г., находясь в Писаревке:

Оплаканный скудно, покоя мой прах не узнает,
Ни крови над ним, ни вина не прольются струи,
И только, склоняясь, печальная осень роняет
На камень могильный кровавые слезы свои.

Встанет над ней когда-нибудь и могильный камень. А пока памятник ей – эта книга.

Валерий Вотрин

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание объединяет все известные составителям художественные произведения Татьяны Ефименко – поэтические и прозаические, – за исключением нескольких самых ранних стихотворений, известных лишь в черновиках, и одного неопубликованного прозаического фрагмента (см. о нем в статье – с. 535).

Поэтическое наследие Ефименко сохранилось не полностью. От ст-ний, написанных до июля 1907 г., осталось лишь несколько уже упомянутых черновиков (РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 1). Совершенно отсутствуют тексты, написанные между 23 мая 1909 и 3 апреля 1911 гг.; едва ли Ефименко в данный период вовсе не писала стихи – косвенно на это указывают несколько ст-ний из «Жадного сердца», тексты которых не обнаружены в сохранившихся тетрадах. Наконец, предположительно утрачены ст-ния 1918 г.

Стихотворения, составившие единственный прижизненный сборник Ефименко «Жадное сердце» (Петроград: тип. А. Лавров и К°, 1916) или появлявшиеся в периодике, печатаются по текстам этих публикаций.

Источником большинства поэтических текстов, оставшихся неопубликованными при жизни Ефименко, служат рукописные тетради из ее личного архивного фонда в РГАЛИ (Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 2, 3, 5, 6, 7, 13, 14).

Орфография и пунктуация в основном приведены к современной норме, за исключением специфически авторских особенностей оформления текста. Необходимо отметить, что в тетрадах пунктуация в большинстве текстов минимальна; составители старались восполнить лишь необходимые по смыслу знаки, не навязывающие ст-ниям тот или иной эмоциональный оттенок. Несколько неопубликованных текстов сохранилось в виде перебеленных авторских списков, очевидно, предназначавшихся для отсылки в периодические издания для возможной публикации; пунктуация в этих списках упорядочена, иногда они содержат и лексические разночтения с текстами в тетрадах. Для ст-ний, существующих в таких списках, именно они являются источником текста.

Во время подготовки этой книги с нами щедро делились советами и информацией Андрей Василевский, Евгений Витковский, Владимир Губайловский, Алексей Кириченко, Михаил Красиков, Надежда Мальцева, Михаил Назаренко, Виталий Сосницкий, Валерий Токмак-Запорожский, Лев Турчинский, Виталий Шевченко, Игорь Шундалов. Приносим им искреннюю благодарность. Отдельная благодарность Волчанскому историко-краеведческому музею и его директору Ольге Алексеевой за помощь в поиске могилы Татьяны Ефименко и предоставленные редкие материалы из собраний музея. Составители сердечно признательны Дмитрию, Елене и Михаилу Алексеевским и

Марии Чернышевой – потомкам Петра Ефименко, брата поэтессы, – а также Александру Соболеву, Элеоноре Соловей, Андрею Устинову и Антону Черному за деятельную помощь в подготовке издания.

ЖАДНОЕ СЕРДЦЕ

Эпиграф – неполная цитата из второканонической Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Оставшиеся познают, что нет ничего лучше страха Господня и нет ничего сладостнее, как внимать заповедям Господним» (23:36).

- С. 7. **«Я хлеб и мед носила Пану в лес...»**. Вестник Европы. 1912. № 3.
- С. 7. **«Мы полюбили друг друга, встречаясь при храме...»**. Вестник Европы. 1912. № 3.
- С. 8. **«Веселый фавн, изваянный убого...»**. Вестник Европы. 1912. № 3.
- С. 9. **«Нынче с утра хлопочу я: милых гостей ожидаем...»**. В тетради число и месяц не указаны; датируется по формальной и тематической близости со следующим в тетради стихотворением «Нынче по дому работу я кончила рано...» (см. с. 297).
- С. 9. **«Как мне кажется пусто в доме, полном людьми...»**. Включено в: Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З.Н. Гиппиус. Пг.: Огни, 1917.
- С. 10. **«Покуда дом к порядку я налажу...»**. Вестник Европы. 1914. № 2. Включено в: Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З.Н. Гиппиус. Пг.: Огни, 1917.
- С. 10. **«Бархатистые, пыльные, сизые кисти...»**. В тетради под загл. «Сбор винограда».
- С. 11. **«Уж ветер осенний трубит в одиноком ущелье...»**. Вестник Европы. 1913. № 3.
- С. 14. **«Приди ко мне, как друг, приветливый, простой...»**. Русская мысль. 1913. № 9.
- С. 15. **«Любовью и гневом к тебе говорила я прежде...»**. Первоначальный вариант по тетради (последняя строфа зачеркнута):

Любовью и гневом к тебе говорила я прежде,
Желая тебя.
Но нет уже места желаньям, любви и надежде,
Как жить не любя?

Немой истощенной не быть на вершине вчерашней
Душе – без огня.
И в будничной тине в тоске моей скучной домашней
Ты встретишь меня.

Не в силах подняться пойду я бесстрастно, безгласно
С брезгливой тоской,
Любовью и гневом ты будешь стучаться напрасно
В мой мертвый покой.

- С. 17. **«Мы можем быть вдвоем, смотреть с балкона в поле...»**. Вестник Европы. 1913. № 2.
- С. 20. **Любви**. В тетради под загл. «Любовь», с эпиграфом: «Cruel, mystérieux et terrible, l'Amour. Gerard d'Houville <фр. Жестокая, таинственная и ужасная, Любовь. Жерар д'Увиль>». Жерар д'Увиль – псевдоним французской поэтессы Марии де Эредиа (1875–1963), дочери поэта Жозе Марии де Эредиа, жены поэта Анри де Ренье.
- С. 22. **«Печаль, я не вернусь в твой дом, к твоим дверям...»**. Русская мысль. 1913. № 9.
- С. 24. **«Вечер пришел в голубых и лиловых покровах...»**. Вестник Европы. 1914. № 2.
- С. 25. **«К могилам радостей на острове забвенья...»**. Русское богатство. 1913. № 5; вариант ст. 1: «Могила радостей на острове забвенья».
- С. 27. **«Пойдешь к плетню за старый сад...»**. Вестник Европы. 1911. № 6. В ст. 1 опечатка (перешедшая из первопубликации): «Пойдем» вм. «Пойдешь»; исправлено по автографу в тетради.
- С. 28. **«Случайности, как бабочки весной...»**. Русское богатство. 1913. № 4.
- С. 29. **«Ты охранял себя постом...»**. Включено в: Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З.Н. Гиппиус. Пг.: Огни, 1917.
- С. 30. **«День кончался ярко; плыли облака...»**. Опечатка – ст. 1: «кончился» вм. «кончался»; исправлено по автографу в тетради.
- С. 31. **«Девушки пляшут на ферме в уборах зеленых и алых...»**. Перепеч.: Нива. 1918. № 39 (вариант ст. 17: «Звуки свирелят задорно и плавно»).
- С. 31. **Сонет («Еще в полях не водят нимфы пляски...»)**. Вестник Европы. 1913. № 12.
- С. 32. **«Живи со мной на тихом берегу...»**. Вестник Европы. 1911. № 6, под загл. «На тихом берегу».

- С. 33. «Свой дом у черных ив открыл мне старый мельник...». Вестник Европы. 1913. № 2. Ст. 3–4 почти дословно заимствованы из более раннего стихотворения (см.: «Пологий склон горы, густой и низкий ельник...», с. 209).

СТИХОТВОРЕНИЯ 1907–1917

1907

Мы сохраняем пометы при стихотворениях, которые должны были составить циклы «Крымские этюды» и «Степные этюды»; реконструировать их не представляется возможным, поскольку в обоих случаях отсутствуют стихотворения под номером I (вероятно, они не сохранились).

- С. 38. **Бен сени севи<йо>рум.** После этого стихотворения в тетради записаны две отдельные строфы на одну и ту же тему:

Грация ленивая движений,
И оттенок кожи золотой,
И лицо без мысли и волнений
Поражает строгой красотой.

В ленивых движениях, всегда замедлённых,
Во взгляде, глядящем глубоко,
Есть много и страсти, и сил затаенных
У стройного сына востока.

- С. 39. «Стоит луна, как яркий щит...». Между ст. 4 и 5 зачеркнуто:

И мир, и мрак, и тишина
Разлиты ночью этой нежной,
А я опять сижу без сна,
Опять томлюсь душой мятежной.
Чего хочу? О чем печаль?
Ведь в настоящем нет страданий,
И мне прошедшего не жаль,
И нет в грядущее желаний.

- С. 40. **Корабль.** В тетради текст перечеркнут.

- С. 42. **Ненависть.** В тетради последние 3 ст. густо зачеркнуты.

- С. 44. **Сонет.** В тетради заглавие взято в скобки.

- С. 49. **«Дай мне руку; на темный балкон...»**. В тетради три строки густо зачеркнуты, одна из них прочтению не поддается.
- С. 51. **Осенняя песня. Эпиграф** – первые слова одноименного стихотворения Поля Верлена (“Chanson d’automne”, 1866).
- С. 54. **«Луна ко мне глядится...»**. Семья и школа. 1914. № 1. С. 79. В тетради под загл. «У окна».
- С. 64. **Оборотень**. Помета после даты: «Я не стою вам в подметки, Бунин!»
- С. 65. **Фейная сказочка I–II**. В тетради стихотворения записаны в обратном порядке среди стихов марта 1908 г.; дата – только год.

1908

- С. 70. **Колыбельная сказочка**. В тетради текст стихотворений I–III перечеркнут.
- С. 92. **Молитва**. В тетради зачеркнута ст. 1 в строфе II.
- С. 93. **«Спи, любимая, спи, утомленная...»**. Конъектура – ст. 7: в тетради на рифме повторено слово «радостный».
- С. 108. **Сумерки**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 8.
«Зацвел медовый клевер...». Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 9.
- С. 114. **«О да, я тебе далека...»**. Вестник Европы. 1911. № 6. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1. В тетради – только строфа II.
- С. 115. **«Мечтая о цели далекой...»**. В тетради одна строка недописана, для нее оставлено место.
- С. 119. **«Мой сад, еще голый вчера...»**. В тетради ст. 1–6 на левой стороне разворота, где ТА обычно записывала поздние или переработанные варианты. Перед страницей со ст. 7–14 следы от двух вырванных страниц. Мы рассматриваем эти два фрагмента как единый текст.
- С. 124. **«Как глядится солнце в глубь залива...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3.
- С. 127. **«Этих глаз мятежность...»**. В тетради, возможно, вырван лист с началом стихотворения.

- С. 139. **«Мелькая жизнь проходит и уходит...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 6.
- С. 139. **«Люблю тебя, как любят луг туманы...»**. Помета под текстом: «Требуется переделки».
- С. 143. **«Душа моя раскрылась, как цветок...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 5.
- С. 146. **Пробуждение русалки**. В тетради после заглавия номер VI.
- С. 147. **Отшельник («За темными горами...»)**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 20–21 (вложен в тетрадь со стихами 1913–1915 гг.); помета: «Для статьи».
- С. 57. **«Пройдут года, пройдут века...»**. В тетради после строфы II зачеркнуто:

И может быть, другой поэт,
 К цветку – ко мне склоняя руки,
 Отвергнет жизнь, отвергнет свет
 От одиночества и скуки.
 На братский зов, на крик родной
 К нему приникнет венчик бледный,
 Мгновенный, слабый и бесследный,
 Как то, что было раньше мной.

- С. 161. **«Те чайки на заре...»**. Первоначальный вариант строф IV–V:

И нынче мы с тобой
 В одном желаньи жгучем,
 Сведенные судьбой,
 Стремимся к вольным тучам.
 И нету сильных крыл.
 И руки вниз повисли.
 Но сумрак не покрыл
 Стремленья нашей мысли.

- С. 162. **«У темных вишен у крыльца!..»**. В тетради лист с началом стиха вырван.
- С. 167. **«В окошко бойницы...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2–2об.

1911

- С. 172. **«Я иду и брежу старой сказкой...»**. В тетради текст перечеркнут; над текстом зачеркнут эпитаф из А. Франса.
- С. 175. **«Мы в роще миртовой, Венере посвященной...»**. Источник эпитафа не установлен.
- С. 182. **«Отвесом каменным утес...»**. Помета над текстом: «Для детского журнала».
- С. 184. **«Как синее пламя...»**. Помета над текстом: «Для детского журнала».
- С. 187. **«Желаний не мерь и не числи...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 25.
- С. 191. **«Любовной страсти лето...»**. Первоначально ст-ние состояло из 8 ст.; в тетради первые 4 ст. густо зачеркнуты, прочтению поддаются только ст. 3–4: «Восторги клятв взаимных / Не знаю я пока».
- С. 201. **«Мы были подругами в детские годы, когда...»**. См. более позднюю вариацию этой темы (с. 242 наст. изд.).

1912

- С. 213. **Эпитафии**. Вестник Европы. 1917. № 1. В тетради не объединены в цикл.

III. **«Как цветок росла я в отчем доме...»**. В тетради после ст. 8:

Безымянной в склепе дремлет урна,
И венки истлели перед ней.
Почему жила я так безбурно,
Почему забыта меж теней?

- С. 220. **«Мы в нашей комнате, мы в нашем царстве. Тут...»**. В тетради на левой стороне разворота, где ТЕ обычно записывала более поздние или переработанные варианты, вписаны два варианта катрена, но по их положению на странице невозможно решить, на замену катрена I или II предназначался один из них:

Мы ходим медленно, меняя темп шагов,
Следим, смеясь себе, за стрелкою минутной.
О странный, светлый мир интимный и уютный
Вне города и дней, вне близких и врагов.

Сюда приходит жизнь, меняя темп шагов,
Внимательно следит за стрелкою минутной,
Бессильна, как во сне, над комнатой уютной,
Над царством вне часов, вне близких и врагов.

- С. 222. **«Небо вечернее цвета поблекшей фиалки...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 10, 29.
- С. 224. **«Моя душа дрожит у перепутья...»**. Новый мир. 1989. № 11.
- С. 226. **«Сижу на пороге, обнявши руками колени...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 28.
- С. 233. **«Я забыта тобой; никогда уже больше не будем...»**. Ст-ние не окончено.
- С. 237. **«Муза моя, я люблю тебя больше, чем ложь...»**. Ст-ние не окончено.
- С. 240. **«Родные мертвецы из гроба говорят...»**. Новый мир. 1989. № 11. *Эпиграф* – из романа «Так говорил Заратустра» (1883–1885).
- С. 242. **«Мы были подругами в детские годы, когда...»**. См. более раннюю вариацию этой темы (с. 201 наст. изд.).
- С. 243. **«Иду тропинкой белой в снегу меж черных елей...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 13–13об.
- С. 244. **«Вот он первенец стад под своей тонконогою маткой...»**. См. более позднюю вариацию этой темы (с. 309 наст. изд.).
- С. 244. **«Таки-сяки»**. Первоначальный вариант строфы III, проясняющий заглавие: «Няня шаркает ногами, / Пахнет супом и жарким, / Ведь в углах уже за нами / Путь открыт таким-сяким».
- С. 246. **«Когда мы вместе...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 7.

1913

- С. 250. **«Из моря вечности бежали...»**. Новый мир. 1989. № 11.
- С. 255. **«Смотря в действительность любовно...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 14–14об.
- С. 258. **Неферт**. Семья и школа. 1914. № 4, под загл. «Царевна Неферт».

- С. 263. **«Где осень проходила скользящею походкой...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 20.
- С. 263. **Любви**. Новый мир. 1989. № 11.
- С. 267. **«Любовь угасала, и тело уже не любило...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 21.
- С. 274. **«Всюду входит серое...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 18.

1914

- С. 285. **Отшельник («Только с поля в лес вошел апрель...»)**. Родник. 1915. № 5. С. 523–524. В тетради без загл.
- С. 291. **Нофритари**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 23, 24.
- С. 292. **«Ах, если б можно было всё переделать наново...»**. Беловой автограф: Отдел письменных источников Гос. ист. музея. Фонд П.П. Ефименко (не обработан).
- С. 297. **«Вы не заплачете читая эти строки...»**. *Эпиграф* – из ст-ния З. Гиппиус «Берегись...» (1913).

1915

- С. 307. **Стилизованный портрет**. *Посвящение* – см. в статье (с. 538).
- С. 309. **«Вот он, первенец стада, под своей тонконогою маткой...»**. См. более раннюю вариацию этой темы (с. 244 наст. изд.).
- С. 309. **«Нельзя минуть, нельзя сберечь...»**. Новый мир. 1989. № 11.
- С. 310. **«Тихий дом наш боги посетили...»**. Вестник Европы. 1916. № 4.
- С. 312. **Замарашка**. В тетради «Урожай» записан первым, но не пронумерован; «Отъезд» записан между частями VI и VII и также пронумерован.

1916

- С. 320. «**Через низкие туманы полевые...**». Конъектура – ст. 13 (в тетради утрачен фрагмент страницы). *Эпиграф* – из ст-ния «У порога» (1915).

1917

- С. 324. «**Шаги прошелестели за дверью невысокой...**». Новый мир. 1989. № 11. *Посвящение* – Алексей Константинович Лозина-Лозинский (см. о нем в статье, с. 535–536).
- С. 329. «**Бесплотного воскресения я не хочу...**». Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993.
- С. 331. **Утро**. Первая часть незавершенного замысла – цикла или поэмы (см. далее ст-ния «Гостиная», «Едем с соседями...» и «Губы дрожащие...», где также используются 5-стопный дактиль и моноримная строфа из трех строк).
- С. 337. «**Ни суеты, ни безразличья...**». Новый мир. 1989. № 11.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

- С. 341. «**Все пройдены нам должны ступени...**». Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.
- С. 341. «**Я в лес войду одна – и хмурый лес молчит...**». Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 11.
- С. 341. «**Долина вдаль уходит из-под ног...**». Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 12.
- С. 342. «**Тихие звезды угасли...**». Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 15.
- С. 343. **Банний дед**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 16.
- С. 343. «**Нас было играющих трое...**». Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 17–17об.
- С. 344. «**Такая пора...**». Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 19–19об.

- С. 345. **«Холодно, холодно стало в болоте...»**. Беловой автограф: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 48 (вложен в тетрадь со стихами 1913–1915 гг.).
- С. 345. **Город**. Главка III: Новая Россия. 1918. № 13. Впервые полностью: Новый мир. 1989. № 11. Копия А.С. Ефименко: РГАЛИ. Ф. 2259. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 30–31об.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

- С. 351. **Нугри**. Семья и школа. 1914. № 1. С. 49–61; № 2. С. 115–123; № 3. С. 167–178; № 4. С. 235–245; № 5. С. 307–316; № 6. С. 379–390.
- С. 395. **Приключения египтянина**. Выходы. 1914. № 4. С. 263–278.
- С. 411. **Хитрый Азиру**. Выходы. 1915. № 1. С. 36–42.
- С. 419. **Золото Египта**. Выходы. 1915. № 3. С. 181–189.
- С. 427. **Амон и Атон**. Выходы. 1915. № 7. С. 509–520.
- С. 439. **Как Тоткара обеспечил себе бессмертие**. Родник. 1916. № 1. С. 48–56.
- С. 447. **Второе путешествие Истар**. Родник. 1916. № 3. С. 201–211.
- С. 456. **Хитрость мудрого Сем-Нофера**. Маяк. 1916. № 2. С. 47–56; № 3. С. 20–28.
- С. 469. **Утерянное наследство**. Выходы. 1916. № 7. С. 417–426.
- С. 480. **Справедливость фараона**. Родник. 1916. № 12. С. 429–439.

РАССКАЗЫ

- С. 493. **Раненых привезли**. Выходы. 1914. № 10. С. 721–727.
- С. 501. **Надя**. Выходы. 1915. № 5. С. 321–339.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖАДНОЕ СЕРДЦЕ (ПЕТРОГРАД, 1916)

I

«Я хлеб и мед носила Пану в лес...»	7
«Мы полюбили друг друга, встречаясь при храме...»	7
«Веселый фавн, изваянный убого...»	8
«Дом убрала я, гирлянды привесила к ларам...»	8
«Нынче с утра хлопочу я: милых гостей ожидаем...»	9
«Как мне кажется пусто в доме, полном людьми...»	9
«Покуда дом к порядку я налажу...»	10
«Бархатистые, пыльные, сизые кисти...»	10
«Уж ветер осенний трубит в одиноком ущелье...»	11
«Вёсны бывали душисты, летá беспокойны и жарки...»	11

II

«Вот мы друзья. Мы любви отдались. Почему ж...»	12
Ушедшему	13
«Сперва словами мы друг друга испытали...»	13
«Вы хотите коснуться сквозь неплотные двери...»	14
«Приди ко мне, как друг, приветливый, простой...»	14
«Любовью и гневом к тебе говорила я прежде...»	15
«К нам пришла Психея. Две лампы...»	16
«Как нежность ваших слов – острей и глубже зла...»	16
«Мы можем быть вдвоем, смотреть с балкона в поле...»	17
«Вас я встречаю в темной передней...»	17
«Немилый день сквозь шторы натекает...»	18

III

«Я не могу роптать на тебя, Боже...»	19
«Здесь вот мак весною был посеян...»	20

Любви.....	20
Пряничный домик.....	21
«Печаль, я не вернусь в твой дом, к твоим дверям...».....	22
«От камней дышит сыростью...».....	23
«Убедительней счастья, безнадежней утраты...».....	24
«Вечер пришел в голубых и лиловых покровах...».....	24
«К могилам радостей на острове забвенья...».....	25
«За поредевшей рощей, что вечер, ярче пламя...».....	25
«К воротам путь короткий...».....	26
«Пойдешь к плетню за старый сад...».....	27
Золушка.....	27
«Случайности как бабочки весной...».....	28
«Дни бирюзовые и дни в игре топазов...».....	28
«Ты охранял себя постом...».....	29
«Цветов, сказала я, в полях я наберу...».....	30
«День кончался ярко; плыли облака...».....	30
«Девушки пляшут на ферме в уборах зеленых и алых...».....	31
Сонет («Еще в полях не водят нимфы пляски...»).....	31
«Живи со мной на тихом берегу...».....	32
«Свой дом у черных ив открыл мне старый мельник...».....	33

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1907–1917)

1907

«Я одна сижу в унылом зале...».....	37
«На землю листья падают дождем...».....	37
«Как будто таинственной силе подвластный...».....	38
Бен сени севи<йо>рум (Осману).....	38
Ай-Петри (Этюд III).....	39
«Стоит луна, как яркий щит...».....	39
«Гуляя по улицам шумным и людным...».....	39
Корабль.....	40
Степной огонек (Степные этюды. Этюд II).....	40
Глицинии (Крымские этюды. Этюд IV).....	41

Ласточкино Гнездо (Этюд V)	41
Ненависть.....	42
«Осеннюю песню...»	42
«За прибрежной грядой...»	43
Степь (Степной этюд III)	43
Крымские впечатления (Этюд VI)	43
Сонет («Ты хороша; глаза твои так сини...»)	44
Весна (Степные этюды. Этюд IV)	44
«Издаля туча находила...»	45
«Бежала я от суеты...»	45
«Я вижу небо с гаснущей зарей...»	46
«Степи моей Украины...» (Степные этюды. V)	46
«Судьба развела их далеко...»	47
Гроза (Степные этюды. Этюд VI)	47
«Под кровом зелени густым...»	48
«Еще не устало мечтать и страдать...»	48
Скрипка	48
«Дай мне руку; на темный балкон...»	49
Гетера	49
К берегу.....	50
«Зеленая весна сама в моем саду...»	50
Осенняя песня	51
«Вхожу в ущелье, где сердито...»	51
«Я знаю мало слов...»	52
Сумерки. Настроение.....	52
Мертвый залив	53
Сказка	53
«Луна ко мне глядится...»	54
Весна. В поезде (Степной этюд. Этюд VII)	55
В тюрьму.....	55
Ранняя весна. В городе	56
Ранняя весна. В деревне	56
«Позолотой сквозит...»	57
Фрина. Иллюстрация	57
У заводи	57
«Сад в позолоте осенней...»	58
Сад	59
«Близок лес; за полем золотистым...» (Степной этюд VIII).....	59

Лесовик	60
«Помню я: полна благоуханьем...» (Крымский этюд VII).....	61
В Иванову ночь	61
Тополь	62
Покос	62
Вишневый сад	63
«Болит душа тоской смертельной...»	63
«Мне много мук тяжелый год принес...»	64
Оборотень	64
Фейная сказочка	65

1908

«Ты поедешь в чисто поле...».....	67
В темном тереме.....	67
Богатырь.....	68
Желанье	69
Недоля	69
Колыбельная сказочка	
I. Заря	70
II. Месяц.....	70
III. Снегурка	71
IV. «Я с тобою посижу...»	72
V. Веснянка.....	73
VI. Озеро	74
Гадалка	75
Вилла	75
На Ай-Петри. Ночью (Крымский этюд VII)	76
Каменя	77
«Положите меня на высокую...»	77
«Добрый молодец, куда ты держишь путь...»	78
Осень	78
«Ты посмотри, какая мощь и сила...».....	79
Портрет	79
«Печальные звезды глядели...»	80
«Нынче в бор подруженьки по грибы пошли...».....	81
Клятва.....	81

Сологубу	82
«Я у ночи спросила...»	82
Мои слова.....	83
«Я слушала грустные степи...»	83
«Я слышу утренний призыв...»	84
Полдень.....	84
«Слова как круг замкнутый...».....	85
«Там, где дубы нависли...»	85
«В длинном прозрачном бокале...».....	85
«Я б хотела быть царицей...»	86
«Первый проблеск утра...»	86
Молитва Солнцу	87
«Я помню прошлое светло...»	88
«Ты зачем меня родила...»	88
«В осенний вихрь закружены...»	89
«Голубая просека в лесу...».....	89
«Вечер накинуд серый покров...»	90
А. Блоку.....	90
«Я не замечаю...».....	91
«Вечерние всплески...»	91
Молитва.....	92
Часовня.....	92
«Спи, любимая, спи, утомленная...»	93
«В осенние ночи за темным окном...»	93
«Мы, как раньше, сидели вдвоем...»	94
«Впереди дорога темна...».....	94
«Дни всё короче, короче...»	95
«В сумерки небо зеленое весной...»	95
«За влажным стеклом перед нами...»	96
«На западе алеют краски сонные...»	96
«Срываются капельки вниз...»	97
«Белесая Нева...»	97
«Вверху угасли огоньки...»	98
«Святая Заступница...»	99
«Смотрит в лица месяц белый...»	99
«Нам откроет счастье только сон...»	99
«Тонкий профиль склоненный...».....	100
«Закатные краски нежны...».....	100

«Вновь цветы зацветут по садам...»	101
«Большие подушки дивана...»	101
«Гулко море ударяется...»	101
«Я тебе цветы принесла...»	102
«Пусть свистит за окном...»	102
«В тебя я верю так глубоко...»	103
«О нет, весна! Проклятой власти...»	103
«О, мой друг, я устала, устала...»	104
«Ее весна пьянила...»	104
Отражение.....	104
«По заре вставала утром рано...»	105
«Внизу обрыва черный крест...»	106
«Отошла гроза; но плачут...»	106
«Над полями туман поднялся...»	106
«В пространствах безвоздушных...»	107
«Ты был орлом в минувшей жизни...»	107
«Где шире обрыв и отвесней...»	108
Сумерки.....	108
«Если ты оскорблен и обижен людьми...»	109
«Я чувствую удар неотвратимый...»	109
«Зацвел медовый клевер...»	109
«Опять, опять всё тот же сон...»	110
«Я плачу долго, плачу горько...»	110
«Тихо в доме стало...»	111
«Слезы не могут помочь...»	111
«Нам за шумом дневным не слышать...»	112
«По ночам туманы серебрятся...»	112
«О чем ты плачешь, осень? – О былом...»	112
«Приходит осень с мыслью о тебе...»	113
«Еще по склонам, по оврагам...»	113
«Сердце мое я тебе отдала...»	114
«Была борьба упорно жестока...»	114
«О да, я тебе далека...»	114
«Боже, Боже, ты не прав...»	115
«Мечтая о цели далекой...»	115
«Две царевны: Ночь и Сон...»	116
«Осенний месяц встал над перелеском...»	117
«Небо тихо и тепло весной...»	117

Иней.....	117
Снежная любовь.....	118
«Пролитых слез уж некому собрать...»	118
«На стéнах нашей спальни...»	119
«Мой сад, еще голый вчера...»	119
«Идет весна и сыпет поцелуи...»	120
«Я слышала голос вдали...».....	120
«Волны тихо шепчут и смеются...»	120
«Люблю тебя и ненавижу страстно...».....	121
«К людям простым, незлобивым...»	121
«Когда ты разлюбишь, уйду одиноко...».....	122
«В грязно-желтом саване тумана...».....	122
«Как в море вечное движенье...»	123
Желание.....	123
«Как глядится солнце в глубь залива...»	124
«Потому я тиха и бледна...»	124
«У женщины есть две души; одна...»	125
«Всё воздушней, нежнее и чище...»	125
«Я с собой несу звезду...»	126
Нарцисс	126
«Этих глаз мятежность...»	127
Антиной	127
«Как жемчужина, над садом...»	127
Аполлону	128
«Счастье – это если время станет...»	128
К К. Сонет.....	128
«Арфа замолкла, и ржавеют струны в пыли...».....	129
«Две капли, рожденные тучей одной...»	129
«Та ночь прошла, прошла и умерла...»	130
«Любовь – цветок...».....	130
«Она была – мечта моя – нежна...».....	131
«Осуждаю сама себя строго...»	131
«Два цветка: один кроваво-красный...»	132
«В твоих глазах я звезды отыскала...».....	133
«Твоя душа спокойна, как озеро в горах...»	133
«Звенела ночь, звенела и звала...»	133
«Свалились тучи в даль степную...»	134
«Она завивала купальский венок...».....	134

«Кто-то песню пел...»	135
«У святого престола...»	135
«Мой грустный взгляд...»	136
«Нарцисс небесный, взросший в синем поле...»	136
«За синей далью закат погас...»	137
«Твой рот, как лезвие ножа...»	137

1909

«Вокруг меня волнуются хлеба...»	138
«Я люблю тебя всей силой воли...»	138
«Мелькая, жизнь проходит и уходит...»	139
«Люблю тебя, как любят луг туманы...»	139
«Вечерний сумрак землю обнимает...»	140
«Свободу люблю я, как любят стихию родную...»	140
Желтая роза	
I. «Лепестки опали вокруг бокала...»	141
II. «Как крылья белой птицы...»	141
III. «Хлопья снега, лепестки нарциссов...»	141
«Я буду жить! Сегодня жизнь прекрасна...»	142
«Мы идем различными путями...»	142
«Душа моя раскрылась, как цветок...»	143
«На всем весенняя улыбка...»	143
«Твои я ноги омывала...»	144
Из старого черновика	144
«Разгадай, о чем мечтают скалы...»	144
«Мы разошлись, как тучи в небе синем...»	145
«Темнело уснувшее поле...»	145
К. («Твои глаза прозрачны, как кристалл...»)	146
Пробуждение русалки	146
«Очарованье взгляда твоего...»	147
Отшельник	147
«Моя душа сродни седому морю...»	149
«Когда тоска наплывом дум...»	149
Сонет	150
Детское	150
Домовой	151

«Любовь и ненависть в душе моей больной...»	151
«Во миру-то всё на грехе стоит...»	152
Ноктюрн	152
«Я сидела над книгой, склоняясь...»	153
Колыбельная	153
Лень	154
«Разлилась заря волной широкой...»	155
«Говорят, что любовь коротка...»	155
«Моя любовь не праздник тихих далей...»	155
«Осенний вихрь березкою согнутой...»	156
«Не могу не любить я цветы...»	156
«Здесь между нами земное...»	157
«Пройдут года, пройдут века...»	157
«Одно лицо, одна мечта...»	158
Осенний сонет	158
«Пушай он разлюбит, покинет...»	159
«Как бег теней я на лугу...»	159
«В руке твоей склоненной...»	160
«Мне надо так немного...»	160
«Те чайки на заре...»	161
«У темных вишен у крыльца...»	162
«Знакомые лица, знакомые споры – и скучно...»	162
Лесные боги	163
«Костер в лесу, еще прозрачном...»	164
«Мне хорошо, мне сладостно дышать...»	165
«Когда луна за садом расцветет...»	165
«Когда смирится разум пред безвестным...»	166
Другому	167
«В окошко бойницы...»	167
«Уходит шумный берег; мы одни...»	168

1911

«Огней потушенных зажечь нельзя...»	169
«Не быть тому, что некогда бывало...»	169
«В моем саду цветы без аромата...»	169
«Прохлада, сумрак, шелест ног...»	170

«Уж выплела на ризах синева...»	170
* * *	
<I>. «Наш замок высоко в седые скалы врос...»	171
II. «Ты пастух из долины, слуга...»	171
III. «Моя печаль, как сон, незрима и тиха...»	171
«Я иду и брежу старой сказкой...»	172
«В эту ночь в лампадке свет потух...»	172
«Нет, никогда этот путь наш не будет единым...»	172
«Ты шел, не смотря, к бездорожью...»	173
Адаму	173
«Пространства и года не могут разлучить...»	174
«Травой ступени заросли...»	174
«Мы в роще миртовой, Венере посвященной...»	175
«Тихий ангел, я жду тебя...»	175
«Я дремлю в широком кресле...»	175
«Минутные встречи...»	176
«Я на кресте мучительных страстей...»	177
«Ты прекрасен, как святой Георгий...»	177
«Душа твоя – ларец кедровый...»	178
«Мой замок хрустальный готов...»	178
«Я жду тебя у моря светлой ночью...»	178
«Страданий ищу я; они очищают...»	179
«Крыло разлуки черное над нами...»	179
«Назови меня своей...»	179
«Я шла мимо яблонь цветущих из дома...»	180
«Пути разными мы шли...»	180
«Вздыхает море тихое, большое...»	180
«Я войду в твой дом печальный...»	181
«Любящий примет в дом свою любимую...»	181
«Ты уходил, и за тобой...»	181
«Отвесом каменным утес...»	182
Осень	182
«Во мне всё было пусто и мертво...»	182
«К могиле бога я крадусь ночью...»	183
«Черным терном путь зарос...»	183
«Зеленый мрак в моем саду...»	183
«Сомкнулись черные ворота...»	184
«Как синее пламя...»	184

«Глядит луна, сквозь серые вуали...»	185
«К чему печаль напрасных слез...».....	185
«Я шла к Голгофе и роптала...».....	186
«Великое ничто нас ждет в конце пути...».....	186
Моим «флиртам».....	187
«Желаний не мерь и не числи...»	187
«Люблю, но не выйду из плена...».....	187
«Откуда ты, призрак? Струятся...»	188
«Один был радостный и страстный...»	188
«По утрам я коз дою и пряжу...».....	188
«Твоя душа мне кажется прекрасной...»	189
«Продолговатость карих глаз...»	189
«В сумерки горной иду я тропой...».....	190
«Рыцарь слепой повстречался мне в горном лесу...».....	190
«Меж створок раковины тесной...»	190
«Любовной страсти лето...»	191
«Я жду в лесу березовом...»	191
«Откройся мне в закатный час наитий...».....	191
«Как же могу я дойти...».....	192
«Остро запахли горькие травы...»	192
«Кто любит жизнь – тот любит всех...»	193
«Я ушла в одинокую келью...».....	193
«Тени сквозные от ели на шторе...»	193
«Глубокий звук виолончели...»	194
«Ты не ропщи, что мне смешны...»	194
«Как бы цветов пурпурных ворох...»	194
«Цепи злобы и любви...»	195
«Мы вместе изгнаны из рая...»	195
«Мы вместе с тобой не бежали...».....	195
«В нашей песне не будет конца...»	196
«Дом наш стоял над скалистым и синим отвесом...»	196
«Покуда жизнь растит еще цветы...».....	197
«Есть еще в природе сила...».....	197
Вальс («Любовные сказки...»)	197
Вальс («Осенние листья...»).....	198
«Каменные горы, синие долины...»	199
«Волчцы и терн проклятая за нас...»	199
«Дай посмотреть на тебя, незнакомец красивый...»	200

«Чтоб опять изнемочь...».....	200
«Мы были подругами в детские годы, когда...»	201
«Чем же могу я помочь...».....	201
«Поражена душа моя бессильем...».....	201
«Я не хочу, чтоб мне прощали...»	202
«Наши страсти сильны...»	202
«Ты, быть может, меня упрекнешь...»	203
«С какой бы радостью бежала...»	203
«Чей путь намечен по вершинам...».....	203
«О, что мне твои обещанья...»	204
«Я стою перед тем, что случиться должно...»	204
«Ты холодный белый мрамор, я живая и люблю...»	204

1912

«Таков был Ганимед, похищенный орлом...»	206
«Только будни между нами...»	206
«Мы играли цветами, кидали, ловили...»	206
«Не о вселенной скорбь моя и слезы...».....	207
«Душа моя – бабочка в зимнем саду...»	207
«Мне факелом служит любовь...».....	208
«Раб твой принес мне ларец с веткой лавровой...»	208
«Возьми в подарок зеркало мое...».....	208
«Сквозь сон и грусть друг друга мы зовем...».....	209
«Пологий склон горы, густой и низкий ельник...»	209
Розы	210
«В море несут колесницу солнцевы кони...»	210
«Тоном высоким звучащую флейту ты сделай...».....	211
«Ты уснула, сидя на пороге...».....	211
«Свинцовое небо, мой сад почерневший, ограда...»	211
«Последние плоды садов своих сberi...»	212
«В вечернем небе золотом...»	212
«Зима ль задержала тебя от отчизны далеко...»	213
«Если короткое лето поблекло...»	213
Эпитафии	213
«Остановись, прохожий, на мгновенье...»	214
«Хмелем жертвенник убрав...»	215

«Снова весна, и весною печаль ядовитей...»	215
«Твоя любовь плелась из пестрых нитей...»	216
«Утро чуть брезжит; ты спишь; ты устал и умолк...»	216
«Пахарь, свой плуг торопливой рукой подыми...»	217
«Случилось ли что в этот миг...»	217
«Пламенным светом вокруг все углы залиты...»	217
«Слов не надо, но взглядам дадим обменяться; лежи...»	218
«Ты хочешь быть другом моим...»	218
«Не вспоминай с печалью наших дней...»	218
«Успокоились волны заката...»	219
«Мы в нашей комнате, мы в нашем царстве. Тут...»	220
«Ты шел от моря, я с горы...»	220
«Ты в кресле у окна; вечерний мрак облек...»	221
«Ты лжешь уже давно; лгут жесты и слова...»	221
«Небо вечернее цвета поблекшей фиалки...»	222
«Милую голову к сердцу прижала я...»	222
«Я сюда вертаюсь слишком часто...»	223
«Тени вечерние шатки, / Скучно быть одному...»	223
«Тени вечерние шатки, / Грустно сидеть одной...»	223
«Моя душа дрожит у перепутья...»	224
«Ни слез, ни слов – не жди моих даров...»	224
«Ты была тогда королевой...»	225
«Прохожу мимо белой усадьбы...»	225
«Бандо волос как будто черным шлемом...»	226
«Сию на пороге, обнявши руками колени...»	226
«Когда посеребрят лицо мое лучи...»	226
«Садись, перед тобой Вольтер с своей улыбкой...»	227
«За то, что в бытии размеренном и сером...»	227
«В тишине уснувшего квартала...»	228
«Ярко осень догорает...»	228
«Под ногой валуны в серебре, как рубли...»	229
«Как мудрец, я смотрю на минуты, идущие мимо...»	229
«Я пришла сюда просить богов у места...»	230
«Ты мне нравишься, правда; но я не скажу, не отвечу...»	230
«Как был прозрачен вечер! И сколько грусти в тоне...»	231
«В одинокие окна стучатся ночные дожди...»	231
«Это только слова – о свободе в любви; но железной...»	232
«Если ты утомился, приди, я приму...»	232

«Я забыта тобой; никогда уже больше не будем...»	233
«Твоя рука меня вела, твоя рука...»	233
«Встречает дом своим осенним зовом...»	234
«Тебя, незнакомец, я помню еще, и надолго...»	234
«Кто изваял этот лик над гранитной цистерной...»	235
«Творчество – счастье и счастье – нирвана, покой...»	235
«Я радуюсь солнцу, и свету...»	236
«Нет дерев и травы...»	236
«Муза моя, я люблю тебя больше, чем ложь...»	237
«К источникам светлым дорога разбита...»	237
«Воздушные свежие волны ты, осень, с собой принесла...»	238
«Пустота моей жизни – как вечный насытый Молох...»	238
«Ты весна, дыханье прежних весен...»	239
«В траве дождя веселое монисто...»	239
«Родные мертвецы из гроба говорят...»	240
«Когда рассвет мы встретили впервые...»	240
«Потусторонний мир чужой души...»	242
«Мы были подругами в детские годы, когда...»	242
«Иду тропинкой белой, в снегу, меж черных елей...»	243
«В золотистом паркете...»	243
«Вот он, первенец стада, под своей тонконогою маткой...»	244
«Таки-сяки»	244
«Я всё люблю, что может быть предлогом...»	245
«Вечер в ризах пилигрима...»	246
«Когда мы вместе...»	246
«На яблонях лишь зимние сорта...»	247
«Меня к покою не зови...»	247
«Для ваших рук всё то, что нежно и тепло...»	248

1913

«Как море, изменчивы чувства...»	250
«Из моря вечности бежали...»	250
«На вереск розовый мы ляжем...»	251
«Когда тяжелый мрак растает в сетке линий...»	251
«И то, что было мило...»	252
«Надо забыть...»	252

«Сердце готово поддаться бессилью...»	253
«Облака перед нами, как розовый праздник на сцене...»	253
«Уж томный зной приходит к нам так рано...»	254
«Когда она пришла и обещала...»	255
«Смотря в действительность любовно...»	255
«Даже извне не нарушив порядка...»	256
«Бесплодным, как серая глина...»	257
«Наслаждайся всем, что дано...»	257
Неферт.....	258
«Моя душа – кто Вы такая...»	258
«Плакало сердце, но ты не заметил, что плачет...»	259
«От меня ты уедешь, от меня ты уедешь...»	259
Книгам.....	259
«Звенит по полю высохшим бурьяном...».....	260
Любви («Ты медлишь посетить готовый к встрече дом...»)	260
«Гор отдаленных сиренево-синий барьер...»	261
«Гвоздика, словно рот, принявший поцелуй...»	261
«Необходимость нас ведет своим путем...»	262
«Замолк оркестр ветров. Мы разом ощутили...».....	262
«Где осень проходила скользящею походкой...»	263
«Те живут под единственным солнцем на своем горизонте...»	263
Любви («Уж лето рожь свезло, возы его скрипят...»)	263
«И Вы свернете, и Вы, под властью томленья злого...»	264
«Вновь к душе беззащитной прилив...»	265
«Радость мая из обманов...»	265
«Всё забыто, всё потоком...»	266
«Свет проходящий гардины рассеян и редок...»	266
«Любовь угасала, и тело уже не любило...»	267
«Помнишь, как первая ночь опускалась на землю...»	268
«Нимфы, мое охраняйте вы стадо, в награду...»	268
«Год, неделя или даже час...»	269
«Прииди, Озирис, в свой дом...».....	269
«Больше, чем северный ветер зеленого моря...».....	270
«Там, где из синего лона залива...»	270
«Так сбылись, сбылись слова святого гнева...».....	271
«Я двери тихонько открою...»	272
«Я хочу объятий Ваших – хочу...»	272
«Женщина я, а трусливей ребенка. Бывало...»	272

«Мы любимся одним пейзажем...»	273
«Засыпаю; бьет двенадцать...»	273
«Всюду входит серое...»	274
«Ты газету читал мне, а я скучала...»	274
«Распускаются листья, под цветами отцветшими завязь...»	275
«Как покой однообразный сладок...»	275
«Пусть дни идут, как кошки, не стуча...»	276
«Походка ласковая кошек...»	276
«Нам подавали гуся, но гусь был пересолен...»	277
«В сентябре и день разлуки недалек...»	278
Угроза гранатового дерева.....	278
«Один человек не любит меня давно...»	279
«Небо как молоко, разлитое по стали...»	279
«Кого-то хорошо отпевают в церкви...»	280
«Гроты и ручейки устроены неискусно...»	280
«За ночь в градуснике опустилась ртуть...»	281
«Каждый день я ем дикую...»	281

1914

Вечно-мужескому.....	283
«Пусть между нами душевный холод...»	283
«Ты мне дал узнать любовь, не давши...»	284
«Вот и кровля исчезла. Сбились ели...»	284
Отшельник	285
«Так враги не встречаются гневно...»	287
Водяной.....	287
«Бор, / странно говорить о тебе обыкновенными словами...»	288
«Вам от меня ничего не надо...»	289
Танго.....	289
«В темном бору вековал под осиною леший...»	290
Нофритари	291
Б. Грифцову (Дусику)	291
«Ах, если б можно было всё переделать наново...»	292
«Когда весной сирень цветет в саду...»	293
«Я глаза закрываю устало...»	293
«Я по утрам читала Данте...»	294

«Тот же день без вас лимонный...»	294
«Я рос с царем и вырос для царя...»	295
«Имя мое забудут и отчество...»	296
«Как одиночество темно...»	296
«Нынче по дому работу я кончила рано	297
«Вы не заплачете, читая эти строки...»	297
«Как те, которые клялись любить до гроба...»	298
«А сегодня опять Вы ушли на охоту...»	298
«У Вас нет дачи...»	299
«Я к Вам зайду, себя не выдав...»	300
Царскому Селу	300
«Я вчера сказала радости: “я верую”...»	301
«Мы вчера простились, вы ушли, не плача...»	301
«Привычно ласковая речь...»	302
«Две недели голова болела...»	302
«Смеялась Ева змею...»	303

1915

«Острый край у данной Вами чаши...»	304
«Время всё уносит, время всё уносит...»	304
Ночные	305
«Как в детстве на цветке замеченная...»	305
«Как светятся ясно в Апреле...»	306
Отказ	306
«Ветер веял сквозь плетень...»	307
Стилизованный портрет	307
«И вот вонзились в стекла...»	308
«Вот он, первенец стад, под своей тонконогою маткой...»	309
«Уходят, не прощаясь, и сердце от утраты...»	309
«Нельзя минут, нельзя сберечь...»	309
«Тихий дом наш боги посетили...»	310
«Мы могли бы уехать в провинциальный...»	310
«Как в сердце знающем моем...»	311
Замарашка. Поэма	312

1916

«Когда станет тот, кого не было...»	317
«Как ворон траурный на ели...»	318
«Каждый день проходил он мимо...»	318
«И снова сад... И снова гуща...»	319
Имя	319
«Через низкие туманы полевые...»	320
«И нечто от него в своеобразных шумах...»	320
Эпилог	321
Прогулка.....	322
«Чтоб в лицо дышало поле...»	322

1917

Примиренность	324
«Шаги прошелестели за дверью невысокой...»	324
Остров	325
«Марево будней бессильно...»	326
Пролог	326
Аманит влюбленная	327
«Под тенью неподвижных складок...»	328
«Вот белокрылый корабль бросил у берега якорь...»	328
«Бесплотного воскресения я не хочу...»	329
Заблудшая душа	330
Аманит	331
Утро. Первая глава	331
Гостиная. Глава II	332
Ненастье	333
Благодать	333
«“Едем с соседями завтра к пескам на пикник?” ...»	334
«Губы дрожащие шепчут бессвязно слова...»	335
«Пусть он тебя целует, душа его пуста...»	336
«Ни суеты, ни безразличья...»	337

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

«Все пройдены нам должны ступени...»	341
«Я в лес войду одна – и хмурый лес молчит...»	341
«Долина вдаль уходит из-под ног...»	341
«Тихие звезды угасли...»	342
Баннй дед.....	343
«Нас было играющих трое...»	343
«Такая пора...»	344
«Холодно, холодно стало в болоте...»	345
Город	345

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

НУГРИ

ПОВЕСТЬ ИЗ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ЖИЗНИ

I. Нугри и Сатати.....	351
II. Встреча на базаре	355
III. В гостях у Сатати	357
IV. Похищение Сатати разбойниками	359
V. Нугри у великого жреца Аммона	362
VI. Первое путешествие Нугри	365
VII. Обратный путь по Нилу	373
VIII. Погребение Унаса.....	376
IX. В походе с фараоном.....	380
X. Война. Возвращение на родину и судьба Нугри	387
Приключения египтянина	395
Хитрый Азиру	411
Золото Египта	419
Амон и Атон	427
Как Тоткара обеспечил себе бессмертие.....	439

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИСТАР.....	447
Хитрость мудрого Сем-Нофера	456
УТЕРЯННОЕ НАСЛЕДСТВО	469
СПРАВЕДЛИВОСТЬ ФАРАОНА.....	480

РАССКАЗЫ

Раненых привезли	493
Надя	501

<i>Валерий Вотрин. Осторожная душа</i>	523
--	-----

Примечания	548
------------------	-----

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
Е91

Ефименко Т. П.

Е91 Жадное сердце: Стихотворения и проза / Сост. и примеч. В. Вотрина и В. Резвого. Биограф. очерк В. Вотрина. – М.: Водолей, 2023. – 580 с. (Серебряный век. Паралипоменон).

ISBN 978–5–91763–592–7

В настоящем издании впервые под одной обложкой собраны все известные художественные произведения Татьяны Петровны Ефименко (1890 или 1897 – 1918) – поэтическое и прозаическое наследие замечательной поэтессы, автора единственного сборника «Жадное сердце» (1916), чья жизнь трагически оборвалась в декабре 1918 г. Поэзия Ефименко вызвала живой интерес у А. Лозина-Лозинского, С. Городецкого, В. Ходасевича, З. Гиппиус и др. Стихи Ефименко сравнивали с творчеством А. Ахматовой их общей «простотой, ясностью строения фразы, душевной строгостью и сердечной непосредственностью» (А.А. Смирнов). Большинство стихов публикуется впервые по материалам фондов РГАЛИ. Прозаические тексты собраны по публикациям в периодике 1910-х гг.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

Ефименко Татьяна Петровна

Жадное сердце

Стихотворения и проза

Технический редактор *А. Ильина*

Подписано в печать 10.02.23. Формат 60х90/16. Бумага офсетная

Печать цифровая. Печ. л. 36,25

Издательство «Водолей»

127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23

Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>

E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

Тел.: 8 (499) 322-38-30

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παρλιπομένων